

10317.

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.
II.

RECEIVED

MUSEUM HISTORIQUE

11

10317

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ
МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМ-
ПЬЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕН-
ВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРАКСТО-
ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА,
КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮПЕРРЕ,
ПАУЛЬДИНГА, ВИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ,
И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ - ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

СЪ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

картъ, плановъ, поршрешовъ, и изображеній замѣчатель-
нѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ
свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-
Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

Часть вторая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи предспавлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Сен-
тября 27-го дня 1835 года.

Цензоръ Д. Перевощиковъ.

65926

**ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Западный Индійскій полуостровъ : Французскія
владѣнія , Англо-Индійскія государства ; восточный
полуостровъ : Бирманія , Суматра.

ГЛАВА XIV.

ИНДІЙСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ. — ПОНДИШЕРИ.

Отъ Тринкомала до сѣверной оконечности Цейлана берегъ низкій, плоскій и опасный для плаванія. Для большихъ кораблей, приближеніе къ нему на чепыре, или пяшь льё можетъ быть пагубно, по причинѣ множесства песчаныхъ мѣлей и подводныхъ утесовъ, кошорые можно узнать только лопомъ. Но, спасибо опытности нашего Малайскаго корабельщика, мы смѣло могли приближаться къ землѣ, и я радовался этому, пошому, что могъ разсмотрѣть всѣ береговья приморья сей часши Цейлана. Къ ночи, Цейланъ скрылся у насъ изъ вида, и ушромъ на другой день мы увидѣли *Коромандельскій берегъ*. При благопріятномъ вѣтрѣ, мы проплыли около прибрежья, отъ Танджаора и Карнашика до крѣпости *Св. Давида*, мимо мыса *Кальемара*, Европейскихъ заведеній въ *Негапатнамѣ*, *Карикалѣ*, *Транквебарѣ*, *Порто-Ново* и *Гуделурѣ*. Тутъ открылась передъ нами гавань Пондишерійская. Все эшо просяженіе берега, пошопленное, шакъ сказать, въ волнахъ, едва видно въ нѣсколькихъ льё съ открышаго моря; шолько и замѣчаеше его по флагамъ различныхъ Европейскихъ

заселеній , вѣющимся издали. Наклонность Коромандельскаго берега, до самаго хребта *Гаттскихъ* горъ, гдѣ начинается горная область, такъ плоска, что вода въ рѣкахъ , протекающихъ по ней , едва движется, и отъ того, безсильныя прошивишья въ успяхъ давленію Океана, онѣ почти всѣ завалены грядами песку, сквозь кошорыя едва проби- вающся въ обыкновенное время , быспро спремьясь черезъ нихъ во время половодья. Отъ залива *Манарскаго* до *Балассора* , во всемъ эшомъ просяженіи, образуящемъ западную сшорону Бенгальскаго залива, берегъ одинаковъ. Легко распознать здѣсь повсюду глыбу наносной земли , кошорая безпрерывно вдвигается въ область моря , и вмѣсто надежныхъ, глубокихъ поршовъ образуетъ беззащитныя заливы, способныя для пристанища только во время благопріятнаго муссона. Отъ того проис- ходитъ и длинная гряда прибрежныхъ песковъ, въ которую разбивающся безпрестанно воды заливовъ, такъ, что берега дѣлающся неприспупными , даже для небольшой Европейской шлюпки. Движеніе морской глубины производитъ въ валахъ , спремьящихся къ берегу, такое волненіе , бурунь, споль сильный и крушой, что въ Пондишери, какъ и въ Мадрасѣ , только шупземныя *шелинги* могутъ при- спавапъ къ пристанямъ. Эши шелинги сущъ плоскія барки , безъ всякихъ снастей; самый коробъ ихъ сшитъ веревками, и не скрѣпляется гвоздями. Будучи гибче шлюпокъ съ высокими ребрами, плоская, такъ, что беретъ воды всего на шесть дюймовъ , вышиною только въ чешыре фуша , для удобнѣй-

наго ослабленія волны, шелинга управляется девятью Неграми въ хорошую, и одиннадцатью въ бурную погоду. Каждый изъ гребцовъ работаешь пошесью, кромѣ кормчаго, или *танделя*, стоящаго на задней части шелинги, съ длиннымъ *гаффомъ* (шесць съ крюкомъ). При входѣ въ Пондишерійскую гавань, обыкновенно, выдерживають при прибой волнъ, и умѣнье танделя состоишь въ томъ, чтобы переняшь ихъ вдоль барки. Когда шелинга перехватила первый валъ, гребцы останавливаясь и рассчитывая надлежащее мгновеніе пройдши черезъ второй, и такъ далѣе, пока послѣднимъ принесешь ихъ къ берегу. Не смотря на ловкость перевозчиковъ, иногда шелингу опрокидываешь, и тогда надобно спастись вплавь. Какъ средство для пособія въ такомъ случаѣ, почти при каждой баркѣ держишь на бичевѣ *катимаронъ*, родъ, охранительнаго плота, сдѣланнаго изъ шрехъ, или чешырехъ брусевъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Двое Негровъ держащяся на нихъ, сидя на колѣняхъ по Восточному обычаю; они движущъ *кашмаронъ* по волнамъ своими *пагайями*, или легкими веслами въ видѣ лопатъ, работающа ими на обѣ стороны и не утверждая ихъ ни на какой подставкѣ. Третій родъ перевозки, употребительный на здѣшнихъ берегахъ, суть лодки изъ древесной коры, которыми туземцы управляютъ съ удивительною ловкостью.

Началомъ моего путешествія по Индіи былъ переѣздъ черезъ Пондишерійскую гавань, и невозможно было начать счастливѣе; кромѣ одной не-

вѣжливой волны, хлеснувшей на насъ сзади шелинги, съ нами не было никакой бѣды, и мы не подверглись ни малѣйшей опасности. Спокойно остановились мы на пристани, подлѣ чешыре-угольного павильона, гдѣ развѣвался Французскій флагъ. Тутъ присущивовали комиссары шаможенные, и вокругъ нихъ пѣснилась толпа людей, споль служивыхъ, споль внимательныхъ къ путешественникамъ, что чуть не началась между ними драка за мои чемоданы и вещи. Можно было подумашъ, что они дѣлашъ мои пожитки, какъ добычу. Къ счастью, Малайскій корабельщикъ предувѣдомилъ меня, что мнѣ надобно выбрашъ изъ толпы одного покровишеля, *добаши*, или *дубаши* — это родъ фактора, прикащика, пушеводишеля, наемнаго *гигероне*, кошорый въ одно время управишель, переводчикъ, посредникъ, разсылный маклеръ, все, что вамъ угодно. Для прѣзжаго, даже для шупземнаго Европейца, дубаши необходимая вещь въ Пондишери и другихъ мѣстахъ Индіи; онъ шакже необходимъ, какъ постеля для сна, плашье для прикрытія пѣла. Когда вы опдались въ руки дубаши, онъ принимаетъ ваши вещи, беретъ вашъ кошелекъ и дѣлаешъ вашимъ казначеешъ; онъ покупаетъ для васъ, продаетъ, устроиваетъ ваше хозяйство, нанимаетъ служишелей, приводитъ вамъ паланкинъ, распоряжаетъ вашимъ обѣдомъ, располагаетъ занятіями, устроиваетъ все, заботишся о бѣльѣ, плашьѣ, хлопчешъ, шребуешъ, споришъ, опказываетъ, шоргуешся, слѣдуешъ за вами, какъ шѣнь, повсюду. Неподвижный и нѣмой, если

вы не начинаете говорить, болшунъ и кривляка, если это вамъ угодно, онъ не оставитъ васъ ни за какую цѣну, дайте ему въдесятеро прошивъ того, что получитъ онъ за надѣданье вамъ своею безошлучностью: онъ *нанялся* у васъ, и онъ *вашъ*; онъ не хочетъ воровать, онъ хочетъ *выработать*, свою плату. И вотъ — говорите-ли вы о дѣлѣ — онъ шутъ, онъ совѣшуетъ; хошите-ли развлеченія, забавы — онъ ладишь и устроиваетъ; заводите-ли даже какія нибудь шалости — и шутъ онъ, вѣчно и вездѣ онъ: подлѣ васъ, когда вы обѣдаете; подлѣ васъ, когда вы прогуливаетесь; подлѣ вашей двери, когда вы спите; гошовъ залѣзъ подъ кроватъ, подъ споль, и сидѣтъ тамъ по вашему приказу. Бѣдные Европейцы! безъ дубаши, эшихъ честныхъ и услужливыхъ дубаши, что сдѣлалось-бы съ вами! Легковѣрные новички, среди шолны бездѣльниковъ Индійскихъ, споль хитрыхъ, споль лукавыхъ, какъ опличили-бы вы доброе отъ худаго, истину отъ лжи? Какъ узнаете вамъ цѣну каждой вещи, различить, выбрать, разобрать? Все это дѣлаетъ за васъ дубаши, и онъ споитъ для васъ десятилѣтней собственной опытности. Что-жъ вы думаете за всѣ эти услуги? Маленькая помѣсячная плата, и *на водку* отъ всего, что вы купите — это платитъ ему продавецъ; мѣра платы съ каждой покупки единожды и безпремѣнно опредѣлена обычаемъ.

И такъ мнѣ надобенъ былъ *дубаши*. Среди этого народа, гошоваго услужливо разорвать меня въ клочки, я старался выбрать человека честной и

добрѣй фязіогноміи. Вошъ было зрѣлище, когда я выбралъ: мой охранитель, мой дубаши гордо вытянулся послѣ моего выбора, немедленно ошмѣшилъ чешырехъ, или пашерыхъ помощниковъ, расшолкалъ около меня шолпу, освободилъ меня ошъ ея докучливой навязчивосши, наложилъ повелишельную руку на мои пожипки, усадилъ меня въ паланкинъ, началъ распоряджашъ мною, велѣлъ несши меня на кварширу по его выбору. Кваршира была опряшна, чиста, проспорна, меблирована не роскошно, сообразно климашу, съ альгамасою, или шеррасою, прямо на гавань. Едва помѣспился я въ ней, подъ защишою моего дубаши, меня облѣпила толпа услужниковъ. Всякій изъ нихъ просился въ должность: эшопъ былъ башмачникъ—бѣдный Парія, кошорому Европейцы позволяющъ брашъся за свою обувь, чего ни за что не допуспяшъ Индійцы другихъ касшъ; другой объявлялъ себя цирюльникомъ; прешій носильщикомъ зоншика. Явились люди спричь ногши, чиспишъ уши. Напрасно жаловался я моему дубаши; онъ ошвѣчалъ, что шаконъ здѣсь обычай, и всѣхъ эшихъ людей непременно надобно наняшъ; я согласился, и долженъ былъ даже взять себѣ *піонера*. Такъ называющіеся люди, исправляющіе въ Индіи должность Леванпскаго янычара: обыкновенно піонеръ бываетъ Мавришанскій солдатъ, иногда ловкій и лихой, но всегда превздорливый и прегордый. Онъ одѣшъ въ чалму и широкое Воспочное плашье, шаровары и рубашку изъ бумажной шкани, подпоясанную широкимъ поясомъ. Піонера узнаете по перевязи,

или по серебряному значку, гдѣ обыкновенно вырѣзано имя его господина. Спаршій изъ піонеровъ всегда держишь въ рукѣ палку, съ золошымъ, или серебрянымъ шарикомъ на концѣ, похожую на палки нашихъ шамбуръ-мажоровъ. Обязанность піонера ходишь впереди своего господина, бѣгаешь съ его препорученіями, бѣжаешь передъ его паланкиномъ, крича: «берегись!» По числу піонеровъ узнается въ Пондишери важность и богатство cadaго. У Губернашора есть свои піонеры; но у него они не просто предметъ роскоши: губернашорскіе піонеры исправляютъ должность полицейскихъ и надзирашелей за сборами; записанные въ должность, они имѣютъ начальника, состоящаго подъ власшью комменданша и главнаго сборщика; нѣкоторыхъ изъ нихъ распредѣляютъ въ окрестныхъ *алменяхъ*, или деревняхъ; это жандармы здѣшніе.

Такимъ образомъ, и у меня явился дубаши, явились слуги, явился піонеръ, и всѣ эти люди увѣряли, что они у меня въ услугахъ, когда, напрошивъ, я былъ покорнымъ ихъ невольникомъ. Сначала думалъ я, что все дѣло кончится небольшою платою, кошую назначилъ каждому мой управитель, и мнѣ казалось, что всѣ эти люди рады будутъ ничего не дѣлать. Въ этомъ надѣялся я на Индійскую лѣность; но сдѣлалось совсѣмъ не шакъ. Едва только, въ первый день пріѣзда, хорошо зная домъ Губернашорскій, пошому, что онъ находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, хотѣлъ я опсправиться къ Губернашору, шихонько и пѣшкомъ — все возспало прошивъ меня!

Дубаши мой такъ оскорбился, что гошовъ былъ поссоришья со мною. — Нѣтъ! и ему, и всѣмъ надобно было непременно служишь за свое жалованье. И вошь привели мнѣ *паланкинъ*, родъ карешнаго кузова, со шпорами, который несутъ на палкахъ, и гдѣ надобно разлечься на подушкахъ. Шестеро носильщиковъ, или *бое*, здоровые Телинги, понесли меня ровнымъ шагомъ въ спранный эшой коробкѣ, у которой кольца были золотыя, а занавѣсы алые шелковые. Такъ предсталъ я передъ Губернашора. Домъ Губернашорскій большое строение, плохой архишешуры. Обширный садъ окружаетъ его. Губернашоръ, Г-нъ Мелай, принялъ меня весьма ласково и вѣжливо. Я сдѣлалъ послѣ того множештво визитовъ, пошому, что имѣлъ много рекомендацій. Мимоходомъ взглянулъ я на церковь Индійскихъ миссій, зданіе красивое и правильное. На преугольномъ фронтонѣ изображена Слава божешвенная съ символомъ Пасхи въ барельефѣ (*). Спашуя святаго находишся въ нишѣ, между фронтонномъ и дверью; на площади, передъ церковью, прогуливалось нѣсколько миссионеровъ, въ длинныхъ своихъ плашьяхъ, съ капишонами на головахъ. Отсюда пустился я направо и налево, завоевашь сколько нибудь историческихъ и мѣстныхъ свѣдѣній. Мнѣ хошѣлось хорошенько узнать Понди-

(*) *Gloire*, у Каполиковъ, называется изображеніе имени Божія въ сіяніи, и вообще сіяніе вокругъ лика святаго. Символь Пасхи агнецъ. *Прим. Пер.*

шери, эшомъ послѣдній клочекъ Французскихъ владѣній въ Индіи, эшомъ городъ, въ кошоромъ, съ небольшими заведеніями въ Янаонъ, Карикалъ, Маге, и Шандернагоръ, сосредоточивающія шеперь всѣ Французскія колоніи, тамъ, гдѣ Англичане подчинили себѣ цѣлыя царства. И пришомъ, какъ богаты эшомъ Пондишери воспоминаніями, мѣсто, гдѣ Дюплеиксы, Лабурдонне и Сюффрены спорили за Индію съ Бришанскими флотами.

Къ 1503 году относится первая Французская экспедиція въ Индійскія моря. Капитанъ Гонневиль, смѣлый и искусный морякъ своего времени, отправился изъ Гавра на одномъ кораблѣ, обошелъ мысъ Доброй Надежды; встрѣченный бурнымъ временемъ, присталъ онъ къ незнакомой землѣ, претерпѣлъ тысячи опасностей, и возвратился въ Европу обратно, держась береговъ Африки. Неудачный опытъ его охолодилъ жаръ другихъ, и до 1604 г. не находимъ въ лѣтописяхъ Французскаго мореплаванія ничего, касавшагося здѣшнихъ отдаленныхъ странъ. Тогда, кажется, Брешонскіе мореходы отправили два корабля, подъ начальствомъ Пейрара; онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе близъ Малдивскихъ острововъ, жилъ нѣсколько лѣтъ на тамошнихъ ашполяхъ, и возвратился потомъ во Францію. Въ 1618 и 1619 гг., Фламандецъ Жираръ снарядилъ корабли, отправилъ ихъ на островъ Яву, и награжденъ былъ небогатымъ грузомъ. Не смотря на всѣ такія неудачи, образовалась однакожь Компанія, подъ именемъ *Молукской*, но вскорѣ разрушилась, безъ дальнѣйшихъ слѣдствій. Въ 1633 г.

новый частный опытъ произведенъ жителями Диеппа. Капитанъ Режинонъ отправился въ Индійскія моря; онъ посѣтилъ заливъ Бенгальскій, коснулся Декканскаго полуострова, пристава къ Мадагаскару, и ворошилъ съ напыщенными разсказами о сей послѣдней странѣ. Вообще, самые великолѣпные слухи носились тогда повсюду о Мадагаскарѣ. Слѣдуя имъ, эшотъ островъ казался гораздо лучше и полезнѣе Индіи, земля его плодороднѣе, произведенія богаче. Дошло до того, что Ришельё, въ 1641 г., учредилъ Французскую Индійскую Компанію, съ главною цѣлью—покорить и заселить Мадагаскаръ. Мы видѣли слѣдствія этого ошибочнаго предпріятія. Прони и Флакуръ заняли Мадагаскаръ, и черезъ двадцать лѣтъ все было брошено.

Объ Индіи вовсе не думали, до тѣхъ поръ, когда Колбертъ преобразовалъ на размѣръ болѣе обширномъ Ришельёвскую Компанію. Десятилѣтняя привиллегія и денежныя пособія были опредѣлены въ ея пользу. Но начало еще разъ оказалось неудачно. Мадагаскарская колонія существовала въ то время, и на нее пожертвовали всѣми средствами. Ничего не доспало, когда рѣшились на заведенія въ Азіатскихъ земляхъ. Впрочемъ, Португальцы далеко ушли впередъ, захватили себѣ всѣ лучшія мѣста, и Французамъ доспавалось только то, что уже не годилось Португальцамъ. Каронъ явился однакожь съ нѣсколькими кораблями въ Персидскомъ заливѣ. Онъ присталъ къ Гузурашскому полуострову, и хотѣлъ выбрать Сурашъ, для средо-

63926

почіа своихъ дѣйствій. Эшопъ основатель Французскаго владычества въ Индіи былъ Французъ, но состарѣвшійся въ службѣ Голландской Индійской Компаніи. Долговременное пребываніе на Суматрѣ дало ему опытные познанія о здѣшней мѣстности. Вскорѣ замѣтилъ онъ неудобство такого мѣста, куда приходили соперничать съ Французами народы болѣе ихъ богатые, болѣе ихъ торговые, и имѣвшіе болѣе кредитна въ Индіи. Каронъ искалъ другаго лучшаго пристанища, и выбралъ Тринкомалай, на островѣ Цейланѣ. Эскадра, подѣ начальствомъ Делаге, соединилась съ нимъ въ Цингалезскомъ заливѣ, но все кончилось досадною неудачею. Берегъ представлялъ такъ мало средствъ сообщенія съ внутреннею землею, что поселенцы умирали съ голоду. Послали искать запасовъ на Коромандельскомъ берегу, и не нашли ихъ, ни у Даштанъ въ Транквебарѣ, ни въ другихъ мѣстахъ; въ отчаяніи бросились съ оружіемъ на заселеніе Св. Томы, гдѣ открыли большое обиліе всего; эшо заселеніе Коромандельское, основанное Португальцами лѣтъ за сто, было завоевано Царемъ Голкондскимъ въ 1662 году; въ 1672 г. Французы приступомъ взяли его. Каронъ засѣлъ тушъ, и держался лѣтъ шесть; но въ 1678 году, Голландцы пришли на помощь туземцамъ, осадили крѣпость, и принудили уступить превосходной силѣ. Остатки Французскаго гарнизона возвратились въ Тринкомалай, и потомъ, подѣ начальствомъ какого-то Маршена, утвердились въ *Пондишери*, маленькомъ городкѣ, уступленномъ Джинджійскимъ Раджею. Здѣсь вскорѣ

успроилось торговое заведеніе, и при умной дѣ-
 яшельности Маршена начало процвѣшашъ; его ого-
 родили сѣбѣнами, обшпроили зданіями. Счасплизая
 будущность являлась впереди для возникавшаго го-
 рода; но Голландцы, всемогущіе въ Индіи въ то
 время, явились для изгнанія Французовъ. Сначала
 предлагали они шусемцамъ выгнашъ Французовъ;
 ошвѣшъ Индійскаго государя былъ неблагопріа-
 шенъ. «Французы купили у меня землю, и она при-
 надлежишъ имъ, «ошвѣчалъ онъ. Тогда Голландцы
 сами напали на Пондишери, овладѣли крѣпосшью,
 и держались шущъ до 1697 г., когда Ризвикскій
 миръ возвращилъ Пондишери Французамъ. Маршенъ
 снова сдѣлался шамъ губернашоромъ. Полишникъ
 ловкій и купецъ образованный, эшотъ чиновникъ
 Компаніи улучшилъ дѣла ея на Индійскомъ полу-
 ошпровѣ. Подъ его управленіемъ Пондишери сдѣ-
 лался богашымъ шорговымъ мѣшпомъ, и рынкомъ,
 кошорый предпочишали всѣмъ другимъ внушренніе
 народы. Въ шу эпоху, когда изувѣріе Европейское
 оскорбляло шакъ часшо шусемцевъ, Маршенъ являлъ
 собою примѣръ шершимосши и благоразумной раз-
 смошришельности въ дѣлахъ вѣры. Какъ равный
 Индійскимъ власшиселямъ, сносился онъ съ окресп-
 ными Раджами, посылалъ къ нимъ посланниковъ и
 пріобрѣшалъ важныя выгоды. Подъ его начальсш-
 вомъ, въ дѣлахъ Французовъ не было эшой вздорли-
 вой хвасшливосши, эшого недальновиднаго лѣгко-
 мыслія, почши всегда бывшихъ причиною неуспѣховъ
 ихъ повсюду. Посшоянными усиліями, Пондишери
 вскорѣ сшалъ по достоинсшву главнымъ мѣшпомъ

Французскихъ колоній въ Индіи. Всѣ другія покушенія на Мадагаскаръ, въ Сурапъ, Банпанъ, Раджапуръ, Тиссери, Мазулипашнамъ, Бендеръ-Абасси, Сіамъ, уничтожились мало по малу — въ Пондишери заведеніе было живуще и непрерывно возвеличивалось. Казалось, что оно поглощаетъ всѣ другія. Только Пондишери доставлялъ Индійской Компаніи вознагражденія среди несчастныхъ и непрерывныхъ потерь; только отсюда шли богатые доходы, между тѣмъ, какъ убытки во всѣхъ другихъ мѣстахъ ежегодно составляли милліоны ливровъ.

Маршену наследовали Ленуаръ и Дюмасъ. Последний получилъ отъ Делискаго Двора позволеніе бишь монету и выхлопоталъ формальную уступку Карикальской земли. Положеніе Индійскихъ колоній было тогда значительно и важно. Въ войнѣ между Марашами и Набабомъ Аркашскимъ, несчастный эпошъ владѣтель былъ побѣжденъ и убитъ; семейство его нигдѣ не нашло убѣжища, кромѣ Пондишери, города неутральнаго. Дюмасъ принялъ его, и когда побѣдительный полководецъ Рагоги-Буссола прислалъ требовать бѣглецовъ — «*гостепріимство Французское — отвѣчалъ ему губернаторъ никогда не было ни насмѣшкою, ни измѣною; семейство Набаба находится подъ защитою Пондишерійской колоніи, и всѣ колонисты умрутъ прежде нежели непріятель достигнетъ до тѣхъ, кого они защищаютъ!*» Такая швердая рѣчь произвела свое дѣйствіе; Марашы уступили.

Послѣ Дюмаса явились два человѣка, долженствовавшіе озарить яркимъ свѣтомъ честь Француз-

скихъ колоній въ Индіи, два генія, совершенно различнаго свойства: одинъ гражданскій, другой военный; одинъ уклончивый и глубокий, другой горячій и неукротимый; оба швердые, оба готовые захватить всю Индію во власть Французовъ, еслибы, не прошиваясь другъ другу, они могли соединить силы свои. Эти два человека были *Дюплейксъ* и *Лабурдонне*. Первый изъ просаго купца сдѣлался Губернашоромъ Шандернагорской колоніи, основанной на берегахъ Ганга. До него, хотя и находясь въ богатѣйшей странѣ міра, это заведеніе безпрерывно упадало; едва явился онъ, благошворное движеніе придано было колоніи; золото и серебро явились въ изобиліи; товары спекались изъ всей имперіи Могольской, даже изъ Тибета. Дюплейксъ не имѣлъ ни одной шлюпки въ колоніи, при своемъ прибытіи, а черезъ годъ, въ Шандернагорѣ было 15-ть кораблей, плававшихъ по всѣмъ Индійскимъ морямъ; Черное море, Персидскій заливъ, Гоа, Сурашъ, Малдивскіе острова, Манилла, все сдѣлалось данникомъ Шандернагора. Этотъ городъ конечно превзошелъ-бы Пондишери, но въ 1742 году Компанія перевела Дюплейкса въ Пондишерійское заведеніе.

Въ то-же время, Лабурдонне оказывалъ Франціи не меньшія заслуги. Оставившій опшизну на 15-мъ году, онъ извѣдалъ всѣ моря Индійскія. Для спасенія Компанейскаго корабля, въ ушлой шлюпкѣ онъ переплылъ изъ Иль-де-Франса на Бурбонъ; участвовалъ въ осадѣ Маге, и былъ примирителемъ между Арабами и Португальцами въ Мокѣ. Оцѣняя за-

слуги Лабурдонне, Компанія поручила ему усстройство Иль-де-Франса и Бурбона; но по непріятному недоразумѣнію былъ онъ вдругъ опозванъ во Францію. Всѣ головы были заняты тогда войною съ Англіею. Лабурдонне предложилъ свои услуги. Ему дали пять кораблей. Къ несчастію, это вооруженіе, будучи произведено по волѣ Правительсва, но на счетъ Компаніи, подверглось двумъ начальствамъ, и всѣ предпріятія Лабурдонне были уничтожены. Едва успѣлъ онъ, 30 Сентября 1744 года, прибыть въ Пондишери, гдѣ начальствовалъ Дюмасть, и едва помогъ онъ освободить Маге, осажденный Индійцами, какъ получилъ повелѣніе Компаніи отослать всѣ корабли во Францію. Лабурдонне повиновался и отправился на Иль-де-Франсъ. Война 1744 г. оправдала его планы и предсказанія; жалѣли, что совѣтовъ его не хотѣли слушать прежде. Коммандоръ Барнетъ и Капитанъ Пейшонъ явились въ Индіи съ Англійскою эскадрою. Ужасъ объялъ всѣ заведенія Французскія. Дюплексъ умолялъ о помощи, и Лабурдонне незамедлилъ: кое-какъ вооруживъ пять кораблей, находившихся въ Портъ-Луи, съ небольшимъ пособіемъ изъ Франціи, онъ отправился 24 Марта 1746 г. къ Мадагаскару и въ Индію. Близъ Коромандельскаго берега встрѣтилась съ нимъ Англійская эскадра, состоявшая изъ шести кораблей, подъ начальствомъ Капитана Пейсона. Жестокая битва началась и кончилась бѣгствомъ Англичанъ. Лабурдонне явился побѣдителемъ въ Пондишери. Неперпѣливый и воинскій духъ его не могъ осваиваться долго въ бездѣйствіи.

Нѣсколько разъ преслѣдовалъ Лабурдонне Англійскую эскадру, и видя, что она удаляется отъ встрѣчи съ нимъ, напалъ на одно изъ главныхъ заведеній Англійскихъ, Мадрасъ. Городъ сдался на капитуляцію, съ условіемъ, заплашишь большой окупъ. Дюплейксъ вмѣшался въ дѣло, и не допустилъ Лабурдонне сдержавъ условія. Нарушивъ капитуляцію, онъ захватилъ Мадрасъ, и совершенно разрушилъ тамошній Черный городъ, гдѣ находились главные богатства Мадраса. Недовольный тѣмъ, что низпровергъ договоръ Лабурдонне, Дюплейксъ совершенно спѣснилъ власъ его, и возбудилъ весь гнѣвъ этого раздражительнаго и неукротимаго чловека. Дѣло дошло до того, что начальникъ эскадры и губернаторъ рѣшительно поссорились. Компанія оправдала Дюплейкса; покоритель Мадраса былъ вызванъ, заключенъ въ шюрму и судимъ. Послѣ прехлѣшняго медленія, судъ оправдалъ Лабурдонне, но огорченія причинили ему смертельную болѣзнь. Онъ недолго пережилъ свое оправданіе.

Дюплейксъ плашилъ въ это время горькимъ испытаніемъ за свои поступки съ Лабурдонне. Во время раздоровъ между начальниками, эскадра Французская была погублена; Англичане сдѣлались властителями Индійскаго моря; Пондишери былъ осажденъ, и, конечно, былъ-бы взятъ безъ геройскихъ усилій Дюплейкса. Насупившій миръ спасъ колонию. Тогда, не боясь сильныхъ враговъ, губернаторъ обратился на торговыя улучшенія весь свой дѣятельный и предприимчивый умъ. Онъ хотѣлъ

власнвованіъ въ Индіи, упрочитъ эту землю Франціи, и предупредишь начавшее усиливаться могущество Англичанъ. Никто болѣе его не обладалъ средствами, необходимыми для подобнаго замысла. Онъ совершенно зналъ Индію и всю ея полипику; не было Раджи, Набаба и Субаба, тайныхъ мыслей котораго не угадывалъ-бы Дюплейксъ, и не было ни одного движенія умовъ, ни одного дѣла, ни даже суевѣрія, которымъ не умѣлъ-бы онъ пользоваться. Обширное Субабство Декканское было тогда праздно. Хищроспью и силою, Дюплейксъ возвелъ на него Салабешзинга, друга Французовъ; другой союзникъ Французскій получилъ Набабство Карнатикъ. При такихъ средствахъ полипики, можно было надѣяться, что владычество Франціи укрѣпится въ этомъ треугольникѣ, который образуютъ Мазулипатнамъ, Гоа и Коморинъ. Окресные народы привыкали уже видѣть Французовъ первенствующими, и, съ великими обрядами, Раджи Индійскіе поднесли Дюплейксу почешное названіе *Набаба*. Даже верхній Индостанъ, царства Сиркарскія, владѣніе Голкондское, страны по обоимъ берегамъ Ганга признавали Французскую власть. Юный Бюсси, съ горстью смѣльчаковъ, предписывалъ законы всей Индіи, располагалъ царствами, бралъ дани, и приготавливалъ такимъ образомъ Дюплейксу пушь къ окончательному завоеванію.

Но за эпохою благоденствія вскорѣ послѣдовало время бѣдствій. На сѣверѣ полуострова появлялись тогда попеременно *Сейки* и *Маратты*, народы многочисленные и воинскіе, низлагавшіе всѣхъ другихъ

Индійцевъ и угрожавшіе заведеніямъ Европейцевъ. Въ самомъ Карнапикѣ Англичане посѣвали внутренніе раздоры и сшарались возстановишь свое управленіе. Дюплейксъ нашелъ достойнаго противника въ Саупдерсѣ: въ этихъ двухъ людяхъ, одаренныхъ равною силою крѣпкой воли и равнымъ искусствомъ, боролись Англія и Франція. Неизвѣстно было, кому придется побѣдити, но, конечно, ни тотъ, ни другой не уступили-бы, пока оставался у того и другаго хоть одинъ солдатъ и была хоть одна рупія. До истощенія силъ было еще далеко, и оба соперника, при взаимной ненависти, при пособіяхъ своихъ умовъ, находили средства, какихъ подозрѣвать было невозможно. Условія и договоры начинали даже сближать Англійскую и Французскую Компаніи; но война Американская рѣшила участь Французовъ въ Индіи. Взятіемъ Шандернагора начались непріятельскія дѣйствія Англичанъ; за тѣмъ послѣдовало опіяніе другихъ, менѣе важныхъ мѣстъ. Дюплейксъ былъ оклеветанъ передъ Французскимъ Правительствомъ; успѣли оподозрити его глубокую полишику, посредствомъ которой былъ онъ рѣшителемъ судьбы Индійскихъ царей. Раджи поднесли ему новый шишулъ *Карнатикскаго Набаба*, а изъ Версали, вмѣстѣ со подтверженіемъ сего шишула, прислали указъ, по которому Дюплейксъ лишился своего мѣста, былъ строго вызванъ изъ Индіи, и умеръ въ 1763 г.

Далли сдѣлался его преемникомъ. Отъ него ожидали многого, какъ будто Англійское его происхожденіе давало на то право. Надѣялись, что онъ

ушвердитъ прочный миръ съ Англичанами. Но Лалли былъ дуракъ, и дуракъ опасный, неспособный повелѣвать и недосгойный повиновенія. Его управленіе было цѣпью глупостей. При умѣ нелѣпомъ, но отважномъ, онъ повелъ борьбу съ Англіею такъ-же безпорядочно и безполково, какъ безпорядочны и безполковы были всѣ дѣла его. Осправленный съ Адмираломъ Аше, онъ прибылъ въ Пондишери въ Апрѣль 1758 года. Сначала дѣйствія казались успѣшны. Битва Гуделурская, взятіе Гуделура Графомъ Эшпенгомъ, ошнатиіе крѣпости Св. Давида ознаменовали начало кампаніи. Но вскорѣ, упомянутая битвами безъ толку, послѣ прехъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ жаркихъ дѣлъ, Французская эскадра оставила Индію, и Французы поширляли, почти въ одно время, оспровъ Шеринганъ, сѣверныя обласпи и Мазулипаннамъ. Послѣ хвастливой и бесполезной попытки на Мадрасъ, надобно было помышлять уже о защищеніи Пондишери, осажденнаго Англичанами. Спѣсенный, оголоженный, городъ принужденъ былъ сдатьсь, 15 Января 1761 года. Подписанную капитуляцію уничтожили, и Англичане успѣли совершенно заплашпть за подобный поступокъ съ Мадрасомъ въ 1746 году. Гарнизонъ и колонисты были ошосланы въ Европу, а Пондишери уничтоженъ до основанія. Вопль множесшва людей, брошенныхъ изъ Индіи во Францію, безъ хлѣба и безъ средствъ добыть его, возбудилъ негодованіе Правительсшва, кончившееся судомъ и осужденіемъ Лалли. Исполненіе приговора надъ нимъ хорошо выразилъ Воль-

шеръ, говоря, что «все имѣли право нападать на Лалли, кромѣ палача.» Извѣстно, какія бѣдственныя слѣдствія сопровождали казнѣ несчастнаго губернатора Пондишерійскаго.

Трактастъ 1763 г. возвратилъ Франціи Пондишери. Рѣшились уничтожить, какъ для этого мѣста, такъ и для всѣхъ другихъ колоній Индійскаго Океана, привилегіи Компаніи, предославляя свободной торговлѣ стараніе возобновить и заселить Пондишери. Въ 1764 г. явилась тамъ толпа прежнихъ колонистовъ, съ трудомъ распознавшихъ, гдѣ были мѣста ихъ старинныхъ жилищъ, подъ густою травой, выросшею на осматкахъ города. Съ радостью встрѣтили старыхъ знакомыхъ Индійцы. Но много времени надобно было возстановить городъ, искаженный съ лица земли Лордомъ Пигошомъ. Новый губернаторъ Лавъ-де-Лорисшонъ помогаль возстановленію, сколько могъ, управленіемъ мудрымъ и опеческимъ.

Но вокругъ возобновляемаго города, Англичане непрерывно воздвигали мощныя опоры своей силѣ и преимуществу. Уже весь полуостровъ, особливо по берегамъ, сдѣлался подвласіемъ Великобританіи. Англійскіе флоты угрожали побережьямъ Малабара, были въ Сураштѣ, Кошинѣ, Магѣ, Калькуштѣ, по всему Коромандельскому берегу, отъ царства Танджаурскаго до Ганга. Белькомбъ смѣнилъ Лорисшона въ Пондишери и продолжалъ его умиротворяющую политику. Уже нѣсколько торговыхъ домовъ утвердились было въ Пондишери, и дѣятельность торговли начинала оживать, когда, безъ

объявленія войны, безъ всякихъ предисловій, Англичане бросились на Французскія колоніи, взяли Шандернагоръ и Карикалъ, полонили колонистовъ въ Мазулицашнамъ, Янаонъ, Сурашъ, и явились близъ Пондишери, въ 1778 году. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ ничего не успѣли сдѣлать здѣсь для укрѣпленія города; инприги въ Индіи, инприги въ Европѣ, все это непрерывно измѣняло и перемѣняло планы. Бурсе и Деклезонъ попеременно спороили крѣпость, и когда Англичане спали угрожать Пондишери, работы далеко не были кончены. Но дѣятельность Беллькомба нашла средства при наступленіи опасности исправить ошибки другихъ. Городъ снабдили запасами; пять тысячъ человѣкъ работали день и ночь надъ укрѣпленіями, и въ одинъ мѣсяцъ вырыли рвы, закрыли городъ валами. Эскадра, бывшая въ гавани, расположилась защищать Пондишери.

Только что успѣли распорядиться такимъ образомъ, Генералъ Мунрое явился передъ Пондишери, въ Августѣ 1778 года. Съ нимъ было 24,000 войска; тогда-же увидѣли и эскадру Англійскую; подобно Французской, она состояла изъ 5-ти кораблей; началось морскою битвою; Французы взяли верхъ, и если-бы Тронжоли, начальникъ эскадры, преслѣдовалъ непріятеля, безъ сомнѣнія, командоръ Вернонъ былъ-бы принужденъ сдаться. Черезъ двѣ недѣли обстоятельство измѣнились; два корабля подкрѣпили Англичанъ; одинъ изъ Французскихъ фрегатовъ, ошибочнымъ распоряженіемъ, попался къ Англичанамъ, и 20 Августа остальные суда долж-

ны были бѣжашъ; они укрылись въ Иль-де-Франсѣ; Пондишери обложили съ сухаго пуши и съ моря.

Осшавленный всѣми, Белькомбъ защищался упорно. Умноживъ небольшой гарнизонъ, онъ даже дѣлалъ вылазки и нѣсколько разъ раззорялъ работы осаждающихъ. Но черезъ два мѣсяца осады, при кошорой Англичане пошеряли до 5000 человекъ, сшѣсненнй опшвсюду, не видя ни опшкуда помощи, Белькомбъ сдался на капитуляцію.

Англичане начали владычештовашъ, уже не имѣя болѣе никакихъ Европейскихъ соперниковъ. Но шогда возбудилось сильное движеніе шуземныхъ народовъ. Гейдеръ-Али, царь Мизорскій просперъ оружіе даже до Мадраса, а съ запада Марашшы дошли до Бомбая. Къ несчастію, Французы слишкомъ поздно вмѣшались въ дѣло. Посланные въ Индію съ эскадрою и войскомъ, Сюффренъ и Бюсси пришли шогда, какъ Гаспингсъ началъ уже сисшемашическое образование Англійской силы въ Индіи. Гейдеръ-Али былъ преслѣдованъ Сиромъ Фейръ-Кушомъ, опрѣзанъ опъ союзниковъ, и пошерялъ двѣ кампаніи сряду. Марашшы, всюду разбишые, позволили Англичанамъ двинушься на Гейдеръ-Али всею ихъ силою, и союзникъ Французскій усшупилъ. Онъ умеръ опъ горесши. Сынъ его Типпу-Саебъ, или Типпо-Саибъ, наслѣдовалъ ненависшъ опща къ Англичанамъ и началъ бишвы въ Карнашикѣ. Опшвлеченный въ Мизоръ диверсіею непріятеля, онъ разбилъ его шамъ, и осадилъ Бангалоръ на Малабарскомъ берегу, гдѣ соединились съ нимъ корабли Сюффрена и войска Бюсси. Союзники хошѣли дѣй-

сшвовашь обще , но миръ 1783 года испоргнулъ оружіе изъ рукъ Французовъ. Типпо-Саибъ принужденъ былъ также мириться, и заключилъ договоръ въ Бангалорѣ, въ 1784 году. Остальная исторія сего несчастнаго Султана слишкомъ извѣстна: онъ снова началъ войну въ 1790 году, и погибъ въ 1799 г., раздавленный силою Англичанъ, въ то самое время , когда экспедиція Бонапарше въ Египетъ радовала его близкою помощью. До послѣдней минушы призывалъ онъ Французовъ, вѣрилъ силѣ ихъ, надѣялся ихъ пособія. За два года до своего блестящаго паденія, при управленіи Директоріи, посланники Типпо-Саипа были на Иль-де-Франсѣ и просили помощи; эшотъ поступокъ предускорилъ гибель Мизорскаго власпишеля; Англичане боялись, чшобы Франція въ самомъ дѣлѣ не вняла его призывному воплю.

Но и до сего событія, колоніи Французовъ въ Индіи были уже только бѣдныя торговыя мѣста , а не сильныя крѣпосши. Небольшой гарнизонъ, посланный въ Пондишери въ 1785 г., былъ перевезенъ на Иль-де-Франсъ въ 1789 году. Около 1791 г. война казалась близкою; Франція опсправила нѣсколько войска. Одна за другою , габарры *la Bienvenue* и *la Chancelière de Brabant* , высадили его въ Индіи. Восемь сотъ Европейцевъ и столько-же Сипайскихъ солдатъ образовали защиту. Даже при согласномъ дѣйствіи, они не могли ничего выдержашь, но что-же было, когда эши бѣдняки вздумали еще каррикашурно подражашь всему, что дѣлалось во Франціи: назывались Роялистами, Респуб-

ликанцами, завели клубы, ссорились, дрались между собою. Офицеры предсавляли правительство, солдаты народъ. Не смотря на то, когда Англійскій полковникъ Брайдвапъ, съ 8000 войска, осадилъ Пондишери, каждый спалъ на свое мѣсто и забылъ раздоры при видѣ непріятеля. Тысяча шесть сотъ человекъ, изъ кошорыхъ половина были Индійцы, двадцать дней оспаривали побѣду, въ такой крѣпости, у кошорой только ровъ и стѣна сосавляли всю защиту. Въ Янаунской факторіи ученый Соннера осмѣлился на борьбу еще болѣе спранную. Начальствуя совершенно беззащитнымъ мѣстомъ, онъ выпребовалъ себѣ изъ Пондишери восемь сипаевъ, и съ эшимъ смѣшнымъ гарнизономъ, съ двумя дрянными пушками, кошорыя успѣлъ гдѣ-то купить, заговорилъ о капишупляціи, и получилъ ее отъ Полковника Ишса, кошорый не зналъ силъ непріятеля. Благодаря шалости Соннера, по крайней мѣрѣ, торговцы успѣли спасти свои капишалы.

Съ того времени донинѣ исторія Французскихъ колоній въ Индіи есть исторія морскихъ экспедицій, дѣйствовавшихъ различно, но всегда смѣло и отважно, такъ, что подвиги ихъ были-бы достойны лучшей участи. Слишкомъ занятая въ Европѣ, Республика вспомнила объ отдаленныхъ предпріятіяхъ только въ 1796 г. при министерствѣ Труге. Но гораздо прежде за честь Франціи вступились крейсера Иль-де-Франса. Капитанъ купческаго корабля, Робертъ Сюркуфъ, столь славный въ послѣдствіи, первый напалъ на корабли

Бришанскіе. Съ своею *Эмилиєю*, купеческимъ судномъ, онъ схватилъ два корабля, нагруженные сарачинскимъ пшеномъ, а попомъ вооруженный шунеръ; съ шунеромъ овладѣлъ онъ кораблемъ *Оспъ-Индской Компаніи Тритономъ*, и возвратился въ Иль-де-Франсъ, съ чепырьмя захваченными кораблями, и съ добычею въ 2,000,000. Такъ какъ это предпріятіе было произведено безъ законнаго вида, Директорія прислала Сюркуфу прощеніе и видъ.— Военные моряки не оспавили примѣра, даннаго купцомъ, безъ подражанія. Эскадра Англійская заблокировала Иль-де-Франсъ, и два фрегата, *Цибелла* и *Скромная*, съ бригомъ *Курьеромъ*, пустились въ неравную битву съ двумя Англійскими линейными кораблями, *Центуриономъ* и *Диомидомъ*. Рено выспунилъ изъ Портъ-Луи, съ восклицаніями: *Vive la République!* Цѣлью его было причинить кораблямъ непріятельскимъ сколько можно болѣе вреда, такъ, чтобы они не могли держаться въ морѣ. На погибель онъ рѣшился прежде всего. Въ слѣдствіе такого опважнаго плана, выспрѣлы Французскіе были направлены въ оснастку и въ киль непріятельскихъ кораблей, и успѣхъ увѣнчалъ дѣло. Хошя, по ошибкѣ въ маневрахъ, *Цибелла* вспунила въ битву настоящую, но успѣла уйдши въ гавань прикрытая другими, и особенно *Курьеромъ*, показавшимъ чудеса опваги. На другой день Англичане сняли блокаду, и Иль-де-Франсъ успѣлъ загошовать припасы. Сорокъ человекъ погибло въ сраженіи; плашя данъ признашельности, шорговцы Иль-де-Франса опкрыли подписку въ пользу сиротъ и

вдовъ, послѣ нихъ оставшихся; въ нѣсколько дней собрано было 265,000 франковъ. Рено почти на рукахъ несли съ приспани.

Министръ Трюге вспомнилъ объ Индіи, какъ мы сказали, и конспръ - адмиралъ Серсей отправился опъ Брешанскихъ береговъ съ тремя фрегатами и двумя корветами. Онъ скоро прибылъ въ Иль-де-Франсъ, приведя съ собою нѣсколько призовъ, захваченныхъ на пуши. Два фрегата нашелъ онъ въ Иль-де-Франсѣ, *Цибеллу* и *Скромную*, хотя и поврежденные въ жестокой битвѣ; ихъ исправили; съ четырьмя фрегатами кромѣ того, называвшимися: *Сильная*, *Сена*, *Обновленная*, *Добродѣтель*, и съ гоэлемшою: *Быстрая*, Серсей отправился въ море. Почти при самомъ началѣ крейсерства, гоэлемша была взята непріятелемъ, и у эскадры не осталось вѣсповаго корабля. Пошомъ начальника обманули ложнымъ извѣстіемъ, и вмѣсто того, чшобы успремишься къ берегу Коромандельскому, онъ безуспѣшно плавалъ около Малакки. Здѣсь встрѣтили его *Свирѣпый* и *Побѣдительный*, два Англійскіе 74-хъ пушечные корабли. При шести фрегатахъ силы были равныя. Серсей сначала хотѣлъ избѣжать битвы, но его преслѣдовали, и онъ принужденъ былъ устроить боевую линію. Первые схватились *Добродѣтель* и *Сена*, выдерживая весь огонь непріятеля. Наспавшая паника могла поспавить ихъ въ бѣдственное положеніе, если-бы другіе корабли не подоспѣли на помощь. Дѣло началось общее. Не смоща на превосходство артиллеріи, Англійскіе корабли при-

нуждены были бѣжать, одинъ едва не загорѣвшись, другой съ перебитыми снастями. Въ этомъ дѣлѣ, моряки Французскіе дѣйствовали превосходно. Одного волонтера, на фрегатѣ *Сильная*, почти разорвало ядромъ: « *Довольно — вскричалъ онъ — я исполнилъ свой долгъ — бросьте меня въ море — Vive la République!* » Машрозъ съ фрегата *Цибелла* былъ раненъ и упалъ въ море; кварширмейстеръ Пуленъ бросился за нимъ и спасъ его. Говень, артиллеристъ на фрегатѣ *Добродѣтель*, былъ раненъ гранахою, заряжая свою пушку, выхватилъ изъ раны осколки и не оплошалъ ошъ пушки до окончанія дѣла. Эскадра Серсея шакъ много потерпѣла въ сраженіи, что принуждена была идти и исправить поврежденіе на островѣ Королевскомъ. Послѣ того Кониръ-Адмиралъ снова началъ крейсерство, явился передъ Багавіею, когда Англичане гошovy уже были захватили колонію, спасъ ее, плавалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и возвратился въ Иль-де-Франсъ, гдѣ собраны были всѣ богатые призы его. Въ 1799 г., въ новомъ крейсерствѣ, съ однимъ фрегатомъ и одною корветкою, Серсей прошелъ въ Портъ-Луи подъ огнемъ двухъ линейныхъ кораблей и четырехъ фрегатъ Англійскихъ. Это была послѣдняя его экспедиція.

Только корсары Французскіе пускались послѣ сего въ разбѣды, смѣло и удачно. Послѣ Аміенскаго мира, небольшая эскадра вышла однакожь изъ Бреша, чтобы придать хоть нѣкоторую важность одной изъ статей трактата, по которой Франціи возвращали Пондишери, и еще кой-какія

мѣсна. Она отправилась въ Мартъ 1803 г., подъ начальствомъ Адмирала Линуа. Линейный корабль *Маренго*, о 74-хъ пушкахъ, три фрегата, *la Belle-Poule* и *Амаланта*, о 40 ка, *la Sémillante* о 36-ти, и два транспорша *La Côte-d'Or* и *la Marie-Française*, составляли экспедицію; при ней находился дивизионный Генераль Деканъ, наименованный *Генераль-Капитаномъ Французской Индіи*; 1600 солдатъ были подъ его начальствомъ, и 1400 пассажировъ присоединились къ экспедиціи. *La Belle-Poule*, отличнѣй на ходу, опередилъ другіе корабли, и въ девяносто дней проплылъ 4000 льё; другіе опоздали 22-мя днями.

Начальники экспедиціи удивились, увидя по прибытіи своемъ, что на Пондишери развѣвается еще Бришанскій флагъ. Не смотря на всѣ убѣжденія, Англійскій Коммиссаръ Кулленъ отказывался сдать крѣпость, а эскадра изъ двухъ линейныхъ кораблей и пяти фрегатовъ, стоявшая вблизи, казалась готовою, въ случаѣ надобности, подкрѣпить упорство Коммиссара. По прибытіи всей Французской экспедиціи, свезли на землю пассажировъ и нѣсколько сотъ солдатъ, но Кулленъ напрасно призывалъ къ себѣ Декана для личныхъ переговоровъ; Генераль утверждалъ, что по даннымъ ему предписаніямъ, онъ долженъ сойдти на землю только во Французскихъ владѣніяхъ. Упорство его оказалось ксшати, ибо корабль *le Béliet*, отправленный черезъ десять дней послѣ отплытія экспедиціи, явился въ Индіи, и вручилъ Генераль-Капитану новый приказъ, немедленно оставить Пондишери, и смѣнить

Иль-де-Франскаго и Бурбонскаго губернатора Магаллона (*). На другой день удалились всѣ Французскіе корабли.

Желая изъяснить такую перемѣну, надобно вспомнить, какъ шапко и недружелюбно было Аміенское заключеніе мира. Не былъ-ли даже весь эпопъ миръ шолько политическою уловкою правителей Англіи, чтобы вызвать изъ гаваней Французскія морскія силы и торговые корабли, и вдругъ уничтожить ихъ всѣ, по данному знаку, когда разсѣются они по разнымъ морямъ Азіи и Америки? Не заключалось-ли въ уклончивости Англичанъ хищраго намѣренія изстребить такимъ образомъ флоты и торговое мореплаваніе Французовъ, возникавшіе волею Наполеонова генія? Поведеніе Англійскаго чиновника въ Пондишери оправдываетъ подобное подозрѣніе, а двукратное раззореніе Копенгагена, и множество другихъ событій подтверждаютъ вѣроятность такого замысла національной ненависти. — Надобно однакожь отдать справедливость правительству Мадраса: оно не захватило двухъ транспортовъ, прибывшихъ послѣ другихъ кораблей въ Пондишери. Но когда вскорѣ началась новая война между Наполеономъ и Англіею, въ Индіи не знали, что дѣлать съ 200-ми Французскихъ солдатами, тамъ оставшихся; они

(*) Остр. Бурбонъ названъ былъ тогда *остр. Бонапарте*, а *Портъ-Луи* на Иль-де-Франсѣ *портъ Наполеона*. Прим. Перев.

укрѣпились въ монетномъ Пондишерійскомъ дворѣ, и напрасно восемь сотъ Англичанъ, съ чешырьмя пушками, окружили ихъ и уговаривали сдаться. Ошказъ былъ единственнымъ отвѣтомъ адъютанта Бино. Послали спрашивать въ Мадрасъ, переговаривали, окружили Французовъ грозною силою; ничто не могло убѣдить храбрыхъ сдаться безъ условій. Двѣши человекъ принудили такимъ упорствомъ непріятеля, въ десятеро сильнѣйшаго, согласиться на перевезеніе ихъ во Францію, съ условіемъ не служишь полько прошивъ Англіи въ шеніе года. Безъ сомнѣнія, если въ эшомъ дѣлѣ Бино былъ достоинъ похвалы, за швердосъ въ опчаянномъ положеніи, то и Англійскіе начальники поступили благородно, пощадивъ горсть храбрыхъ людей, и удостоивъ ихъ чести свободнаго договора. Приказанія изъ Англіи предписывали совсѣмъ другое, ибо въ послѣдшви договаривавшіеся были спрого наказаны, за свое человекѣлюбіе выговоромъ Англійскаго Адмиралшества.

Высадивъ на Иль-де-Франсъ новаго губернашора, эскадра Линуа оставалась свободною, ибо ея препорученіе въ Индіи кончилось. Война кипѣла жестоко. Линуа рѣшился пустишься на крейсерство и спараться вредить торговлѣ Англичанъ въ Индіи. Окшября 8-го 1803 г. опплылъ онъ изъ Поршъ-Луи, съ кораблями *Marengo*, *la Sémillante*, *la Belle-Poule* и корветшою *le Berceau*, вновь прибывшею. На пуши захватили нѣсколько кораблей Остъ-Индской Компаніи, опправили ихъ въ Иль-де-Франсъ, и напали на Бенкуленъ, пошомъ пере-

шли въ Зондскій проливъ. Всѣ корабли Англійскіе въ Бенкуленѣ и Селлабарѣ были уничтожены. Причиненный убытокъ оцѣняли въ 42-ть милліоновъ. Но собственноснѣ шудемцовъ была свято сохраняема.

Ошъ Бенкулена, Линуа прибылъ въ Батавію, 4-го Декабря 1803 года. Мѣсяць оспановки въ эшомъ нездоровомъ мѣспѣ заразилъ весь экипажъ лихорадками. Ошправляясь снова, съ присовокупленіемъ къ эскадрѣ Голландскаго брига, Адмиралъ имѣлъ на корабляхъ своихъ множество больныхъ. Прощедши Гаспарскимъ проливомъ, въ Январѣ 1804 года находился онъ въ виду оспрова Пуло-Аоръ, при входѣ въ Кишайское море. Въ эшо время конвой Оспъ-Индской Компаніи выходятъ изъ Каннона и плывутъ въ Англію. Линуа думалъ захватить ихъ и поживиться богатыми призами. Дѣйствительно, Февраля 14-го показались подъ вѣшромъ двадцать кораблей. Но обманушый извѣстіями, Линуа ошибся въ расчетѣ непріательской силы, началъ не рѣшительно, и едва загремѣли непріательскія пушки, подумалъ, что имѣетъ дѣло съ военными кораблями, когда, напрошивъ, всю зашину непріятели составляли одни Компанейскіе корабли (company-ships), слабо вооруженные. Линуа оробѣлъ, и послѣ небольшой переспрѣлки ошступилъ. Для усиленія его робости, Англичане показали даже видъ, что преслѣдуютъ его, и продолжали эшу удачную насмѣшку, пока нашли возможность убѣжать. Прибытіе въ Англію богатаго Каннонскаго флота, кошорымъ такъ легко могли

овладѣшь непріятели, произвело въ Лондонѣ всеобщую радость, не менѣе великой побѣды. Король лично вручилъ Капишану, начальнику конвоя, крестъ ордена Бани, а Компанія раздала милліоны въ награду экипажа.

Возвращаясь къ Иль-де-Франсу, Линуа приготовился въ новое крейсерство, съ *Маренго*, *Атлантою* и *la Sémillante*. Онъ посѣтилъ заливъ св. Августина въ Мозамбикскомъ проливѣ, перешелъ въ Индійскій Океанъ, захватилъ два груза большой цѣны, прошелъ въ Бенгальскій заливъ, былъ у Мазулипатнама и Консингва, и наконецъ явился передъ колонією Визигапатнамскою. Три Англійскіе корабля были шупъ на якорѣ, одинъ большой военный, другіе Компанейскіе, съ богатымъ грузомъ. Подъ Англійскимъ флагомъ, въ распахъ, подошелъ Линуа, и фрегаты его начали пальбу. Англичане отвѣчали съ кораблей и съ берега, и черезъ часъ битвы, когда *Маренго* вступилъ въ бой, Англійскій большой корабль бѣжалъ, два другіе пошонули. Но Линуа не умѣлъ докончить побѣды и удалился; Англичане увѣряли попомъ, что онъ бѣжалъ. Осташокъ продолжительнаго крейсерства Линуа не представляешь значительныхъ случаевъ. Счастливымъ въ избѣжаніи превосходныхъ силъ, онъ сдѣлалъ еще кампанію, былъ при входѣ въ Черное море и близъ Цейлана, разбилъ эскадру Командора Тоунбриджа, осанавливался близъ мыса Доброй Надежды, обходилъ почти всѣ мѣста по западному берегу Африки, и, по недоспадку запасовъ и снарядовъ, рѣшился возвратиться во Фран-

цію. Въ двѣнадцатый разъ, счиная съ опшлышїа своего изъ Бреста, перешель Линуа эквашоръ, и уже находился близъ Французскихъ береговъ, съ кораблями *Маренго* и *la Belle-Poule*. Марша 14-го 1806 г. встрѣшила его Англійская эскадра, изъ семи кораблей линейныхъ, двухъ фрегатшвъ и одной корвешшы. Линуа спарался удалиться, но его облавили, спѣснили, и для спасенїа чести надлежало сражашься. Два корабля его бились упорно прошивъ девяти, и сдались только послѣ опчаянаго сопротивленїа.

На волнахъ Индїйскаго Океана было еще замѣчательное дѣло, едва-ли не славнѣйшее въ лѣтописяхъ Французскаго флота. Англійскій линейный корабль *Tremendous*, о 74-хъ пушкахъ, провожалъ 12-ть большихъ вооруженныхъ кораблей Компанейскихъ. Сорока-пушечный фрегатшъ *la Canonnière* встрѣшился съ эшимъ флошомъ. Не смопря на неравенство силъ, Французскій капитанъ Бурейнъ спалъ подъ вѣшромъ, въ двухъ кабельшовахъ, съ опасностью погибнуть опъ непрїательскихъ выспрѣловъ; но можешъ бышь никогда, ни одинъ фрегатшъ не умѣлъ съ такою ловкостью вступитъ въ битву и выдержашъ ее. Бурейнъ хорошо зналъ искусство и храбросшь своихъ подчиненныхъ, увѣренный припомъ, что бѣгство будешъ бесполезно. Послѣ часовой битвы выгода оспалась рѣшишельно на споронѣ Французовъ: все было цѣло на фрегатшѣ, ибо выспрѣлы Англичанъ пролешали мимо, а между пѣмъ гораздо удачнѣе лешѣли выспрѣлы Французскїе. Вскорѣ Англійскій корабль приведенъ

былъ въ затруднительное положеніе. Выгода въпра перешла тогда къ Французамъ, и они успѣшили удалиться отъ своего грознаго противника. Напрасно Компанейскіе корабли хотѣли вступить въ битву; Бурейнъ не удостоивалъ даже отвѣтомъ ихъ безсильные выстрѣлы. Въ жару сраженія, экипажъ просилъ у Капитана приказа сбѣжиться на abordажъ, и Капитанъ едва могъ удержаться споль безразсудный порывъ отваги. Довольно было чести для сорока-пушечнаго фрегата отбить отъ семидесяти-четырехъ пушечнаго корабля, превосходнаго устройсва, помогаемаго 12-ю вооруженными купеческими кораблями.

Съ того времени до общаго мира въ 1814 году, Англія соединила въ Бенгальскомъ заливѣ споль важныя силы, что исторія Французскихъ владѣній Индіи въ обоихъ отношеніяхъ, мореходномъ и колоніальномъ, прекратилась рѣшительно. Взятіе Иль-де Франса и Бурбона не оставило нигдѣ прибѣжища даже и Французскимъ корсерамъ. Замѣтимъ славную защиту Портъ-Луи отъ силъ Англійскихъ, послѣ чего не постыдно было паденіе; замѣчательны были и частныя дѣла Французскихъ моряковъ, предшествовавшія потерѣ Иль-де-Франса. Капитанъ Дюперре, съ фрегатомъ *Беллоною*, прошелъ до устья Ганга въ 1809 году, взялъ тамъ Англійскій фрегатъ и корветшу, соединился съ фрегатомъ *Ла-Маншъ*, подъ начальствомъ Капитана Дорналь де-Гюи, отбилъ отъ преслѣдователей и возвратился въ Иль-де-Франсъ. Послѣ того надобно было уже только защищаться, а не

нападашь. Бывша при *Императорскомъ* порнѣ (что нынѣ *Юго-восточный*), гдѣ *Дюперре*, при пособіи *Буве* и *Мориса*, съ двумя фрегатами и корвешною, уничтожилъ четыре Англійскіе фрегата, *Сиріусъ*, *Нереиду*, *Ифигенію* и *Колдунью*; попомъ взяшіе фрегата *Африканка*, капитаномъ *Буве*, и множество другихъ событій въ такомъ родѣ означили уничтоженіе Французской морской силы внѣ предѣловъ Европы. Рядомъ съ *Сюркуфомъ*, *Трегуаромъ*, *Льермитомъ*, *Бержере*, *Мальру*, *Иль-де-Франсъ* горделиво сшавишъ имена *Гамелена*, *Дюперре*, *Дорналь де-Гюи*, *Мориса*, *Лемарана*, *Мула*, *Ле-Бретона*, *Рене Декана* и другихъ, оспаривавшихъ превосмогавшую силу Англій, и опчаянно бывшихъ за послѣднее мѣсто въ Индійскихъ моряхъ, гдѣ вѣялъ еще флагъ Французскій.

Послѣ 1814 года, въ числѣ заведеній Индійскихъ, уступленныхъ Франціи изъ одного горделиваго великодушія, находилось и *Пондишери*. Восмнадцать лѣтъ пишины и спокойствія, прошекшихъ съ того времени, едва возстановили эшотъ бѣдный городъ. Скупые при своемъ великодушіи, Англичане ограничили весь округъ земли, уступленный съ *Пондишери*, квадрашною лѣе проспрансхва, такъ, что при первомъ знакѣ войны, Англичане всшуняшъ въ эшо владѣніе, кошорое на свой счешъ обрабошывающъ и улучшающъ для нихъ Французы. И шрудно-ли будетъ подобное дѣло? *Пондишери* шеперь уже не есть крѣпкое военное заселеніе, но мирная шорговая факторія, съ магазинами вмѣсто крѣпости, съ аллеями вмѣсто валовъ. —

Можно-бы надѣяться, что нынѣ, при болѣе здравыхъ понятіяхъ о войнѣ, на случай разрыва колоніямъ позволяющъ осмѣиваться въ неуправномъ положеніи, такъ, чтобы раззореніе не поспигало бѣдныхъ колонисповъ. Это былъ-бы первый шагъ къ рѣшенію болѣе отдаленнаго вопроса, о предоставленіи всѣмъ колоніямъ Европейскимъ независимаго владѣнія производительными силами своими и свободы торговли. Превосходные опыты, сдѣланные въ Кубѣ и Синкапурѣ, должны-бы казаться показатъ, какія важныя слѣдствія можешь произвести эта здравая система понятій о правахъ человѣчества.

Окрестности Пондишери, украшенные длинными аллеями и пересѣкаемые великолѣпными садами, заключающъ въ себѣ множество Индійскихъ деревень, вообще называемыхъ *альде*. Здѣсь вырабатываются извѣстныя синія шкани, или гини, производство кошорыхъ осталось за Пондишери, какъ выработка плашковъ Индійскихъ за Мадрасомъ. Въ моемъ паланкинѣ, я путешествовалъ по многимъ альде, и почти у каждого семейства находилъ шамъ шкацкое заведеніе. Вездѣ встрѣише шкача, передъ спанкомъ, удивительно простымъ, состоящимъ изъ двухъ опрубокъ на чешырехъ деревянныхъ брускахъ, сквозь кошорые проходитъ цѣпь; они поддерживаются, одинъ двумя веревками, прицѣпленными къ пошолку, иногда на открышомъ воздухѣ къ дереву, другой двумя веревками, связанными къ ногамъ шкача. Подлѣ находишся работникъ, связывающій ниши шкани, прядильщица

съ своимъ колесомъ, размазывальница, опдѣлыва-
 шель шканей, красильщикъ, рисовальщикъ, всѣ
 распредѣленные на каспы, такъ, что каждое оп-
 дѣленіе работы вѣчно производился извѣстнымъ и
 однимъ работникомъ, его сыномъ и внукомъ. При
 всей неопытности моей въ мѣстныхъ познаніяхъ, я
 могъ уже различить здѣсь рѣшительное раздѣленіе
 каспъ, основанное на строгой системѣ полиииче-
 ской и религіозной. Этомуъ обычай—дѣлили всѣхъ
 людей на разряды, отъ Парии до Брамина, и пред-
 писывали имъ іерархическое устройство, съ копо-
 рымъ соединены права и обязанности раздѣльныя,
 восходящія къ опдаленнѣйшимъ временамъ Индій-
 ской Истории. Но какъ странно это для непривык-
 шихъ глазъ и понятій Европейца! Только въ Каль-
 куппѣ и Бенаресѣ, этихъ священныхъ Индійскихъ
 вѣрованій, могъ я сообразить свои впечатлѣнія и
 дать въ нихъ опчетъ умственнымъ идеямъ. Те-
 перь бродилъ я еще повсюду, просто, какъ любо-
 пытный пришелецъ, который все хочетъ напередъ
 видѣть, а потомъ уже спанетъ опдавать себя
 опчетъ въ видѣнномъ. Будучи господемъ въ Понди-
 шери, спарался я узнать, въ чемъ состояли блескъ,
 богатство, торговое движеніе этого города въ
 славныя времена Дюплекса. Въ окрестностяхъ и
 въ городѣ искалъ я слѣдовъ прешедшаго величія
 Французскаго. Мое положеніе походило на поло-
 женіе бѣднаго Гафнера, Голландскаго спранство-
 вателя, долгое время жившаго въ мѣстечкѣ Сад-
 расѣ, на сѣверѣ отъ Пондишери. Онъ пришелъ сюда
 въ послѣдствіи еще разъ, когда мѣстечко это

было опустошено, сожжено, изпреблено Англичанами. Бѣдный Гафнеръ описалъ скорбь свою въ книгѣ, гдѣ говоришь объ уничтоженномъ городкѣ, и описываетъ всѣ прежнія подробности его быта; приведу здѣсь нѣсколько словъ, могущихъ дать поняшіе о нравахъ и жизни вообще въ колоніяхъ Европейскихъ въ Индіи; мнѣ кажется, не лѣзя говоришь прогашельнѣ, проснѣ и краснорѣчнѣ — шупъ все живо передъ вашими глазами.

«Здѣсь — говоришь Гафнеръ — здѣсь бывали у насъ бѣлильни, и на эпомъ полѣ видалъ я, какъ молодая дѣвушка обливали водою расшпанушыя по полю шкани, и беспечно пѣли веселыя пѣсни. Далѣе, въ эпомъ опдѣленіи была красильня, вся заставленная горшками, гдѣ варились индиговыя краски для шканей. Въ эшой улицѣ живали бѣлильщики, а шупъ, подлѣ эшихъ кокосовъ, работали шкачи; далѣе, въ эшихъ разрушенныхъ зданіяхъ жили рисовальщики шканей.

«Вопъ домъ, гдѣ было училище; издалека слышенъ былъ здѣсь шумъ, производимый Малабарскими учениками, и шрудно было поняшь, какъ сосѣди могли выдержатъ эшотъ безпорядочный лепешъ и говоръ. Большіе мальчики кричали здѣсь свои *арандшелъ ведомбу* (спихи, выученные наизусъ); маленькіе швердили громко свою *атаховре* (азбуку); шѣ въ слухъ учились считашъ, эши напѣвали свои *пурана* (выписки изъ священныхъ книгъ). Передъ дверьми шѣснилась шолпа мальчиковъ; они сидѣли на землѣ, сложа подъ себя ноги, и черпили на пескѣ пальцами буквы, произнося ихъ

въ то-же время во весь голосъ. Весь э́пошъ ма-ленькій народъ кричалъ и возглашалъ такъ гром-ко, что едва можно было разслушать грозныя вос-клищанія ихъ *гуру* (учителя).

«Остановимся здѣсь, передъ э́пою длинною и широкою улицею, гдѣ былъ *базаръ*. Опусш́лое про-странство э́по бывало прежде покрыто муравей-никомъ Индйцевъ. Когда по ушрамъ я прихаживалъ сюда, двойными рядами сидѣли шумъ торго-ши, склоняясь къ землѣ, провозглашая названія сво-ихъ товаровъ, и ласково уговаривали прохожихъ покупать.

»Въ базарные дни, какое любопытное бывало здѣсь зрѣлище, какой шумъ, какое движеніе! Оби-татели Садраса и окрестностей его приходили съ товаромъ; молодая Индіянки, дѣвушки и жен-щины, несли корзины съ плодами и цвѣтами; про-давцы, обремененные корзинами сарачинскаго пше-на, *тинне*, *нагенье* и другихъ зеренъ; старухи, съ своими горшками и рогожками; разнощики, съ пря-носцами, табакомъ, *арекомъ*, *оллями* — пальмовыми лисьями, на которыхъ Малабарцы пишутъ желѣз-ною иглою—наконецъ, торговцы сандалнаго дерева, пальмоваго сахара, и всякой всячины — всѣ бывали здѣсь.

« Недалеко отъ торговцевъ стояли *бике - кайены* (фокусники), далеко превосходившіе все, что толь-ко подобнаго знаютъ въ Европѣ; *жаньямы*, пред-вѣщатели будущаго; *путту-керетже*, накалывающіе фигуры и эмблеммы на рукахъ и на тѣлѣ; *агапе*, продавицы браслетовъ, корзищицы, пирожницы.

«Едва настанешъ бывало день, вошъ и опши-
рають лавки, и являюща *баніаны* (купцы), съ своимъ
пробнымъ камнемъ, съ своими вѣсочками, съ свои-
ми мѣшками, наполненными кашей, *фанамъ* и *рупій*;
другіе раскладываютъ свои ткани и товары. Ни-
щіе брамины стоятъ подлѣ своихъ пагодовъ, или
передъ домами богашыхъ браминовъ, между шѣмъ
какъ *факиры*, совершенно нагіе, бродяшъ въ толпѣ
и просяшъ подаянія.

«Девяшъ часовъ, или около того; сошлись по-
купатели, зрители — рынокъ полонъ, толпа шѣс-
нишя, крики усилились — тысячи голосовъ повшо-
ряють, всякій свое: *Мангаи палута мангаи* (манги,
свѣжія манги)! — *Пити* (шамариндъ)! — *Валейпа-
тамъ* (желтые бананы)! — *Тайеръ венема тайеръ* (ки-
слое молоко, кому кислаго молока)! — *Урга* (ва-
реные плоды)! — *Ней веней* (свѣжее масло)! — *Кира,
кира* (овощи, овощи)! — *Паку ветеле* (арекъ и бе-
шель)! — *Тенга еланаръ* (орѣхи кокосовые)! —
Лонга, лонга (пальмовыя яблоки)! — *Венжагамъ*
(лукъ)! — И за всѣмъ эшимъ слѣдуюшъ голоса и ку-
плены *саньясовъ*, съ ихъ шумными цимбалами, бара-
банами *жогіевъ*, колокольчиками *пугари*, и кромѣ
того слышно карканье воронъ, спадами лешаю-
щихъ повсюду, среди эшой подвижной, шумной
толпы, подсперегающихъ благопріятную минушу
схватишъ какой нибудь кусочекъ — и все это со-
ставляло такой шумъ, такой говоръ, о кошоромъ
не можешъ составишъ себѣ понятія шопъ, кто
самъ не слыхалъ его.

«И вошъ сквозъ эшу толпу пробирается *берье-*

сошергъ, быкъ принадлежащій пагоду, едва удостоивая принявъ отъ доброхошныхъ дашелей какую нибудь пищу. Ему предлагають лучшую зелень, его ласкають, зовушь, всякій радъ его поподчиваешь чѣмъ нибудь. Это священный быкъ: презубецъ, напечатанный горячимъ желѣзомъ на его живомѣ, показываешь вамъ, что эшошь быкъ принадлежишь пагоду. Никогда и ничего онъ не работаешь, бродишь гдѣ ему угодно, берешь все что захочешь, и никшо не осмѣливаешь отогнашь его. Ночью уходишь онъ въ пагодъ. Одна бѣда ему: если онъ забредеть за городъ, Музульмане, либо Европейцы убьюшь великаго шунейдца — онъ шакой жирный....

«Въ чешыре часа вѣешь вѣшерокъ съ гавани, и мы идемъ въ рошу, освѣжишься *каллу* (пальмовкой). Наспупаешь вечеръ; мы принимаемся за нашъ обѣдъ. Вошь *карри-секко*, *арось погерье* (нѣжное пшено), жаренныя пшицы, *карватъ* (хорошая рыба), сухіе плоды. Никогда не упошребляли мы ни вилокъ, ни ложекъ при нашемъ *карри*: оно вкуснѣе, когда берушь его руками.

«Послѣ ужина все такъ весело — пьюшь пиво, пуншь, лимонадъ, чай, жуюшь бешель, зажигають сигарки, поють Индійскіе *шикоттъье* (куплены) и *шакра* (пѣсни), аккомпанируютъ цимбалами и гитарой, танцуютъ фанданго и кадрили.

«Когда я сравниваю эшу одичалую, безмолвную пусшыню съ прежними картинами довольства, дѣятельности, изобилія — проси меня, Господи! — я готовъ проклиная опустошителей Садраса!

Какъ унылы эти сѣрія, однообразныя поля, прежде покрытыя переливною зеленью пшена сарачинскаго! Въмѣсто нашихъ огородовъ и нашихъ садовъ—пусыри, заросшіе шерномъ и дикою правою! Куда дѣвались прохладныя рощи кокосовъ, гдѣ внималъ я шрепешаніе *калдейра* колючаго, гдѣ *тримонтея* свободно росла въ проспраншво поднебесное! Сочныя *лонга* падають бесполезно, и желтые *пангаи* лопаются и гніють на землѣ.....

«Нѣтъ! не будемъ уже *пугари* воспѣвать народу пѣсни о памятныхъ дѣлахъ Индійскихъ боговъ; бродящій браминъ не расскажетъ болѣе о любви *Шивы*, бога разрушенія, ни о войнахъ между *Деитта* и *Деутта*; онъ не понесетъ въ шоржеспвенномъ обрядѣ изображеній своихъ боговъ, при звукахъ *таре*, подъ вязаницами цвѣшовъ! Огромныя бумажныя чудовища, съ людьми въ нихъ заключенными, не спанутъ рычатъ, пугать и веселить народъ. Нѣтъ! священные обряды Индійцевъ исчезли въ *Садрасѣ*—храмы пусы; дерзскій Европеецъ и нечиспый *Паріа* свободно идутъ въ нихъ!

«Вижу забвенные испуканы *Вишну*, *Брамы*, *Шивы*, прежде всегда вымазанные масломъ и украшенные цвѣшами. Они здѣсь еще, но безъ вѣрованія, безъ жрецовъ, какъ ниспадшее величіе. Нѣтъ поклонниковъ, опиравшихъ своими лицами пылъ пороговъ; нѣтъ изувѣрныхъ спрадальцевъ, висѣвшихъ на крючьяхъ, продѣшыхъ сквозь шѣло ихъ; нѣтъ хипрецовъ, ходившихъ въ чesпѣ боговъ по горящимъ угольямъ; нѣтъ людей, бросавшихся подъ колесницы священныя, нѣтъ *деведасси*, баядерокъ, спано-

визшихся рядами, съ цвѣтными шалями, передъ уродливыми испуканами—нѣтъ даже ручныхъ обезьянъ, жилищъ пагода, цѣплявшихся, кривлявшихся по кровлямъ; ихъ не кому было болѣе кормить—онѣ убѣжали въ поля.»

Всѣ эти описанія добродушнаго Гафнера переносятъ спранника въ цвѣщущія времена Пондичери. И здѣсь, еще болѣе нежели въ Садрасѣ, бывали шумные базары, Индійскіе праздники, пагоды, вся эта шумная, Воспощная, Индійская мѣшность, столь спранная, но столь и пошеческая, и все, какъ въ Садрасѣ, опущено мечемъ и огнемъ, все пало въ запущеніе.

Въ прогулкахъ моихъ по окрестнымъ альде, мнѣ былъ досугъ разсматривать и различать обычаи и нравы природныхъ обитателей, живущихъ вмѣстѣ, но никогда не смѣшивающихся. Среди различныхъ одна отъ другой кастъ Индійскихъ, узнаете Музульманъ, изъ коихъ одни послѣдователи Алія, другія Мугаммеда, замѣтныхъ по ихъ правильнымъ, благороднымъ чертамъ лица, по ихъ мощнымъ членамъ, по ихъ важной, угрюмой осанкѣ, по ихъ бѣлымъ чалмамъ и широкимъ шароварамъ. Обожаели Вишну проводятъ на лбу двѣ бѣлыя черты, раздѣленные желтою черпою; эти знаки спавятъ они себѣ каждое утро, разводя краску съ коровьимъ навозомъ. Бонзы, родъ покаянниковъ Индійскихъ, доводятъ такой признакъ благочестія до излишества, испещряя себѣ все шло бѣлыми полосами. Одежаніе Индійцевъ состоить изъ бѣлыхъ шароваровъ, узкихъ около колѣна; оспальная

часпѣ шѣла ихъ отккрыта, и только богатые носятъ еще бумажныя рубашки. Одѣяніе женщинъ разнообразнѣе; иногда состоишъ оно изъ юбки Гинейской шкани, голубаго цвѣта, доспигающей до икрѣ, и изъ лоскуша, закрывающаго грудь и падающаго на спину; иногда изъ узкаго плашья съ рукавами, и наконецъ изъ широкаго плашья, перехваченнаго поясомъ.

Пондишерійскія альде вообще показываютъ довольство. Хижины въ нихъ похожи одна на другую, построены изъ соломы, и обыкновенно дѣляшся на двѣ часпи, одну гдѣ живутъ мужчины, другую гдѣ обитають женщины. Домашняя утварь въ хижинахъ состоишъ изъ рогожекъ, разоспанныхъ по полу, нѣсколькихъ звѣриныхъ шкуръ, или бумажнаго ковра, кучи шканей, и ящика, гдѣ складываешся одежда цѣлаго семейства. Нисшія каспы, состояющія прислугу, или опсправляющія работы, почишаемыя погаными и предоспавленныя паріямъ, живутъ въ бѣдныхъ канурахъ; вся одежда ихъ — лоскушъ шкани, едва прикрывающій шѣло отъ поясницы до икрѣ.

Въ каждой альде легко распознашъ жилища различныхъ каспъ. Браминскія опспичаються обширностью, формою постройки и множествомъ прислужниковъ. Женщины обитають въ верхней часпи домовъ, какъ совершенныя заповорницы, занимаясь домашними работами и будучи покорными невольницами своихъ мужей. Обычай раздѣляетъ въ Индіи мужгину отъ женщины безмѣрными преимуществами. Браминъ замѣшенъ по своему бѣлому каф-

шану, искусно драпированному на плечахъ, по своему шучному шѣлу, и походкѣ, важной, горделивой, высокомерной. Жены Браминовъ, никогда неупражняющіяся въ тяжелой работѣ, вообще красивы и стройны; зубы у нихъ бѣлые; глаза черные, обведенные голубымъ кружкомъ; грудь полная, ножки маленькія и руки нѣжныя. Спрашныя охотницы до нарядовъ, онѣ обременяютъ себѣ руки и ноги золотыми кольцами, носятъ кольца на шеѣ, на лбу, въ волосахъ. Широкія шаровары, прикрытыя рубашкою, и лоскутъ шкани, копорый драпируется на шеѣ, головѣ и плечахъ, составляютъ обыкновенный нарядъ ихъ. Иныя Браминки продаютъ золотыя кольца даже сквозь носъ—украшеніе безобразное, къ копорому никакъ не можешь привыкнуть глазъ Европейца.

Опдохнувъ нѣсколько часовъ въ альде, мои носильщики обратились въ городъ. Дорога представляла намъ любопытное зрѣлище; шутъ шѣснились шѣлеги, наполненные припасами; Европейскія кареты и коляски, за дорогую цѣну получаемыя изъ Лондона и Калькутты; щегольскіе паланкины, покрытые украшениями и оплечные красивымъ одѣяніемъ носильщиковъ; наконецъ, гади, или Малабарскія повозки, родъ подвижныхъ бесѣдокъ, везомыхъ двумя быками, бодрыми и проворными, не хуже доброй лошади. Спраный экипажъ эшотъ есть одинъ изъ самыхъ употребительныхъ между богатыми шучемцами; удобный и легкій, онъ обыкновенно псприпся коврами и позолошою; быки, везущіе его, нерѣдко имѣютъ на рогахъ золотыя кольца, или цѣпи;

иногда даже раскрашиваютъ имъ грудь, ноги и шло.

Не вступая еще въ городъ, мы остановились близъ *шаултри*, или Индйской гостинницы. Такая гостинница бываетъ обыкновенно похожа на Турецкій караванъ-сарай. Это особенное убъжище, открытое для всѣхъ странниковъ; здѣсь, какъ въ мѣстѣ исключенія, всѣ каспы допускаются, всѣ вѣрованія обитаютъ подъ одною кровлею; тутъ есть даже мѣсто и для Парии, котораго гонятъ изъ всякаго другаго обиталища, какъ живошное гадкое и нечистое; сюда доступенъ входъ Европейцу, Музульманину, Армянину, Кишайцу, и проч.— Это гостепріимство космополитское, милосердіе благочесливое, въ самомъ обширномъ и возвышенномъ значеніи. Шаултри состоитъ всегда изъ обширнаго зданія, которое дѣлится на множество комнатъ, безъ всякаго убранства. Въ каждой комнатѣ могутъ помѣщаться одинъ, или нѣсколько странниковъ, а внѣшняя галлерей опредѣлена для каспы поганныхъ. Въ толпѣ многоразличныхъ гостей наблюдается терпимостъ удивительная и нравственностъ самая строгая. Рѣдко бываетъ, чтобы шаултри осмѣлился кто нибудь обезчестить ссорою, или воровствомъ. Добрый Гафнеръ говоритъ объ этихъ заведеніяхъ съ прогашельною горесью. «Прелестна была наша шаултри Мушекарренская; спояла она далеко отъ дороги, въ величественной роцѣ, орошаемой источникомъ воды. Недавно построенная, она издали свѣсилась своими зданіями, выбѣленными извѣскою и ошли-

чалась своею галлсреею съ столбами. Когда бывало жарко, спранники спали въ этой галлереѣ. Подлѣ былъ обширный, многоводный прудъ, въ который глядѣлись высокіе кокосы, а далѣе, подлѣ храма Парваши (Индійской Минервы) и храма Полеара, зыблились деревья сада, обремененныя плодами превосходнаго вкуса. Основанныя ревностью благочестивыхъ, шаулпри бывающъ иногда снабжены доходами, позволяющими имъ роскошное гостепріимство; вмѣстѣ канджевой воды (воды съ сарачинскимъ пшеномъ), предлагаемой каждому Браминъ, нерѣдко спранникъ находишъ въ нихъ безденежную раздачу сарачинскаго пшена, кореньевъ, дровъ и соломы для лошадей.»

Учрежденіе шаулпри бываетъ не рѣдко исполненіемъ обѣща въ очищеніе совѣсти. Богачъ, запятнавшій себя преступленіемъ, корыстолюбивый лихоимецъ, сильный злодѣй, спарающа загладишъ передъ Богомъ свои грѣхи такимъ благочестивымъ дѣломъ. Опъ того, вся Индія усеѣяна подобными заведеніями. Почти каждое изъ нихъ украшается внутри барельефами, изображающими самыя соблазнительныя фигуры, какія только можно вообразить. Религіозный обычай, въ слѣдствіе коего сооружаются шаулпри, не повелѣваетъ-ли этого, какъ необходимой ихъ принадлежности—не знаю.

На одной изъ Пондишерійскихъ площадей я увидѣлъ толпу Индійцевъ, обратившую на себя мое вниманіе. Мы оешановились на минушю: это были фокусники Индійскіе. Почти нагіе, прикрытые только кускомъ шкани, повѣшеннымъ на грудь и

спину, они показывали удивительные опыты своего искусства. Передъ ними были раскладены шары и спаканы, которыми дѣйствовали они съ проворствомъ изумительнымъ, не прибѣгая къ пособию мѣшка, какъ дѣлаютъ это наши фокусники Европейскіе. Сума, находившаяся въ нѣкоторомъ разстояніи, заключала въ себѣ все остальныя орудія ихъ промысла. Шпуки начаты были двумя Индійцами, и состояли изъ обыкновенной игры спаканами, шарами, превращенія предметовъ, и всякаго *обморогиванія*. Пошомъ слѣдовало глошанье шпаги, глошанье разныхъ вещей и находка ихъ у другихъ; наконецъ балансировка на слабо натянутой веревкѣ, съ разными эквилибристическими принадлежностями, шпагой на носу, на подбородкѣ и гдѣ угодно. Все это было показано весьма просто, ловко, безъ усилій и безъ робости. Но вообще однакожь, если Индійцы и были первоначальными учителями въ фокусёрствѣ, они должны теперь успушить своимъ Парижскимъ и Лондонскимъ ученикамъ. Говорятъ, будто есть нѣкоторые Индійскіе фокусы, оныхъ которыхъ можно изумиться, и которые не слыханы въ Европѣ, но я не видалъ такихъ фокусовъ. Вотъ, что рассказываетъ Г-нъ Кауншеръ, въ своемъ альманахѣ:

«Молодая и красивая женщина, бывшая въ числѣ Индійскихъ фокусниковъ, надѣла на голову родъ повязки, или вѣнчика, оныхъ котораго, въ равномъ разстояніи одинъ къ другому, висѣли двадцать лентъ, одинакой длины; у каждой на концѣ былъ завязанъ узелъ. Подъ рукою держала она корзинъ

ку, и въ ней расположено было порядкомъ 20-ть куриныхъ яицъ. Корзинка, вѣнчикъ, яйца, все было намъ показано напередъ; обмана никакого не было; шшука производилась днемъ, и каждый могъ разсмотрѣть всѣ вещи и уловки очень хорошо. Фокусница опошла на нѣсколько шаговъ отъ насъ, перевернулась, и начала помаленьку вертѣться, не сходя съ мѣста, но наконецъ такъ быспро и скоро, что голова у меня закружилась; казалось, это была не женщина, но оживленный кубарь. Когда скоростъ доведена была фокусницею до изумительной быспрошты, она схватила одну изъ лентъ, составлявшихъ при ея движеніи какъ будто кружокъ изъ лучей; не переставая усиленно вертѣться, она положила одно яйцо на конецъ ленты, въ узелъ, опустила ленту, взяла другую, положила другое яйцо, и продолжала такимъ образомъ, пока всѣ яйца помѣстились въ лентахъ; вертѣлась съ ними нѣсколько времени безъ остановки; попомъ развязывала всѣ ленты, снимала яйца одно за другимъ, и складывала ихъ порядкомъ въ корзинку. Едва кончилось это, она остановилась вдругъ, безъ всякаго усилія, и была неподвижна, будто мраморная статуя. Лицо ея было спокойно, никакой усталости и изнеможенія на немъ не было видно, хотя она произвела движеніе почти неимовѣрное.

«Едва кончился опытъ съ вертящеюся женщиной, въ средину собранія вступилъ сильный мужчина, свирѣпаго вида. Онъ держалъ въ рукахъ корзинку, и просилъ насъ осмошрѣть ее. Мы осмошрѣли и увѣрились, что это была обыкновенная

корзинка, какія дѣлаются въ Индіи, легкая, и вся сквозная. Фокусникъ подозвалъ къ себѣ послѣ того премилую дѣвочку, лѣтъ восьми, веселую, рѣзвую, смуглую, но очаровательной красоты и невинности; онъ посадилъ ее въ корзинку, закрылъ крышкою, и видъ его вдругъ сдѣлался ужасенъ. Онъ началъ спрашивать у дѣвочки; бѣдняжка опивѣчала изъ корзинки, и очарованіе было совершенное: мы не могли не убѣдиться, что точно изъ корзинки слышался намъ нѣжный, поненкій голосокъ въ отвѣтъ на грубый голосъ фокусника. Разговоръ продолжался нѣсколько минутъ, и, казалось, фокусникъ поспешенно приходишь въ ярость; вошъ онъ наконецъ, въ совершенномъ неистовствѣ, грозилъ убить дѣвочку; она просилъ пощады, помилованія, такимъ опчаяннымъ голосомъ, что заспаивалъ содрагаться. Вдругъ Индіецъ схватываешь ножъ, упираешь ногою въ корзинку, гдѣ, какъ всѣ мы были увѣрены, находишься дѣвочка, и съ дьявольскимъ смѣхомъ вонзаешь ножъ въ корзинку, еще и еще.... О! эшо была минута ужасная! Все звѣрство Азіяца выражалось на лицѣ убійцы, а вопли и крики несчастной жертвы были несстерпимы—я едва могъ удерживать чувство гнѣва и жалости, едва не забылъ, что вижу фокусника—хотѣлъ броситься къ чудовищу; всѣ мои товарищи раздѣляли мои ощущенія, шрепешали, и были блѣдны отъ ужаса. Разумѣешь, каждый изъ насъ могъ разсудить, что для забавы нашей фокусникъ не рѣшился на убійство, споль хладнокровное и бесполезное. Но, мы истинно не могли перенести

этого зрѣлища, не оскорбляясь до глубины души — шакъ было оно естественнo! Чшо-же почувствовали мы, когда кровь потекла сквозь всѣ скважины корзинки, когда мы внимали посшепенно сшенанія умирающей, и корзинка шевелилась опъ ея смершныхъ судорогъ! И вошъ сшенанія смѣняющіся шяжкимъ хрипѣніемъ — вздохъ, послѣдній признакъ жизни — еще разъ..... глубокое молчаніе — она умерла!.... Послѣ нѣсколькихъ волшебныхъ словъ, убійца открываетъ корзинку, показываетъ намъ — шамъ никого нѣтъ; она пущая! Слѣды крови видны были на землѣ; но гдѣ трупъ дѣвочки? Черезъ нѣсколько мгновеній невольнаго удивленія, мы увидѣли ее: она прошѣснилась сквозь окружавшихъ насъ зришелей, веселая, рѣзвая, и — прошянула руку, прося наградить за ловкій обманъ. Мы охотно наградили ее. Въ восторгѣ опъ нашей щедрости, она проговорила намъ поэшическій саламъ (привѣтствіе) и вся шайка фокусниковъ опправилась вмѣстѣ съ нею. Обманъ зрѣнія былъ шѣмъ удивительнѣе, чшо во все то время, пока фокусникъ морочилъ насъ, онъ былъ въ удаленіи опъ всѣхъ. На нѣсколько фушовъ никто не приближался къ нему, и ни чѣмъ не могли помочь ему другіе....»

Мѣсто, гдѣ показывались въ моемъ присущствіи различные фокусы, было на площади, недалеко опъ главнаго Пондишерійскаго пагода; я рѣшился кшати посѣшить эшопъ Индійскій храмъ. Въ аллеѣ, къ нему ведущей, подъ деревомъ, сидѣлъ факиръ, запачканный, отвращительный нищій, кошорому исполненіе его обѣшовъ покаянія не мѣшало про-

сишь милоспѣи. Нѣсколько жрецовъ и Браминскихъ женъ бродили пушъ-же. Пагодъ предспавляешъ собою зданіе тяжелаго зодчества, поспроенное изъ сѣровашаго, швердаго какъ гранишь камня. Различныя изваянія украшають фасадъ его, и въ числѣ ихъ находимся изображеніе Индійскаго праздника, въ копоромъ ведутъ торжественно вола, въ сопровожденіи баядерокъ и музыканшовъ. Во внутреннемъ дворѣ пагода, въ первый разъ увидѣлъ я эшихъ, споль славныхъ прелеспницъ, называемыхъ Индійцами *деведасси*, или *деваллялы*, что значишь, по-Санскрипски, *служительницы божества*. Имя *баядерокъ*, переданное въ Европу, какъ названіе *Лаисъ* и *Фринъ* Индіи, блестящихъ всѣмъ очарованіемъ красоты и сладоспраспія, происходишь отъ Поршугальскаго слова: *Balleideras* (шанцовщица); эшимъ именемъ назвали деваллялъ первые Поршугальцы, прибывшіе въ Индію. Поэпическія, преувеличенныя описанія Райналя соспавили въ концѣ прошедшаго вѣка въ Европѣ такую громкую молву о баядеркахъ, что ее до сихъ поръ не могутъ уничтожишь всѣ новѣйшія, болѣе вѣрныя описанія. Повѣряшь-ли, что вмѣсто восхищительныхъ, воздушныхъ созданій, какими предспавилъ ихъ почтенный Аббанъ, баядерки соспавляютъ шолпы, или спарыхъ бабъ, находящихся при услугѣ и работѣ въ пагодахъ Индійскихъ, или молодыхъ женщинъ, спарѣющихъ преждевременно, и всего менѣе прелеспныхъ, хотя нѣкошорыя изъ нихъ и красивы? Сладоспраспныя пляски баядерокъ состояшь изъ насильственныхъ кривля-

ній и неблагоприспѣйныхъ плѣдженій, не только не очаровательныхъ, но даже непріятныхъ.

Деведасси выбираются изъ всѣхъ касшъ, за исключеніемъ только поганой касшы *Паріевъ*. Иногда выборъ эшотъ производится по неволѣ, иногда по собственной охотѣ. Дѣвушка, назначенная въ баядерки, должна бытъ приведена въ храмъ прежде совершеннолѣтія; ее щастельно осматривающъ, убѣждающъ въ ея красотѣ, ловкости, здоровьѣ, и когда испытаніе окажется удовлетворительнымъ, отдающъ ее подругамъ, уже принятымъ во храмъ. Тутъ моющъ ее въ священномъ прудѣ, одѣвающъ въ новое платье и убирающъ разными нарядами. Приготовленная такимъ образомъ, она оповодитъ ся къ старшему жрецу, который совершаетъ надъ нею разные обряды, и клеймитъ ее послѣ сего горячимъ желѣзомъ, печатью пагода, къ которой должна принадлежать вновь поступившая. Она получаетъ имя и званіе баядерки; ее учатъ читать, писать, пѣть, но особенно плясать. Она проходитъ полный курсъ всѣхъ уроковъ сладострасія, всѣхъ приманокъ наряда; ея назначеніе увлекать, прельщать поклонниковъ Браммы, и заискивать ихъ, какъ можно болѣе, жертвовать пагоду за то наслажденіе, которое доставляетъ имъ *служительница божества*, принадлежа по праву браминамъ, а потомъ каждому, кто хочетъ купить ея благосклонность. Надобно, чтобы богатый Индеецъ видѣлъ всѣ роскошныя формы плѣла ея, читалъ упоеніе въ глазахъ ея, чувствовалъ всю прелесть ея положеній, и такъ, чтобы самый скупой

согласился бросить за нее кошелекъ съ золопомъ въ казнохранилище пагода. Это повелѣвають баядеркѣ боги: по крайней мѣрѣ, такъ говоряшь ей Брамины, которые слышали все это отъ самихъ боговъ, и баядерки спараются исполнить волю боговъ своихъ, когда пляшуть передъ ихъ идолами, полунагія, въ легкой одеждѣ, заспегнушой серебрянымъ поясомъ, съ прибавкой полосапаго запана, споль прозрачнаго, что шѣло ихъ сквозить въ эпомъ одѣяніи. Длинные серьги, серебряныя и золошыя гремушки, которыми выбивають онѣ мѣру, и множесво навѣшенныхъ вездѣ колець, колокольчиковъ и аграфовъ, дополняють нарядъ священной танцовщицы.

Пляски баядерокъ состоятъ изъ разныхъ движеній, при чемъ споятъ онѣ рядами, одна противъ другой; однообразные звуки духовыхъ инструментовъ, сопровождаемые барабанами и цымбалами, успанавливають мѣру пляски. Въ пагодахъ, баядерки поють медленнымъ и унылымъ голосомъ похвалы дѣяніямъ Вишну.

Нѣкоторыя изъ баядерокъ предназначаются исключительно занятіямъ во храмахъ, но другія могутъ свободно ходить повсюду, и исполнять свои обязанности вездѣ, гдѣ имъ угодно. Никогда богатый Индіецъ не даетъ праздника безъ того, чтобы не пригласить баядерокъ, которымъ платить весьма дорого; онѣ необходимы, съ ихъ пѣніемъ и танцами, для развлеченія лѣниваго сладострасія гостей и хозяина.

Несчастный образъ жизни баядерокъ быстро

уничтожаетъ ихъ молодость и красоту. Въ 18, въ 20-ть лѣтъ, онѣ уже старухи. Тогда жрецы отпускаютъ ихъ, замѣняя новыми. Баядерки возвращаются къ своимъ роднымъ и вступаютъ въ супружество, такъ, что прежняя жизнь ихъ не бываетъ нисколько помѣхою препятствіемъ.

Баядерки, которыхъ видѣлъ я въ Пондишерійскомъ пагодѣ, всѣ были стары и некрасивы. Многія изъ нихъ находились подлѣ фоншана во внѣшнемъ дворѣ, и занимались мышемъ бѣлья для жрецовъ. Этотъ внѣшній дворъ составляетъ предѣлъ, за который не позволено входить непосвященнымъ въ таинства Индійской вѣры. Мой путешественникъ остановилъ меня, когда хотѣлъ я идти далѣе, и ничего не могъ-бы я узнать изъ внутренняго расположенія другаго двора, если-бы всѣ Европейцы были, подобно мнѣ, робки и несмѣлы. Ла-Пласъ, перешагнувшій запрещенную границу, говоритъ слѣдующее: «Вторая, внутренняя ограда пагода заключаетъ въ себѣ обширный, квадратный дворъ. Каменная галлерея, примкнушая однимъ краемъ къ стѣнамъ, а съ другаго края утвержденная на столбахъ, составляетъ родъ портика. Подъ нимъ увидѣлъ я множество жертвенниковъ, уставленныхъ маленькими каменными истуканами, безобразными, грубо изваянными, въ странныхъ положеніяхъ. Первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза по срединѣ двора, былъ столбъ, около 30-ти футовъ вышиною, раскрашенный разными красками; на верху его утверждена перекладина, вертящаяся кругомъ, и на обоихъ концахъ ея висятъ большіе

красные шары. Позади шолба, все посреди двора и прямо прошивъ входа, увидѣлъ я родъ небольшого храма, поспроенный изъ грубыхъ камней, покрытыхъ изваяніями разныхъ живошныхъ, въ нелѣпныхъ формахъ. Между чешырьмя шолбами, поддерживающими оспроконечную кровлю, оканчивающуюся шаромъ, спояло изображеніе вола, натуральной величины, изъ одного цѣльнаго сѣраго камня и опличной опдѣлки; живошное изображено было споящимъ на ногахъ, на огромномъ подножіи, обративъ голову къ низкой и маленькой двери храма. Опважно рѣшился я войдши въ эшопъ храмъ, и пересшупивъ черезъ порогъ дверей, очутился въ комнашѣ, спѣсны кошорой покрышы были грубыми изображеніями безобразныхъ идоловъ. Передъ ними, въ желѣзныхъ лампадкахъ, горѣло масло, распроспранявшее непріятный запахъ; полъ покрытъ былъ лисшьями, безъ сомнѣнія, принесенными опъ модельщиковъ; оспашки всѣхъ приношеній за прошедшіе дни еще не были убраны, и пошому опъ нихъ распроспранялся заразителный запахъ. Далѣе находилась комнаша, безъ всякаго другаго опверспія, кромѣ дверей; я приблизился къ дверямъ, и разсмошрѣлъ внушри идола, безобразной фигуры, вымазаннаго краскою и жиромъ; множесшво лампадъ, горѣвшихъ передъ нимъ, увеличивали ужасную вонь, выходившую изъ эшого гадкаго храма. Тушъ окружила меня шолпа жрецовъ, чрезвычайно недовольныхъ шѣмъ, что я оспѣлился пройдши такъ далеко въ свяшилище. Надобно было успушпшь, и оспавишъ храмъ, съ со-

жалѣніемъ, что я не могъ подробно разсмотрѣть другихъ предметовъ, въ немъ находившихся. »

Но Пондишерійскій пагодъ, представляющій даже и снаружи любопытныя подробности, опиюдь не можетъ сравниться съ чудесами Индійскихъ построений сего рода, какія встрѣчалъ я попомъ въ моемъ путешествіи. Самыя окрестности Пондишери представили уже мнѣ храмы любопытнѣе, богаче, и, безъ сомнѣнія, древнѣе по времени постройки; таковы пагоды *Вильнурскій* и *Трикиваретскій*.

Во время крашкаго пребыванія моего въ Пондишери, ни одинъ духовный праздникъ не привлекъ моего вниманія никакими странными и замѣчательными обрядами. Г-нъ Лапласъ, прибывшій черезъ два мѣсяца послѣ меня, былъ меня счастливѣе, и имѣлъ случай видѣть торжественные обряды прехъ вѣрованій, живущихъ здѣсь въ добромъ согласіи и терпимости. Перескажу крашко рассказъ его.

« Мы видѣли при праздника (говоритъ онъ), и первый изъ нихъ былъ *день огня*, торжествуемый Индійцами; другой памятъ какого-то великаго Мугаммеданскаго святаго; претій *Божій день* (*Fête-Dieu*), празднуемый Каполиками. Развлеченія необходимы въ здѣшней сторонѣ, и народъ ищетъ ихъ съ жадностью; терпимостьъ религіозная здѣсь такъ велика, что какой-бы праздникъ ни справляли, Индійскій, Мугаммеданскій, Хрисціанскій, равно османивливаются всѣ занятія и работы. Странно даже видѣть жишелей здѣшнихъ, почти

равно празднующихъ и торжество креста, и новолуніе; и лингамъ Браминскій.

« Праздникъ огня показался мнѣ болѣе гуляньемъ, нежели религіознымъ обрядомъ. На песчаной равнинѣ, проспирающей на сѣверъ отъ города, послѣ полудня собралось множество Индійцевъ, такъ, что мы съ прудомъ могли пробираться среди нихъ въ нашихъ паланкинахъ. Всѣ эши фізіогноміи, еще упрямъ того дня столь смиренныя, столь угрюмыя, приняли теперь видъ веселости и довольства, изумившій меня. Тишина, всегда замѣчаемая въ альде, замѣнилась смѣшаннымъ шумомъ, который сдѣлался даже несносенъ, когда присоединились къ нему пискливые и несогласные звуки инструментовъ Индійскихъ, и восклицанія толпы возвѣстили прибытіе процессіи, предводимой Браминами, и соспавленной изъ набожныхъ людей, желавшихъ очистишь грѣхи свои испытаніемъ огня. На ровномъ пространствѣ, расклали связки прутьевъ, занявшіе около 30-ти фузовъ въ длину и 45-ти въ ширину. Еще до прибытія кающихся, связки эши были зажжены и сгорѣли, но уголья оставались еще раскалены, догарали, и хоща кающіеся начали ходишь по горящему слою довольно скоро, но я увѣренъ, что не смощря на шо, эши бѣдныя жертвы фанатизма, или сообщники обмана жрецовъ, не могли-бы касаться ногами огня, какъ дѣлали они эшо въ моемъ присутствіи, не обжигаясь, если-бы ноги ихъ не были напередъ намазаны чѣмъ нибудь, даже предполагая, что отъ всегдашней привычки ходишь безъ обуви, ноги Ин-

дійцевъ вообще могутъ перенести огонь, нежели непривычныя ноги Европейца. Кающихся явилось до сорока человекъ. Нѣкоторые изъ нихъ, испуганные видомъ горящихъ угольевъ, отказались отъ испытанія, и принуждены были подвергнуться за то посмѣянію толпы; другіе, ободренные восклицаніями и похвалами, выдержали испытаніе мужественно и вспрѣчены привѣтствіями родныхъ и друзей. Во время самаго хожденія по огню и послѣ того, кающіеся не показывали никакого признака спраданія, и ходили легко и проворно; явно, что легковѣрный народъ былъ жертвою хитраго обмана. Впрочемъ, никто и не изъяслялъ большаго удивленія и благочестія. Всѣ смотрѣли на огненное испытаніе, какъ на зрѣлище увеселительное, а не на религіозный чудесный обрядъ, предназначенный для поученія и утвержденія народа въ вѣрѣ его.

« Было девять часовъ вечера, когда очутились мы смотрѣть праздникъ великаго Музульманскаго святаго. Трудно выразишь необыкновенное зрѣлище, представившееся здѣсь моимъ взорамъ. Небо являлось мрачно; непрерывныя молніи показывали, что день былъ чрезвычайно жаркій. Паланкины наши остановились въ концѣ аллеи, примыкающей къ альде, и съ перваго взгляда подумалъ я, что попался прямо въ адъ. Мы очутились среди толпы людей, несущихъ факелы и канфорки съ хлопками, напишанными кокосовымъ масломъ; синеватый цвѣтъ огня, при кривляньяхъ носильщиковъ, придавалъ имъ видъ настоящихъ демоновъ.— Съ боль-

шимъ прудомъ, подвергаясь опасности двадцать разъ задохнувшись, мы доспигли до часовни свяшаго. Это было небольшое, чешыреугольное зданіе; единственнае отверстіе въ немъ составляла маленькая и узкая дверь, кошую послѣ праздника немедленно запирающъ на цѣлый годъ. Сквозъ густой дымъ, производимый дюжиною запачканныхъ лампадъ, я различилъ родъ кашафалка, поставленый на полу и покрытый дряннымъ ковромъ, вешающъ кошораго, вѣрояшно, составляла всю его цѣну. Священникъ подалъ намъ по кусочку зажженнаго, пахучаго дерева, конечно, чувствуя необходимость этого пособія обонянію, среди нестерпимой вони. Каждый получалъ, кромѣ того, изъ рукъ его плешушку бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ, кошую надобно было надѣсть себѣ на шею. Мы исполнили это, къ большему удовольствію благочестиваго марабу. Но долго не могли мы шуть оставаться, и спѣшили видѣть подробности процессіи, приговорявшейся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ часовни. — Намъ заняла странная бесѣдка, устроенная изъ спеколь и разноцвѣтной бумаги; внутренность ея составляла чешыреугольникъ, чешыре фуша во всѣ стороны и при фуша вышины; надъ нею возвышался куполь вдвое выше, кошорый безпрестанно вертѣлъ кругомъ человекъ, скрытый во внутренности. Множество спиранныхъ, блестящихъ и расположенныхъ симметрически украшеній покрывали эту бесѣдку, освѣщенную десятью рядами свѣтъ, снизу доверху; верхъ ея также былъ освѣщенъ блестящимъ огнемъ. При ша-

комъ освѣщеніи, общность цѣлаго предспавляла зрѣлище замѣчательное и довольно пріятное. Бесѣдка эта ушверждалась на преогромныхъ носилкахъ, около которыхъ стояло двадцать человѣкъ сильныхъ носильщиковъ.

« Позади *сандана колонъ* (Индійское названіе этого огромнаго освѣщеннаго фонаря) находилась шѣлега, запряженная двумя волами, и на ней былъ ушвержденъ превеликій барабанъ, въ который безпрерывно били два человѣка. Во главѣ шествія присутствовалъ марабу, почтеннаго вида, одѣтый въ бѣлое платье, съ огромною чалмою на головѣ, также бѣлаго цвѣта; по сторонамъ его шли два носильщика хоругвей, испещренныхъ таинственными знаками; марабу произносилъ молитвы громкимъ голосомъ и съ важнымъ видомъ, которому не мѣшали ни вопли и кривлянія фокусника, вооруженнаго саблею, и производившаго ею ужасные размахи, ни шумъ, какой происходилъ отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, ударявшихъ въ бубны. Важность почтеннаго марабу подверглась однакожь сильному испытанію, когда процессія двинулась въ ходъ; шумъ начался настоящій демонскій содомъ: мычанье преогромныхъ, кривыхъ трубъ, пронзительный визгъ дудокъ, оглушающій грохотъ огромныхъ барабановъ, наконецъ рѣзкій, пронзительный ревъ роговъ, похожихъ на изображенные въ Лебрёневыхъ бишвахъ Александра. По крайней мѣрѣ, наши уши не могли выдержатъ этого оглушающаго написка, и мы бѣжали опрометью, чуть не оглохшіе, чуть не задохнувшись отъ дыма и неспо-

сной вони въ шѣсношѣ. Я едва могъ опдохнуть послѣ этого испытанія. Замѣчу однакожь, что ничего не можетъ быть кропче веселости Индійца; среди смятенія и шѣсношы, дракъ никогда примѣровъ не бываетъ, и такъ какъ Паріи изгнаны изъ всѣхъ торжествъ и праздниковъ, то пьяный человекъ показался-бы диковинкою среди людей, съ религіознымъ суевѣріемъ воздерживающихся отъ употребленія всякихъ винъ и крѣпкихъ напитковъ.

« Между шѣмъ приблизился праздникъ *Дня Божьяго*, и цѣлый городъ приготовился къ торжеству и опдыху.... По причинѣ жара, процессія оплещена была до шести часовъ вечера; я присутствовалъ при ней, со всѣми офицерами нашего корабля. Среди множества хоругвей и образовъ, шли маленькія дѣши, предсавлявшіе ангеловъ и святыхъ; не смотря на прелестныя личики ихъ, едва можно было удержаться отъ негодованія, видя спранный и смѣшной маскарадъ, въ какой превратило здѣшнее духовенство обрядъ самый священный. Индійцы собрались толпами смотрѣть на шествіе; множество Европейскихъ женщинъ шли за образами, и, кажется, не слишкомъ набожно. Они не забывали, что у нихъ вообще живые, быстрые глаза и лица недурны; жаль только, что вообще всѣ онѣ блѣдны, и одѣшы бываютъ вовсе безъ вкуса.

« При этомъ случаѣ, мнѣ удалось видѣть свиту, сопровождающую Губернатора при торжествахъ, и хотя нынѣшнее великолѣпіе есть только слабое

воспоминаніе о величіи, какое окружало начальниковъ Пондишери въ прежнія времена, когда владычество Франціи уважалось на всемъ Индійскомъ полуостровѣ, но все еще являлось оно значительнымъ. Восемь Индійцевъ, въ бѣлыхъ плащяхъ, красныхъ чалмахъ и шароварахъ, съ синими перевязями, украшенными серебрянымъ гербомъ Франціи, идутъ въ два ряда напередѣ процессіи. Это губернаторскіе піонеры, разсылщики повелѣній начальника, и ихъ званіе весьма важно. Пошомъ слѣдуютъ восемь Музульмановъ, одѣтыхъ также, съ усами, и, вмѣсто перевязей, съ длинными серебряными палками, у копорыхъ на концѣ шарикъ. Слѣдуетъ паланкинъ Губернатора, провожаемый чиновниками колоніи, за копорыми идутъ множество прислужниковъ.

« Среди народонаселенія вообще смирнаго, при нравахъ сплошь крошечныхъ, вооруженная сила почти не нужна. Поэтому вся полиція въ городѣ и его окрестностяхъ безъ труда исполняется одною рошею сипаевъ Индійскихъ, составляющихъ весь здѣшній гарнизонъ.

« Когда вечеромъ Губернаторъ возвращался къ себѣ домой, гвардейцы его составили два ряда подлѣ дома, кланялись ему до земли, и положивъ правую руку на грудь, произносили какое-то Индійское привѣтствіе. Насмѣшники увѣряютъ, будто это привѣтствіе состоитъ, по примѣру обожанія всѣхъ царей и начальниковъ Азійскихъ народовъ, въ великолѣпныхъ похвалахъ Губернатору, какъ-то: названіи его побѣдителемъ львовъ, из-

требителемъ тигровъ, и другихъ столь-же скромныхъ шишулахъ; но, кажется, что все ограничивается, напрошивъ того, желаніемъ начальнику спокойной ночи и добраго дня.»

Пондишери дѣлился на *бѣлый городъ* и *черный городъ*. Первый распростирается на берегу моря; другой, отдѣленный глубокимъ рвомъ, продолжается отъ него до городского вала. Народонаселеніе въ обѣихъ частяхъ, не считая предмѣстій, или альде, восходитъ даже и нынѣ до 40,000 чело-вѣкъ, и ежегодно увеличивается. Улицы немощенныя и усыпаны пескомъ. Около полудня трудно ходишь по городу, отъ сильнаго отраженія солнечныхъ лучей, утомляющаго зрѣніе. Дома въ бѣломъ городѣ обширны, щеголеваты, провѣиваются чистымъ воздухомъ, и всѣ украшены снаружи колоннами, бѣло-вышпукатуренными, отъ чего кажущаяся блестящими и чистыми. Съ внутренней стороны стѣны также бывающъ вышпукатурены, бѣлы, опрятны и блестящи. Шпукатурка здѣшняя состоитъ изъ извешки, яичнаго бѣлка и сахара; надобно Индійское перпѣніе накладывать и вширать ее въ надлежащей мѣрѣ. Оконченная, она дѣлается стѣны бѣлыми, какъ алебастръ, гладкими, какъ зеркало. Въ черномъ городѣ дома раздѣлены на отдѣльныя части, по кастамъ, которыя опіюды и нигдѣ не смѣшиваются.

Мебель въ Европейскихъ домахъ состоитъ, какъ и во всѣхъ колоніяхъ Индійскаго Океана, изъ Китайскихъ креселъ, канапе и постелей, сплетенныхъ изъ бамбука и рапана. У каждаго дома шер-

раса. Есть нѣсколько общественныхъ полезныхъ заведеній. Покрытые рынки, гдѣ всегда шолпяшся Индійцы, и магазины, куда запасаешся сарачинское пшено на неурожайные годы, показывающъ заботливостъ Европейскихъ власпей о шуземномъ народонаселеніи. Вообще, жизненные припасы обильны и недороги въ Пондишери, но соршовъ ихъ не много и качество низко. Мясо, котораго не бдяшъ шуземцы, оправдываетъ своимъ вкусомъ отвращеніе ихъ отъ сей пищи. Пшца мѣлка и худощава, но плоды прекрасны и вкусны, и овощи превосходны.

Число Европейцевъ въ Пондишери ограничивалось-бы весьма немногимъ, если-бы подъ симъ именемъ разумѣшъ только шѣ семейства, которыя никогда не смѣшивались съ шуземцами. Въ первыя времена колоніи, Пондишерійцы, сопровождаемые женами и дочерьми изъ Франціи, хваспались эшимъ, какъ особеннымъ опличіемъ отъ всѣхъ другихъ мѣстъ Индіи. Общество отъ того было превосходное. Богатые Англичане, Голландцы, Португальцы нарочно пріѣзжали изъ окрестныхъ мѣстъ, раздѣляшъ удовольствія и забавы Пондишери. Общественныя отношенія поддерживались на особенныхъ условіяхъ, неизвѣстныхъ ни въ какой другой колоніи, и Европейскій вкусъ казался здѣсь врожденнымъ. Равно изгнаны были холодная прожорливостъ Бришанцевъ и флегматическая вольностъ Голландская. Французская веселостъ, свойство столь драгоцѣнное, и столь упорно выдерживающее всѣ климаты и всякое вліяніе сосѣдства, любовь

къ развлеченію, праздникамъ и шуму, слѣдующая за Французомъ черезъ моря, необходимоснѣ разговора, размѣнѣ посѣщеній, все это, пересаженное въ Пондишери, дало здѣсь крѣпкіе корни на новой землѣ. Но въ слѣдствіе непрерывныхъ бѣдствій колоніи, все погибло въ послѣдствіи; лучшіе дома уничтожились; самое преданіе о прѣжнемъ тонѣ здѣшняго общества потерялось. Остаются кой-какія отраженія въ доспапочныхъ семействахъ, и въ смѣшанномъ обществѣ, происшедшемъ отъ соединенія Европейцевъ съ туземными женщинами. Изъ двадцати нынѣшнихъ домовъ въ Пондишери, девятнадцать происходятъ отъ смѣшанныхъ поколѣній. Молодыя дѣвушки чисто-Французскаго происхожденія считаются завидными невѣстами; безпрестанно сватаются за нихъ и увозятъ ихъ отсюда непрерывно въ Мадрасъ тамошніе чиновники и богатые купцы. Остаются то, что по злоупотребленію слова называется здѣсь *Португальскою* породою, но что собственно есть смѣшеніе Европейцевъ вообще съ туземцами. Этотъ народъ узнаете по его мѣдному цвѣту, сыранной физіогноміи и неизящнымъ формамъ. Почти всѣ здѣшнія мешисскія женщины толсты, едва не квадрашны, и съ некрасивыми лицами; щегольствомъ считаютъ онѣ надѣвать на себя все, что только есть у нихъ галантерейнаго, всѣ серебряныя и золотыя привѣски. Обыкновенно бывають онѣ, или любовницами бѣлыхъ, или женами мулатровъ и Армянъ. Всего опвращительнѣе привычка ихъ намазывать волосы кокосовымъ масломъ, отъ чего происхо-

дишъ неслосная вонь, когда мазанью прошло нѣ-
 сколько времени, и также употребленіе бешеля,
 обыкновенное между Индійцами обоихъ половъ. —
Бетель есть распеніе, родъ перца, листочки ко-
 шораго похожи формою на шелковичные, а площ-
 носшью на плющъ, гладки и темнозеленаго цвѣща.
 Запахъ опъ нихъ сильный и благовонный; вкусъ
 ихъ крѣпкій и вяжущій. Ихъ жуюшъ, приготавливая
 особеннымъ образомъ, съ чистою извеспкою и зер-
 нами арека. Опъ эшого выходитъ какая-то жвач-
 ка, кошорая сильно гонитъ слюну, и опъ шого,
 въ шомъ домѣ, гдѣ употребляютъ бешель, увиди-
 те повсюду плевалъницы, даже на сполахъ. Ёду-
 чешъ бешеля поршинъ и безобразинъ зубы, а
 арекъ, при чрезвычайномъ обиліи красильнаго сока,
 придаетъ деснамъ красный цвѣщъ. Ничего не мо-
 жешъ бытъ опврашительнѣе рша послѣ продолжи-
 тельнаго употребленія бешеля.

Я видѣлъ Пондишери черезъ шестнадцать лѣтъ
 посшояннаго мира, но все эшо продолжительное
 время, въ шорговыхъ опношеніяхъ, не могло урав-
 нятъ Французской колоніи противъ ея окрестныхъ
 соперницъ. Хошя гавань Пондишерійская самая без-
 опасная на берегу Коромандельскомъ, хошя здѣсь
 живетъ Генераль - Губернашоръ всѣхъ Азійскихъ
 владѣній Франціи, за всѣмъ шѣмъ Пондишери ни-
 чшо иное, какъ весьма посредшвенное мѣсто мѣ-
 ны небольшого количесшва здѣшнихъ шканей на
 оборошъ Европейскихъ грузовъ. Образовался было
 здѣсь еще недавно контрабандный шоргъ солью;
 но Англійская Опшъ-Индская Компанія, присвоив-

шая себѣ исключительное право на продажу соли въ Индіи, разжаловалась Англійскому правительству, и сильными ногами Сенъ-Джемскаго кабинета принуждены были воспретить сей родъ торговли Французскимъ колонистамъ. Столь строгое наблюденіе Англичанъ за каждымъ движеніемъ Французовъ въ Индіи есть слѣдствіе вѣрной системы, какую приняла въ семъ отношеніи Англія съ 1814 года. Одна идея руководствовала Англичанъ, при возвращеніи Франціи острова Бурбонскаго, гдѣ нѣтъ пріюта кораблямъ, и при отдачѣ колоній *Пондишери, Янауна, Карикала, Маге*, гдѣ нѣтъ торговли. Съ Касплерига началась посюнная мысль, что не надобно оставлять Французамъ ни одной гавани, гдѣ могъ-бы пріютишься какой нибудь ихъ военный корабль, и ни одного значительнаго рынка, гдѣ могли-бы останавливаться купеческіе корабли. Условія мира 1814 года были исполненіемъ такого рѣшительнаго изгнанія Французовъ, прикрытымъ уступками, которыя оказались въ послѣдствіи болѣе раззорительны, нежели полезны для Франціи. И всякій разъ, когда случай или изыскательная промышленность открываютъ Французамъ хоть маленькое средство вознагражденія, непременно должно ожидать отъ *Остъ-Индской Компаніи*, зависливой на всякое соперничество, упорной настойчивости въ требованіяхъ, дипломатическихъ напѣжекъ, хитросетей, и даже насилія, если оно покажется необходимо для истребленія малѣйшаго производствія ея видамъ неограниченнаго владычества Азіатскою торгов-

лею. Индія есть деревня, взятая на оброкъ Компанією Остъ-Индскою. Могущество этой Компаніи такъ велико, что если-бы самое правительство Англійское, руководимое болѣе возвышенными видами Политической Экономіи, захошело его уничтожить, то едва-ли достигнешь у него на это силъ.

Ткани, или *гине*, вырабатываемыя въ Пондишери, извѣстныя всюду подъ симъ названіемъ, продаются обыкновенно шюками, по 20-ти шпукъ. Другія здѣшнія ткани суть: набивные плашки, органди, канифасы и *камбай* для опуска въ Маниллу. Въ числѣ ходячей монеты полагаются *пагоды* съ звѣздочкою, *рупіи*, *фаноны* и *каши*.

Недѣли доспашочно было мнѣ собрать свѣдѣнія обо всемъ, что представляешь замѣчательнаго бѣдная Французская колонія. Какъ ни хошлось моему дубаши задержать меня долѣе, я назначилъ 3-е Мая 1830 г. непремѣннымъ днемъ отъѣзда моего изъ Пондишери, и рѣшился отправиться сухимъ путемъ въ Мадрасъ. Дорожный паланкинъ, нѣсколько Телингасскихъ *бое*, или носильщиковъ, паспортъ на прехъ языкахъ, чтобы избавишься отъ прищесненій Кернапикскихъ піонеровъ, шаковы были необходимыя заботы для моего путешествія. Все это доспалъ мнѣ мой дубаши, и какъ ни умѣренна была награда его, но онъ услуживалъ мнѣ до конца съ удивительною ревностью. Когда наступилъ часъ моего отъѣзда, вся моя домашняя челядь вы-

спроилась въ рядъ при выходѣ изъ дома—дубаши
впереди всѣхъ, и за шѣмъ мой піонеръ, мой по-
варъ, мой *мастаржи*, или поваренокъ, мой *наенатъ*,
или прачешникъ, и въ окончаніи всѣхъ *танигарки*,
или шѣши, бѣдные Паріи, нанятые для поганныхъ за-
нятій. Всему этому народу выдалъ я жалованье
за мѣсяць, и все это жалованье соспавило—*шест-*
десять франковъ.

Мои удалые бое пустились въ пушь, напѣвая у-
нылымъ, мѣрнымъ голосомъ, а я, роскошно разва-
лившись, положи голову на мягкую подушку, могъ
чишать, курить, спать, какъ мнѣ было угодно.
Обыкновенная мѣра суточного пушешествія въ па-
ланкинѣ полагается отъ 12-ми до 15 льѣ. Бое
проходятъ почти двѣ льѣ въ часъ, и больше бѣ-
гуть нежели идутъ, смѣняясь на бѣгу, такъ, что
паланкинъ ни сколько не останавливается. Дорога
изъ Пондишери въ Мадрасъ слѣдуетъ недалеко
отъ морскаго берега, при подошвѣ цѣпи *Гаттскихъ*
горъ. Около Жинжи, въ 7-ми льѣ отъ Пондишери,
видна цѣпь горъ *Трикиваретскихъ*, замѣчательныхъ
по находимымъ въ нихъ окаменѣлостямъ. Весь
эотъ берегъ, хорошо описанный Соннера, оби-
щаемъ *Тамулами*, названіе перековерканное Евро-
пейцами въ имя *Малабара*. Это народъ черно-
цвѣтный, довольно рослый и складный, но слабый
и прусливый. Нрава они веселаго, любятъ игры,
музыку и шанцы. Всегда презвые, они питаются
только сарачинскимъ пшеномъ, овощами, правами,
фруктами. Гигіеническія правила *гимнософистовъ*,

преобразованы здѣсь Браминами въ догматы вѣры. Употребленіе крѣпкихъ напишковъ строго воспрещается. Одежда жишелей во внутреннихъ альде мало различается отъ одежды обитателей приморскихъ. Лоскутъ шкани, отъ груди до колѣнъ; другой, которымъ обвертываютъ спину, и кисейная чалма—вошъ самый обыкновенный нарядъ здѣшней стороны. Прежде Малабарцы одѣвались по Монгольски, съ шую разницею, что Монголы запахиваютъ полу съ лѣвой, а Малабарцы съ правой стороны. Если Малабарецъ идетъ не босой, то въ сандаляхъ или паншукляхъ, съ кривыми носками. Уши ихъ обременены бываютъ золошыми кольцами. Женщины, вообще некрасивыя, закупываются въ лоскутъ шкани, въ среднихъ состояніяхъ, и въ Тибетскую шаль въ высшихъ званіяхъ. «Многія изъ здѣшнихъ женщинъ (говоритъ Соннера) надѣваютъ на каждую руку и на каждую ногу по 10-ти и 12 колецъ, золошыхъ, серебряныхъ, изъ слоновой кости, коралловыхъ; брячанье этихъ уборовъ при малѣйшемъ движеніи составляетъ величайшее ихъ наслажденіе; пальцы на рукахъ и на ногахъ унижаютъ онѣ обыкновенно большими кольцами, и подкрашиваютъ себя черною краскою около глазъ, думая, что это придаетъ болѣе выраженія взгляду; кисти рукъ и сступни ногъ красятъ онѣ красною краскою, сокомъ изъ листовъ растенія *минди*, называемаго Арабами *эни* (*Law sonia*). Въ нѣкоторыхъ кастахъ, женщины напираютъ лицо и все нѣло шафраномъ; серебряныя и золошыя ожерелья висятъ у многихъ до самаго живота; уши проши-

каются во многихъ мѣсахъ и увѣшиваются серьгами ; спрасть ко всякимъ привѣскамъ доходитъ до того , что ихъ продѣваютъ даже въ ноздри. Вдовы оставляютъ всякія украшенія , и одѣваются длиннымъ лоскутомъ бѣлой шкани, обвертывая его вокругъ шѣла, такъ , что одинъ конецъ идетъ съ права на лѣво, облекаетъ грудь, окутываетъ голову и падаетъ на правое плечо.»

Вошъ народонаселеніе , между копорымъ путешествовалъ я шеперь. Въ шеченіе дня мои бое нерѣдко останавливались въ лучшихъ и чаще другихъ посѣщаемыхъ шаулпри. Подлѣ нихъ всегда находили мы лавки, изъ копорыхъ продавали намъ сарачинское шшено и овощи. Кандапская шаулпри, въ полупорѣ мили отъ Пондишери, самая замѣчательная. Весь берегъ до самаго Мадраса устьянъ, такъ сказашъ, Малабарцами, и жилища ихъ непрерывно мелькаютъ въ рощахъ кокосовъ , пальмъ , тамариньеровъ и бамбука. Дорога безпрестанно пересѣкается источниками, текущими съ Гаппскихъ горъ.

Вечеромъ прибыли мы въ *Садрасъ* , небольшую факшорію , о копорой такъ горевалъ Голландецъ Гафнеръ. Мадрасскія войска раззорили здѣсь крѣпость въ 1781 году. Теперь, Садрасъ большая альде; Малабарскіе шорговцы здѣшніе умножили собою народонаселеніе Мадраса.—Недалеко отсюда мѣсто, называемое: *Семь пагодосъ* ; часть его затоплена моремъ; остатки видны подлѣ *Магабалипурама*. Нѣтъ сомнѣнія, что на мѣстѣ нынѣшней

опустѣлой альде, былъ некогда обширный городъ, вдругъ уничтоженный наводненіемъ, или поспешенно покрытый морскими волнами. Въ 1776 году можно еще было разсмотрѣть здѣсь кирпичный пагодъ, отъ котораго высвѣлся изъ подъ-воды только шпиль, обитый позолоченною мѣдью. Донынѣ различаютъ также въ глубинѣ волнъ многія развалины храмовъ, и расположеніе ихъ не походитъ на Индійскіе, даже самые старинные храмы. Археологи, одни видятъ здѣсь слѣды чужеземной колоніи, другіе доказательство древнѣйшаго образованія Индіи, предшествовавшего тому, отъ котораго остались существующіе отпечатки въ народѣ и на землѣ Индіи. Сколько можно различить, здѣсь Семи пагодовъ составляло удивительную смѣсь песпроны и проспоны. На скалахъ горы, возвышающейся надъ Магабалипурамомъ, видны другіе не менѣе замѣчательные памятники. Это суть пещеры, изсѣченныя въ гранитѣ, съ внутренними отдѣленіями, которыя покрыты мифологическими изваяніями, подобно Элорскимъ памятникамъ. Одежда мужчинъ и женщинъ, кольца, серьги, привѣски, все въ этихъ изваяніяхъ, даже форма домашней утвари совершенно сходствуютъ съ употребляемыми нынѣ въ Малабарѣ. Далѣе встрѣчающіяся такіе-же храмы, съ изваяніями и статуями людей, слоновъ, воловъ; въ одномъ изъ нихъ видѣнъ огромный идолъ *Ганеза*. Хотя и относясь, по всемъ вѣроятностямъ, къ глубочайшей древности, но превосходно сохранились всѣ сіи отпечатки.

Отъ Садраса до Мадраса счищается 45-ть льё, копорья перешли мы въ принадаць часовъ, между красивыми альде *Трипатуръ*, *Тириполуръ* и *Тривантуръ*, среди великолѣпныхъ пагодовъ и богатыхъ шаулпри.

ГЛАВА XV.

АНГЛІЙСКІЯ ВЛАДѢНІЯ. — МАДРАСЪ.

Съ приближеніемъ къ Мадрасу, раскрывалась передо мною равнина, въ кошую съ одной спороны опражался сильный прибой морскихъ волнъ, сославлявшихъ въ одной изъ закраинъ берега Мадрасскую гавань, защищенную опъ вѣтровъ гораздо хуже Пондишерійской. И здѣсь, какъ шамъ, видны были шелинги, однѣ пристающія къ берегу, другія опрокидываемыя волнами. Вдали рисовались высокіе *верандасы*, или балконы домовъ, *алгамассы*, или террасы другихъ строеній, башня на пристани, шпиль храма, высокая мачта, съ развѣвающимся на ней Бришанскимъ флагомъ. По мѣрѣ приближенія, распознавалъ я мало по малу почти шо-же самое народонаселеніе, какое видѣлъ въ Пондишери, усматривая просполоудинокъ Индійскихъ, съ ихъ мѣшками и кувшинами, съ ихъ дѣтьми на рукахъ; пошомъ Паріевъ, или *маквасовъ*, кошорые здѣсь поочередно лодочники, рыбаки, лоцмана шелингъ и кашимароновъ.

Мадрасъ начинается собственно съ города Св. *Томи*, бывшаго поочередно Португальскимъ, Индійскимъ, Французскимъ, и наконецъ Англійскимъ. Въ немъ обитають шеперь почти все только смѣшанныя попомки Португальцевъ, называемыхъ *Toras*, и кошорыхъ можно-бы почестъ Малабарцами, если-бы не носили они Европейскаго плащя. Исповѣдують они Каполическую вѣру, но сколько-же измѣненную, какъ ихъ Португальское происхождение, хотя и гордяшся, что у нихъ живетъ Епископъ, присылаемый къ нимъ изъ Гоа. Важная эша духовная особа не всегда бываешъ изъ Европейцевъ, и Гранпре говоритъ, что Сень-Томаскій Епископъ, видѣнный имъ въ 1789 году, былъ даже Негръ. Именно эшошъ Негръ Епископъ ввелъ въ Каполическую здѣшнюю церковь множество идолопоклонническихъ обрядовъ Индійскихъ. Такъ, напримѣръ, во время Свяшой недѣли, бываешъ здѣсь представленіе трагедіи, изображающей распятіе Иисуса Христа и снятіе Его со креста. Дѣйствіе происходитъ въ церкви. Люди, одѣтые по-Турецки, съ помощію длинныхъ лѣстницъ, распинають на крестѣ спашую, искусно сдѣланную, у кошорой всѣ члены на винтахъ, такъ что она двигается и совершенно изображаешъ собою живаго человѣка. Негры сопровождаютъ попомъ спашую во гробъ, при звукахъ шѣхъ самыхъ инструменшовъ, кошорые употребляютъ Индійцы въ своихъ пагодахъ. Можешъ бытъ, подобные обряды естъ лучшее средство для обращенія Индійцевъ въ Христіанскую вѣру, и не пошому-ли нахо-

дѣшя здѣсь такое множество христіанъ изъ касты Паріевъ, что Каполическое здѣшнее духовенство не щадитъ никакихъ средствъ и уступки обрядовъ для распространенія Христіанской вѣры. Впрочемъ, съ Каполическими миссіонерами сильно соперничаетъ Протестантская коллегія, посылающая также обращателей въ Христіанство по всей Индіи. Общество Протестантскихъ миссіонеровъ, имѣющее главное мѣстопробываніе въ Лондонѣ, собираетъ и обнародуетъ ежегодно отчеты объ успехахъ своихъ проповѣдниковъ. Въ послѣдствіи имѣлъ я случай видѣть въ Мадрасѣ почтеннаго О. Реніуса, совершившаго въ окрестныхъ Индійскихъ обласяхъ продолжительное апостольское служеніе. Это истинно ревностный проповѣдникъ истинной вѣры, убѣжденный въ важности своего дѣла и помышляющій только объ исполненіи его. Онъ рѣшительно обратился въ христіанство цѣлый народъ, заселяющій окрестности *Калластри*, на сѣверѣ отъ Мадраса. Тамашніе идолопоклонники обожали особенно какого-то *Каннапена*, бывшаго нѣкогда знаменитымъ охотникомъ между Малабарцами, и приписаннаго къ богамъ за то, что ежедневно удѣлялъ онъ богу Сивѣ часть своей добычи на охотѣ. Примѣръ обоготворенія за такое дѣло, конечно, могъ ободрить обожателей Каннапена на подобныя пожертвованія, а жрецамъ было это очень не дурно.

Достигнувъ центра Мадраса, я не могъ и подумать о томъ, чтобы сравнивать его съ Пондишери. И какое сравненіе бѣдной Французской коло-

ніи съ городомъ, заключающимъ въ себѣ до 500,000 жишелей, мѣстомъ втораго Президентства Индіи, богатымъ своею промышленностью и дѣятельностью мореплаванія! Въ Пондичери дали мнѣ адресъ одной изъ Мадрасскихъ гостинницъ, гдѣ могъ я найти удобное, хоть и не роскошное гостепріимство. Гостинницу эту содержишь вдова чиновника, бывшаго въ службѣ Компаніи по гражданской части. Тутъ нашелъ я общество чрезвычайно вѣжливое, важное и холодное въ обращеніи. Но меня осыпали однакожь учтивостями и услугами, какъ будто въ вознагражденіе за то, по обычаю Англичанъ. Въ самый день пріѣзда, за ужиномъ, я познакомился съ молодымъ креоломъ изъ Калькутты, сыномъ богатаго шамошняго купца; онъ недавно возвратился изъ Европы, и вскорѣ долженъ былъ отправиться въ Бенгалъ. Ошкровенный и ласковый, исполненный дарованій и свѣдѣній, Г-нъ Вильмъ очень обласкалъ меня. Утромъ на другой день, онъ самъ явился ко мнѣ, будучи весьма радъ, по словамъ его, что можешь быть моимъ пусеводителемъ между своими земляками. Мы отправились сначала на приспанъ, кошорая простирается въ длину на половину льѣ, и украшена богатымъ протяженіемъ домовъ и строеній. Тутъ зданія шаможни и морскаго арсенала, огромной и величественной постройки. Вдали тихо качались на волнахъ залива тысячи кораблей, всякаго размѣра и всякой формы. Море было спокойно, и только длинная ленша пѣны разбивалась близъ побережья. «Прекрасное зрѣлище!» сказалъ я моему новому пріятелю.

шелю.—Жаль, что оно не всегда таково бывает—
 отвѣчалъ онъ.—Нѣсколько лѣтъ тому, я былъ въ
 Мадрасѣ около половины Октября, во время пере-
 хода муссоновъ. Жаръ стоялъ удушающій; каза-
 лось, вся атмосфера горитъ. Ни малѣйшаго вѣшер-
 ка въ воздухѣ, хотя нѣсколько разорванныхъ об-
 лаковъ безпрестанно являлись на С. В., будно опо-
 рванные отъ шучь лоскутья. Но они исчезли по-
 томъ, и съ воды поднялся шуманъ, сшановившійся
 часъ отъ часу гуще; впрочемъ, масса его никакъ не
 могла побѣдить палящихъ лучей солнца, шягошѣв-
 шихъ на немъ сверху. Къ вечеру, шуманъ и обла-
 ка засплали весь горизонтъ. Солнце закрылось
 шочно въ саванъ черно-краснаго цвѣта. Громады
 облаковъ увеличивались; въ нихъ слышно было глу-
 хое рычаніе, грозный предвѣстникъ бури. Тогда
 начались вѣшерь и дождь; сперва жестокими по-
 рывами, потомъ съ посшоянною свирѣпостью. Ко-
 косовыя деревья, кошорыя видите вы шоль высо-
 кія и прямыя, просшо гнулись въ дугу, шакъ, что
 верхушки ихъ касались земли. Прибрежный песокъ
 подняло волнами, и поражаемая съ одной шпороны
 моремъ, съ другой проливнымъ дождемъ, песчаныя
 горы образовали шѣну около берега. Молніи змѣ-
 ились по всему небу, озаря мракъ своимъ крас-
 нымъ огнемъ, а громы перекашывались въ шоль
 разнообразныхъ опзывахъ, шоль сильно, что оп-
 зывались въ ушахъ несшерпимымъ звономъ. Послѣ-
 довавшій за шѣмъ приливъ выкинулъ на берега безд-
 ну кипящихъ волнъ, на нѣсколько сотъ мешровъ
 далѣе предѣловъ обыкновеннаго прилива. Смяшеніе

природы являлось такъ велико, что—повѣришь ли вы этому?—рыбы вздумали прогуляться изъ воды и посѣпишь жилища человѣческія: я самъ нашелъ шрехъ, или чешырехъ рыбъ, изъ кошорыхъ двѣ были величиною почти фуша по шри, на шерасѣ одного изъ Мадрасскихъ домовъ. Безъ сомнѣнія, ихъ подняло изъ моря ужасными волнами, и вѣшпромъ забросило на городскіе дома. Но это еще не все: шысячи родовъ пресмыкающихся и насѣкомыхъ, живущихъ повсюду въ здѣшнемъ палящемъ климатѣ, оставили свои убѣжища, какъ будто испуганныя необыкновеннымъ смяшеніемъ природы; вода, зашоплявшая ихъ въ норахъ и гнѣздахъ, оглушающій шумъ, колебаніе деревъ и расшеній, все это засшавило бросишь въ городскіе дома и укрываешь у насъ въ комнашахъ безчисленное множество муравьевъ, ящерицъ, скорпіоновъ, раковъ, пауковъ, даже змѣй. Мы принуждены были на время ушупишь мѣсто новымъ хозяевамъ.—

Такой разсказъ не возбудишь охоты жишь въ Мадрасѣ во время С. В. муссоновъ, продолжающихся здѣсь съ Окшября по Декабрь. Впрочемъ, въ это время и приспанъ здѣшняя никуда не годишь; шысячи потерянныхъ въ ней якорей дѣлають сшоянье кораблей еще болѣе опаснымъ. Для увѣдомленія объ опасности шѣмъ плавашелямъ, кошорые вздумали-бы шогда приблизишь къ приспани, высшавляешь въ это время, такъ называемый, *бурный флагъ*; пока развѣваешь онъ, нѣшъ никакого сообщенія съ берегомъ, и шолько кашимароны и *массули* отважно пускаются опкрышое море и къ берегу.

Съ приспани отправились мы въ крѣпость Св. Георгія, обширную и довольно хорошо укрѣпленную. Спстроенная въ разныя времена, она чрезвычайно неправильна, разумѣя здѣсь не самый полигонъ, но фасы его, изъ которыхъ почти ни одинъ не похожъ на другой. У нѣкоторыхъ бастіоновъ фланги ошдѣльные, а сѣверныя прикрышы казематами. Все укрѣпленіе оболочено кирпичемъ; покрышый пушъ защищенъ палисадомъ; площади въ крѣпости просторны. Съ сухаго пуши выстроена просто одна сшѣна, со рвомъ. Прежде, здѣшній бѣлый городъ весь заключался въ крѣпости; шушъ были строенія и магазины Компаніи, помѣщеніе губернашора и конторы Европейскихъ негоціаншовъ. Но съ шѣхъ поръ, какъ владычество Англичанъ упрочилось въ Индіи, обшашелямъ показалось шѣсно въ укрѣпленныхъ сшѣнахъ. Душоша, происходящая ошъ ошраженія лучей и скопленія народа, и пыль, были уже несносны людямъ, кошорыхъ роскошь сдѣлала прихосливѣе. Коншоры и плашежныя кассы сохранили свои мѣсша въ крѣпости, но за ея предѣлами здѣшніе креолы построили для себя обширныя и прохладныя зданія, куда удаляющся они, окончивъ по ушру дѣла, и гдѣ посшоянно живутъ ихъ семейсшва. Губернашоръ занимаетъ нынѣ просторный дворецъ, ошъ кошораго идешъ колоннада до самыхъ приморскихъ ворошъ. На сѣверъ ошъ крѣпостныхъ сшѣнъ расположенъ *серный городъ*, обшашаемый Индійцами, Армянскими и Поршугальскими купцами, и нѣсколькими семейсшвами Европейцевъ.

Не смотря на обширное производство шканей и

плашковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Мадрасскихъ*, Англія все еще почишаетъ Мадрасъ болѣе военнымъ, нежели торговымъ мѣстомъ. Шестидесятъ полковъ, составляющихъ охранительный корпусъ, защищаютъ здѣшнее Президентство. Изъ числа ихъ, часть осматривается въ крѣпости Св. Георгія; другая живетъ въ казармахъ, недалеко отъ города, оберегая парки артиллеріи; осматокъ, просиращійся до 20,000 человекъ, помѣщенъ въ Бангалорѣ, Мизорскомъ городѣ, шестидесятъ лѣвъ вънутрь земли, мѣсто гористомъ и здоровомъ, куда проложены удобныя дороги, и гдѣ въ сильныя жары живутъ всѣ главнѣйшіе чиновники Мадрасскіе.

Эти *шестидесятъ полковъ* не должно почищать составленными изъ регулярныхъ Европейцевъ; большую часть ихъ составляютъ *Сипаи*: подъ симъ названіемъ разумѣютъ въ Индіи милицію, набранную изъ шутемцевъ, и состоящую на жалованьѣ. Изъ 200,000 человекъ, полного числа Англійской Индійской арміи, едва-ли 25,000 суть Европейцы, и изъ нихъ безпрестанно умираетъ множество, отъ климата и роскошной жизни въ колоніяхъ; остальные все Сипаи. Тѣ, которые обучены оружію по-Англійски, имѣютъ казенный мундиръ и жалованья по $2\frac{1}{2}$ пагоды въ мѣсяцъ. Мундиръ у нихъ, какъ у Англичанъ вообще, красный. У кавалеристовъ желтые швороты и бѣлая выпушка, безъ воронника; пуговицы бѣлыя, мешаллическія, съ номерами полка и буквами: N C (native Cavalry). Въ мѣсто киверовъ картонный калпакъ, обмотанный чалмою голубаго цвѣта. Оружіе состоитъ изъ кривой сабли,

карабина и писполешовъ. Пѣхоша одѣша въ красные мундиры съ бѣлыми бранденбургскими, голубымъ поясомъ, и шароварами, висящими до колѣнъ; на пуговицахъ буквы: N I (*native Infantry*); оружіе состоитъ изъ ружья, и отдѣльно штыка. Въ конномъ полку считается по 500, а въ пѣхошномъ по 800 солдатъ, раздѣленныхъ на *восемь ротъ*, изъ коихъ одна *гренадиры* и одна *застрѣльщики*. Изъ туземцевъ выбираются въ капитаны, поручики, уншерь-офицеры и капралы; конные офицеры почти все Европейцы, или Мавры, искуснѣйшіе другихъ Индійцевъ въ верховой ѣздѣ; пѣхошные офицеры все Индійцы, только высшихъ кастъ, и наиболѣе уроженцы области Раджапурской, изъ коихъ выбирается особливо много людей для военной службы.

Трудно повѣрить, какъ дорого становятся Компаніи содержаніе конныхъ полковъ въ Индіи. При каждой лошади, кромѣ сѣдока, полагается еще два человека: одинъ *конникъ* (*le cavallaire*), обязанный ходить за лошадыю, варить и давать ей *кулонъ* (родъ чечевицы); другой *травникъ* (*l'herbairer*), коихъ сшараются только о томъ, чтобы сыскалъ травы, собирая ее по былинкамъ. И всадникъ, и оба его поварища обыкновенно бываютъ люди женатые; вотъ уже шесть человекъ на одну лошадь, не считая дѣшей. Компанія обязана все это содержать, а по расходамъ на проснаго коннаго солдата судить объ издержкахъ на офицера; каждому изъ нихъ надобны паланкинъ, заводныя лошади, коляска, кухня, и проч.—*Десять тысячъ* сра-

жающихся Сипаевъ непременно тащашъ за собою *пятьдесятъ тысячъ* неспроеваго народа.

Мадрасскіе Сипаи славятся своею ловкостью и храбростью; Бенгальскіе ростомъ и силою. Другіе полки Индійцевъ суть *Ласкары*, люди привычные къ инженернымъ и артиллерійскимъ занятіямъ, а также употребляемые и на морѣ. Ласкары, съ именемъ кошорыхъ соединяется въ Индіи презрѣніе и униженіе, хорошіе мапрозы для прибрежнаго плаванія. Трезвые, ловкіе, понятливые, они гораздо послушливѣе приномъ Аравійскихъ мапрозовъ, употребляемыхъ въ Персидскомъ заливѣ.

Воинское устройство Англійскихъ владѣній въ Индіи, опирающееся почти совершенно на толпѣ туземцевъ, должно представлять большую опасность, и это непрерывно подтверждается болѣе и болѣе. По мѣрѣ того, какъ Сипаи пріучаются къ воинскому порядку и пріобрѣтаютъ духъ взаимной общесвенности, ушверждающей мужество, они болѣе и болѣе сочувствуютъ свою силу и необходимость для Англичанъ. Мадрасскіе полки доказали храбрость свою въ послѣдней войнѣ съ Бирманами, и оказывались не хуже лучшихъ полковъ, привезенныхъ изъ Европы. Должно-ли почесть невозможностью, если предположишь, что нѣкогда эти полшорасна, или двѣсти тысячъ Индійцевъ, содержимыхъ на счетъ Британіи, возмущаются, для того, чтобы передать власть надъ обширною имперіею челоуку своего рода? Маленькій примѣръ былъ недавно поданъ Европейскими офицерами, содержимыми Компаніею съ столь велики-

ми издержками, для начальства надъ Сипаями; уменьшеніе жалованья произвело возспаніе, и Сипаи присоединились къ своимъ начальникамъ, не думая ни о какой собственной личности, но единственно изъ привычки повиноваться. Власть Мадраасскихъ начальниковъ была презрѣна, парки артиллерійскіе захвачены, и для укрощенія бунта принуждены были, не только обѣщать прощеніе бунтовщикамъ, но даже согласиться на нѣкоторыя изъ предписанныхъ ими условій. Безъ сомнѣнія, во всемъ этомъ дѣлѣ, шугемныя войска являлись спрадасельнымъ лицомъ: ссорились Англичане съ Англичанами; Сипаи только подкрѣпляли одну изъ спорившихъ споронъ. Но слѣдствія дѣла должны были вразумить ихъ касасельно могущества ихъ и вліянія, и, можетъ быть, шакое вразумленіе современемъ употребяшь они въ пользу своей національной самобытности.

Оспавивъ крѣпость Св. Георгія, мы опсправились къ лучшимъ и обширнѣйшимъ опдѣленіямъ Мадраса. Добрый Вильмонъ всюду сопровождалъ меня. Европейское опдѣленіе посшепенно и величественно являлось передъ нами, съ своимъ длиннымъ прошиженіемъ зданій и загородныхъ домовъ. Передъ каждымъ домомъ, спереди находяшся лужокъ, а сзади обширный садъ. По споронамъ длинныхъ аллей, образуемыхъ великолѣпными деревьями, дома, построеныя на оба края, высшавляли свои Греческія колоннады, пещрые фасады, щегольскіе перисшили и легкія галлерей. Павильоны, разбросанные направо и налево, дополняли совокупность

всѣхъ эсихъ превосходныхъ построекъ. Можно понять, сколь обширное пространство заняты должны городъ, населенный полу-милліономъ жителей, привыкшихъ жить въ величайшей степени роскошно, любящихъ прохладу и тѣнь. Всякая прогулка для посѣщенія кого нибудь въ Мадрасъ составляетъ довольно утомительное путешествіе, даже и въ паланкинѣ.

Внутренность здѣшнихъ домовъ соответствуетъ ихъ превосходной наружности. Европейскими и Китайскими мебелями убраны въ нихъ обширныя и великолѣпныя залы. Всюду видишь зеркала, картины, часы, бронзу, утвари и занавѣсы богатыя, и среди этой роскоши, множество Индійскихъ слугъ готовы къ исполненію желаній своего господина, всѣ оплеченные его ливреею.

Такая роскошь есть слѣдствіе обширныхъ торговыхъ монополій Остъ-Индской Компаніи. Высшіе чиновники, называемые здѣсь *гражданскими* (*civiliens*), въ отличіе отъ военныхъ, проживающъ въ лѣнливой роскоши свои огромныя жалованья. Полными горстями разбрасываютъ они, какъ богачи, отъ нѣчего дѣлать и скуки, золото, которое сыплютъ имъ, за ихъ праздную администрацію. Но среди этого блеска, среди всѣхъ этихъ праздниковъ, богатыхъ *раутовъ* и роскошныхъ пиршествъ, царствуетъ здѣсь какая-то холодная унылость, принужденная важность, тяжелая обрядность. Для каждого собранія госей все придумано напередъ, и учреждено, какъ будто по заданной программѣ; всѣ услажденія сочтены предварительно; часть при-

ѣзда и часть опѣѣзда дѣло условленное и неизмѣнное. Всѣ напередъ знающъ, что надобно будетъ танцовать, играть въ карты, и нисколько свободы, нисколько веселости неожиданной не вмѣшивается во всѣ эти размѣренныя забавы. Смотри на здѣшнія фигуры мужчинъ, погруженные въ жабо, круглыя ихъ шуловища, угрюмыя фizioгноміи, суровыя взгляды, скажете, что весь эшотъ народъ собрался не веселиться, но, по данному обѣщанію, поскучать извѣстное время. Единственныя праздники, гдѣ госпи выходятъ изъ тяжелой мѣрки условнаго этикета, сущъ шѣ, которые даетъ иногда Генераль-Губернашоръ въ обширной и прекрасной залѣ, построенной въ 1802 году Лордомъ Клейвомъ, въ память разбиія Типпо-Саиба. Она украшена внутри обширною галлереею, на столбахъ, въ 30-шъ фушовъ вышиною, обдѣланныхъ бѣлою шпукануркою, блестящею лучше всякаго мрамора. Кругомъ зданія проспирается открытая галлерей, съ широкими окнами отъ одного мѣста до другаго. Ренуаръ де-Сенъ-Круа утверждаетъ, что планъ зданія взявъ съ образца, описаннаго Шуазель-Гуффе, подъ названіемъ *Аѣинскаго дома* (Maison d'Athènes).

Эта бальная зала примыкаетъ къ дому Губернашора, обширному, огромному, но болѣе величественному, нежели изящному. Храмъ Протестантскій опличается зодчешвомъ спрогимъ и правильнымъ. Изъ другихъ Европейскихъ заведеній въ Мадрасѣ можно замѣнить *Коллегіумъ*, *Обсерваторію*, *Азіятское Общество* и *Ботаническій садъ*.

Полукружіемъ расположенный, *черный городъ* опстоишъ отъ крѣпости на пушечный выстрѣлъ. Онъ занимаетъ при лѣѣ пространство. Здѣсь обитають Малабарцы, между копорыми есть весьма богатые купцы. О богатствѣ многихъ можно судить по тому, что они содержатъ для услугъ своихъ цѣлыя полки Сипаевъ, а гаремы ихъ состояются изъ нѣсколькихъ сотъ женщинъ. — Вообще здѣсь смѣшиваются люди всѣхъ кастъ, всѣхъ вѣрованій, Малабарцы многихъ исповѣданій, Мугамедане, Армяне, Каполики, Лютераны, даже Китайцы. Можешь быть, это единственная спорона, гдѣ можешь встрѣпить въ одно время *Имама*, *Брамина*, *Пастора* и *Аббата*, копорые и не думаютъ ссориться. Числа пагодовъ, мечетей, церквей и храмовъ, построенныхъ безъ порядка въ обширномъ пространствѣ строеній, называемомъ *Мадрасомъ*, почти невозможно хорошо опредѣлить. Приблизительно полагають ихъ до *тысячи*. Просторныя гульбища и величественныя аллеи пересекають во всѣхъ направленіяхъ *черный городъ*.

Особенная часть отдѣлена здѣсь для жительства Музульмановъ. Въ нее входятъ Армянскимъ мостомъ, построеннымъ на рѣкѣ *Мейлапуръ*. Мостъ этотъ, съ его опводами, простирается на 375 шаговъ въ длину, и поддерживается двадцатью девятью арками разной величины. Музульманская часть Мадраса именуется *Тирреулай-Хани*. Жители ея самое красивое поколѣніе изъ всѣхъ обитающихъ въ сей части Индіи, и почти все принадлежатъ къ сектѣ *Алія*. Съ особеннымъ тщаніемъ

заботящихся они о содержаніи кладбищъ , и нерѣдко наслѣдники раззоряются , чѣобы воздвигнушь послѣ смерти приличный и доспойный памятникъ старшему изъ семейства. Когда строеніе окончано , за щедрую плату призываются имамы , освятить гробницу , усыпать ее цвѣтами , обвѣсить коврами и накуришь благовоніями въ честь покойника.

Не смотря на опыты Англичанина Пофема , и другихъ послѣ него, Мадрасъ донынѣ не имѣетъ земледѣльческой промышленности; обитатели города и окрестностей его живутъ отъ одной промышленности мануфактурной. Торговля набивными плашками, прежде находившаяся всего болѣе въ Палиакашѣ , нынѣ сосредоточилась въ рукахъ Мадрасскихъ жишелей, умѣвшихъ хитроспями своими уничтожить заведенія сосѣдей. Въ старое время, когда шкачи Голландскіе превышали всѣхъ другихъ, Остѣ-Индская Компанія продавала съ большимъ убыткомъ шкацкія произведенія, чѣобы уничтожить только Голландскихъ соперниковъ, и потомъ на свободѣ ворошить все, что записано было въ убытокъ на будущіе доходы. Такой Макіавельскій замыселъ удался превосходно. Нынѣ за Мадрасомъ рѣшительно осматривается монополія торговли плашками, копорые называются *Остѣ-Индскими*, и оплечаются своими огромными квадрашами, ешоль яркихъ и прочныхъ цвѣшовъ. Здѣсь шкушъ также *фартуки* и *камбаи* краснаго цвѣша , весьма уважаемые.

Въ слѣдствіе болѣе промышленнаго, нежели зе-

мелѣзческаго направленія, жить въ Мадрастѣ довольно дорого. Здѣсь плащящъ пагодами за то, что въ Пондишери стоить рупій. Сельскій домъ не лѣзя имѣть менѣе 200 паговыхъ въ мѣсяцъ. Все привозное изъ Европы въ большой цѣнѣ. Пребываніе богатыхъ чиновниковъ Компаніи, Губернашора, многочисленнаго гарнизона, и жалованьи, превосходящія всякую Европейскую соразмѣрность, все это способствуетъ поддержанію цѣнности товаровъ и вещей. Такъ какъ богатство расходуется здѣсь не изъ источниковъ мѣстности, или мѣстной промышленности, слѣдовательно, корабли, приходящіе изъ Европы, не находящъ въ Мадрастѣ достаточной обратной нагрузки; пошому имъ необходимо выигрывать на привозѣ все, чѣмъ могъ-бы вознаградить ихъ вывозъ отсюда. По этой причинѣ, на привозный грузъ (*cargaison d'entrée*) падаетъ весь недостатокъ вывознаго груза, или необходимости возвращаться съ пустыми кораблями. Новое доказательство, что торговля процвѣшаетъ только отъ двойнаго обмѣна, и изобиліе монеты само по себѣ безплодно, если его не подкрѣпляетъ приложеніе произведеній земли, или промышленности той стороны, куда производится большой привозъ извне (*).

(*) Путешественникъ вообще считаетъ при описаніи Индіи монету *рупіями* и *пагодами*, но должно замѣтить, что сіи монеты весьма неодинаковы въ Индіи. Во Французскихъ владѣніяхъ считаютъ золотыми

Въ іеченіе нѣсколькихъ дней продолжалъ я мои прогулки по Мадрасу, подъ руководствомъ Г-на Вильмона. Онъ рекомендовалъ меня въ лучшихъ здѣшнихъ домахъ, и я могъ вблизи и подробно разсмотрѣть здѣшнее великолѣпное и скучное общество. Препровожденіе времени въ роскошныхъ, но угрюмыхъ обѣдахъ, въ блистательныхъ, но однообразныхъ праздникахъ, скоро надоѣдаетъ до смерти. Я рѣшился ѣхать, потому, что пріѣхалъ въ Индію видѣть Индію, а не пересадку Европы въ Азію. Какъ ни уговаривалъ меня ласковый Вильмонъ оспашься, по-

пагодами, стоящими $8\frac{1}{3}$ франковъ, и равными 3-мъ серебрянымъ рупіямъ, или 24 фанамъ; каждый фанамъ 60 кашей. Въ Португальскихъ серебряными пардосами, изъ которыхъ *parde-hegarhin* 16 тенга, 240 рейсовъ и 300 буджероокъ, стоить около 4 франковъ, а *parde common*, съ небольшимъ 3 франка; золотая монета *Сенд-Томъ* $8\frac{2}{3}$ франка. — Въ Англійскихъ владѣніяхъ въ Мадрасъ золотой пагодъ съ звѣздочкой (*pagode-star*) $9\frac{1}{3}$ франка, или 42 фанамъ по 80 кашей, пагодъ съ луною по 10 и по $9\frac{1}{2}$ франковъ; рупія старая 9, новая $7\frac{1}{4}$ франковъ, а потетная (опоте) около 10 франковъ, и есть рупіи въ $36\frac{2}{3}$ франка; рупія серебряная $2\frac{1}{3}$ франка. Въ Калькуттѣ, золотая сикка $42\frac{1}{3}$ франка, а рупія серебряная, и сикка-рупій $2\frac{1}{2}$, ходячая сикка-рупія $2\frac{1}{2}$ франка; 100,000 сикка-рупій называется лакъ-рупій, а сто лакъ-рупій кроръ. — Въ Бомбаѣ золотая могура 38 и 37 франковъ; серебряная рупія около $2\frac{1}{2}$ франковъ, фанамъ $\frac{1}{2}$ франка. Могура дѣлится на 3 паунча, изъ коихъ каждая 15 рупій, а рупія на 4 квартера по 100 рисовъ, или на 16 аннасовъ, по 50 рисовъ. Аннасы и рисы суть мнимая монета, какъ наши алпыны и шеляхи. — Прим. Пер.

дождашь отправления въ Калькутту корабля, принадлежащаго отцу его, обѣщая свезти меня даромъ, я предпочелъ лучше отправиться на прибрежномъ Малабарскомъ суднѣ, которое безпрестанно совершаетъ переходы по опаснымъ для мореплаванія берегамъ Голкондскаго залива. Мы скоро условились съ хозяиномъ корабля, и 8-го Мая, ушромъ, я вошелъ въ комнату моего пріятеля просишься. Какъ-же удивился я, увидя его въ дорожномъ плащѣ! «Бду съ вами,» сказалъ онъ, ласково встрѣчая меня — для чего разскаиваешься изъ нѣсколькихъ часовъ скучнаго ожиданія? Мои пожитки уже перевезены на вашу Малабарскую голешу. Богъ съ нимъ корабль! когда-то еще онъ придетъ!» — Я пожалъ ему руку, и мы отправились вмѣстѣ на пристань.»

ГЛАВА XVI.

КОРИНГВИ. — ЯНАУНЪ. — ЯГТЕРНАУТЪ.

Съ большимъ кораблемъ , намъ непременно надобно было пуспиться далеко въ опкрышое море, чшобы избѣжашь мѣлководья около береговъ, гидрографическое описаніе которыхъ еще далеко несовершенно. Но нашъ небольшой корабль непрерывно оспавался въ виду береговъ, шакъ, чшо мы могли различашь всѣ верхи прибрежныхъ пагодовъ, единспвенныхъ высокихъ поспроеній Индійскихъ. Около Негапашнама мы опдалилась однакожь въ море, чшобы направиться опять къ берегу около мыса *Дивей* и устье *Кришны*. Тупъ, черезъ два мѣсяца послѣ насъ, неожиданное бѣдспвіе постигло *Любимицу*, превосходную Французскую корвешу. Пяшь дней оспавалась она на грязной мѣли, среди свирѣпспва морскихъ волнъ. Только дѣятельность начальника, и ловкость и усердіе экипажа были причиною , чшо *Любимица* расплашилась неважнымъ поврежденіемъ за свою опасную оплошность.

Намъ довольно было для плаванья восьми фушовъ воды, и потому нѣчего было бояться подобныхъ приключеній. Припомъ нашъ Малабарскій мореплаватель, съ дѣтства привыкшій къ снранснванію въ эшой сноронѣ, смѣло могъ пускайся въ самыя опасныя мѣсна прибрежья. Мы иногда подходили шакъ близко къ опмѣлямъ, что всякой другой могъ-бы испугаться ихъ опаснаго сосѣдства. Благополучно пробрались мы мимо болошисныхъ береговъ *Кришны*, мыса *Дивей*, и бросили якорь въ заливѣ *Мазулипатнамскомъ*. Съ именемъ эшой факторіи, долгое время принадлежавшей Французамъ, соединяется нѣсколько воспоминаній о счасливомъ времени владычества Французовъ въ Индіи. Нынѣ Мазулипатнамъ принадлежитъ Англичанамъ; Англійскій гарнизонъ занимаетъ крѣпость, выстроенную Французами. Въ цвѣтущую эпоху Голкондскаго государсва, Мазулипатнамъ былъ складочнымъ мѣстомъ богатыхъ произведеній Голконды и лучшею гаванью шорговою въ эшой сноронѣ. Набивныя бумажныя шкани, и красныя плашки, споль знаменишыя, обмѣнивались здѣсь на Евронейскіе товары. Слава и шорговля Мазулипатнама нынѣ въ большомъ упадкѣ, и хошя одинъ изъ новѣйшихъ географовъ счишаетъ здѣсь до 75,000 жителей, но едва-ли есть и шреть эшого числа, безпрерывно убавляемая нездоровымъ климатомъ, происходящимъ опъ болошистой равнины, на кошорой находишся городъ. Набабъ, по шишулу правитель здѣшней обласши, живетъ въ Гайдерь-Абадѣ, льѣ за 50-ишъ во внутренней землѣ.

Определенное жалованье, ежегодно плащимое Компаніею, вознаграждаетъ его за потерю власни, а корпусъ Компанейскихъ солдатъ удерживаетъ въ повиновеніи безпокойныхъ и неукрошимыхъ жителей здѣшнихъ. Хотя Мазулипапнамъ счищается главнымъ городомъ Голкондской обласи, но Европейскихъ домовъ находится здѣсь весьма не много.

Отсюда до Янауна, небольшого Французскаго заведенія, счищается около 30-ти льё. Мы проплыли это разстояніе въ одинъ сушки. *Янаунъ* расположенъ на рѣкѣ *Годавери*, немного выше Индійскаго города *Корингви*, лежащаго при самомъ устьѣ. Англійскій поршовой Капитанъ живетъ въ Корингви, для охраненія судовъ, кошорые оспанавливаются въ здѣшнемъ заливѣ. Прежде Корингви было мѣсто торговое и многолюдное, но оно погублено ужаснымъ явленіемъ природы въ 1789 году. Въ Декабрѣ, во время самыхъ высокихъ приливовъ, при свирѣпомъ вѣтрѣ отъ С. В., при безмѣрные вала хлынули на несчастный городъ; первый обрушился будно предшественникъ другихъ, болѣе губительныхъ, и удалился, оставивъ по берегу на три фуша воды; но за нимъ слѣшилъ второй; еще огромнѣйшій прешій слѣдовалъ за вторымъ, и совершенно затопилъ и уничтожилъ все вслѣдствіе ему. Двадцать тысячъ Индійцевъ утонуло въ разливѣ моря; городъ исчезъ въ волнахъ; корабли, споявшіе на якорѣ, разбросало даже до полуострова, образуемаго рѣкою *Годавери*. Когда пошомъ волны слились, на мѣстѣ города ошалось

пакъ много грязи и песку, что ими совершенно покрыты были всѣ строенія. Жители, спасшіеся отъ ужаснаго капаклизма, не думали разрывать этого новаго Геркулана; они построили нѣсколько хижинъ далѣе по рѣкѣ, и шѣмъ образовали новый городъ Корингви. Въ слѣдствіе наводненія, въ устьяхъ Годавери образовался огромный наносъ, и факторіи Европейскія принуждены были оставивъ здѣшній полуостровъ; множество кораблей Англійскихъ, Испанскихъ, Французскихъ, Португальскихъ, посѣщавшихъ нѣкогда знаменишую верфь Корингвискую, принуждены были приспавать съ этого времени въ другихъ мѣстахъ для починокъ и поправокъ. Такимъ образомъ, всѣ выгоды приморскаго положенія, при впаденіи въ море судоходной рѣки, были потеряны. Дерево *текъ* по прежнему доставляешия сюда изъ внутреннихъ обласей, по его нѣкуда дѣвать. Только дешевизна работы, чрезмѣрно понизившейся въ цѣнѣ, привлекаеши еще иногда сюда немногіе корабли, потерпѣвшіе поврежденіе.

Впрочемъ, находясь среди болотъ полуострова, Корингви всегда былъ, на цѣлую половину года, самымъ нездоровымъ мѣстомъ для жишья. Въ это лихорадочное время, Европейцы, жившіе здѣсь, удалялись въ Янаунъ, постоянно наслаждающійся климатомъ здоровымъ и температурою ровною. Поля, окружающія Янаунъ, засѣяны сарачинскимъ пшеномъ и засажены индиго и сахарнымъ просшникомъ. Во времена Соннера, маленькое это заведеніе славилось своими суровыми шканами, извѣ-

спными подъ названіемъ *Конжонскихъ*. Теперь промышленности ими уничтожилась. Дерево *текъ*, сплавляемое по *Годавери*, есть почти единствен- ный предметъ торговли; торговые дома, большею частію, оставили *Янаунъ*, и мѣсто тамошняго *Губернашора*, содержаго до сихъ поръ Франціею, есть собственно родъ инвалиднаго содержанія чиновнику, копорому нѣчего дѣлать. Особеннаго рода торговля оживила нѣсколько въ послѣднее время опустѣлый городокъ: всѣ работники *Индійскіе*, копорыми рѣшились замѣнять *Негровъ* на оспровѣ *Бурбонѣ*, нанимались въ здѣшней споронѣ, и заработки ихъ, исправно пересылаемые въ *Индію*, доспашочны были для придачи окреснымъ алде нѣкопорого благососпоянія и довольства. Дѣло оказалось такъ хорошо и выгодно, что возбудило зависъ *Англичанъ*, и недавно въ совѣсахъ *Оспъ-Индской Компаніи* было разсуждаемо о томъ: не должно-ли воспрешить вовсе, или, по крайней мѣрѣ, ограничить наборъ работниковъ, производимый *Французами* въ *Индіи*?

Мы сошли на берегъ въ *Корингви*, съ намѣреніемъ посѣтить *Янаунъ*. *Вильмошъ* нанялъ барку, и мы располагались отправиться на другой день, какъ вдругъ я сдѣлался боленъ; жестокой припадокъ лихорадки прошерзалъ меня всю ночь. Ни одного *Европейскаго* лекаря не нашлось здѣсь, и мнѣ привели самаго знаменишаго лекаря *Индійскаго*. Это былъ спарикъ, съ умною, выразительною физіогноміею. Онъ подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня внимашельно, провелъ руками по всему

моему тѣлу, и попомъ прописалъ питье изъ пипперменша, котораго выпилъ я нѣсколько спакановъ. Это лекарство облегчило мое дыханіе, и черезъ нѣсколько часовъ мнѣ было лучше. Малабарскіе лекаря утверждаютъ, что есть только три рода болѣзней: отъ *холода*, отъ *жара*, отъ *вѣтра*. Для первыхъ прописываютъ они пипперменшъ, и *кали*, или древесное молоко безъ листьевъ; для вторыхъ слѣдуютъ совершенно гомеопатическому способу леченія, прошиво-возбужденіями, даже въ самыхъ опасныхъ переломахъ; третьи лечатъ рожечнымъ кровопусканіемъ, и преніемъ тѣла.—Глазныя болѣзни весьма обыкновенны по Корамандельскому берегу, и ихъ исцѣляютъ здѣсь весьма удачно; лимонный сокъ играетъ первую роль въ ихъ леченіи. Пракшика акушерская подвержена здѣсь, какъ равно и во всей Индіи, нѣкоторымъ суевѣрнымъ обрядамъ, весьма вреднымъ. Священные правила Индійцевъ воспрещаютъ родильницамъ питье и пищу до пятаго дня послѣ родинъ. Врачи Индійскіе увѣрены, что прохладительныя и пишапельныя питье производятъ раздраженіе и ослабленіе, и поному запрещаютъ пищу и питье, не смотря на знойность климата. Если-бы несчастная родильница умоляла дать ей хоть каплю воды, или глотокъ питья со пшеномъ, повивальныя бабки, подруги, родственницы, мать, гости — всѣ останутся неумолимы, и она можетъ умереть, но пить ей не дадутъ. Это кажется главная причина необыкновенной смертности между Индійскими родильницами; изъ семи непременно умираетъ одна.

При пособіи моего Малабарскаго Эскулапа, на другой-же день могъ я возвратишься на нашу гоэ-лешпу, и въ нѣсколько дней плаванія, силы мои и здоровье совершенно возвратились. Мы плыли около низкаго, песчанаго и пуспыннаго берега *Четырехъ Сиркаровъ*, слѣдующаго за *Орисскимъ*; оба они занимають около 90 льё отъ С. В. къ Ю. З.— Мая 15-го бросили мы якорь прошивъ прибрежья, рисовавшагося шонкою ленпою по небосклону; за нимъ, вдали, видна была какая-то смѣшанная громада возвышенныхъ, величественныхъ зданій. Когда любовался я эшимъ зрѣлищемъ, Вильмошъ подошелъ ко мнѣ. « Мы поведемъ на берегъ — сказалъ онъ. » Не лзя проплыть мимо Яггернауша, не выдавши его чудесныхъ пагодовъ. Эпо мѣсто священное для всѣхъ изувѣровъ Индіи, Мекка Браминовъ, удивленіе Европейцевъ. Нашъ Малабарецъ даешъ намъ цѣлый день сроку. » — Разумѣется, я спѣшилъ согласишься. — Мы сошли въ небольшую лодку, быспро полешѣвшую къ берегу. Но чшобы пристать къ нему, наши Индійскіе маппрозы должны были соскочить въ воду, и шянушъ лодку по песку. Одинъ изъ нихъ осшался шсорожемъ близъ лодки; другіе служили намъ пушеводишелями въ Яггернаушъ, или *Жаггернатъ-пури* (последнее слово, *пури*, означашъ *городъ*). Мы доспигли его черезъ часъ ходьбы. Самъ по себѣ, Яггернаушъ все незначителенъ, хопя народонаселеніе его полагають въ 40,000 душъ. Но во времена здѣшнихъ праздниковъ, Яггернаушскій пагодъ привлекаешъ такое множешво посѣшшителей, что всѣ окрестно-

сши бывають покрышы толпами народа. Мы приблизились къ пагоду по аллеѣ деревь, въ промежуткахъ кошорыхъ могли разсмапривать большую часть обширныхъ строеній его.

Яггернаушъ принадлежишь къ Капшакской области, находясь на Орисскомъ берегу. Пагодъ его посвященъ Индійскому идолу *Ягатната* (богъ міра), по проспорѣчию называемому *Яггернаушъ*. Вся окрестность, на 8, или 10 льѣ, почиается священной, но самое святое мѣсто, или шайнспвенное свяшилище, загорѣжено сшѣною, соспавляющею почти квадрашъ; съ двухъ споронъ сшѣны его просширающся на 612, а съ двухъ другихъ на 584 фуша. Въ эшой оградѣ находишся до пашидесяти храмовъ; самый замѣчашельный изъ нихъ соспавляешъ родъ каменной башни, въ 172 фуша вышиною, округленной, или выпуклой къ верху со всѣхъ споронъ; надъ эшою выпуклосшью видѣнь спранный верхъ, кошорый можно уподобить, по фигурѣ, чашѣ съ крышкою. Два боковыя зданія, не споль высокія, имѣющъ форму пирамидъ, образуемыхъ крышами, сдѣланными въ видѣ спупеней. Идолы *Яггернаута*, опца его *Болорама*, и сесшры его *Шабудры* занимающъ главную башню. Въ одномъ изъ пирамидальныхъ зданій, имѣющемъ во внушренности каждое по 37 фушовъ во всѣ спороны, и примкнутомъ къ башнѣ, совершается поклоненіе идолу во время праздника купанья. Передъ храмомъ находишся зданіе гораздо ниже; кровля его ушверждена на сшолбахъ, кошорые къ верху оканчивающся фигурами ешесшвенныхъ и вымышленныхъ звѣрей.

Это зданіе есть, какъ будто родъ предсѣнія; за нимъ слѣдуешь другое такое-же зданіе, куда ежедневно приносятъ пищу для пилигримовъ.

Храмъ Яггернаушскій, воздвигнутый *Раджею Анунгъ-Дэарнъ-Део*, былъ конченъ въ 1298 году. Крыши его украшены изображеніями чудовищныхъ фигуръ, спранныго вида, и каменными спашуями, въ самыхъ неблагоприсшойныхъ положеніяхъ; онѣ видны также въ барельефахъ по стѣнамъ пагода. Съ каждой стороны стѣнъ внутреннаго свящилища находящія широкія двери, но главный входъ съ востока. Во внутренности этой ограды другая ограда, на возвышеніи, прошивъ первой на 15 фушовъ. Подлѣ внѣшней стѣны замѣчательна базальшовая колонна изящной ошдѣлки, съ подножіемъ богато изваяннымъ. Столпъ этотъ изъ цѣльнаго камня, шесшнадцати-сторонный, и на вершинѣ его, возвышающейся на 35 фушовъ, видѣнъ идолъ *Гунуманъ*, Индійское божество съ головою обезьяны. Прекрасный столпъ этотъ находился прежде передъ главными вратами Солнцева храма въ *Канеруккѣ*, или Черномъ пагодѣ, но перевезенъ въ Яггернаушъ, когда Канеруккскій храмъ разрушился.

Подлѣ сѣверо-восточнаго угла внѣшней стѣны построена огромная арка, изъ *pot-stone*, гдѣ Индійцы, во время праздника *Дольяттра*, качающъ своихъ серебряныхъ и золотыхъ идоловъ. Качели, прицѣпленныя мѣдными цѣнями къ верху арки, находящіяся на возвышенномъ подножіи, и благочеснивыя моельщики могутъ издали видѣть, какъ ве-

селяшъ великіе предметы ихъ обожанія, прыщупъ на нихъ розовою водою и пудряшъ ихъ краснымъ порошкомъ.

Идолъ Яггернаушъ, на поклоненіе которому стекаются Индійцы изъ самыхъ опдаленныхъ областей, не замѣчашеленъ, ни опдѣлкою, ни величіемъ. Кажется, никогда грубѣйшая спашуя не выходила изъ рукъ художника. Изображеніе деревянное, опдѣлано шолько до грудей, безъ пальцевъ, и вмѣсто рукъ торчашъ у него опрѣзки; но жрецы цѣпляющъ къ нимъ, когда надобно, золопыя руки. Для изъясненія такого уродства, выдумали любопытную сказку. « Много лѣтъ тому, » говорашъ они, « великій государь опнесся къ знаменишму ваяшелю, заказывая ему сдѣлашъ испуканъ Яггернауша. Ваяшель согласился, но съ условіемъ, чшобы государь взялъ шерпѣніе, и не спарался видѣшъ работы его, пока онъ ее не кончашъ. Къ несчащію, государь не сдержалъ своего слова, захопѣлъ увидѣшъ новое божество, прежде его окончанія, и по волѣ боговъ работа осталась неконченною. Послѣ нарушенія обѣщанія, ваяшель уже не смѣлъ прикоснушъ къ ней. »

Прислужниковъ въ Яггернаушскомъ храмѣ находшся до 4000 семействъ; въ эшомъ числѣ полагающъ и повара, опредѣленные для приготошвленія священныхъ ѣствъ. Одинъ Англійскій путешешвенникъ досшалъ роспись ежедневнаго пошребленія припасовъ въ храмѣ. Для идола и служшелей его пошребно каждый день: 220 фуншовъ сарачинскаго пшена, 97 ф. кулы (родъ овощей), 24 ф. мунга

(родъ купы), 488 ф. масла коровьяго, 80 ф. сахара, 32 ф. разныхъ шравъ, 40 ф. кислаго молока, $2\frac{1}{2}$ ф. пряностей, 2 ф. сандалнаго дерева, два снолага камфары, 20 ф. соли, на 4 рупіи дровъ, и болѣе 22 ф. масла для ночнаго жженія. Священное ѣснво предлагается идолу прижды въ день. Пока продолжается споль его, двери храма запершы для непосвященныхъ, и никто не входитъ внутрь пагода, кромѣ избранныхъ жрецовъ, а внѣ храма пляшутъ во все это время баядерки, принадлежащія пагоду. Весь обрядъ продолжается часъ; двери опшираются пошомъ по звону колокола, и священное ѣснво убирается. Часъ ѣснвъ, назначенную для обшашелей храма, не носятъ въ большую башню; ее раздаютъ въ пирамидальныхъ башняхъ, полагая, что идолъ издали видитъ и освящаетъ ее.

Цѣнность припасовъ, потребныхъ для храма, достигается суммъ безмѣрныхъ, когда въ шоржесшвенные дни спекаются сюда Индійскіе поклонники идола. Спараясь опшрашитъ могущій бытъ недоеспашокъ, жрецы здѣшніе ушвердили закономъ, что послѣ освященія ѣснва Яггернаушомъ, уже ничто не можетъ быть погано, такъ, что пища не сквернилась даже опъ прикосновенія Музульманина и Хриспіянина. Такое преимущесшво ѣспвамъ, пригошовленнымъ въ храмъ, прошивъ другихъ, пригошовленныхъ во всякомъ другомъ мѣспѣ, производитъ въ пользу храмовыхъ общее спремленіе покупать ихъ, и даетъ огромные барыши. Пока продолжается праздникъ *Рутъ-Яттра*, во время котораго до 200,000 пилигримовъ кочуютъ

окресить храма, 400 поваровъ пагода находящаяся въ непрерывной работѣ. Множество храмовыхъ горшечниковъ задолго пригошовляють безчисленное множество посуды для ѣствъ, и дѣятельность кухни здѣшней прекращается тогда только, когда идола повезуть на его колесницѣ, для посѣщенія мѣста, гдѣ онъ былъ первоначально изваянъ.

Всѣхъ праздниковъ опсправляется въ Яггернаути двѣнадцать, но *Рутъ-Яттра* есть самый главный. Онъ бываетъ въ Юнѣ, или въ Юлѣ. Число пилигримовъ измѣняется, смотря по состоянію погоды, но всегда, въ самое ненастное время, составляетъ толпу не менѣе 400,000 хотя ненастье въ здѣшней сторонѣ, при періодическихъ дождяхъ, дѣлается климатъ самымъ убійственнымъ, и пилигримовъ, принужденныхъ кочевать на открытомъ полѣ, погибаетъ величайшее множество. Поэтому многіе Индійцы совершаютъ путешествіе сюда въ сухое время, по случаю праздника *Шундмонъ-Яттра*. Изъ храма выносятъ тогда множество идоловъ для купанья въ особенномъ прудѣ, куда вливають благоуханную сандалную воду; прудъ этотъ принадлежитъ къ одному изъ окрестныхъ храмовъ. Купанье состоитъ въ плаваніи идоловъ по водѣ, на особеннаго рода плотахъ. *Раджа Хурдаскій*, наследственный великій жрецъ здѣшній, предводителемъствуетъ процессіею.

Наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ праздниковъ остается на опвѣщенности Браминовъ; они соблюдаютъ пищу и устройство, вооружаясь длинными дубинами и палками, и не щадящъ

ударовъ бѣднымъ пилигримамъ. За то и пилигримы нерѣдко управляются съ ними въ свою очередь, опнимають у жрецовъ дубины и палки, и съ избыткомъ вознаграждаютъ имъ полученные побои. Впрочемъ, Индійцы вообще не уважають здѣшнихъ жрецовъ; нѣтъ порока, кошораго-бы не приписывали имъ, и обмана, въ какомъ-бы ихъ не обвиняли. Главная причина этой ненависти заключается въ дорогомъ поборѣ, налагаемомъ здѣшними жрецами на поклонниковъ. Каждый праздникъ Яггернаушскій жестоко опустошаетъ кошельки приходящихъ подашью, просширающеюся опъ пяши до десяти рупій. Даже, если благочестивый поклонникъ рѣшился жить здѣсь цѣлый годъ, и присутствовать на всѣхъ праздникахъ, сбавка бываетъ весьма небольшая.

Идолъ Яггернаушскій возобновляется каждый разъ, когда два новолунія сходящіяся въ мѣсяцѣ Асанѣ, что случается почти черезъ семнадцать лѣтъ. Тогда выбираютъ въ лѣсу дерево, на которомъ никогда не сидѣлъ воронъ, или другая птица, пожирающая падалину. Жрецы узнають такое дерево по извѣстнымъ примѣтамъ. Когда дерево срубятъ и пень его очиснятъ, то опдается оно жрецамъ, и они довершаютъ опдѣлку испукана въ величайшей тайнѣ. Духъ божества извлекается изъ спараго идола и передается новому человѣкомъ, кошорый не переживаетъ споль великаго и чуднаго дара; къ концу года онъ непременно долженъ умереть.

Послѣ праздника Шундмонъ-Яшира слѣдуетъ про-

цессія *Шундъ-Яттра*, сосшоящая въ томъ, что идо-
ла выносятъ изъ башни на площадку, возвышенную
надъ внутреннею оградой. Цѣлый день оспается
онъ шуть на виду, послѣ чего снова скрывается,
и жрецы объявляютъ Яггернауша больнымъ. Къ кон-
цу Юня являеся онъ снова, на великомъ *Рутъ-
Яттрѣ*. Три *рути*, или деревянные колесницы, при-
готовляютъ къ этому празднику. Самая главная
о 16-ти колесахъ, изъ коихъ каждое 6-ти верш-
ковъ въ поперечникѣ. Мѣсто, гдѣ спавися на ко-
лесницѣ идолъ, бываетъ квадратное, двадцапи од-
ного фута во всѣ спороны, а высота всей коле-
сницы составляетъ 35 фузовъ. Сдѣланная изъ де-
ревянной, раскрашенной и убранной клѣшки, ко-
лесница эша накрывается куполомъ, покрытымъ
кусками Англійскаго, краснаго и синяго сукна.
Впереди, на мѣстѣ возницы, видна фигура, похо-
жая на корабельную подспавку, у кошорой руки
кажущся управляющими множесвомъ деревянныхъ
лошадей, повѣшенныхъ передъ колесницею.

Когда, въ первый день праздника, храмъ Яггер-
наушскій ошворися для толпы поклонниковъ, на-
родъ бросаеся въ него съ такою ревностью, что
въ спрашной давкѣ эшой ежегодно полагаютъ до
двѣнадцати задавленныхъ мужчинъ и женщинъ. Но
объ нихъ никшо не забоишся; шрупы ихъ выпас-
киваютъ изъ храма желѣзными крючьями, и празд-
никъ идетъ своимъ порядкомъ. Всеобщее воскли-
чаніе толпы возвѣщаетъ появленіе божества. И-
долъ являеся, несомый на рукахъ жрецовъ до ни-
ешихъ ступеней лѣсницы, гдѣ передаютъ этого

чурбана на торжественную колесницу. На двухъ другихъ колесницахъ спавяшъ идоловъ Болорама и Шабудры. Съ захожденіемъ солнца является *Великій жрецъ*, Раджа Хурдаскій, котораго приносятъ изъ его владѣній въ богашомъ паланкинѣ; за нимъ слѣдуетъ красивый слонъ, великолѣпно убранный. Свина Раджи ѣдетъ потомъ, на множествѣ слоновъ; за нею шлануся Англійскіе чиновники; шесствіе заключающъ шолпы народа, копорымъ конца не видно. И это все, взятое въ совокупности — сотни громаднхъ живошныхъ, съ башнями на спинахъ, чудовищныя колесницы идоловъ, Браминны, тысячами вышедшіе изъ пагода, безсчешное множество народа, благоговѣющаго передъ идолами и вопіющаго въ неистовомъ восшоргѣ, смѣшеніе голосовъ и звона колокольнаго, древняя религія, являющаяся въ этомъ спранномъ зрѣлищѣ, шоль подвижномъ, смѣшанномъ, шумномъ, картина въ тысячахъ различныхъ сценъ, и эшомъ уродливый храмъ Яггернаушскій — все это вмѣстѣ и порознь представляетъ самую дикую фаншасмагорію, какую шолько можно вообразить самому уродливому воображенію.

По прибытіи своемъ, великій жрецъ сходитъ на землю подлѣ колесницы Болорама. Онъ бываетъ одѣтъ при шакоемъ случаѣ въ бѣлое кисейное платье; ноги у него босыя. Помогая ему идти, сильный жрецъ поддерживаешъ его подъ руки, а другіе разгоняющъ шолпу безпощадными ударами палокъ. Воцаряешся глубокое молчаніе. Жрецъ всходитъ на колесницу Болорама, и громко раздаются

звуки Индійскихъ трубъ, мѣшаясь съ внезапнымъ ревомъ толпы. Доспигнувъ верха колесницы, Раджа кланяется идолу, поливаетъ сандалною водою площадку, чиститъ ее, и спускается съ гирляндю цвѣшовъ, кошую жрецы снимающъ съ идола и надѣвають на шею Раджи. Онъ приступаетъ попомъ къ совершенію такого-же обряда на колесницѣ Яггернауша и на колесницѣ Шубудры. Каждый разъ, этотъ обрядъ производятъ неисповы изъясненія воспорга въ толпѣ, при дикомъ звукѣ серебряныхъ трубъ, въ которыя изъ всѣхъ силъ трубятъ жрецы. Наконецъ совершается послѣдній обрядъ: Раджа прижимаетъ плечо къ колесницѣ, какъ будто-бы хотѣлъ двинуть ее; безъ этого никакъ не смѣетъ пронуть колесницу съ мѣста.

Тогда все приходитъ въ движеніе. Расположенные правильными рядами, нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ являющіяся съ зелеными вѣшьями въ рукахъ, и прочищаютъ себѣ дорогу сквозь толпу; они пляшутъ, скачутъ и поютъ, пока не достигнутъ до колесницъ. Тутъ прикасающіяся они вѣшьями къ колесницамъ, опнимающъ подмостки, хватающіяся за длинныя веревки, и обращаясь лицомъ къ идоламъ, везутъ колесницы. Болорамъ ѣдетъ впереди; за нимъ слѣдуетъ огромный Яггернаушъ, такъ, что колеса трещатъ подъ его тягосью; шествіе заключаетъ Шубудра. — Воспоргъ толпы увеличивается, когда колесницы двинулись въ ходъ. Поклонники бросающіяся къ огромнымъ колесамъ, умоляютъ позволивъ имъ подержаться за веревки, цѣпляющіяся за оси, подлезая подъ колесницы, ищутъ

всякаго способа , кошорымъ и они могли-бы участвовашь въ движеніи громаднхъ сѣдалищъ идольскихъ. По мѣрѣ того , какъ слѣдуютъ колесницы среди толпы , поклонники бросають къ идоламъ золотыя, серебряныя монеты и какаовыя бобы. Жрецы берутъ пагоды и рупіи себѣ, а бобы бросають обратно въ народъ, какъ освященные дары бога. Во все время шествія, молодые Брамины, прыгая въ толпѣ, хлещутъ вѣшьями, и везущихъ колесницы и приближающихся къ нимъ. Знашныя Индійцы довольствуются шѣмъ, чтобы коснуться только веревокъ, въ знакъ участія ихъ въ праздникѣ; женщины цѣлуютъ колесницы и колеса, и поднимають выше головъ своихъ дѣшей, чтобы идолы видѣли и благословили ихъ. Въ старину многіе изувѣры бросались подъ колеса, съ шѣмъ, чтобы тяжесью колесницъ раздавило ихъ; такая смерть считалась блаженною. Нынѣ этого нѣтъ, но среди безпорядочнаго движенія толпы, лопнувшая веревка, неосторожный шагъ, паденіе нерѣдко споятъ жизни многимъ поклонникамъ и Браминамъ. Когда колесницы двинулись съ мѣста, онѣ не могутъ уже бытъ остановлены, и давятъ что ни попало и кто-бы ни попался подъ колеса.

Не только это бываетъ причиною, что нѣсколько поклонниковъ Яггернаушскихъ всегда платятъ жизнью за свое благочестивое пушешествіе — болѣзни и недоспашки губятъ ихъ ежегодно величайшее множество. Дороги, ведущія въ Яггернаушъ, послѣ каждаго праздника бываютъ усыяны шрупами, и чакалы окрестныхъ мѣстъ раз-

дѣляють съ Браминами плоды суевѣрнаго поклоненія Яггернаушскому уроду.

Таково бываетъ обожаніе Яггернаушскаго испу-
кана, споль знамениное въ Индіи. Прибывши мѣ-
сяцемъ позднѣе, мы могли-бы видѣть одинъ изъ
главныхъ здѣшнихъ праздниковъ. Теперь слѣдовало
намъ удовольствоваться нѣкоторыми предваритель-
но совершаемыми обрядами, а въ подробностяхъ
настоящаго праздника положились на рассказы од-
ного Англійскаго офицера, который видѣлъ и на-
блюдалъ его нѣсколько разъ. — На пути нашемъ,
въ самомъ Яггернаушѣ и окрестностяхъ его, ви-
дѣли мы множество изуверовъ Индійскихъ, со-
вершающихъ моленія, въ положеніяхъ самыхъ тяж-
кихъ и спранныхъ. Здѣсь, на шигровыхъ кожахъ,
сидѣли два полунагіе факира; у одного руки были
сложены на груди, а ноги до колѣнъ прижаты къ
землѣ и выгнуты впередъ; у другаго колѣна под-
няты къ верху, ноги скрещены и привязаны къ шѣ-
лу. Тамъ одинъ изъ эшихъ безумцевъ споялъ на
головѣ, ногами къ верху, а другой подогнувъ но-
гу угломъ на колѣно и держась на другой ногѣ. —
Вильмошъ не могъ удержаться порыва состраданія,
при видѣ несчастныхъ мучениковъ суевѣрія; онъ
говорилъ съ ними на Бенгальскомъ языкѣ, но они
казались глухими и безчувственными. Смотря не-
подвижными глазами, перебирая чешки свои, они
не удостоивали вниманіемъ ничего, что соверша-
лось окрестъ ихъ, и въ созерцательномъ изступ-
леніи своемъ казались стапуями. — Мы опыска-

ли нашихъ проводниковъ, кспани совершившихъ въ Яггернаушскомъ храмѣ свои моленія. Поспѣшно отправились мы къ приморью, и лодка, сдвинувшая съ берега, скоро перевезла насъ на гоэленшу.

ГЛАВА XVII.

КАЛЬКУТТА.

Черезъ два дня, когда прошли мы Балассорскимъ проливомъ, измѣненіе въ цвѣтѣ воды показало намъ близость устья *Гугли*, одного изъ рукавовъ Ганга, на берегахъ котораго расположена *Калькутта*. Синяя бездна Океана явилась теперь темно-зеленою и мушною. Здѣсь обыкновенно находящіяся лоцманскія лодки, предназначенныя для препровожденія кораблей въ Калькутту, среди мѣлей и печеній рѣки. Адмиралтейское управленіе Калькутты сослало для сего особую эскадру изъ двѣнадцати лодокъ; каждая поднимаетъ до 150 тоннъ груза и управляется лоцманомъ, двумя помощниками его, чепырьми машрозами и чепырьми волонтерами. Плата за лоцманство такой лодки, отъ моря до Калькутты, для Англичанъ сто рупій, за корабль, поднимающій девять футовъ воды, но возвышается до 600 рупій за корабль 23 футовъ погрузки. Иностранные корабли платятъ вдвое. Для испребованія лоцмана, спрѣляютъ изъ пушки, и выставляютъ вымпелъ на верхушкѣ брамъ-спеньги.

Лоцманъ немедленно являеся. Если корабль небольшой, помощникъ его осшаеся на корабль; если великъ, лоцманъ правишь самъ, и его гоэлешша идешь передъ кораблемъ, для показанія фарвашера. Плаваніе по Гугли, оласное и ежегодно измѣняющееся, пребуесть большихъ предоспорожносшей. Высоша и быспроша приливовъ, перемѣчивоспъ песчаныхъ опмѣлей, дѣйсвіе вѣспровъ, почши всегда неблагопріятныхъ, по теченію и противъ теченія, соспавляють шакія запрудненія, которыя можешь побѣдишь только непрерывная опышноспъ.

Передъ самыми успьями Гугли проспирающа, шакъ называемыя, Sand-Heads (песчанья головы), родъ подводной дельты (*), на пшдешашъ миль въ поперечникѣ, возвышающіяся ежегодно опъ поспепеннаго наноса, слѣдспвія рѣчныхъ разлишій. Наша смѣлая гоэлешша безбоязненно прошла между ними, и обплывая вдоль оспрова Сангора, низкаго и болошисшаго, въ шопъ-же день доспигла Хаджери. На эшомъ мѣспѣ множеспво судовъ, яхпъ, больасовъ, паншвасевъ, большихъ и малыхъ кораблей, всякой формы и всякаго размѣра, мелькали по рѣкѣ

(*) Дельтою, Греческимъ названіемъ, именують землю, лежащую между двумя крайними рукавами какой нибудь рѣки, обыкновенно соспавляющую треугольникъ, въ видѣ Греческой буквы Δ. Это имя сдѣлалось собспвеннымъ для земель, находящихся въ успьяхъ Нила, въ Египтѣ. Прим. Пер.

во всѣ стороны. Всѣ эти суда представляли мало различія отъ Пондишерійскихъ и Мадраскихъ шелингъ; а туземцы были совершенно одинаковой съ шамонскими физіогноміи: гладкіе волосы, странно обстриженные, шумливый разговоръ, оживленныя плѣсновенія, и—совершенная нагоша первобытныхъ гражданъ земли. Къ намъ отовсюду бросились барки съ съѣсными припасами, и осаждали насъ до плѣсновенія поръ, пока мы не купили хоть немного изъ ихъ груза.

Въ Хаджери, на правой сторонѣ рѣки, находишся окончаніе наносовъ, ограничивающихъ собою южный уголъ Сундрійскаго лѣса, знаменистаго красивыми породами пигровъ. Съ наступившимъ вечеромъ, мы слышали рыканье ихъ, и такъ явственно, какъ будто-бы они были подлѣ насъ. На другой день, въ самомъ дѣлѣ, мы увидѣли сосѣдей нашихъ очень близко. Послѣ полусуточного благополучнаго плаванія остановились мы недалеко отъ праваго берега рѣки, ожидая возвращенія прилива; двое изъ нашего экипажа осмѣлились выйдти на берегъ, чтобы нарвать плодовъ. Едва спустились они на землю — огромный пигръ, съ небольшого быка величиною, чудесное живошное, страшное и вмѣстѣ красивое, съ желто-черными пятнами по кожѣ, кинулся на дерзкихъ. Схвативъ одного изъ бѣдныхъ Индійцевъ и помчавъ его въ неизбежныхъ зубахъ своихъ было дѣйствіемъ одного мгновенія. Нимало не испугавшись, товарищъ погибшаго спокойно подошелъ къ дереву, нарвалъ себѣ манговъ, и тихо ворошился на корабль. « Подашь

шигру заплачена, и теперь никому изъ насъ уже ничего опасаться, » говорилъ онъ. Эпошъ предразсудокъ такъ вкорененъ между Индійцами, что они лучше рѣшаются плашью въ напурѣ подашь человѣческимъ мясомъ свирѣпоспи шигровъ, не думая бить и изпребляшь ихъ. Такимъ образомъ, отъ деревни *Кульпи* до острововъ *Клейвскихъ* шигры спадями бѣгають по берегу рѣки. Когда рѣшились очистишь и обрабопашъ Клейвскіе острова, только одни шигры были тамъ обитаемыми. Надо было при работѣ подумать о средствахъ защиты. Что-же выходило? Пашъ сошъ человѣкъ Индійцевъ, употребленныхъ въ работу, хотѣли лучше плашью подашь шиграмъ мясомъ человѣческимъ, нежели подумать о защитѣ. При появленіи шигра, всѣ работники опрорешью бросались бѣжашъ, но когда шигръ уносилъ одного изъ нихъ, они думали, что остальные совершенно безопасны, что шигръ не пронешъ уже никого изъ нихъ, и спокойно обращались къ занятіямъ. Безъ помощи Европейцевъ, хорошо вооруженныхъ, шигры могли бы спокойно осмашся на островахъ. Очищеніе острововъ кончилось переселеніемъ шигровъ въ лѣса материковаго берега. Здѣсь ихъ водится еще величайшее множество, и они весьма опасны. Опвага ихъ просширается до того, что не рѣдко бросающся они вплавъ черезъ рѣку, чтобы нападать на шлюпки мимоплывущія. Огромная квадратная голова, видимая надъ водою, два страшные кровавые глаза, прикрытые лѣсомъ щепинистыхъ волосовъ, жарко пылающая, безмѣрная пашъ, языкъ цвѣща

винныхъ дрожжей, могушь ужаснушь въ такомъ случаѣ самаго безспрашнаго смѣльчака. Одно спасеніе въ ловкости ударовъ шопорами, ошъ которыхъ могушь опвалишься огромныя лапы, которыми шигръ ухватаишься за края шлюпки, доспигнувъ цѣли своего плаванія.

Немного повыше Кульпи, приближаясь къ *Алмазному острову*, мы увидѣли носимый по волнамъ шрупъ. Это былъ Индійскій покойникъ, погребенный по обычаю здѣшной земли. Когда Индіецъ находишься при послѣднемъ издыханіи, его переносять на берегъ рѣки; шупъ кладушь его на праву, и набиваюшь ему грязью рѣки носъ и рошъ, едва шолько онъ испустишь послѣднее дыханіе. Пошомъ бросаюшь шрупъ въ рѣку, гдѣ можешъ онъ прогуливаясь, какъ ему угодно, пока сожрешъ его аллигашоръ, или волнами прибьешъ его къ берегу, гдѣ покойникъ угосишь шѣломъ своимъ хищныхъ пшицъ и чакаловъ. Зрѣлище плавающего шрупа самое обыкновенное дѣло на рѣкахъ Бенгальскихъ, и эшошъ образъ погребенія обращается въ пользу плошоядныхъ звѣрей и пшицъ, пишающихся шрупами; шѣмъ и другимъ здѣсь нѣшъ счеша.

Заливъ *Алмазный* составляетъ родъ пристани для опдыха корабельщикамъ Компаніи, гдѣ находяшъ они припасы и лекаршва. Здѣсь устроены по берегу цѣпи, на которыхъ корабль можешъ держашься лучше всякаго якоря; теченіе, доходящее иногда до 40-ти узловъ, дѣлаешъ необходимою подобную предосторожность. — За эшимъ мѣшомъ являешся *Фульта*, шпаринное Голландское

заселеніе ; потомъ *Маяпуръ*, принадлежавшій Французамъ , и наконецъ , въ нѣсколькихъ льѣ далѣе , ошкрываеиша богашая , великолѣпная *Калькутта* , столица Англо-Индійскаго государетва , обширный , величешвенный городъ , издалека выспаляющій шпицы своихъ зданій , прошиженія бѣлыхъ домовъ и раму богашѣйшихъ садовъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ изгибовъ рѣки показала передъ нами крѣпость *Вилліамова* , а за ея эспланадою первый рядъ жилищъ , которыя можно названъ цѣпью дворцовъ , ибо многіе изъ нихъ имѣюиъ въ периспилахъ по двадцати чешыре колонны. Всѣ эи зданія , въ изогнушой линіи , болѣе льѣ въ длину , представляютъ зрѣлище самое величешвенное и прекрасное.

Изъ всѣхъ заселеній Европейскихъ по берегамъ Гугли , только Калькушпа занимаетъ лѣвую спору , и выборъ эиошъ былъ , кажется , не слишкомъ удаченъ. Возвышеніе земли надъ рѣкою шакъ мало , что эспланада , раздѣляющая крѣпость ошъ города , иногда заливаеиша водою. Самый поршъ не совсѣмъ надеженъ. Волненіе здѣсь бываеишъ шакъ сильно , что срываеишъ иногда корабли съ якорей. Въ нѣкоторыя времена прилива , сбой рѣчныхъ волнъ производишъ буруны , чрезвычайно огромные и опасные. Буруны эи сильно даюиъ себя чувешвовашъ на Калькушпской приспани , особливо въ полнолуиіе и новолуиіе. Тогда нерѣдко слѣдуюиъ опасныя приключенія , спалкиваюиша и повреждаюиша суда. Для унишоженія споль пагубной мѣстной невыгоды , благоразумная предосторожностъ Англичанъ не-

давно устроила приспаны, близъ кошорой большіе корабли, въ назначенныхъ имъ мѣстахъ, оспаяюся безопасны отъ волненій.

Крѣпость *Вилліамова*, цитадель Калькушты, составляетъ восьмиугольникъ, съ пятью правильными углами; при оспальные неправильны, слѣдую мѣстному положенію, для лучшей защиты рѣки. Крѣпость эта находится на югъ отъ города и на западъ отъ предмѣстья *Чоуринги* (Chowringi). Внѣшность ея кажется не важна, но спойшь только перейдши подъемный мостъ, чшобы увидѣшь обширность и превосходную общность укрѣпленія. Гарнизонъ составляетъ наиболѣе изъ Европейцевъ, хотя каждый новый привозъ солдатъ изъ Европы плашишь тяжелую дань нездоровому климату Англо-Индійской столицы. Желчныя лихорадки и расстройство въ печени, сопровождаемыя жестокими поносами, убивающъ множество вновь пріѣзжихъ. Неумѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ увеличиваетъ еще болѣе основныя причины необыкновенной смертности.

Вмѣстѣ съ Вильмопомъ, мы вышли на берегъ близъ крѣпости, 20 Мая 1830 года. Тутъ, на эспланадѣ, находились сотни паланкиновъ, какъ въ Европейскихъ столицахъ экипажи, рядами, съ гошовыми носильщиками, ожидая охотниковъ нанять ихъ, за положенную единой цѣны, по одной рупіи въ день. У каждаго паланкина считался чешыре носильщика, и кромѣ того одинъ носитель зонтика. Подлѣ этихъ Индійскихъ экипажей шло множество Индійцевъ, кошорые всѣ

опрометью бросились къ намъ: это былъ уже знакомый мнѣ народъ — *сиркары*, какъ называютъ ихъ въ Калькуттѣ, по-же, что *дубаши-Пондишерійскіе*. Но нѣсколько словъ Вильмота заставили ихъ опуститься отъ меня. Любезный этотъ человѣкъ непременно требовалъ, чтобы я остановился въ его родительскомъ домѣ. Онъ почти насильно усадилъ меня въ паланкинъ. «*Въ домъ Вильмота!*» кричалъ онъ носильщикамъ; они запѣли и пустились въ путь.

Мы остановились подлѣ входа въ какой-то дворецъ, издалека оплывавшійся своею обширною колоннадою, и верхнею галлереею, украшенною статуями. Это былъ домъ Вильмота, находящійся въ части города, называемой *Чоуринги*. Вокругъ распростирались *верандасы*, поддерживаемые колоннами Ионическаго ордена. Бенгалецъ, бѣжавшій впереди насъ, возвѣстивъ о прибытіи добраго госпя. Весь домъ въпревожился, все высыпало на встрѣчу: впереди всѣхъ явился *сиркаръ*, въ плащѣ изъ бѣлой кисеи; потомъ *піонеры*, съ своими серебряными палками; потомъ *канзаманъ* (мешрдопель), *абдаръ* (крайчій), *шерабдаръ* (споловый дворецкій), *хитмургаръ* (разсылщикъ), *сирдаръ* (комнатный слуга), носильщики, нисшая челядь, всего, право, человѣкъ шестидесятъ. Когда Вильмотъ выпрыгнулъ изъ паланкина, всякій спѣшилъ прикоснуться хоть къ полѣ плаща его; другіе прыгали, плясали, изъясляли радость свою крикомъ. Но Вильмотъ мало занимался ласками домашнихъ, и спѣшилъ въ ту залу, гдѣ нестерпѣ-

ливо ждали его отецъ и сеспры; мапери его уже давно не было на свѣшѣ. Среди прогашельнаго свиданія, я былъ на время забытъ, и не думалъ сердиться за эшо забвеніе. Но добрый Вильмошъ скоро вспомнилъ обо мнѣ, представилъ меня ошцу и сеспрамъ. Отецъ моего друга былъ сшарикъ, еще крѣпкій и здоровый, съ сѣрыми, проницашельными глазами, опкрышымъ, красивымъ челомъ, и гуспыми бровями, падавшими на его рѣсницы. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, и послѣ эшого дѣло съ нимъ было кончено. Я любовался на сесперъ Вильмоша: Миссъ *Бекъ* и Миссъ *Нель* (Ревекка и Элеонора), дѣвушки, одна 20-ши, другая 17-ши лѣшъ, были совершенная прошивоположноспъ желтымъ и шемнымъ лицамъ, какими уже надоѣла мнѣ Индія — бѣлая, краснощекія, полныя, оживленная Англійская свѣжеспъ и красоса. — Я былъ въ восторгѣ: мнѣ, кочующему спраннику, вдругъ какъ съ неба свалилсья среди Азіатской роскоши, среди изысканности жизни Бришанцевъ въ Индіи, среди великолѣпія Набабовъ; жишъ подъ одной кровлею съ парочкой Европейскихъ ангеловъ, далеко залепѣвшихъ на чужбину; какъ будшо райскій оазисъ, найдши въ пустынѣ пушешеспвія проспую, опкрышую пріязнь, забошливоспъ о всѣхъ удобспвахъ, ласковоспъ, дружбу — О! все эшо очаровало меня! Вечеромъ я былъ уже полный семьянинъ, а не госпъ. Мнѣ опвели особое опдѣленіе комнашъ, съ многочисленною прислугою. У широкихъ оконъ моихъ, провѣвавшихъ свѣжій воздухъ, расширялись навѣсами прелеспныя рогожки куску-

совья (*Andropogon muricatus*), которыя смачиваются водою, распространяя шѣмъ прохладу, свѣжеснѣ и благовонный^{снѣ} запахъ. Кромѣ того, ошѣ занавѣсѣ спускались въ каждомъ окнѣ *пумки*, огромнѣйшіе вѣера, изъ тонкой шкани на легкихъ пальцахъ; приводя ихъ въ движеніе, опредѣленный для эшого Индіецъ былъ моимъ геніемъ-хранишелемъ, не допускавшимъ меня чувствовашъ знойноснѣ Индійскаго неба.

На другой день, я оставилъ Вильмоша среди его семейснѣва, и отправился осматривашъ столицу Индіи, съ домашнимъ сиркаромъ, оплично смышленнымъ Индійцемъ, который равно хорошо зналъ языки Бенгальскій, Англійскій и Французскій. Съ приближеніемъ къ эспланадѣ крѣпости, первый предметъ, поразившій меня, было снѣадо пшицѣ, огромной величины, прогуливавшихся по пригоркамъ и сидѣвшихъ по гласису крѣпости. Эшо особый родъ цаплей (*ardea argala*), которыхъ называютъ здѣсь *Хуржила* (*костюбды*), и *Адьютанты*, по важности ихъ походки. Вышина ихъ доспигаешъ иногда до 5-ши фушовъ. Треугольный, оспрый клювъ ихъ, 18 дюймовъ въ длину, чрезвычайно крѣпокъ. Маленькіе глаза ихъ ярко-голубаго цвѣта; вмѣсто перьевъ, на шеѣ и на головѣ у нихъ рѣдкіе черные волосы; на груди, брюхѣ, въ хвостѣ и на концѣ крыльевъ перья сѣрыя; все остальное шемно-синяго цвѣта, а бѣлыя, длинныя ноги ихъ сшраннаго усшройснѣва. Но главное опличіе адьютанша ошѣ всѣхъ пшицѣ составляетъ цилиндрическій мѣшокъ, висящій въ концѣ шеи, когда о-

спальная часть его походитъ на зобъ, находящійся между плечами. Эпошъ мѣшокъ надувается и сжимается по желанію пицы; въ первомъ случаѣ увеличивается онъ до 18-ми дюймовъ ширины и 4-хъ поперечника. Еще не узнали естествоиспытатели, на что адьюшантамъ это странное украшеніе. Думаютъ, что это запасный анбаръ, гдѣ косши, составляющія главную пищу пицы, умягчаются и хранятся. Но дальнѣйшіе опыты прошиворѣчатъ такому общему повѣрью. Адьюшансы ходятъ по улицамъ и площадямъ Калькутты торжественною, важною процессіею. Не только не боясь они народа, но не уступаютъ никому мѣста, и безпрестанно спалкиваются съ людьми и лошадьми. Любимое мѣстопребываніе ихъ въ Вилліамовой крѣпости, гдѣ отъ кухни гарнизона идетъ имъ богатая и ежедневная подачка косшей. Каждый день, въ извѣстное время спада ихъ являющіяся передъ казармами и дерущіяся за косши, копорья бросающъ имъ солданы. Иногда шалуны придумываютъ прошивъ нихъ разныя позволенные и непозволенные шушки. Однажды какой-то негодяй набилъ порохомъ косъ, приспавилъ зажженный фишль и бросилъ косъ въ спадо жадныхъ адьюшансовъ; одинъ изъ этихъ бѣдняковъ проглотилъ подачку и былъ разорванъ взрывомъ. Изобрѣтателя безчеловѣчной шушки наказали по-Англійски — его высѣкли розгами. — Когда бывающъ сыпы, то неподвижно сидятъ адьюшансы на гласисѣ Вилліамовой крѣпости, съ шѣмъ видомъ глупой беспечности, копорый такъ свойственъ пицамъ, эпо-

го рода. По цѣлому полудню оспаюцца онѣ шупъ, однѣ стоя на двухъ ногахъ, другія на одной, нѣкоторыя растянувшись на брюхѣ, или на боку.

Калькутта расположена на землѣ наносной, произведенной почвой современными наводненіями. Съ нѣхъ поръ, какъ Индійская Компанія сосредоточила здѣсь главный пунктъ политическаго и торговаго управленія, городъ возросъ, едва не въ баснословномъ развѣшій. Тамъ, гдѣ тысячи живыхъ еще людей запомнятъ только бѣдную Индійскую деревню, построенную изъ бамбука, распространилась нынѣ обширное народонаселеніе 600,000 душъ. Памятники шупежнаго зодчества возвысились здѣсь подлѣ Европейскихъ зданій. *Черный городъ*, или Индійское отдѣленіе, находится къ западной оконечности. Тупъ изъ замѣчательныхъ построекъ видны только пагоды и мечети, довольно плохаго устройства, среди кривыхъ и грязныхъ улицъ. Изъ другихъ зданій можно упомянуть только объ обширномъ, развалившемся базарѣ, поставленномъ на предѣлѣ Чоуринги, и о жилищахъ богатыхъ *бабу*, или благородныхъ Индійцевъ, своею обширностью и порядкомъ, своими плоскими кровлями и узкими окошками напоминающихъ зодчество старинныхъ Европейскихъ монастырей. Черный городъ здѣшній занимаетъ пространство безмѣрное, и населенъ Бенгальцами, Марашами, Малабарцами, Бирманами, Кашайцами, Арабами, Персіянами, Малайцами, Жидами, вообще пришельцами изъ всей Азіи. По многообразію языковъ, это настоящая Вавилонская башня.

Напрошивъ того, *Чоуринги* — это Европа, щегольская Европа, Лондонъ, съ его Гейдъ-Паркомъ, Парижъ, съ его Элизейскими полями. Вечеромъ, когда зайдетъ солнце, и воды Ганга освѣжаютъ улицы, вы увидите скачущія, пересѣкающія другъ другу пушъ, оспанавливающіяся у домовъ *ландо*, *тильбури*, *богеи*, наполненные модными дамами, угрюмыми офицерами Компаніи, Армянами, въ оспроконечныхъ колпакахъ, бабу, въ ихъ плоскихъ чалмахъ, и всякой спараешся одинъ передъ другимъ показашъ, хошъ немного, Европейской роскоши. Разумѣешся, что такое подражаніе Европѣ не бываетъ безъ разительныхъ и забавныхъ ошибокъ и шуземныхъ измѣненій. вмѣсто превосходныхъ Англійскихъ лошадей, въ здѣшніе экипажи впрягаютъ иногда негодныхъ лошадей Индійскихъ; самые кучера, Индійцы, съ ихъ кисейнымъ плащемъ и босыми, черными ногами, не могутъ выдержашъ сравненія съ кучерами и грумами Лондонскими.

За крѣпосиною эспланадою находишся только *Танкъ-скверъ*, и еще нѣсколько улицъ обитаемыхъ Европейцами. Въ часпяхъ *Дурумтолла* и *Косситолла* народонаселеніе смѣшанное. — Изъ зданій въ Чоуринги должно упомянушъ о Городскомъ судѣ, домѣ Правительсва, Судебныхъ мѣспахъ, двухъ церквахъ Англиканскихъ, Пресвитеріанской, и нѣкоторыхъ храмахъ другихъ исповѣданій. Публичныя заведенія сущъ: Санскрипскій Коллегіумъ, домъ Правительсва, Епископскій Коллегіумъ (*Bishop's college*), *Медрессе*, или Мугаммеданскій

Коллегіумъ , Калькутская Гимназія , Армянская Академія , купеческая школа , училище малолѣтнихъ Индіанокъ , Азіятское общество , Медико-Френологическое общество (*) , Театръ , Ботаническій садъ , множество топографій . По исчисленію Гамильтона , въ 1826 г. издавали въ Калькутѣ *одиннадцать Журналовъ* ; изъ числа ихъ четыре на Бенгальскомъ и два на Персидскомъ языкахъ . Изъ всѣхъ исчисленныхъ мною зданій самое важное , безъ сомнѣнія , домъ Правительсва ; онъ состоишь изъ двухъ полукруглыхъ галлерей , соединенныхъ по срединѣ обширными сѣнями . Впрочемъ , внѣшній фасадъ , обремененный тройною колоннадою , слишкомъ тяжель . Епископскій Коллегіумъ также замѣчательное зданіе , съ двумя отдѣленіями , примыкающими къ обширной часовнѣ . Протестантскій соборъ не изященъ ; его шпицы тяжель , части безпорядочны ; но все вмѣстѣ стоишь однакожь вниманія .

На В. отъ Калькутты находится обширный прудъ соленой воды , составляющій границу *Соундербунда* . На пространствѣ между этимъ озеромъ и городомъ разбросаны тысячи Индійскихъ хижинъ ,

(*) Френологія , или *краниоскопія* , черепословіе , наука узнавать свойства людей по выпуклостямъ черепа ; основатель ея былъ Докторъ Галль . Англичане удивительно приспосаблились къ этой наукѣ , и должно сознаться , что открытія ихъ въ ней весьма замѣчательны и важны .
Прим. Пер.

пересѣкаемыхъ садами. Это мѣсто нездоровое, куда никогда не вступаютъ Европейцы, а далѣе за нимъ къ югу, течетъ *Нулла-Толли* (прошокъ Толли), небольшой рукавъ Гугли, который Индійцы почищаютъ настоящимъ Гангомъ. Поэтому, всѣ свои набожные обряды исправляютъ они на этомъ рукавѣ, а не въ обширномъ отдѣленіи рѣки, оскверняемомъ кораблями Европейцевъ. Каждое утро, незадолго до восхожденія солнца, увидишь здѣсь тысячи Индійцевъ. Послѣ обычныхъ умовеній, они прутъ себѣ щеки и лобъ бѣлою, желтою, красною землею, громко восклицая: *Рамъ, Рамъ!*— Нѣсколько браминовъ, сидя на берегу, перебираютъ зерна своихъ чешокъ, и бормочутъ молитвы, перевертывая палипошковые и банановые листочки своихъ священныхъ книжекъ.

На западномъ берегу Гугли отдѣляется важное предмѣстье *Гоура*, обитое строителями кораблей. Большая дорога около Калькушши и Чоуринги называется *Круглою дорогою*; она слѣдуетъ почти по линіи означенной валами, насыпанными во время войны противъ Марашовъ. Здѣсь предѣлъ завѣдыванію Калькушскаго начальства. Всѣ преступленія, совершаемыя по эту сторону вала, подлежатъ *Суддери-Адаулуту*, или высшему судилищу; все, что сдѣлается по ту сторону, относится къ управленію уѣздному. Въ случаѣ апелляціи, дѣло переносится въ *Суддери-Девани*, или народный судъ въ Чоуринги, гдѣ полагается послѣднее рѣшеніе, по Алкорану, или по законамъ Мену.

Ботаническій садъ въ Калькушшѣ, въ тридцати

лѣшъ существованія имѣющій кашалогъ почти чешырехъ тысячъ расшеній, прозябающихъ въ немъ, расположенъ на правомъ берегу Гугли, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города; окружность его почти двѣ лѣ. Основанный Докторомъ Роксбургомъ, садъ этотъ пострадалъ нѣсколько послѣ отъѣзда сего опытнаго ботаника въ Европу; но Докторъ Валлихъ, Датчанинъ родомъ, человекъ ревностный къ наукѣ, скоро успѣлъ продолжитъ улучшенія, начатые предшественникомъ. Его трудами садъ превратился въ маленькій эдемъ, гдѣ расшенія всего земнаго шара возрасшающъ и оказывающся въ полной роскоши своего прозябенія. Къ драгоцѣннымъ собраніямъ расшеній Бенгала, Силлеса, Гаррова, Непаульскихъ горъ, присоединены всѣ породы Капа, Бразиліи, Авспраліи, Океаніи. Величайшее богатство состоишъ въ пальмахъ, и обширныя сообщенія Индіи дали средство собрать здѣсь множество родовъ этого обширнаго семейства деревьевъ. Прелестная роца изъ *Sagus Rumphii* есть истинная драгоцѣнность въ этомъ родѣ; вошъ дерево, которое можно почешъ первобытнымъ шипомъ колонны и арки Гошической; все, что видимъ въ прихошихъ Гошического зодчества, найдемъ мы на этомъ спранномъ деревѣ. Оно разсажено здѣсь правильными аллеями, пересѣкающимися въ прямыхъ углахъ; высота спвола шакъ равна, дуги вѣшвей шакъ правильны, что съ шрудомъ вѣрише неприкосновенности къ нимъ рукъ человѣческихъ. Если присовокупишъ къ этому густоту, непроницаемость лисшьева, и совершенную наго-

шу прозябеній окрестъ деревьевъ, то легко понять, что купа изъ *Sagus Rumphii* можешъ явишь художнику и поэту все величіе Гопического собора.

Къ сокровищамъ сада принадлежатъ еще нѣсколько *Borassus flabelliformis*, или *пальмиръ*. Изъ этого и кокосоваго дерева добываютъ жидкость, называемую *тодди*, родъ водки, иначе извѣстной подъ именемъ *арака Паріевъ*. Для этого срѣзываютъ цвѣточную дудку, привязываютъ на мѣсто ея бушылку, или шыковину, для собранія вытекающаго сока. Далѣе видите здѣсь прелесныя лѣаны Южной Америки и плаханы (бананы) Малайскаго архипелага, вышины и вида удивительныхъ. Не смотря на благопріятность климата и почвы, нѣкоторыя изъ растений не удаются; таковы, на примѣръ, Новокаледонская сосна и Сенегальская Адансонія. Кромѣ Калькутскаго сада, докторъ Валихъ управляетъ еще садомъ Типшигурскимъ, подлѣ Барракупра, но тамошнее заведеніе предназначено наиболѣе для растений полезныхъ, которыя стараются возрасшишь въ Бенгалѣ.

Барракупуръ, въ 16-ти миляхъ отъ Калькутты, на С., военный постъ, и любимое мѣстопребываніе Генералъ-Губернатора, гдѣ построилъ онъ прелесный увеселительный домъ. Касаясь береговъ Гугли, Барракупуръ находится противъ Дашской колоніи *Серампуръ*, которая видна изъ за-него, за обширною скапершею воды, съ ея бѣлыми домами, Дашскимъ флагомъ и маленькимъ шпиромъ. Во все время пребыванія моего въ Калькутту, Лордъ

Беншинксъ , Генераль-Губернашоръ Англо-Индійской имперіи , жилъ въ Барракпурѣ. Жилище его здѣсь просторно и удобно , окружено *бунгалоувами* , или павильонами , опредѣленными для посѣщителей и для адъютаншовъ Лорда. Въ паркѣ , простирающемся на шрисша *акровъ* (*), соединены очаровательныя громады деревьевъ и богатые луга , съ неизобразимою роскошью произрастанія. Тушъ содержащъ многихъ рѣдкихъ живошныхъ — *гіала* , уроженца Тибеша и Непауля , родъ буйвола , шолько огромнѣе и съ ужасными рогами , зебровъ , рысей , Бенгальскихъ и Серампурскихъ медвѣдей , шигровъ , леопардовъ , дикобразовъ и кангуру. Въ окрестностяхъ водяшся опасныя змѣи , *Cobra di Capello* , укрываясь въ развалинахъ жилищъ , сухихъ мѣспахъ и запусшѣлыхъ пагодахъ. Водяныя змѣи болѣе рѣдки. Огромные аллигашоры безпресшанно выползающъ изъ рѣки и лежатъ на солнцѣ , по берегу ; ихъ считающъ двѣ породы , одну похожую на Нильскаго крокодила , съ длиннымъ рыломъ , и не нападающихъ ни на кого , если на нихъ не нападаютъ ; другую менѣе росшомъ , съ круглымъ рыломъ , спремешельно бросающихъ на живошныхъ и на каждаго неосшорочно купающагося человѣка. Увѣряющъ , будшо эши аллигашоры схвапывающъ иногда Индійцевъ даже съ берега , когда они при-

(*) *Акрѣ* , поземельная Англійская мѣра , имѣющая 40 рудъ въ длину и 4 руды въ ширину , или 160 кв. рудъ , что сосшавитъ до 890 кв. сажень. *Прим. Пер.*

ходяпъ черпашъ воду изъ рѣки. Если вѣришь разсказу моего сиркара, аллигаторъ схватилъ когда-то молодую дѣвушку, лѣтъ пятанадцати; она билась и кричала минушь десять на поверхности воды, влекомая чудовищемъ; спѣшили броситься въ лодку, плышь за похищеннымъ, но жестокимъ усилениемъ аллигаторъ погрузился въ рѣку съ своею жертвою, и оставилъ преслѣдовавшихъ въ ужасѣ и изумленіи.

Кромѣ биваковъ Барракупурскихъ, гдѣ построены для солдатъ здоровыя, прохладныя жилища, близъ Калькутты есть еще военное заселеніе въ Думъ-Думѣ; тамъ находится главный артиллерійскій паркъ всей Англо-Индійской имперіи. Казармы тамошнія суть низенькія строенія, съ верандасами, по здѣшнему обычаю. Генералъ живетъ тамъ въ красивомъ домѣ, припнутомъ на скалѣ утесистой горы и окруженномъ прелестнымъ садомъ. Лордъ Клейвъ, обыкновенно проживавшій въ этомъ мѣстѣ, украсилъ его превосходно.

Мнѣ хошѣлось, въ прогулкахъ моихъ по окрестностямъ, замѣтить все, что хошь сколько нибудь напоминаетъ исчезнувшее Французское могущество въ этой части Индіи, и потому, въ буггеро, или Гангеской лодкѣ, отправился я въ Шандернагоръ. Г-нъ Кордье, тогда самый, что съ 32-мя силами поддержалъ здѣсь честь Французскаго флага противъ Англичанъ, управлялъ въ бытность мою этою бѣдною и ничтожною колоніею. Все говорило тогда въ Шандернагорѣ о молодомъ, отважномъ естествоиспытателѣ Французскомъ, столь

рано похищенномъ потомъ смершю среди обширныхъ прудовъ его : вы поймете , что я разумю здѣсь *Виктора Жакемона*, за пять мѣсяцевъ до меня прибывшаго въ Индію , и успѣвшаго потомъ совершить споль обширныя и любопытныя путешествія по внутренней Азіи. Бѣдный Жакемонъ ! Сколько надеждъ съ нимъ потеряно ! Тридцати лѣтъ отъ рожденія , онъ готовъ былъ обогатить науки и Географію разнообразными открытіями. Онъ обозрѣлъ Бенаресъ , Дели, вершины Гиммалаевъ , источники Джумма и Ганга , пробрался до Лагора , посѣтилъ баснословную Кашемирскую долину. Послѣ трехъ лѣтъ путешествія , какое обиліе предметовъ естествознанія и замѣчаній всякаго рода готовилъ онъ намъ ! Онъ умеръ въ концѣ 1832 года въ Бомбаѣ , когда заносилъ уже ногу на корабль , долженствовавшій возвратить его Франціи, умеръ отъ расстройства въ печени, когда морской воздухъ и отдыхъ на кораблѣ могли возстановить его здоровье, расстроенное трудами путешествій и пребываніемъ въ племворныхъ климахахъ посѣщенныхъ имъ земель. Болѣе, нежели о старыхъ ученыхъ, надобно сѣшовать о молодыхъ сподвижникахъ знаній , умирающихъ не высказавъ намъ вполнѣ идеи своей жизни. Особенно грусна бываетъ потеря пруженика въ цвѣтѣ лѣтъ , любящаго знанія добродушно и просто , безъ оглядки на прошедшее , безъ системъ , безъ ненависти , безъ зависти , иногда преданнаго вдохновенію , и всегда чуждаго ученыхъ паршій и ушомительныхъ дробей упрямой систематики. Да, надобно жалѣть

о такой потерѣ, потому, что такіе люди рѣдки, и по рожденію своему, и по шрудности обстоятельствъ, копорья надобно побѣдишь имъ для своего предназначенія. Въ Шандернагорѣ все говорило мнѣ о Викпорѣ Жакемонѣ; въ этой бѣдной колоніи, гдѣ нѣсколько Французовъ упорно борются съ несудоходнымъ мѣстомъ рѣки, и съ монополіями Англичанъ, и съ невыгодами торговли, безпрерывно упадающей, болѣе наслушался я о пупешествующемъ соотечественникѣ, нежели въ Калькуттѣ, городѣ многолюдства и шума. Впрочемъ, Жакемонъ былъ замѣченъ и въ Калькуттѣ. Индійскій Генераль-Губернапоръ опличилъ ласковымъ пріемомъ молодаго спранника, принялъ его съ особенною ласкою; Сиръ Карлъ Грей, Г-да Рейанъ и Пирсонъ спорили о томъ, кто болѣе окажетъ ему пріязни; живость Француза, воспоргъ, внушаемый предметомъ занятій, и теплая преданность наукъ расшевелили Бришанскую холодность, копорая хотя не понимаетъ этого, но гошова дѣлилась, видя все это въ другомъ. Тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе было впечатлѣніе Жакемона на Шандернагорѣ, гдѣ нашелъ онъ общесство ласковыхъ земляковъ. Радужный Кордье не могъ говорить о Жакемонѣ не распрогавшись; онъ сопровождалъ его въ пупешествіи на Гиммалаи, заботился объ немъ, какъ будшо объ родномъ.

Г-нъ Кордье ошкровенно говорилъ мнѣ о неизбежной гибели, ожидающей колонію, ввѣренную его управленію, и признавался, что онъ ничего не можетъ опврашить и почти ничего не можетъ сдѣ-

лапъ полезнаго для опечесства. Нѣсколько опустѣ-
 лыхъ улицъ, нѣсколько низкихъ, почти необитае-
 мыхъ домовъ, пусшой поршъ, безмолвная при-
 спань—вошъ что представляешъ шеперь Шандер-
 нагоръ! Дашское заведеніе въ Серампуръ шакже
 упало, но, по крайней мѣрѣ, видъ его не споль
 печалень. Находясь близъ Калькушшы, въ споронѣ
 довольно здоровой, оно привлекаешъ Европейцевъ,
 кошорые бѣгушъ сюда опъ дорогой жизни въ
 Калькушшѣ. Серампуръ городокъ красивый и
 опряшный. Полковникъ Крефшингъ, долго здѣсь
 управлявшій, завелъ большой порядокъ и устрой-
 ство, при помощи придцаши сипайскихъ піоне-
 ровъ, кошорыхъ могъ содержать. Въ 1823 году,
 Гангескіе разбойники осмѣлились напасъ на Се-
 рампуръ; сѣдоволосый Полковникъ пошелъ съ дву-
 мя дюжинами плохихъ солдатъ своихъ на разбой-
 никовъ, напалъ на нихъ, сражался самъ, захвашилъ
 нѣсколькихъ въ полонъ и повѣсилъ ихъ для при-
 мѣра. Съ шѣхъ поръ, никшо не смѣешъ шронуть
 Серампура. Но если Дашская колонія не имѣешъ
 причины бояшся разбоя шуземцевъ, за шо сѣмяна
 разрушенія посѣяны для нея явно и на виду: я го-
 ворю о зависпливомъ и могущемъ владычесшвѣ
 Англичанъ. Значительность шорговая уменышаешъ
 ся здѣсь годъ опъ году, и, вѣрояшно, Данія вско-
 рѣ принуждена будешъ сама просишъ Англичанъ
 взять у нея Серампуръ, и уже кшаша почислишъ
 его въ свои Индійскія владѣнія.

Въ поѣздкахъ и обозрѣніяхъ моихъ, нѣсколько
 разъ покушался я проникнушъ во внутренность

Индійскихъ обиталищъ, но при каждомъ покушеніи такого рода, сиркаръ мой оспанавливалъ меня со всѣми признаками страха, а по виду хозяевъ я могъ понять, что немного было выгоды упорствовать. Суевѣрное убѣжденіе Индійцевъ говоритъ имъ, что всупленіе Европейца въ ихъ жилище есть оскверненіе, ничѣмъ неизгладимое. Пошому, во внутреннее отдѣленіе своего дома Индіецъ пропустишь Европейца развѣ только черезъ прупъ свой. Мугаммедане не столь суевѣрны; кромѣ женской половины, весь домъ Мугаммеданина открытъ посѣщителямъ. Поколѣнія Мугаммеданскія опличаются красою между всѣми туземцами Индіи. Правильность чертъ, менѣе смуглый цвѣтъ кожи, стройность и сила членовъ, какое-то благородство поступи, все это опличаетъ ихъ сколько-же, сколько и щеголевавшая простота одѣянія.

Въ Шандернагорѣ, Серампурѣ, Барракупурѣ, видѣлъ я пагоды, зодчество которыхъ далеко оставляетъ за собою жалкое зодчество пагодовъ Калькутскихъ. Здѣсь находилъ я опчасши великолѣпіе Яггернаушскихъ храмовъ, какъ будто преддверіе къ религіозному великолѣпію Бенареса, свяаго города Индійскаго. Въ первый разъ видѣлъ я здѣсь слоновъ, съ гудами на хребтахъ ихъ. Гуды ничшо иное, какъ покрышыя сѣдалища, или павильоны, укрѣпляемые на спинахъ слоновъ, для удобства путешественниковъ; изъ числа ихъ, употребляемые Европейцами походятъ на кузовъ кабріолеша; гуды Индійскихъ бабу не столь высоки, но пестрѣе украшеніями. Слонъ, съ такимъ сѣдломъ, съ золо-

шыми киспиями и великолѣпнымъ уборомъ—Азіяпская картина, слишкомъ извѣстная въ Европѣ, и всего болѣе выражающая Азію. Индійскіе слоны вообще менѣе слоновъ средней Африки, но видъ ихъ однакожъ величественъ; будучи живошнымъ ручнымъ и домашнимъ, эшо живошное все еще сохраняетъ нѣсколько своей природной, дикой горделивости. Уже сколько было говорено о чудесной понашливости слоновъ, что кажется бесполезно повторяя множество истинныхъ и вымышленныхъ анекдотовъ о предметѣ всеобщаго удивленія. Видя слона, живошное чудовищное, могучее, видя, какъ повинуется онъ едва замѣтному движению *магута*, или *корнака*, на немъ сидящаго, нельзя не сознавъ въ немъ инстинкта послушливости, соединеннаго съ тонкою понашливостью. Когда слонъ идетъ, везя на себѣ путешественниковъ, или власшишелей, кромѣ *магуша*, имъ управляющаго, человекъ съ зоншикомъ сидитъ у него на холкѣ, а подлѣ слона идетъ еще пушеводшель, безпрестанно разговаривая съ нимъ и указывая ему дорогу. «Берегись—вошъ калей—держись крѣпче; шущъ скользско—сюда—здѣсь»—подобный разговоръ продолжается во все время пуши. Магущъ, напрошивъ, не говоритъ ни слова; если надобно перемѣнить направленіе, онъ даетъ знавъ объ эшомъ слону, придавливая правую, или лѣвую ногу свою къ шеѣ живошнаго. Для ускоренія хода, онъ колешъ его иголкою; для оспановки, бьешъ его по носу. Власть *корнаковъ* надъ слонами, которыхъ они выучили, доказана тысячами примѣ-

ровъ. Епископъ Габеръ рассказываетъ, что незадолго до прибытія его въ Бенгалъ, около 1822 года, осудили на смерть одного магуша. Злобясь на какую-то женщину, онъ сдѣлалъ непримѣнный знакъ слону, и по этому знаку, звѣрь схватилъ несчастную своимъ хоботомъ и раздавилъ ее ногами.—Для избѣжанія-ли подобныхъ случаевъ, или пошому, что лошади пугаются слоновъ, запрещено вводить ихъ въ Калькутту и на пять миль въ округу города. Какъ домашнее животное, слонъ употребляется въ Индіи на всѣ потребности, исправляемая въ Европѣ лошадьми. Въ парадахъ, въ путешествіяхъ, въ битвахъ услуживая человѣку, слоны суть также вѣрные союзники его въ сраженіяхъ съ дикими звѣрями. Для этого собираютъ нѣсколько слоновъ, на кошорыхъ садятся магуши и охотники, вооруженные ружьями, пиками, луками и стрѣлами. Когда звѣрь увидитъ себя обхваченнымъ спаяю слоновъ съ охотниками, онъ начинаетъ битву, но неравная битва эта не бываетъ продолжительна; слоны пронзаютъ звѣря своими клыками и давятъ его, повергая подъ свои тяжкія ноги.

Такъ употреблялъ я на обозрѣнія и поѣздки первые дни моего пребыванія въ Калькутту. Спѣша все видѣть, я успѣвалъ уделять только малый остатокъ времени на бесѣду съ моими добрыми хозяевами. Впрочемъ, право, было опасно засиживаться съ ними долго; миссъ Нелль, младшая изъ дочерей старика Вильмша, любимая сестра моего друга, была такъ хороша, что я чуть не влюбился

въ нее по уши. Куда хорошо было-бы мнѣ, когда у меня на рукахъ *всеобщее путешествіе*, заклиная страсть объѣхать цѣлый міръ, мнѣ, бѣдному спраннику, влюбись въ дочь одного изъ Англійскихъ Остъ-Индскихъ богачей! Я былъ даже радъ, что миссъ Вильмонтъ не замѣчала сильного впечатлѣнія на мое нѣжное сердце. Она и сестра ея были воспитаны въ правилахъ самаго строгаго благонравія, написаны правилами Пурипанской скромности, и для того, чтобы влюбиться въ кого нибудь, имъ надобно было напередъ позволеніе строгаго отца ихъ. Обѣ дѣвицы казались чрезвычайно ласковы, милы со мною, и сколько разъ жалѣлъ я, что я не богачъ, не Англичанинъ, не пропеспантъ Англіійскій! Въ слѣдствіе всего этого, въ обращеніи моемъ соблюдалъ я возможную оспороженность, не смарался даже слишкомъ увлекаюсь общесствомъ и любезностью миссъ Вильмонтъ, хотя иногда онѣ сами подвергали мою философію тяжелому испытанію. Вообразите, напримѣръ, что миссъ Бекъ вошла въ мое отдѣленіе, когда я сидѣлъ спокойно за моею *гукою*, или ароматическою Персидскою шрубкою. «Я пришла за вами, любезный гость» — сказала она мнѣ — пойдешъ со мною въ здѣшнее училище молодыхъ Индійскихъ дѣвочекъ; сегодня тамъ экзаменъ; вы увидите любопытное зрѣлище, и узнаете почтенную учредишельницу его, мисприссъ Вильсонъ.» Можно-ли было отказать! Мы отправились вмѣстѣ, сопровождаемые толпою служителей. — Училище это заведено Г-жею Вильсонъ, женою одного Ан-

глійскаго миссіонера, лѣтъ десять тому. Прежде примѣра не бывало, чтобы дочь или жена Индійскаго пуземца учились чашать, писать, занимались женскими рукодѣліями. Г-жа Вильсонъ умѣла сдѣлать эпоху въ Индійскомъ воспитаніи. Опѣ шестии, или семи, взявшихъ ею первоначально дѣвочекъ, число воспитанницъ возрасло теперь до восьми сотъ. Никто изъ Индійцевъ, Браминовъ и Музульманъ, не отказывается опѣ желанія, чтобы дочь его училась, съ однимъ только условіемъ, что ученіе не разрушитъ спростаго раздѣленія на вѣры и касты. Это условіе спростаго соблюдается и потому все идетъ чрезвычайно успѣшно. Самые жрецы Браминскіе, кажется, согласны съ нововведеніемъ, дошолѣ неслыханнымъ; мы видѣли множесство ихъ, присущесствовавшихъ при экзаменѣ. Леди Беншинксъ, супруга Генералъ-Губернатора, леди Грей, мисприссъ Райанъ, и множесство почешныхъ дамъ находились шущъ-же. Экзаменъ шелъ превосходно и зрѣлище было, дѣйствительно, самое занимательное. Надобно было видѣть эшихъ малюшокъ, съ ихъ мѣдноцвѣтными лицами, съ ихъ умными, выразишельными глазами, полунагихъ, съ заплешенными волосами на головахъ, съ раскрашенными бѣлою и красною краскою лбами, съ покрывалами, наброшенными на головы, когда онѣ выступали въ средину залы собранія, повшоряли уроки, опшвѣчали на вопросы. Спараясь одѣвъ ихъ для праздника щеголевашѣ, родспвенники обременили наряды ихъ кольцами, браслешами, привѣсками. Миссъ Бекъ была шакъ любезна со мною во

все время экзамена, что я возвратился домой влюбленный въ нее, не менѣе какъ и въ миссъ Нелль.

Черезъ нѣсколько дней, мой добрый Вильмонтъ показалъ мнѣ зрѣлище не менѣе любопытное: *дюрбаръ*, или торжественный выходъ Генераль-Губернатора. Дюрбаромъ называется общая аудіенція, копорую, въ назначенныя времена, даетъ Лордъ Беншинксъ богатымъ бабу Калькушскимъ и *вакилямъ*, или посланникамъ Индійскихъ государей. По приходѣ нашемъ, мы увидѣли толпу богатыхъ и знатныхъ Индійцевъ, споявшую въ два ряда въ обширной галлерей. Нѣсколько ученыхъ Индійцевъ, путешественниковъ Восточныхъ, Раджей, Набатовъ ожидали шутъ-же появленія власпишеля Индіи. Увѣренъ, что самому Лорду Беншинксу, старому солдашу, столь оплотившемуся въ Испанской войнѣ, радикалу по своимъ мнѣніямъ, философу по жизни, спранно разыгрывавъ въ Калькушскомъ дворцѣ своемъ комедію Азіатскую, но эшого пребуешь полишика. Въ глазахъ жишелей Востока власъь доказывается великолѣпіемъ и формами, и Англичане не могли-бы повелѣвать Индіею соблюдая просшому быша нашихъ Европейскихъ власпишелей. Пошому болѣе блеска, болѣе великолѣпія и роскоши увидите при Дворѣ Калькушскомъ, нежели при Дворѣ самаго короля Георга. Едва всшупилъ Лордъ Беншинксъ въ залу, какъ по его повелѣнію на одного Раджу надѣли, въ знакъ милосши, богато вышитый *халатъ*; другимъ раздавалъ онъ алмазные знаки, жемчужныя ожерелья; всѣмъ присушсшующимъ лили на плашки

аттаръ или розовую воду. Вакили Уда, Нагпура и Непауля, Персидскіе ханы, Аравійскіе эмиры, Раджи и Набабы мелькали передъ моими глазами, среди множесіва Англійскихъ офицеровъ, и эпі одѣянія изъ бѣлой кисеи, эпі халасы, унизанные золошомъ и драгоцѣнными каменьями, эпі Британскіе мундиры, облипые драгоцѣнными мешаллами, лѣсъ плюмажей и перьевъ на шляпахъ—все эшо сосшавляло позорище споль разнообразное, что шрудно было-бы описать его вполнѣ.

Единожды бросившись въ праздники, я уже не оспанавливался болѣе, былъ на великолѣпныхъ раушахъ, на вечерахъ, въ шеапрѣ, пошомъ на шуземномъ пиршесствѣ, или *наге*, кошорый давалъ какой-шо богашый Индіецъ. Когда явились мы передъ его освѣщеннымъ, окруженнымъ полною любопышныхъ, великолѣпнымъ домомъ, насъ повели въ обширную залу, во внушренности кошорой просширались двѣ большія галлерей, одна надъ другою. Въ верхней, за непроницаемыми рѣшешками, сидѣли жены нашего бабу, невидимо наслаждаясь великолѣпіемъ праздника; въ нижней расположились госпи. Шшукатурныя, бѣлыя колонны поддерживали галлерей, и обширная, вся сплошь освѣщенная зала представляла видъ прекрасный. При нашемъ приходѣ, собраніе заняшо было пѣніемъ *Ники*, Капалани Индійской, превосходной пѣвицы шуземныхъ пѣсенъ, въ сопровожденіи оркестра, кошорый былъ, правду сказашь, довольно неспроенъ. Послѣ пѣнія начался *наге*. Такъ называешся Индійскій танецъ, нисколько непохо-

жій на пляски баядерокъ, *деведасси*, *кансени*, и другихъ прислужницъ въ пагодахъ. Танцовщицы наче называющся *румъ-джени*; онѣ спановящся пошрое, и вмѣсто сладоспращныхъ кривляній баядерокъ всѣ движенія ихъ ошличающся скромно-стью и прелесшью. Одежда танцовщицъ соошвѣнствуетъ характеру пляски; вмѣсто легкой оболочки, сквозь которую видны полунагія формы, *румъ-джени* одѣшны въ широкія плашья, шипшы золотомъ и серебромъ; нижнія плашья у нихъ чрезвычайно широки; они надувающся, какъ пузырь, когда танцовщицы начинающъ вершѣшся; широкія шаровары идушъ до спупней; множество гремушекъ на ногахъ служишъ къ означенію мѣры. Иногда танцовщицы наче дѣлающъ только переходы и круги, но всего чаще танецъ переходишъ въ паншомиму, чрезвычайно вѣрную и выразишельную.

Индійскій оркесиръ состоишъ изъ множества инструменшовъ; разные роды барабана занимающъ между ними первое мѣсто; главный изъ барабановъ *гаукъ*—величины ужасной, и производишъ шакой громъ, что если гдѣ хошашъ упошребишъ его, то надобно предваришельно просишъ позволенія Правительсшва. *Урни* ешъ грубая гишара, изъ перепиленного на-двое кокосоваго орѣха; по ней царапающъ бамбуковою палкою; инструменшъ производишъ два звука, одинъ похожій на мяуканье кошки, другой на рыканіе дикаго звѣря. *Колъ* барабанъ кающихся; *джургъ-гаджа* двойной барабанъ, изъ двухъ неравныхъ ошдѣленій; *сарен-*

гви походитъ на віолончель, и звуки его не не-
пріятны; *нагассарамъ* родъ гобоя, съ маленькою
дудочкою на концѣ, вообще употребляемый при
пляскахъ баядерокъ; *пани-каване* родъ флейпы,
употребляемой при печальныхъ обрядахъ; *джонго*,
родъ барабана, въ кошорый бьютъ двумя палоч-
ками; *комбу* кривой рожекъ, употребляемый въ
пагодахъ; *сонгъ* раковина, на кошорой играютъ
брамины; *тоурти*, дудочка, принадлежность всѣхъ
пагодовъ и мѣра для шапцевъ баядерокъ. Кромѣ
того есть еще: *нагуръ*, или цымбалы, *пеннакъ*, *са-
ринда*, *сурмонгола*, *доля*, *ситаръ* (духовой инстру-
ментъ изъ шиквы), *госейра* (бубень), *табла*, *нага-
боттъ* (преспрашный барабанъ, возимый на слонѣ,
передъ Индійскими государями); особенный родъ
трубъ, похожихъ на Европейскій серпантъ; цымбалы
Марапшскіе, употребляемые при военномъ маршѣ
и возимые на верблюдѣ; Марапшская труба, ин-
струментъ военный, и проч. и проч.—Соединен-
ныя вмѣстѣ, всѣ эти Азіатскія музыкальныя ору-
дія составили-бы оглушающій оркестръ, но этого
никогда не дѣлаютъ. Самый великолѣпный наче до-
вольствуется семью, восьмью музыкантами: и то-
го довольно, если уже не слишкомъ много для
ушей Европейца.

Хотя Калькутскіе бабу всегда готовы угощать
своихъ шутцевъ и Англійскихъ посѣщителей,
но есть одно время въ году, когда наче бывають
у нихъ въ особенномъ употребленіи и даются без-
прерывно. Это происходитъ въ Октябрѣ, на празд-
никъ *Дурга-Пуджа*, Индійской масляницѣ, кошо-

рую опправляють 9, 10 и 11-го Октябрю. Днем во все это время происходятъ духовныя процесіи Индійцевъ, а по вечерамъ дома богашѣйшихъ бабу опкрыты для всякаго посѣпителя, только былъ-бы онъ одѣтъ порядочно. Въ залахъ высшавляеися тогда изображеніе Индійскаго божества, сдѣланное изъ дерева, богато одѣтое, и предспавляющее его лежащимъ. Каждаго посѣпителя подводятъ къ этому испукану и опрыскивають розовою водою. Въ такіе праздничные дни, иной бабу издерживаетъ до 100,000 рупій, сколько изъ набожности, столько-же изъ шщеславія.

Другой праздникъ, не уступающій Дургѣ, называется *Чуррюкъ-Пуджа*, и опправляется въ честь богини *Кали*. Онъ бываетъ 10-го Апрѣля. Наканунѣ, вечеромъ собираются толпы на берегу рѣки, и набожные люди, всходя на ообенныя подмошки изъ бамбука, бросаюися въ рѣку, гдѣ разспилаютъ тогда шюфяки, чшобы паденіе прыгуновъ не было слишкомъ сильно. До свѣша 10-го Апрѣля, музыканшы Индійскіе ходятъ по улицамъ и приглашають всѣхъ правовѣрныхъ сбираться на *мейданъ*. Тамъ сходитися пріста тысячъ Индійцевъ; со всѣхъ споронъ вѣють разноцвѣтные значки; во всѣхъ споронахъ устроиваюися мѣста для религіозныхъ плясокъ. Но вся эта, одѣшая въ бѣлыя плашья куча народа, весь эшопъ визгъ инспрументшовъ, давка, движеніе—только предвѣспія духовнаго хода. Главное лицо соспавляють шупъ опять набожные люди, уже вымазанные красною краскою, по шѣлу и по плашью, какъ будшо они

шолько чшо вылѣзли изъ красильныхъ чановъ. Вѣнки, пояса и ожерелья дополняютъ нелѣпый нарядъ ихъ. Впереди и за ними слѣдуешь множество профеевъ и богини подвижныхъ шеащровъ, везомыхъ на лошадяхъ, или на волахъ; на иныхъ шеащрахъ видише символы и изображенія мифологическія; на другихъ подражанія солдатамъ и кораблямъ Европейскимъ. Тушъ являющіяся покаянники, съ кусками горячаго желѣза, копорыми прижигаютъ они себѣ шѣло, или съ маленькими кинжалами, копорыми они колютъ себя до крови; нагѣ до пояса, вымазанные красною краскою, обвѣшанные цвѣтами, съ длинными, напишанными масломъ волосами, бѣдняки скачутъ и спараются показать себя веселыми и довольными. Но улыбка и веселье ихъ слишкомъ принужденны, и спраданіе оказываешия невольными движеніями лица. Спрожайшій порядокъ наблюдается во все время шещвія, не смотря на многочисленность шолпы.

Вечеромъ, вся куча народа и процессія приходятъ въ *Бойтаконна*, часъ *Калькушшы*, общаемиую Индійцами, гдѣ устроиваются *вертящіяся деревья*: эшо орудія пытки, предназначенныя для очищенія грѣховъ; каждое состоишь изъ мачны, вышиною фушовъ въ двѣнадцать, крѣпко ушверженной въ землю, на кошорой сверху вершишся перекладина, перекачиваясь въ шо-же время на всѣ стороны. На одномъ концѣ перекладины веревка съ желѣзными крючьями для кающихся; на другомъ шакже веревка, посредствомъ кошорой жрецы мучаютъ его. Рѣшеніе на шакое покаяніе должно бышь

совершенно по доброй волѣ. Когда добровольный спрадалецъ явился на Бойшаконнаской площади, весь въ цвѣсахъ, сопровождаемый браминами, собраніе привѣтствуетъ радостными криками его благочесливую рѣшительность. Жертва остана- вливается у подножія мачты, равнодушно гля- дишь на приготовленія, и наконецъ самъ при- казываетъ начать очищеніе его отъ грѣховъ. Тог- да брамины войзаюшъ ему повыше ребръ два боль- шіе крюка, которые вбиваются въ продольные му- скулы, поддерживаясь около груди широкою пере- вязью. Послѣ этого нѣсколько человѣкъ гнушъ къ землѣ другой конецъ перекладины и поднимаюшъ бѣдняка фуповъ на десяшъ отъ земли. На такой высотѣ начинаюшъ вершѣшъ перекладину кругомъ, и спрадалецъ съ воспоргомъ бросаетъ въ народъ цвѣшы и орѣхи. Бываетъ, что когда брамины но- лагаюшъ уже покаяніе досматочнымъ и хошащъ прекрапишъ мученіе кающагося, безумный изувѣръ умоляетъ ихъ продолжишъ сладостное спраданіе еще нѣсколько времени.

Всѣ эти обряды, и частныя подробності, со- бранныя мною въ Яггернаушѣ, Калькушѣ и дру- гихъ мѣстахъ, возбудили во мнѣ особенное любо- пышство узнать въ общности религію Индійцевъ, столь обильно исполненную обрядами и праздни- ками, столь безчеловѣчную, варварскую, исключи- тельную, презирающую до ненависти всѣ другія исповѣданія, и столь безгранично владѣющую на- родами Индійскими. Съ самаго пріѣзда, я распо- лагался плышъ изъ Калькушны въ Бенаресъ, эшошъ

Римъ Индійскій , какъ называетъ его Епископъ Габеръ, бывшій тамъ и подробно описавшій его. Но когда надобно было приступить къ путешествію, мнѣ рассказали о всѣхъ трудностяхъ пуши, и объявили, что менѣе шесшдесяти дней невозможно опредѣлить на пушь до Индійскаго свяшаго города — признаюсь, горячность моего любопытства проспыла. Тѣмъ сильнѣе спарался я сыскашь средствъ примирить продолжительность времени, не дозволявшую мнѣ пусшиться въ столь дальный пушь, съ моимъ желаніемъ видѣть и узнать все замѣчательное. Я обратился къ Вильмону. «Ничего нѣтъ легче,» ошвѣчалъ онъ. «Пойдемте къ знаменитому Рамасвани-Пундишу, единственному брамину изъ всего ихъ рода, кошорый посшыдитъ даже Европейца своею глубокою ученостью, благоразумною стрпимостью, просвѣщеніемъ, возвышающимъ его надъ всѣми предразсудками. Едва-ли кто нибудь лучше его знаетъ всѣ тайнства Индійской религіи и шакъ хорошо проникаетъ всю ея сущность. Онъ спанетъ говоритъ съ вами охотно, просто, и на какомъ угодно языкѣ: Бенгальскомъ, Индоспанскомъ, Санскришскомъ, Палійскомъ, Поршугальскомъ, Англійскомъ, Французскомъ, потому, что онъ знаетъ всѣ эти языки.»—Вы не шушите, Вильмощъ? «Нѣтъ! увѣряю васъ честью.»—Ради Бога, ведите-же меня скорѣе къ вашему Рамасвани-Пундишу.—Мы ошправились къ этому мудрецу, и всѣ десяти оспальныхъ дней, пока я жилъ въ Калькушшѣ, по чешыре часа каждое ушро проводилъ я у моего Индійскаго теолога и философа.

ГЛАВА XVIII.

КАЛЬКУТТА. — РЕЛИГІЯ ИНДІЙСКАЯ.

Индія, въ томъ состояніи, до котораго достигла она въ настоящее время, при владычествѣ Англичанъ, есть такая земля изъ всего свѣта, гдѣ существуетъ самое величайшее разнообразіе вѣрованій. Иудейство, Музульманство, во всѣхъ его опшѣнкахъ, Нанекизмъ, Магизмъ, Каполицизмъ, Воспочная церковь, Армянская церковь, Лютеранская церковь, Англиканская, Пресвитеріанская церкви, религія Конфуція, религія Синшо—все мирно водворились здѣсь, и обитають безопасно, рядомъ съ двумя шеземными вѣрованіями — *Буддизмомъ* и *Браминизмомъ*.

Описывая Цейланъ, я говорилъ о Буддійской вѣрѣ; *Браминизмъ* гораздо обширнѣе и сложнѣе Буддизма. Разсмапривая его съ возможно-доспимой для Европейца шочки зрѣнія, множество ученыхъ ушвердили, что Браминизмъ былъ древнѣйшею религіею Индійцевъ, въ которой Будда

сдѣлалъ только особенную реформу. Такое мнѣніе было оспариваемо другими новѣйшими изслѣдователями. Буддизмъ найденъ во всей его первобытной простотѣ между нѣкоторыми обитателями Тибетскихъ горъ, и повелъ къ заключенію напрошивъ, что онъ былъ истинною, первоначальною религіею Индіи, въ которой Браманизмъ составилъ уже позднѣйшее перерожденіе. Допуская подобный выводъ, надобно предполагать, что нравственная и духовная сторона Индійской догматиспики относится ко временамъ отдаленнѣйшей древности, а система жестокихъ, нелѣпыхъ обрядовъ и безопытной покорности жрецамъ суть дѣла новѣйшія, установленныя своекорыстіемъ и упорствомъ Индійскаго духовенства.

Но не въ одномъ этомъ являюща раздѣленіе мнѣній ученыхъ, въ слѣдствіе новѣйшихъ изслѣдованій объ Индійской религіи. Теогонія Индійская, шемная и сбивчивая, имѣла множество разныхъ изъяснителей и истолкователей. Понятно, что въ странѣ, гдѣ каждая каста пользуется ограниченнымъ правомъ религіознаго изслѣдованія, и только о томъ именно, что къ ней относится, поясненія, данныя шужемцами Европейцамъ, должны шву юшъ разнишья, смотря по мѣсту и отношеніямъ шужемца, отъ котораго ихъ получающъ. Такъ говорятъ Индійцы, что Брама прешьяго отдѣла, даже предполагая въ немъ добрую волю проявивъ всѣ окончательныя истины, не могъ сдѣлать этого, ибо подобное отккрытіе предоставлено было исключительно Брамѣ Пундишу. Такъ, по причинѣ еще болѣе существенной, любопытный путешес-

венникъ , относясь съ вопросами къ касшамъ , не преимущественнымъ въ Индійской іерархіи, можешь узнать только просполюдимскія повѣрья и обряды, а не догматы, мѣлчныя подробности, а не сущность религіозной Индійской системы. Поэтому, изъ всѣхъ изслѣдователей Европейскихъ мало находилось такихъ , которые не ошибались-бы, и видѣли въ обожаніи Брами что нибудь другое, кромѣ безобразнаго идолослуженія и многобожія. Но здѣсь ошибка въ основаніи.

Индійская религія признаетъ прежде всего Высочайшее Существо, вѣчное , безконечное , всемогущее , сошворившее все , что только существуетъ : это *Пара-Брама* , сошшествуемый шрема существами , низшими его по ихъ совершенству. Сии три небесныя существа суть *Брама* , *Вишну* и *Шива* ; они изображаютъ собою *Тримурти* , то есть , будучи раздѣлены , сошставляють припомъ одно , и говоря собшвенно , суть только три различныя принадлежности божества : созданіе , храненіе, разрушеніе. Послѣ нихъ *Пара-Брама* сошворилъ *Майссассура*, и толпу небесныхъ духовъ, предписавъ имъ обожаніе самого себя. Черезъ нѣсколько времени попомъ, возмущеніе *Майссассура*, въ кошоромъ участвовала часть духовъ небесныхъ, пошребовало наказанія и очищенія. Тогда , по желанію шрехъ низшихъ божествъ , *Пара-Брама* сошворилъ *видимый міръ*, состоящій изъ пшнадцати шаровъ очищенія, среди коихъ наша земля занимаетъ средину. Семъ низшихъ назначены къ наказанію ; семъ верхнихъ къ очищенію наказанныхъ ду-

ховъ. Для помѣщенія возмущившихся и упавшихъ съ вышины духовъ, Вѣчный создалъ 89-ть формъ смертныхъ шѣлъ, изъ коихъ самая благороднѣйшя сушь *корова и теловѣкъ*. Когда подъ сею послѣднею формою духъ заслужитъ благоспѣ Вѣчнаго, онъ возвращается въ небо, пролепая разомъ всѣ пятнадцать шаровъ; если, напрошивъ, онъ увеличилъ вину первоначальную грѣхами въ видѣ челоуѣка, онъ погружается въ бездны *Ондерага*, или крайняго шара, и тамъ начинаешъ свое чиспилище.

Помогая грѣшнымъ брашьямъ на добро, вѣрные духи получили отъ Пара-Брама позволеніе сходиться и жишъ съ ними въ жилищѣ ихъ наказаній. Пошому, они присуществуюшъ на землѣ, подъ всѣми формами, во всѣхъ стихіяхъ, и Индійцы обожаютъ ихъ подъ именемъ *Дева*, или *Деутта* (добрые духи), какъ посланныхъ отъ Вѣчнаго покровительствовать имъ прошивъ внушеній *Деитти* (злыхъ духовъ), тайныхъ посланниковъ Майссассура, проклятаго начальника духовъ возмущившихся. Эсихъ добрыхъ и злыхъ духовъ видяшъ Индійцы повсюду, въ звѣздахъ, воздухѣ, морѣ, лѣсахъ, рѣкахъ. Деушши находяшяся въ непрерывной войнѣ съ Деитти; первые, въ числѣ 300,000,000-въ, преданы Вишну; вторые, преданные Шивѣ, проспираются числомъ до 800,000,000.

Ни одинъ народъ не возводитъ шакъ далеко въ древность своего лѣточисленія. По преданіямъ Индійцевъ, очищеніе падшихъ духовъ должно продолжиться *четыре* возраста (Югъ); мы находимся шеперь въ чешвершомъ. Первый, *сатіа*, или Зо-

лопой вѣкъ, заключалъ 3,200,000 лѣтъ. Это былъ вѣкъ невинности и благоденствія, по разсказу Ведъ, ибо тогда царствовали *Брамины*. Человѣкъ жилъ тогда по 400,000 лѣтъ. Возрастъ *трета*, или Серебряный, продолжался 2,400,000 лѣтъ. Вторая каста, *Ксаттрии*, обладала тогда, и составляла царство, гдѣ пороковъ была четвертая часть, а при остальныхъ четверти состояли изъ добродѣтелей. Въ претъемъ возрастѣ, *дуапара*, или Мѣдномъ, претья каста, *Ваискии*, начала повелѣвать, и число пороковъ уравнилось съ добромъ, а жизнь человѣческая сократилась до 4000 лѣтъ. Этотъ періодъ длился 1,600,000 лѣтъ. Теперь мы въ четвертомъ возрастѣ, вѣкѣ Желѣзномъ (*кали-югъ*), надъ копорымъ властвуетъ *Судра*, четвертая каста. Пропорція пороковъ къ добру относится, какъ при четверти къ одной, и жизнь человѣческая отнюдь не продолжается болѣе 400 лѣтъ. Желѣзный вѣкъ этотъ продолжится 400,000 лѣтъ, изъ копорыхъ прошло еще только 5000.—Легко можно видѣть отношеніе и сходство между этою Индійскою космогоніею и мифами Греческаго и Римскаго идолослуженія. Всѣ эти возрасты, золотой, серебряный, мѣдный и желѣзный, разитель-но сходясь съ Европейскою Мифологіею Древнихъ.

Индійцы называютъ божественнымъ возрастомъ соединеніе всѣхъ четырехъ возрастовъ. Тысяча божественныхъ вѣковъ составляетъ одинъ день Брами, и въ теченіе его это божество облакаетъ четырнадцать *мену* (святыхъ духовъ) владычествомъ надъ землею. Мы теперь въ пятьдесятъ-

первомъ годѣ Брами, и въ слѣдствіе этого къ безконечному числу восходишь возрастъ міра, о кошоромъ самые брамины не могушь согласишь-ся. Но всѣ различія счешовъ ихъ ни сколько не приближаются къ тому малому счешу, кошорый принимающъ всѣ оспальныя народы. Всякій вычешъ ихъ восходишь къ мильонамъ. Когда Европейцы начинаютъ говоришь о нашей шесши-шысячной хронологіи, брамины смѣются и спрашиваютъ шушя: «Такъ видно міръ нашъ еще дишя? А мы было думали, что онъ ужъ давно почтенный спаричекъ!»

Первый Мену, говоряшь Индійцы, написалъ законы и посшановленія, кошорыми донинѣ управляющя Индійскія племена. Пяшь, слѣдовавшихъ за нимъ, сдѣлали весьма немногое; но при седьмомъ Мену былъ пошопъ, ошъ кошораго спасся только одинъ эшопъ власшитель, съ семью *Риши* (полубогами) и ихъ женами. Эшопъ *седьмой* Мену населилъ пошомъ міръ, и осшавилъ пошомсшво, кошорое дѣлилось на дѣшей Солнца и дѣшей Мѣсяца. Слѣдуя *Пуранамъ*, или свяшымъ книгамъ, описывающимъ сошвореніе, одинъ Мену управлялъ въ шеченіе всего Золошаго вѣка. Въ вѣкѣ Серебряномъ было 55-шь такихъ власшителей Солнечнаго, и 45-шь Мѣсячнаго происхожденія. Въ Мѣдномъ вѣкѣ было первыхъ 29, а вшорыхъ 24. Наконецъ, 30-шь поколѣній, смѣшанно, изъ обоихъ родовъ вмѣсшѣ, слѣдовали въ первой шысячѣ насшоящаго вѣка. Съ эшой эпохи могла уже установишься хронологія менѣе неопредѣленная, болѣе правильная, и продолжаешся донинѣ.

Все это, какъ мы видимъ, не представляетъ формъ почныхъ и математическихъ. Множество споровъ существуетъ у самыхъ Индійцевъ о неизмѣримомъ количествѣ лѣтъ міробытія, и обо всѣхъ этихъ Воспочныхъ преувеличеніяхъ, часно не имѣющихъ никакой видимой цѣли. Многіе изъ браминовъ сомнѣваются въ счѣтѣ и въ раздѣленіи, усматривая, что по вычесу ихъ съ рожденія Брами прошло теперь не менѣе 431,400,007,205,000 лѣтъ.

Брама, одно изъ ошдѣленій Индійскаго главнаго божества, какъ я сказалъ, почитается *духомъ творчества*. У него было пять головъ, прежде нежели *Вайрвертъ*, сынъ Шивы, сѣкъ ему одну голову. При рожденіи cadaго челоѣка, Брама печашлѣетъ на его мозгѣ все, что должно случиться съ новорожденнымъ. Брама раздѣлилъ Индійцевъ на чешыре касты. По случаю спора, возникшаго между Брама и Вишну, слѣдовалъ судъ, въ кошорый вмѣшался самъ Вѣчный, а Шива осудилъ Брама никогда не имѣть на землѣ храмовъ.

Сыновья Брама, *Мену* сославили религіозное уложеніе Индійцевъ. Изъ чешырехъ рповъ Брама вышли чешыре *Веды*, кошорые однакожь соединилъ философъ и поэтъ *Віаза*, не ранѣе 3200 лѣтъ до нашего времени. Брама почитается у Индійцевъ сосущесшвеннымъ *солнцу*. Подъ сими двумя видами, онъ дѣлается похожимъ на Юпитера, ошца Миносова, подобно Зевесу называясь *отцомъ боговъ и челоѣковъ*, изображаемый съ чешырьмя головами и чешырьмя руками. Жена Брама, *Сарассуади*, считается богинею ученія и знаній.

Шива есть такое божество, служеніе которому соединяетъ, кажется, наибольшее число послѣдователей между Индійцами. Въ качествѣ разрушителя и обновителя, по видимому, Шива изображаетъ символъ дѣйствій природы, разрушающей для преобразованія. Его призываютъ подъ безчисленными именами; главнѣйшія изъ нихъ суть: *Рудра*, *Исваа* и *Магадева*; съ первымъ онъ являетъ жестокость, съ вторымъ онъ владыка всего, съ третьимъ величіе. Шива есть любимое божество простонародія, вѣрующаго, что всѣ другіе боги подчинены ему. *Саніассы*, особая секта Индійцевъ, обожаютъ его отдѣльно, подъ именемъ *Доргати*. Рѣдко изображаютъ Шиву съ многими головами. За то число рукъ у него бываетъ отъ 4-хъ до 32-хъ. Въ каждой рукѣ изображается что нибудь разрушительное: ножъ, шопоръ, мечъ, дубина, и проч., а вокругъ шеи его видно ожерелье изъ человѣческихъ череповъ.

Парвати, жена Шивы, знаменита въ Индійскихъ легендахъ. Ей приносили нѣкогда въ жертву живыя существа, начиная съ человѣка до черепахи. Мстительными своими принадлежностями, она соотвѣтствуетъ Греческой Прозерпинѣ, Таврической Діанѣ, тройной Гекатѣ. Въ другомъ отношеніи, Парвати дѣлается *Дурга*, или дѣятельное добро, и въ этомъ качествѣ приписываютъ ей побѣду надъ возмущителемъ небеснымъ Майсассуромъ. Она принимаетъ также имена *Падмалы* и *Камалы*, рождаясь изъ лотоса, и подъ сими именами совершенно соотвѣтствуетъ Афродитѣ

Грековъ. Подобно этой богинѣ являеяся она изъ пѣны океана, на цвѣткѣ, брошенномъ волнами моря къ ногамъ жениха ея Шива. Божеское попомощво Парваши почти неисчислимо. Она мать *Маммадина*, Индійскаго Купидона, и *Картисея*, Марса Индійцевъ, или бога небеснаго оружія, кошорый изображаеяся ѣдущимъ на павлинѣ, и съ чешырьмя головами, окруженными сіяніемъ; она родила также *Ганеза*, бога мудроспи. Трудно опредѣлишь предѣлы всѣхъ ея принадлежноспей, ибо она повсюду признаеяся и обожаеяся. Съ Сарассуди покровишельспвуеяъ она знаніямъ, присуспвуеяъ при ископаніи металловъ, направляєяъ звуки музыкальныхъ орудій. По всему этому, какъ жена Шива, и сама по себѣ, Парваши чрезвычайно уважена во всей Индіи. Сынъ ея Ганеза, какъ богъ мудроспи, раздѣляеяъ всеобщноспь обожанія; кромѣ бога-обезьяны, *Ганумана*, только онъ одинъ, подобно Ларамъ Греческимъ, принимаеяся въ семейспвенныя божницы. Въ началѣ каждой Индійской книги найдеша воззваніе: «*Хвала Ганеза!*» Бога этого изображающъ съ слоновою головою. Иногда славяяъ его еще подъ именемъ *Полеара*. — Другіе дѣши Шива суяъ *Супраманьеръ* и *Вайревертъ*; у послѣдняго ожерелье изъ головъ, нанизанныхъ вмѣспѣ, чешыре руки при глаза, и два преогромные зуба, въ видѣ полумѣсяца.

Послѣдній изъ числа главныхъ пройсспвенныхъ боговъ Индійскихъ *Вишну*. Онъ опкрываеяъ себя человѣку только благоденспвеннымъ вліяніемъ; изображаеяся съ чешырьмя, иногда болѣе руками.

Видъ его пріятенъ и величественъ ; голова украшена тройною плешушкою волосовъ, изображающею, какъ говорятъ, три великія рѣки, *Гангъ, Жумма и Саресуали*. Иногда представляютъ Вишну лежащимъ на змѣ *Адиссезгентъ*, носящемъ его по млечному морю—обыкновенное сѣдалище его въ *Вайкондомѣ*, или мѣсѣ блаженства. Вишну приписываютъ Индійскіе мифографы цѣлый рядъ *аватаровъ*, или перерожденій, кошорыя, кажется, изображаютъ аллегоріи, относящіяся къ Индійской Исторіи. Въ первоначальномъ, Вишну превращается въ рыбу, для спасенія онъ всеобщаго попопа, по мнѣнію однихъ, какого-то царя, по мнѣнію другихъ, священной книги завѣща. Во второмъ превращается онъ въ черепаху, для поддержанія горы, готовой упасъ въ море. Въ третьемъ въ вепря, форму, подъ кошорою распоролъ онъ брюхо гиганту *Паладасу*. Потомъ превращался Вишну, попеременно, въ человека-льва, въ брамина-карлу и проспаго смершнаго, подъ именемъ *Рама, Балапатрена, Парассурама*; наконецъ въ наспуха, сдѣлавшагося славнымъ подъ именемъ *Кишна*. Десятое перерожденіе Вишну будетъ въ концѣ кали-юга въ 90,000 году.

Но подлѣ шрехъ главныхъ боговъ, превращающихся до безконечности, существуесть еще въ Индійской религіи шма боговъ и богинь, каждый и каждая съ своимъ назначеніемъ и своими принадлежностями. Таковы сунтъ : *Тегандра* (мѣсяцъ), *Яма* (богъ смерти), *Кувера* (богъ богашства), *Лаксми* (богиня счастья), *Агни* (богъ огня), *Висвакар-*

манъ (богъ ремесленниковъ), *Паванъ* (богъ вѣтровъ и музыки, отецъ Ганумана, бога изображаемаго въ видѣ обезьяны), *Индра* (богъ метеоровъ, величайшій послѣ прехъ главныхъ), *Маріамта* (обожаемая только простолюдинами), и наконецъ *Лингамъ* (не столько богъ, сколько символическое изображеніе плодотворенія, соотвѣпствующее Римскому *phallus*).

Вопъ въ крапкомъ очеркѣ Индійское многобожіе. Чшо касается до догматовъ къ нему относящихся, можно выразить основную идею ихъ *вѣроу во всеобщее переходеніе*. Нѣкошорыя часшицы духа и вещества, шо 'и другое негибнущее, находяпся, по мнѣнію Индійцевъ, въ посшоянномъ движеніи перехода; наказаніе злыхъ духовъ еспъ ниспаденіе ихъ въ вещешвенную оболочку. Такимъ образомъ, изъ шѣла человѣческаго нисходяпъ они въ шѣла живошныхъ, слѣдуя посшепенности пварей болѣе или менѣе благородныхъ, шакъ, чшо подвергаюпся опаснпости переселенія даже въ каменья. Индійцы опнюдь не допускаюпъ наказанія безконечнаго, и говоряпъ, чшо какъ-бы ни велико было прешупленіе, оно очищается казнью.

Вѣра въ переходеніе изъясняетъ Индійцамъ прошивоположнпости нашего сосшоянія и неравенство нашихъ жребіевъ. Награда у нихъ сосшоптъ не въ *лучшемъ мірѣ*, но въ *мірѣ переходовъ*. Если человѣкъ самаго ничпожнаго сосшоянія провождаетъ жизнь досшойную награды и благочешивую, онъ вознаграждается пошомъ переходомъ въ быпше богашое, почтенное, со вѣми наслажденіями роско-

ни и благоденствія. Видимъ , что въ Индійскую систему переходеній вмѣшиваеся опчаспи предопредѣленіе и фатализмъ. Свобода воли не можетъ изгладить ни одного слова изъ того , что написалъ Брама въ головѣ человека , но предполагается , что извѣстные покаянія и извѣстные обряды могутъ дополнишь собою добрыя и уменьшишь злыя дѣла.

Вѣра въ переходеніе , конечно , была основною причиною опвращенія Индійцевъ опъ всякой живошной пищи , доведеннаго до степени смѣшнаго между нѣкоторыми кастами. У основателей религіи , эшопъ законъ , безъ сомнѣнія , въ началѣ имѣлъ какую нибудь цѣль гигиѣническую , или хотѣли имъ , можетъ бышь , сохранишь роды живошныхъ , полезныя человеку. Но съ древнихъ временъ до нашего сполько измѣненій произошло въ мѣрѣ , что воздержаніе опъ живошной пищи являеся теперь нелѣпою спраниоспью и предразсудкомъ. Кромѣ общаго воздержанія опъ всякихъ мясъ , между Индійскими секшами соблюдаеся еще особенное почтеніе къ нѣкоторымъ живошнымъ , какъ-то: коровѣ , быку , коршуну , лебедю , гусю , обезьянѣ , рыбѣ , слону , змѣямъ , и множеству другихъ живошныхъ , и каждое изъ нихъ имѣетъ своихъ особенныхъ почишателей , сверхъ уваженія вообще всѣхъ Индійцевъ къ живошнымъ всѣхъ родовъ.

Браминизмъ имѣлъ расколы. Главнѣйшій изъ нихъ *Буддизмъ*. Кромѣ Цейлана , гдѣ онъ первенспвуесть , множество послѣдователей его находится въ Тибетѣ и въ царствахъ Сіамскомъ и Пегуанскомъ.

Надобно было браминамъ упошребишь сильную наспойчивость, чшобы изшпребишь его на Декканскомъ полуостровѣ, гдѣ оспались однакожь глубокіе корни его. Жрецовъ Будды именуюшъ *талапуанами*, или *раганами*, на Индійскомъ маперикѣ. Они уподобляюшся жизнью Каполическимъ монахамъ, и подобно имъ, живушъ въ обштеляхъ иноческихъ. — Кромѣ Буддистовъ, Индія считаешъ много сектъ *правой руки* и *лѣвой руки*, полагающихъ нечиспою одну изъ рукъ, и спорящихъ о томъ, кошорая именно нечиста. Съ незапамятныхъ временъ, одни сшояшъ за правую, другіе за лѣвую руку. Религія Сеиковъ, или *Нанекизмъ* (опъ имени основашеля ея Нанека), ешъ сшараніе соединишь вмѣстѣ вѣру Индійцевъ и Монголовъ, Веды и Коранъ. Секта *баніановъ*, по іерархическому порядку, принадлежишь кастѣ *ванссіа*, и состоишь изъ торговцевъ, мѣняль, барышниковъ, торговшей и росповщиковъ. Единсшвенная оплицишельная черта эшой секты ешъ мѣлочное увеличеніе благоговѣнія къ живошнымъ. Баніаны имѣюшъ даже въ Сураштѣ больницу для хворыхъ, изувѣченныхъ, дряхлыхъ и бродящихъ живошныхъ; каждое находишь шамъ пріюшъ, кромѣ плошоядныхъ звѣрей, и милосердіе доводишь до шого, чшо опъ времени до времени Баніаны нанимаюшъ бѣдняковъ, дорого плаща имъ за шо, чшобы они предавали шѣло свое на сшедѣніе нечисшымъ насѣкомымъ, обшпающимъ въ особенномъ опдѣленіи больницы. Ничего не можешъ бышь забавнѣе, какъ видѣшь баніановъ, озабоченныхъ сшараніемъ не

умершвишь что нибудь живущее. Иной носитъ на рпу своемъ повязку изъ легкой шкани, спрашась прогложивъ нечаянно какую нибудь муху; другой имѣетъ при себѣ вѣничекъ, и смѣшаетъ предварительно по мѣсто, гдѣ хочешь сѣсть, боясь погубить какого нибудь муравья; иные ходятъ безпрестанно смошря въ землю, изъ опасенія раздавить ногою какое нибудь насѣкомое на землѣ; есть и такіе, кошорые безпрестанно держатъ въ рукѣ сахаръ, муку, медъ, и кормятъ ими всякое живошное, попавшееся на дорогѣ. Нерѣдко выдають баніановъ, спасающихъ за деньги жизнь быка, или коровы, кошорыхъ располагались убить Европейскіе солданы, либо мапрозы.

Смошря вообще на эту смѣсь вѣрованій и обрядовъ, усшановляющихъ собою религію Индійскую, многіе ученые полагали Индію колыбелью всѣхъ религій въ мірѣ (разумѣется, исключая нашу свяшную религію Христіанскую, непричасшную земному). Дѣйствительно, изслѣдывая всякія религіи; едва-ли найдешь хошя одну, кошорая чѣмъ нибудь не была-бы причасшна къ Индійской: Халдейская опносишся сюда своими гігіэническими предосторожноспями; Мугаммеданская своимъ фашилизмомъ и омовеніями; Миѳологія Древнихъ своими чешырьмя вѣками, и множесшвомъ сходсшвъ и соглашеній, въ преданіяхъ космогоническихъ и въ общемъ направленіи многобожія; вѣра Египшянъ обожаніемъ живошныхъ, и наконецъ, Пиѳагорово ученіе обширною сисшемою перехожденія и перерожденія душъ, что вмѣшано кромѣ шого во мно-

гія другія релігії. Соображая все эшо, не вѣри́тели предположишь, что все другое явилось изъ Браминизма, нежели думаешь, чтобы эша релігія, сшоль неподвижная по своей сущности, была составомъ изъ заимствованій, посшепенно выбираемыхъ изъ другихъ релігій? Для доказашельства, историческое подтвержденіе можешь бышь заимствовано въ насшойчивой недосшупности Индійцевъ ко всѣмъ нововведеніямъ. Та-же сисстема касшь и вѣрованій, какую Діодоръ, Арріанъ, Спратонъ, и прежде ихъ Мегасѣенъ и Клишархъ описывали во времена Александра и Пшоломея, сущесшвуешъ и нынѣ, съ своими неуклонными раздѣленіями и древними обрядами. Баядерки, факиры, *сутти* (сожженія вдовъ), всѣ опличія народныя, всѣ суевѣрныя жестокосши, прошивъ кошорыхъ щещенно сражаешся власшь Англичанъ, пережили вѣка и завоеванія. Египецъ погибъ совершенно, съ своею релігіею и нравами: Индія цѣла, съ нравами и релігіею самыхъ древнѣйшихъ временъ. Она никогда не прошивилась другимъ; она сгибалась передъ силою; пошомъ расправлялась, какъ просшинка, и хипросшь, гибкосшь, могущесшво привычки замѣняли ей силу. Храмы Оивъ и Мемфиса пали въ развалины; древніе пагоды Бенареса уцѣлѣли подъ тяжесшью временъ и событій.

Главное релігіозное уложеніе Индійцевъ состоишь преимущесшвенно въ Ведахъ, кошорыхъ считаешся чешыре: *Рисъ-веда*, *Жаджуръ-веда*, *Самаведа* и *Атарвана-веда*. Чешыре книги эши, заключающія въ себѣ всю мудросшь человѣческую, вышли

изъ успѣ Брама при началѣ міра. Дѣши Брама, риши, или полубоги, распроспранили ихъ по землѣ. Только брамины имѣють право чинашъ Веды, и переводить частъ содержанія ксашпріамъ; всѣмъ другимъ касхамъ запрещено чтеніе Ведъ, подъ спрожайшимъ наказаніемъ. Кромѣ Ведъ, Индійцы имѣють еще множесшво другихъ книгъ: *Упаседа*, изъясненія Ведъ, *Веданга*, *Састра*, и наконецъ *Пурана*, или священные поэмы, числомъ восемнадцашъ.

Раздѣленіе Индійцевъ на *четыре* главныя каспы, ошносишся, какъ я сказалъ, къ опдаленнѣйшей древности. Священные книги ихъ увѣряють, что самъ Брама присущсшвовалъ при этомъ неизмѣняемомъ дѣленіи. Онъ вынялъ *Браминовъ* изъ собственнѣйшей своей головы, или изъ рта, по мнѣнію нѣкоторыхъ; *Ксаттріевъ* изъ своихъ рукъ; *Ваиссіевъ* изъ своего брюха; *Судровъ* изъ своихъ ногъ. Кромѣ сихъ главныхъ опдѣленій, сущесшвуешъ еще множесшво другихъ, такъ, что число Индійскихъ каспъ проспирасешся почти до сотни. Европейцу шрудно слѣдовашь точнымъ образомъ по различнымъ спупенямъ такой длинной лѣспницы. Все, что можешъ онъ видѣшь, ешъ величайшее опвращеніе со стороны Индійцевъ оставляшь то или другое частное званіе, которое каждому изъ нихъ доспалось по рожденію. *Кули*, или *дрягиль*, носящій что нибудъ на головѣ, не согласишся переложить ноши своей на плеча; продавецъ зеренъ не захочешъ продавашь масла; кравчій не шронешся за кружку воды, а поваръ ни за что не спашешъ щипашъ живности— все это различныя заня-

шія различныхъ людей. Другіе родяшся поршними, цырюльниками, корнаками, носильщиками зонпиковъ, горшечниками, серебряниками, рыбаками, и вѣтно оспающся ими. Волею, или неволею, надобно слѣдоваць предопредѣленному призванію; всякое другое занятіе воспрещено Индійцу, если только кто нибудь изъ нихъ не согласишся сдѣлашся *Паріа*, или *Пуліа*, то есть, исключитъ себя, опшчуждитъ опъ всѣхъ касшъ, ибо Паріи не сославляющъ касшы, какъ многіе объ нихъ думаютъ: эшимъ именемъ означаешся изверженіе изъ всѣхъ другихъ касшъ; это сущъ люди, по охопѣ, или за прешупленія, заслужившіе исключеніе изъ общаго всѣмъ закона. Браминъ, Ксапшріа, Ваиссіа, а равно и Судра, могутъ сдѣлашся Паріа. Между всѣми различными касшами, всякій взаимный союзъ, всякое смѣшеніе крови запрещено закономъ, въ одно время гражданскимъ и религіознымъ. Снятіе званія и опшчужденіе изъ касшы прешлѣдуютъ каждое нарушеніе сего рода. Тому-же подвергающся множесшвомъ разныхъ погрѣшностей, каковы: забвеніе какого нибудь религіознаго обряда, употребленіе запрещенныхъ кушаньевъ, и даже сближеніе съ кѣмъ нибудь изъ опшверженныхъ шою или другою касшою. Рѣшеніе невозвратимо, и ничѣмъ не искупаешся.

Въ слѣдствіе шакого ужаснаго закона опшчужденій и нравсшвенной пышки, Индійская религія обходится безъ помощи орудія, кошорое употребляли и злоупотребляли многія другія религіи, для нападенія и для защищенія: я разумѣю не-

терпимосць. Раздѣливъ народонаселеніе, такъ, чтобы опступничество было не только постыдно, но даже погибельно, заклеивъ на челѣ и означивъ позоромъ учась всякаго, кто осмѣлился выйдши изъ своей общественной загородки, Индійцы расшворили двери всѣхъ общественныхъ опдѣленій, не загородили предѣловъ общества никакими стѣнами, мало забоишяся о нашесшвіяхъ чужеземцевъ, ибо каждый пришелець, будучи напередъ поставленъ внѣ сферы Индійской дѣятельности, чуждъ ей совершенно, *Паріа* для нея, во всѣхъ опношеніяхъ. При такой силѣ неподвижности, Индійская религія безопасно принимаетъ терпимосць, и была терпѣливою во всѣ времена. Эпи-же причины сдѣлали ее равнобрно врагомъ всякаго спаранія обращающъ въ свой законъ, ибо она не можетъ допустить новообращеннаго ни къ какой своей касшѣ, ни къ какому даже занятію, не нарушивъ основныхъ преимущесшвъ рожденія. Человѣкъ родившя Браминомъ, Ксаштріа, Ваиссія, и ничто въ мірѣ не можетъ сдѣлать его Браминомъ, Ксаштріа, или Ваиссія. Слѣдствіемъ этой системы являешя то, что ни одинъ Европеець не можетъ бышь допущенъ въ таинсшва Браманизма, такъ-же какъ ни одинъ неопроверженный Индіецъ не можетъ сдѣлать Христіаниномъ, или Музульманиномъ. Владычесшво Монголовъ было безсильно опвраишъ сію неизбежность, и проповѣдь всѣхъ Каполическихъ и Лютеранскихъ ревнишелей едва находишъ нѣсколькихъ послѣдовашелей между Паріями, людьми опчужденными и презрѣнными въ глазахъ Индійцевъ.

Брамины, подраздѣляющіеся до безконечности, могутъ быть узнаваемы по знаку, который проводятъ они себѣ на лбу; голова и грудь у нихъ всегда открыты, волосы и борода выбриты, и только маленькій клочекъ волосовъ оставляется на вершукѣ головы. Впрочемъ, если браминъ не совершаетъ жертвоприношенія, то можетъ надѣть чалму и длинное плаще. Женщины браминскія имѣютъ оплеченные признаки въ одеждѣ, именно, широкое покрывало и родъ узкой кофты, или канезу. Образованнѣйшіе изъ браминовъ, зная немного Астрономію, составляютъ календари. Имъ извѣстно дѣленіе солнечныхъ часовъ, по которому вычисляютъ они полуденную линію и ставятъ на воспокъ свои пагоды. Къ числу браминовъ относяся *пандипаны*, находящіеся въ службѣ государя шой земли, гдѣ они живутъ, и пошому бывають они даже кассирами у негоціаншовъ Мадраса и Калькутты. *Татуадипаны* суть обожатели Шивы, обязанные просить милосердія и безпрестанно читають извѣстныя молитвы. *Папанъ-Ваншенавены*, жрецы Вишну, назначены къ служенію въ пагодахъ. Въ жреческомъ чинопочиніи опредѣляется чешыре степеней: двѣ первыя получаються съ дѣтскихъ лѣтъ, но двѣ другія пріобрѣтаються продолжительнымъ искусомъ. Чинъ *Ванапрастра* получають только въ сорокъ лѣтъ, а для доспуженія до чина *Саніасси* надобно двадцать два года провести въ уединеніи и духовномъ созерцаніи.

Впрочемъ, извѣстно какую склонность вообще имѣють Индійцы къ религіознымъ, неесшествен-

нымъ очищеніямъ , или искусамъ. Нигдѣ нѣтъ такого величайшаго множества кающихся и добровольныхъ спрадалъцевъ. Здѣсь встрѣшите вы факировъ, жогги, фадиновъ, пандароновъ , послѣдователей Шива , бродящихъ мошельщиковъ , собирашелей милосшыни. *Пугари* суть монахи секты Маріашпы, божества Паріевъ. Кромѣ того има шунеядцевъ, у кошорыхъ все заключается въ шомъ, чшобы просить подаянія и жить милосердіемъ ближнихъ. Факиры суть Музульманы; жогги принадлежатъ къ Индійской религіи, и шѣ и другіе занимають первую степень въ числѣ эшихъ нищенствующихъ ордѣ запатканныхъ бездѣльниковъ. Ошврашительные на видѣ , невѣдающіе спыда , нагіе , они прыгаютъ, какъ обезьяны, кривляюшся, дурачатся всячески, для того, чшобы пронуть благочесшивыхъ людей. Случалось, что собираясь цѣлыми штысячами, они принимали грозный видѣ шребовашелей милосшыни, вмѣсто униженнаго состоянія нищихъ. Народное легковѣріе уважаетъ чрезвычайно факировъ и жогговъ. Просшолоудимы вѣрятъ, что они проводятъ по нѣскольку лѣтъ безъ пищи и пишы, приписываютъ имъ сверхъ-есшественныя силы, и женщины особенно не смѣютъ ни въ чемъ—рѣшительно, ни въ чемъ—отказать бродящимъ негодяямъ. Число эшихъ бродягъ въ Индіи, по мнѣнію одного Англійскаго спашисшика, должно положить, по крайней мѣрѣ, въ 80,000 человекъ.

Жогги, почти все, выбираютъ изъ двухъ первыхъ касшъ. Покаянники нищихъ касшъ принима-

юпть имя *фадиновъ*. Не имѣя права, по своему рожденію, думать о почестяхъ и уваженіи, предоспавленныхъ браминамъ, они спараюшся прославипь себя излишесствомъ налагаемыхъ ими на себя покаяній. Эпимъ пріобрѣпаюшъ они наконецъ славное имя *риши*, или полубоговъ, но спраданія, попребныя къ доспигенію такого шишула, превосходятъ всякое вѣрояніе. Иные для эшого лѣпъ по сороку живушъ въ желѣзной клѣпкѣ. Другіе опягчаюшъ себя невыносимыми веригами. Иной изувѣръ упорно держипъ сжатыми свои кулаки, такъ, что ноги враспаюшъ у него въ ладони; другой прицѣпляется къ дереву и висипъ на немъ, пока руки, лишеныя всякаго движенія, помершвѣюшъ, изсохнушъ, и кровообращеніе въ нихъ прекрапится. Есть такіе, что даюшъ обѣпъ спояпъ непрерывно, либо лежапъ на кровати, ушыканной острыми гвоздями, смопрѣпъ неподвижно на солнце, пока не лишатся зрѣнія. Иногда видипе изувѣра, зарышаго въ землю, такъ, что наружи оспаюшся у него только ноги, а другіе зарываюшъ себя въ землю, оспавляя наружи только голову, такъ, что для защиты опъ хищныхъ ппицъ оспаается только движеніе рѣсницъ. Многіе опрубаюшъ себѣ руки, ноги, опрѣзываютъ языкъ. Одинъ изъ такихъ безумцевъ вымѣрять разспояніе опъ Яггернауша до Бенареса шѣломъ своимъ, ложась непрерывно вдоль пупи и опмѣчая счепъ своихъ благочеспивыхъ возлежаній. Сумасшесствіе не оспанавливается даже и здѣсь. Тифеншалеръ разсказываетъ, что въ Газипурѣ видѣлъ онъ родъ

топора, повѣшеннаго въ одномъ пагодѣ, и эшимъ орудіемъ нѣкошорые изсшупленные покаянники опрѣзывали себѣ головы, въ чеспѣ и славу Бога. Впрочемъ, должно замѣшшъ, что ревность фадиновъ въ новѣйшее время уменьшилась, и поканія ихъ уже не такъ спроги и не такъ шяжки. Только при большомъ спеченіи народа, въ великіе праздники, они предающа изумишельнымъ испязаніямъ: фанашизмъ шакже имѣешъ свое чесполубіе. Одно изъ такихъ испязаній есшъ праздникъ огня, когда кающіеся ходяшъ босыми ногами по горящимъ угольямъ. Другое называется *джампъ*: съ высокой подмосшки, въ два, въ три эшажа, покаянники бросающа на ковры и шюфяки, соломенные и бумажные, ушыканые кинжалами, саблями, ножами и другими оспрыми орудіями; брамины, держащіе эши ковры и шюфяки, спарающа уменьшишъ опасность паденія, ибо дѣло не въ шомъ, чшобы раны были смершельны, но чшобы только пролишо было сколько можно болѣе крови. На праздникъ *кали*, одномъ изъ славнѣйшихъ въ Калькушшѣ и его окрешносшяхъ, можно купаща въ кровяныхъ пошокахъ, по разсказамъ самовидцевъ. Когда джампъ кончшся, жрецы идушъ въ пагодѣ, при оглушающемъ ревѣ музыки, и кающіеся предсшавляющъ шогда народу множество шшукъ желѣзомъ и огнемъ: одни колюшъ себѣ языкъ булавками; другіе продѣвающъ желѣзные спицы сквозъ руки; шрешш поражающъ шѣло свое 120-ю ранами—важное, шайисшвенное число; шные просовывающъ подъ кожу шшшки, шросшшнки, шрубочки. Если-бы

еще всѣ эши изувѣры сумасшествовали для самихъ себя, и уродованія, раны, которыми шерзающъ они шѣло свое, были производимы и шерпимы на счешъ ихъ собственнаго спасенія, можно-бы только пожалѣть объ эшомъ изувѣрномъ бѣснованіи, но опврашишельно подумашъ, что все эшо публичное фиглярство, большею частію, производихся бѣдняками по найму, ибо, по мнѣнію Индійцевъ, равное спасеніе получаешъ шощъ, кшо засшавившъ вмѣсто себя шерзашъся другаго, по добровольному договору за деньги.

Вшорая изъ главныхъ Индійскихъ касшъ, *Кшатрии*, преимущественно опредѣляешъ себя военному ремеслу. Въ эшой касшѣ вмѣщающся Раджи и воины. Пошому и составляешся она въ Индіи изъ лучшей и красивой породы, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. *Раджи* сущъ Индійскіе Князья, какъ *Набабы* Князья Музульманскіе. Роскошъ ихъ заключаешся въ множесшвѣ женъ, служителей, оружій разнаго рода, слоновъ, верблюдовъ, лошадей. Жены ихъ ходяшъ въ богашѣйшихъ и дорогихъ шканяхъ. Въ касшѣ кшатріевъ надобно положишъ вообще *Раджапутовъ*, *Сеиковъ* и *Мараттовъ*, воинственныя племена, рѣзко означающіяся въ Индійской Исторіи. *Наиры*, обиташели Малабара, сосшавляющъ отдѣльную касшу, приближенную къ касшѣ кшатріевъ; женщины между наирами сосшавляющъ, кажешся, общее достояніе и принадлежностъ всѣхъ мужчинъ.

Касша *Ваиссия*, какъ я уже говорилъ, шрешъ въ религіозномъ порядкѣ. Она сосшавляешся изъ зем-

ледѣльцевъ, садовниковъ, скопопасовъ, и всякихъ торговцевъ, опшovýchъ и мѣлочныхъ. Это богатая, хорошо одѣшая каста, пользующаяся всякими удобствами жизни. Она дѣлился на племена *правой* и *лѣвой* руки. *Баніаны* составляютъ часть ея. Употребленіе мяса, воспрещенное баніанамъ, не касается другихъ вайссіевъ.—Въ четвертой кастѣ, *Судра*, заключаются ремесленники, работники, слуги. Кромѣ этихъ основныхъ дѣленій, идетъ дальнѣйшее подраздѣленіе, сосредоточивающее по нѣкоторому числу семействъ почти для каждого общесшвеннаго занятія, изъ рода въ родъ, и никто не дерзаетъ отказатьсь отъ опцовскаго ремесла и дѣла, подъ страхомъ ужаснаго безчестія и отчужденія. Такъ, напримѣръ, родившійся бѣлизильщикомъ, умираетъ бѣлизильщикомъ; сынъ кузнеца долженъ ковать до конца своей жизни, и передастъ молошокъ и наковальню внуку. Среди такихъ безчисленныхъ раздѣловъ по званіямъ, есть одинъ, о которомъ стоить упомянуть отдѣльно — это званіе *коссевера*, или горшечника. Всѣ коссеверы принадлежатъ къ сектѣ Шива, и не входятъ въ дѣленія правой и лѣвой руки. Почетъ эта происходить сколько отъ того, что имъ предославлено леченіе ранъ, столько и отъ важности, какую полагаютъ Индійцы въ чистотѣ сосудовъ. Бывали примѣры горшечниковъ сдѣлавшихся Раджами, другихъ, бывшихъ хранителями священныхъ сосудовъ во внутренности пагодовъ, что составляетъ опличіе чрезвычайное и особенно значительное. Впрочемъ, горшечникъ ничѣмъ не замѣненъ по наружно-

сти, среди другихъ кастъ Индійскихъ; орудія ремесла коссевера также бываютъ весьма просты: колесо на спержнѣ—вошъ все, что поребно ему для его работы. Но жены коссеверовъ видны по одеждѣ; она состоишь у нихъ изъ широкаго запа-на мушчатой ткани, который обвертываютъ около пояса, оставляя грудь и часть живота открытыми. Легкость глиняныхъ Индійскихъ сосудовъ даетъ горшечницамъ удобство носить ихъ на продажу огромными кучами, на головѣ.

За Судрами слѣдуютъ касты смѣшанныя и презираемыя, происходящія отъ незаконныхъ супружествъ между разными кастами, и живущія подъ прикрытіемъ снисхожденія, которое не хочетъ мстить людямъ недостойнымъ преслѣдованія. Въ заключеніе всѣхъ слѣдуютъ *паріи*. Уже одно имя это означаетъ по-Индійски все, что только можно придумать самаго опвращивельнаго и подлаго. Европейцы и Музульмане суть *паріи* въ глазахъ Индійца, потому, что ѣдятъ мясо. *Паріи* исправляютъ занятія самыя низкія; они сдираютъ кожу съ издохшихъ животныхъ, ѣдятъ мясо ихъ, выдѣлываютъ ихъ кожу. Все, до чего коснулся *паріа*, бываетъ уже недоступно другимъ кастамъ; его не допускаютъ къ общественнымъ колодцамъ, и отдѣляютъ ему водоемы особенные, отпиченные для всѣхъ другихъ плѣмъ, что кругомъ такого водоема набросаны бываютъ кости животныхъ. Въ городахъ, *паріи* обязаны жить внѣ предѣла жилищъ другихъ кастъ; внѣ городовъ отведенны имъ самыя негодныя и удаленныя мѣста. Рож-

денные такимъ образомъ подъ игомъ позора неизгладимаго , паріи дѣйствительно дѣлающіяся шѣмъ , чѣмъ только можешь сдѣлать человѣка подобный безчеловѣчный законъ : они гадки , безстыдны , грубы , неистовы ; будучи осужденными членами Индійской общественности , паріи принимаютъ на себя все тяжелое , все униженное ; имъ предоспавлено конюшество , рыболовство , очищеніе нечистотъ , ношеніе паланкиновъ. *Пуліа* стоить еще ниже паріи , и составляетъ крайнюю степень омерзѣнія и бѣдности ; только на Малабарскомъ берегу находясь эти несчастливцы ; рабы наировъ , живущіе среди нездоровыхъ полей съ сарачинскимъ пшеномъ , пуліи помѣщаются кое-какъ въ нечистыхъ хижинахъ , и не имѣютъ права — даже смотрѣть прямо на Индійца высшей касты. Многие изъ нихъ бродятъ по горамъ , живутъ на деревьяхъ , и воютъ , будто дикіе звѣри , хлопая руками по животу , когда чувствуютъ голодъ.

Понятно , что среди многоразличія состояній , установленныхъ и поддерживаемыхъ Браминскимъ закономъ , трудно опредѣлить что нибудь общее въ нравахъ и обычаяхъ Индійцевъ. Каждая каста имѣетъ свой шипъ и свои права. Но вообще должно однакожь сказать , что характеръ Индійцевъ , крошкій , важный , холодный , шерпящій , не насмѣшливый , шерпѣливый , мало склоненъ къ варварству , исключая отношенія религіозныя. Въ противоположность всему этому , Индіецъ прусливъ , любитъ нѣгу , и безстыдный лжецъ. Женщины Индійскія не ограничены , какъ у Музульманъ , жизнью

невидимокъ. Если ревность браминовъ заставляешъ мужей учреждать гаремы для женъ своихъ , за то оспальныя касы даюшъ женамъ довольно большую свободу, и много есть женщинъ, исправляющихъ одинакія съ мужьями занятія.

Самый важный обрядъ для Индійца составляютъ пригошование и пошребленіе кушанья. Когда блюдо *кари* его гошово, онъ моешъ себѣ руки и ноги, вливаетъ въ рошъ немного воды, садится передъ своею шарелкою, посшавленною на ровной плоскости, и эша плоскость должна имѣшъ видъ квадрата для брамина, шреугольника для ксашпріа, круга для ваиссіа, полумѣсяца для судра. Обѣдая, Индіецъ не долженъ упошребляшъ ни спула, ни спола, ни ножа, ни вилки, ни салфешки, сидѣшъ на кожѣ или рогожкѣ, подушкѣ или коврѣ, и брашъ пшено всѣми пальцами правой руки своей.

Кромѣ шемнаго цвѣта кожи, шуземцы Индіи походяшъ на Европейцевъ чертами лица и спашью. Многоженство шерпимо между всѣми касшами, но только богатые пользуются правомъ его. У бѣдныхъ большею частію бываетъ по одной женѣ, и на ней лежишъ вся забота по домоводству. Есть въ Карнашикѣ одно поколѣніе, гдѣ женщины вовсе невидимы для мужчинъ, и сходяшся съ самыми мужьями только въ пошемкахъ, и безъ огня. Въ эшойже обласпи—мѣстѣ собранія всякихъ спшанностей—есть особенная секта, обязанная посшипшъ въ шѣ дни, когда солнечные лучи не освѣщаютъ земли.—Браки заключаюшся у Индійцевъ рановременно, едва только дѣвушка достигаетъ 7,8, или

9-ти лѣтъ, а мужчина 12, 13, 14-ти. Послѣ продолжительныхъ вѣнчальныхъ обрядовъ, при кошорыхъ присушествуешъ браминъ, молодую опводящъ обратно въ опцовскій домъ, гдѣ оспаетъ она, пока не наступитъ время признаковъ ея совершеннолѣтія. Тогда опсправляютъ новые праздники, съ множествомъ новыхъ обрядовъ. Женщина живешъ опкрыто съ своимъ мужемъ только съ шѣхъ поръ, когда сдѣлаешъ матерью; до того времени, она должна незамѣтно, украдкою приходишь въ комнату своего мужа.

Для погребенія Индійцевъ еспъ также особенные обряды, установленные по раздѣленію сектъ. Послѣ смерти богатаго Индійца складываютъ костеръ для сожженія его внѣ города, и чепыре парія несутъ его шуда, при звукахъ печальнаго оркестра, гдѣ преимуществуешъ шамъ-шамъ. Съ приближеніемъ къ костру, прыщутъ въ носъ покойнику, даваящъ ему живопъ, плещутъ ему въ лицо воду, изъ всѣхъ силъ трубящъ подлѣ него въ трубу, все для того, чшобы удосповѣришь не заснулъ-ли онъ и почно-ли умеръ. Потомъ родспвенники кладутъ шѣло на костеръ. Исполнивъ сей благочестивый долгъ, спавящъ на костеръ сарачинское пшено, плоды, бешель и коровій навозъ, а послѣ того спаршій въ семейспвѣ зажигаетъ костеръ. Иногда, вмѣсто сожженія шѣла, бросаютъ его въ священныя рѣки, каковы: Гангъ, Кишна, Джумма, и другія. Нисшія званія не жгутъ, но погребаютъ своихъ покойниковъ, зарывая ихъ въ землю.

Индійскій уставъ, предписывающій женѣ сжигать-

ся на костръ мужа, пріобрѣлъ въ Европѣ слишкомъ увеличенную извѣстность. Нѣсколько случайныхъ событій приняты за всеобщее правило, и вся Европа воображаетъ себѣ Индію покрытою кострами, на которыхъ непрерывно гибнутъ бѣдныя вдовы Индійскія. Можете упѣшишься! *Сутти* (шакъ называющіяся эши сожженія) нынѣ совсѣмъ не въ большомъ употребленіи. Въ 1829 году, Генераль-Губернаторъ, Лордъ Беншинкъ, къ соблазну Бенаресскихъ пундишовъ и благочестивыхъ Калькупскихъ бабу, объявилъ, что Британское правительство не потерпитъ никакимъ образомъ такой неестественной жестокости. И прежде этого, запрещеніе, наложенное властью Англичанъ, уже весьма ограничило число жертвъ. Каждый разъ, когда вдова хотѣла слѣдовать за своимъ мужемъ на сожженіе, надлежало ей объявить о томъ предварительно судьямъ обласи. Послѣ усиленныхъ увѣщаній, которыми старались отвратить каждую изъ нихъ отъ безумнаго предпріятія, препоручаемо было еще чиновнику Европейскому тщательнаго наблюдать за исполненіемъ обряда, для того, что если-бы зрѣлище смерти и мученія вырвало опреченіе жертвы передъ самымъ костромъ, брамины не могли-бы употребить насилія. Опреченія передъ костромъ бывали однакожь весьма рѣдки, ибо жрецы употребляли при такихъ случаяхъ величайшія старанія предупредить обезславленіе сушты. Иногда они вдохновлялись суевѣрнымъ изступленіемъ жертвы свои, изображая имъ подробности награжденій, какими сопровождаетъ Богъ мгновенное

спраданіе. Иногда — просио поили несчастныхъ женщинъ опиумомъ и крѣпкими напипками. Впрочемъ, бѣдныя спрадалицы сами очень хорошо знающъ, что если-бы недоспало у нихъ силъ совершишь обрядъ, жизнь ихъ была-бы послѣ того жизнью позорною и несчастною. Опчужденныя опъ своей каспы, не шолько дѣлающся онѣ безчеспными, но увѣрены, что грѣхомъ своимъ призывающъ на свою землю моровую язву, войну, голодъ и всякія бѣдспвія. Легко поняшь, что съ такимъ убѣжденіемъ съ одной спороны, съ сильною любовью къ покойнику съ другой, жершва сушши всего скорѣе пойдешъ на косшеръ спокойно, охопно, даже весело. И за всѣмъ шѣмъ, подобные примѣры всегда были исключеніемъ: такъ ужасенъ спрахъ смерши, и смерши мучишельной, превосходящей всякія другія спраданія! — Изъ 20-ши жершвъ сушши — *девятнадцать* успупали шолько хишроспямъ браминовъ, и за всѣмъ шѣмъ рѣдко проходило, чтобы несчастная вдова не боролась до послѣдней крайности съ своими палачами. Два случая изъ многихъ могушь показашъ спепень учаспія, какое принимающъ въ сушши жрецы, и родспвенники, раздѣляющіе между собою наслѣдство послѣ жершвы. Въ 1822 году, близъ Бомбая, вдова брамина была приведена съ великимъ шоржеспвомъ, при звукѣ множеспва инспруменшовъ, къ коспру, на кошоромъ лежалъ уже бездыханный прунъ ея мужа. Походка ея была шверда, видъ спокоенъ. На вопросъ Англійскихъ чиновниковъ, добровольно-ли умираешъ она, вдова опвѣчала: «Да, добровольно.» Можно было

подумаешь, что она изъ гордости хочешь унизишь христіанъ, дерзнувшихъ въ ней усомниться, въ шѣ минушы, когда пѣніе браминовъ славilo ея мужество и великодушіе. По данному знаку, она приблизилась къ разгорѣвшемуся костру, обняла своихъ родныхъ, раздѣлила подругамъ свои украшения и ожерелья; потомъ, почти полунагая, подержанная браминами, бросилась въ огонь. Вѣрояшно, жестокая боль немедленно изстребила у бѣдной жертвы всякое другое чувство, кромѣ чувства спрaданія, потому, что она пошлась хотѣла броситься изъ огня. Брамины поспѣшно сбили ее, и наволокли на нее горящихъ дровъ. Усилія ихъ были тщетны. Несчастливая сбросила все, выпрыгнула изъ костра, и хотя вся была обожжена, побѣжала къ рѣкѣ. Брамины бросились за нею, не смотря на сопротивленіе бывшихъ шувъ Англичанъ, и поштили ее насильно въ костеръ, жестоко разгорѣвшійся. Опчаянная борьба началась тогда между жертвою и ея мучителями. Толпа народа кричала, ругала измѣнницу. Европейцы наспопательно требовали прекращенія обряда и передачи всѣхъ обстоятельствъ на рѣшеніе суда. Туть, чтобы уничижить позоръ своей варварской религіи, при сильныя жреца, ничему не внимая, успѣли бросить несчастную въ огонь. Спрашно билась она, вспавала, хотѣла еще бѣжать, но по мѣрѣ ея усилій, брамины снова толкали ее въ пламень и били ее головнями. За всѣмъ шѣмъ, вдова успѣла улучшить мгновеніе, бѣжала и доспигла рѣки. Несповая яросшь жрецовъ вышла изъ предѣловъ. Они

догнали несчастную, окунули ее въ воду головою, старались ушопить, чтобы сжечь попомъ хошъ шрупъ ея. Надобно было употребить военную силу и разогнать испуганныхъ варваровъ насильно. Жрецовъ заключили въ шюрму, но бѣдная Индіянка уже не могла быть спасена, и умерла на другой день, въ неслыханныхъ мученіяхъ, оставленная, проклиная всѣми ея соотечественниками, не сдержавшими публичнаго позора и соблазна.

Другая жертва суши, женщина 45-ти лѣтъ, погибла еще ужаснѣе. Боль также заставила ее выскочить изъ костра и бѣжать къ ближнему ручью. Здѣсь остановилъ ее дядя, сказалъ, что ея состояніе возбуждаетъ въ немъ жалость, и развернувъ кусокъ шкани, совѣщивалъ лечь и завернуться, обѣщая унести ее домой. «Нѣтъ!» говорила бѣдная вдова — ты хочешь опять бросить меня въ огонь! Именемъ Бога! сжалось надо мною! Я уйду отъ васъ: прокляните меня — я буду скипаться съ нищими — буду что вамъ угодно, но только пощадите, пощадите!» Дядя разувѣрялъ ее, поклялся ей водами Ганга, что спасетъ ее отъ огня. Тогда Индіянка легла и закуталась въ шкань. Съ яростию завернулъ, завязалъ ее дядя, и пошавилъ снова въ костеръ. Спрашно кричала, опчаянно билась вдова, стараясь спастись. Въ неистовомъ бѣшенствѣ, дядя пронзилъ ее кинжаломъ, и шрупъ ея былъ брошенъ въ костеръ мужа.

Варварскій этотъ обычай не былъ предписанъ законами Мену; онъ, какъ и множество другихъ,

введенъ гораздо позднѣе , и былъ слѣдствіемъ жреческихъ своекорыстныхъ разсчетовъ. Находя въ народѣ склонность къ изувѣрнымъ безуміямъ , и извлекая изъ того свои пользы , они старались всѣми мѣрами поддерживать и распространять суевѣріе и изувѣрство. Отъ этого произошли всѣ религіозныя сумасбродства, которыми прежде было сноль много примѣровъ ; отъ этого происходило , что набожные Индійцы добровольно бросались въ Гангъ, и въ Яггернаушъ и другихъ мѣсцахъ , на праздникъ руши , или колесницы, когда безобразные идола бывали торжественно вывозимы изъ пагодовъ , сошнями кидались подъ колеса , думая искупить грѣхи свои и достигнуть минушюю спраданій вѣчнаго блаженства.

Ни одинъ изъ обрядовъ , предписываемыхъ настоящимъ Браминскимъ уложеніемъ, не носитъ на себѣ слѣдовъ подобнаго звѣрскаго безумія. Не пребуя никакихъ человѣческихъ жершвъ, законъ Брамь опвергаетъ даже приношеніе въ жершву животныхъ. Только нисшія , суевѣрныя касты сохраняющъ обычай приносить въ жершву богамъ барановъ , козъ и куриць. Всѣ почитанія , пребуемыя истиннымъ Браминизмомъ , состоящъ въ приношеніяхъ молока, меду, хлѣбныхъ зеренъ, масла и цвѣтовъ ; въ спранствованіи къ святымъ рѣкамъ и святымъ мѣстамъ, каковы пагоды Бенареса, Яггернауша , Конжеверама , Тричинополи , Танжаура , и горы Тибешскія ; въ посхахъ , предшествующихъ большей части торжественныхъ праздниковъ ; въ

моливѣ , и , наконецъ , въ обмовеніи водами священныхъ рѣкъ.

Есть однакожь Индійскіе праздники, кошорыхъ не обагрѣютъ кровью своею отвращительные спрадальцы изувѣрія. Праздникъ, осправляемый на приморьяхъ въ началѣ муссоновъ, состоишь въ томъ, что съ торжественными обрядами Индійцы бросають въ море кокосовые орѣхи. Между воинскими кастами существуетъ обычай, въ извѣстныя времена года, обрызгивать себя окрашеною водою, представляя видъ воиновъ, покрытыхъ кровью. — Безстыдный праздникъ *Лингама* осправляется въ Мартѣ мѣсяцѣ. За нѣмъ слѣдуютъ прогулки идоловъ, и къ нимъ принадлежитъ праздникъ Яггернаушскій. Въ другихъ мѣсяцахъ Индіи эшотъ праздникъ измѣняется, смотря по мѣсячности. Почти всегда, благочестивые люди, собираясь по звуку трубъ, начинаютъ его разными суевѣрными обрядами: одни погружаются по-поясъ въ священные пруды; другіе намазываютъ себѣ головы масломъ. Ночью поднимають идола, среди двойного ряда жрецовъ и поклонниковъ, размахивающихъ огромнѣйшими факелами, сдѣланными изъ коровьяго кизяка, пропитаннаго масломъ. Иногда идола несутъ на просныхъ носилкахъ, и въ такомъ случаѣ обширныя кисейныя занавѣсы скрываютъ его отъ глазъ непросвѣщенныхъ. Самый странный изъ всѣхъ торжественныхъ Индійскихъ ходовъ есть шотъ, кошорый Индійцы называютъ *буссо-дженгъ*, и осправляютъ въ честь богини Кали, жены Шива. Огромная сшапуя этой богини представляетъ ее

съ шапкою на головѣ, въ родѣ Папской тіары ; въ одной изъ чепырехъ рукъ ея мечъ ; другою держишь она за волосы опрубленную голову ; на шеѣ у нея ожерелье изъ человѣческихъ головъ, спущенное почти до колѣнъ ; языкъ ея высунутъ изъ рта — пошому, что она сердится, говорящъ Индійцы. По обычаю возящъ эту громаду нѣсколько дней, и послѣ того спавящъ ее на двухъ лодкахъ, шакъ, что она равно опирается на края обѣихъ лодокъ. Когда пославящъ такимъ образомъ богиню, и выплывушъ съ нею на средину рѣки, вмѣстѣ почтенія и обожанія, какія разсыпали ей до того времени, слѣдуютъ ругашельства самыя грубыя, оскорбленія самыя жестокия. Браминны являются при этомъ случаѣ бѣшенными поносишелями богини, и спорящъ другъ передъ другомъ, кто болѣе окажетъ позора бѣдной Кали ; превзошедшій другихъ въ этомъ спранномъ нападеніи на богиню, почишаеся свяшымъ до слѣдующаго праздника. По окончаніи такой забавной комедіи, обѣ лодки опплывающъ одна ошъ другой — идолъ падаетъ, и шонетъ въ рѣкѣ при шумныхъ восклицаніяхъ толпы народной.

Въ слѣдствіе еокрапической наклонности правишельства, въ Индіи нѣтъ другихъ замѣчательныхъ зданій, кромѣ пагодовъ. Всего чаще они бывающъ чепыреугольные, прямо пославленные на воспокъ, безъ крыши, и по бокамъ обшавленные множествомъ часовенъ. Передъ входомъ ихъ бываетъ покрышый периспиль, украшенный спашуями добрыхъ и злыхъ духовъ (*Деута и Деити*). Идолы

боговъ , сокрытые внутри пагода , должны быть изъ дерева, камня , мѣди , или золота , но никуда не изъ серебра, или другаго металла.

Главнѣйшіе пагоды воздвигаются Вишну и Шива. Шалембрунскіе, Яггернаушскіе, Бенаресскіе, Мадурескіе и Сирингамскіе поражаютъ взоры величіемъ зданій и громадностью колоннадъ. Сирингамскій пагодъ , близъ Тричинополи , славится , какъ самый обширный храмъ изъ всей Азіи. Говорятъ , что будетъ около 4-хъ миль въ его окружности , и что камни , употребленные на постройку его внѣшней террасы, величиною по 32 фута въ длину и по 6-ти въ ширину. Впрочемъ , нѣтъ никакого однообразія и никакого порядка въ постройкѣ пагодовъ Индійскихъ. Иногда они образуютъ собою высокія и низкія , правильныя и неправильныя башни ; иногда чешыреугольники, многоугольники, съ обранными фасадами, съ преддверіями, кошорыя украшаются шпатурами , съ кровлями высокою башнею, или плоскими верхами , у кошорыхъ на каждомъ углу коровій рогъ, съ пирамидальными оспіеями , и, весьма рѣдко , съ преугольнымъ фронтономъ. Что касается до внутренности, единственная общая всѣмъ принадлежность пагодовъ есть обиліе столповъ, безъ опредѣленнаго размѣра, одни толстые къ низу съ уменьшеніемъ постепенно поперечника, такъ, что къ верху оканчиваются конусомъ ; другіе , напрошивъ , толстые къ верху, тонкіе къ низу. Мрачныя и громадныя, святилища Индійскія вообще представляютъ собою нѣчто величественное. Можно полагать, что стѣны ихъ

нѣкогда украшали живописью, начала копорой были вѣдомы Индійцамъ. Даже и нынѣ, многіе пагоды представляють еще живописныя украшенія. Англійскіе миссіонеры недавно открыли картину, чрезвычайно уважаемую Индійцами. Замысловатый предметъ ея относится къ одной изъ сказокъ, рассказываемыхъ по поводу шалостей Кишна и его любовницъ. Я упоминалъ уже, что *Кишна* есть имя Вишну, во время превращенія его въ паспуха. Индійская повѣсть говоритъ, что нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ предали себя его служенію съ самаго дѣтства, и потомъ девять изъ нихъ сдѣлались его подругами. Желая нравиться Кишну, онѣ забавляли его, составляя изъ себя фигуры, по шого, по другаго предмета. Въ картинѣ, о копорой я говорю, онѣ представлены такъ, что образують слона, на копоромъ ѣдетъ Кишна. Соблазнительные рассказы о Кишна и женахъ его въ большой чести у Индійцевъ, и составляютъ обыкновенный предметъ ихъ разговоровъ.

Времена богашства и величія миновались для священныхъ мѣстъ Браминизма. Эпоха упадка, наступившая въ слѣдствіе Монгольскаго завоеванія, была продолжена Англійскимъ владычествомъ. Но нѣкогда богашства пагодовъ осуществляли собою самыя чудесныя повѣствованія Восточныхъ сказокъ. Исторія говоритъ, что при взятіи крѣпости Суменапской въ Гузурапѣ, Махмудъ І-й, не смотря на убѣжденія жрецовъ, предлагавшихъ 40-ть милліоновъ выкупа, приказалъ разбить идола въ тамошнемъ пагодѣ, и нашелъ въ скрытномъ мѣстѣ,

внутри его, болѣе нежели на сто милліоновъ алмазовъ, жемчугу и рубиновъ. Надобно прибавишь, что пагодъ Суменапскій былъ тогда однимъ изъ славнѣйшихъ и щедро надѣленныхъ приношеніями. Въ немъ служили 2000 браминовъ, 500 баядерокъ, 300 музыкантовъ, и 300 цырюльниковъ, опредѣленныхъ къ бришью благочестивыхъ поклонниковъ, безъ того недопускаемыхъ къ созерцанію идоловъ храма. Кромѣ главнаго кумира съ драгоцѣнною внутреннею носіею, въ священныхъ храма насчитывали еще нѣсколько тысячъ золотыхъ статуекъ, а 56-ть столповъ, поддерживавшихъ куполъ священныхъ, были украшены драгоцѣнными камнями. Кромѣ сокровищъ всѣхъ родовъ, приношенія храму заключались еще въ недвижимомъ имѣніи, состоявшемъ изъ 2000 селеній, съ землями.

Услуга въ храмахъ есть занятіе баядерокъ. Онѣ должны наблюдать за опрятностію, горѣніемъ лампадъ, и распоряжатъ кромѣ того хозяйствомъ жрецовъ. У cadaго пагода есть свой прудъ, для омовеній. Преддверіе cadaго храма считается прістанищемъ, гдѣ можешь укрыться странникъ и прохожій.

Кромѣ упомянутыхъ мною выше священныхъ книгъ, есть еще у Индійцевъ сочиненія нравственныя, театральныя пьесы (нѣкоторыя изъ нихъ переведены Англичанами Вильсономъ и Кольбрукомъ), поэмы, собранія апологовъ, замѣчательныхъ добродушными объясненіями; между сими послѣдними, особенно любопытны апологи Гошопадеза, заслужившіе извѣстность въ Европѣ, подъ названіемъ ба-

сентъ *Пильпая*. Что касается до законовъ , то съ незапамятныхъ временъ собраны они были какимъ-то *Раггунандамомъ* , котораго Англичане называютъ *Трибоніаномъ Индійскимъ* ; собраніе его состоишь изъ 27-ми томовъ выбора изъ всѣхъ книгъ , писанныхъ *муни* (святыми) Индійскими, неизвѣстныхъ прошлоюдиномъ и вѣдомыхъ только браминамъ. Невозможно изложись здѣсь подробностей Индійскихъ гражданскихъ узаконеній , но внимательное разсмащриваніе ихъ предсшавляешь явное доказательство древняго значительнаго образованія Индіи. Если въ наши Европейскія уложенія сдѣлано столько заимствованій изъ Римскаго Права, касательно основаній , или распорядка , въ свой чередъ Инспишущіи Латинскія должныствовали брать многое изъ законовъ предшествовавшихъ имъ, Греческихъ, Египетскихъ, Индійскихъ. Неудивительно послѣ того , что многое изъ нашихъ уложеній находимъ мы въ Ведахъ ; что одинакія нравственныя основанія , опредѣленія , даже формулы выраженій находящяся тамъ на каждой строкѣ. Законы Мену говорятъ о присягѣ и повѣркѣ свидѣтелей ; они объясняютъ качества , потребныя судѣ , такъ хорошо , что это могло-бы засшавись размышлять нашихъ просвѣщенныхъ правителей. Между прочими условіями , они усшановляютъ одно такое , которое могло-бы взволновать Европейскихъ исполнишелей правосудія: это рѣшительное исключеніе всякаго судьи отъ всѣхъ должностей , если ему совершилось шестидесять лѣтъ , ибо, говорятъ Мену, умъ человѣческій уже

ослабѣваетъ въ эти преклонные годы. Индійцамъ вѣдомы рѣшенія испытаніями, или Судомъ Божиимъ; шакихъ рѣшеній счищается у нихъ девять родовъ: вѣсъ, огонь, вода, ядъ, освященная вода, сарачинское пшено, кипящее масло, раскаленное желѣзо и идола. Впрочемъ, вѣра въ испытанія прошла, и въ наше время вообще менѣе случается Индійцамъ прибѣгать къ своимъ уголовнымъ, но болѣе къ гражданскимъ законамъ, потому, что больше они склонны къ ябедѣ, нежели къ чему-либо жестокому.

Среди многоразличныхъ обитателей Индіи находимъ и величайшее многоразличіе языковъ, употребляемыхъ разными народами и племенами. Во главу всѣхъ надобно поставить языкъ Санскритскій, первобытный въ Индіи, священный, съ его удивительнымъ совершенствомъ, его грамматическимъ порядкомъ и этимологическою правильно-стью; кажется, отъ него произошли языки Пельви въ Персіи и Греческій въ Европѣ. Прежде бывшій живымъ и общеупотребительнымъ во всей Индіи, нынѣ Санскритскій языкъ есть языкъ мертвый, знаемый хорошо только нудемными пундишами. Въ теченіе послѣдняго полустолѣтія, онъ подвергнулся любопытнымъ изслѣдованіямъ Европейскихъ ориенталистовъ. — За нимъ слѣдуетъ языкъ *Пракритскій*, или разговорный, употребляемый въ Индійскихъ драмахъ женщинами и добрыми духами. *Пайсаши* есть языкъ злыхъ духовъ, если они являющіяся на сценѣ. *Магади*, кажется, есть то-же, что *Пали*, или *Бали* Цингалезовъ и Бирмановъ. Двумъ

последнимъ языкамъ полагають иногда въ замѣну *Апабгранза*, или просонародный, и *Мисра*, или смѣшанный языки.

Производные языки отъ эшихъ первобытныхъ сущь: *Пракритъ*, разговорный на берегахъ Саравати; *Канякюбжа*, или Индоспанскій, начало новѣйшаго Индійскаго; *Гаура*, или Бенгальскій; *Майтила*, или Тиргукшіа, упошребляемый въ Тиргукъ; *Урига*, кошорымъ говорящъ на берегахъ Орисса; *Гургера*, упошребляемый въ Гузурашъ; *Тамульскій*, или Малабарскій, языкъ Декканскаго полуострова; *Маратта*, *Карнатъ*, и наконецъ *Телинга*, упошребляемый поэтами и разговорный въ области сего имени. При Дворахъ Музульманскихъ власишелей говорящъ языкомъ Монгольскимъ, смѣсью Арабскаго, Ташаро-Монгольскаго и Персидскаго. На эшомъ языкѣ производящся всѣ дипломатическія сношенія между Англичанами, дѣйствительными обладателями Индіи, и государями Монгольскими, владѣльцами по имени, живущими въ Дели. Языкъ эшотъ, въ разговорѣ и на письмѣ, упошребляють также подчиненные Монголамъ владѣльцы. Всѣ Набабы происходящъ отъ Монгольскаго рода, такъ, какъ Раджи сущь князья происходящіе отъ рода Индійскаго. Различіе нравовъ ихъ такое-же, каково различіе религій. Болѣе коренныхъ власишелей предающся они роскоши въ одеждѣ, оружіи, гаремахъ, лошадяхъ и слонахъ. Въ Индіи найдутся еще и шеперь Дворы Набобовъ, являющіе болѣе великолѣпія, нежели показываешъ его въ Европѣ Дворъ Прусскій или Австрійскій. Выступая изъ

дворца своего въ паланкинѣ, что считается простымъ выходомъ, Набабъ совершаетъ эту прогулку не иначе, какъ въ сопровожденіи полка піонеровъ, предшесствующихъ ему и слѣдующихъ за нимъ. Впрочемъ, Музульманское народонаселеніе Индіи не сохранило здѣсь того изувѣрства, какимъ обыкновенно ознаменовывающа послѣдователи Кораана. Не увлекаая своихъ повелителей, и не пропиваясь имъ, Индійцы умѣли пославить ихъ въ положеніе мирное: покорность совершенно-полишическая, въ такой землѣ, гдѣ надъ всѣмъ первенствуетъ дѣйствіе религіи, въ шеченіе продолжительнаго времени долженствовала сдѣлаться покорностью болѣе мнимою, нежели дѣйствительною. Не имѣя предлога къ преслѣдованію и предмеша къ новымъ пріобрѣшеніямъ, со временемъ, она необходимо должна была склониться къ владычеству большаго числа надъ малымъ, то есть, *Индійцевъ* надъ *Монголами*. Не явись Англичане, какъ общіе посредники власпи, безъ сомнѣнія, это исполнилось-бы непременно.

Впрочемъ, Музульмане и не образуютъ въ Индіи одного народа. Они состоятъ здѣсь изъ *Белугей*, *Авгановъ*, *Цинганъ* (послѣднихъ многіе почиаютъ предками Цыганскихъ племенъ, обитающихъ въ Европѣ); кромѣ того есть еще множество подраздѣленій менѣе важныхъ. Рядомъ съ сими различіями стоятъ *Парсы*, или *Гебры*, потомки древнихъ Персіянъ, бѣжавшихъ сюда отъ нашесивій Монгольскихъ. Они думаютъ, что только у нихъ сохранились установленія Зороастра, и священный

огонь, горящій въ главномъ изъ храмовъ ихъ, по увѣренію жрецовъ, есть шопъ самый, который предки ихъ унесли съ собою изъ Персіи. Парсы обитаютъ наиболѣе въ Гузурашъ, Сурашъ и Бомбаъ. Преданные торговлѣ подобно Жидамъ, они болѣе ихъ опличаются честностью. Ихъ попеченіемъ заведено въ Индіи множество богатыхъ мануфактуръ; они содержатъ также много кораблей, плавающихъ по Индійскимъ морямъ, и обладаютъ домами, дворцами, прекрасными садами, землями и селеніями. Какъ всѣ секты неимѣющія опчизны, Парсы взаимно поддерживаютъ другъ друга, взаимно помогаютъ одинъ другому; они не терпятъ нищенства между своими, обязательны, правдивы, дѣятельны, промышленны. Черты лица ихъ правильны и благородны; глаза у нихъ черные и прекрасные. Обожаніе огня, предписываемое ихъ религіею, не есть однакожъ чистый Магизмъ. Продолжительностью времени измѣнила догматы и обряды. Любопытно видѣть на эспланадѣ Бомбайской обожателей огня, въ ихъ бѣлыхъ, развѣвающихся одеждахъ и цвѣтныхъ чалмахъ, ожидающихъ мгновенія, въ которое свѣшило дня озаритъ ихъ первымъ лучемъ своимъ. Едва появившися солнце на небосклонѣ, обожатели привѣспиваютъ его продолжительнымъ крикомъ радости. Вечеромъ опять идутъ они на прежнее мѣсто, и остаются проспершы на землѣ, пока послѣдній пурпуровый опшѣнокъ солнечнаго свѣта исчезнетъ на небѣ. Домъ каждого Гебра есть храмъ его бога; камелькъ съ горящимъ огнемъ служитъ вмѣсто алтаря,

и драгоценныя , или пахучія дрова непрерывно поддерживающъ въ немъ бытіе бога. Жрецы Гебровъ именуются *Мобебъ*, а папріархи ихъ *Дестуръ*. Вѣра Парсійская запрещаетъ своему послѣдователю шутить огонь, даже въ лампадѣ. Когда Парсійскому служилелю надобно потушить свѣчку , онъ проситъ Индійца другой вѣры исполнить это безбожіе за него. При пожарахъ, они унимающъ огонь только отдѣленіемъ горящаго зданія отъ смежныхъ съ нимъ строеній.

Самое разительное опличіе между Индійскими племенами составляютъ военные роды *Мараттовъ*, *Раджапутовъ* и *Сеиковъ*. Два первые исповѣдуютъ Браманизмъ; третій слѣдуетъ *Нанекизму*, смѣшанной вѣрѣ, введенной въ сѣверной Индіи *Нанекомъ*, бывшимъ государемъ Лагора , около половины XV-го столѣтія. Основной догматъ этой вѣры составляетъ чистый деизмъ. За нѣмъ признаются равно *Коранъ* и *Веды*; только уничтожающіеся обряды, отвергаются раздѣленіе кастъ, и всѣ послѣдователи обречены военному занятію. *Гору-Говинъ*, измѣнившій эту секту въ 1707 году, почитается ея послѣдователями за святаго и пророка.

Сеики, Раджапушы и Марашпы представляютъ между собою сходство въ нравахъ, происходящее отъ сходства ихъ военного быта. Первые, образуя совершенно независимое государство, обитающъ въ обласяхъ Лагорской, Кашемирской и Мульшанской, а также въ обласяхъ Пейшауешъ, Чотъ, Газаре и Чикаспуръ. Они презвы, неупомянуты въ прудахъ, храбры, жадны независимо-

сми.—Раджапушы, обитающіе на югъ ошъ Сеиковъ, хоша и составляютъ касту браминскую, но бдящъ однакожь мясо барановъ, козъ и другихъ животныхъ. Почти всегда на лошади, они носятъ платье, именуемое *кабель*: кисейную опояску по шблу, Мавришанскіе шаровары и бабуши, и родъ калпака, съ кистью на верхушкѣ, похожаго на калпакъ Греческій. — Марапшы, живущіе еще южнѣе, распроспираются по всему Деккану. Ими управляющъ небольшіе князья, непрерывно сражаясь между собою; но всѣ Марапшы признающъ однакожь власъ *Пейшва*, или главнаго власпишеля, который считается первымъ миниспромъ царя Сашараскаго. Марапшовъ можно раздѣлить на два главные опдѣла, соединяя въ одномъ браминовъ и ксашпріевъ, въ другомъ нисшія касты. Первые опличены бѣлою, особенно сложенною чалмою, длинными кисейными шароварами, и вѣющимися опоясками; другіе шароварами болѣе узкими и корешкими, и плоскою чалмою. Изъ всѣхъ Индійцевъ, Марапшы самые хищные и лукавые. Наѣздники ихъ, называемые *Пандари*, живутъ грабежемъ въ войнахъ и разбоемъ въ мирное время. Это Бедуины Индійскіе. Не имѣя городовъ, Пандари обитающъ въ шаборахъ. Опличіе религіи Марапшовъ ошъ другихъ Индійцевъ состоишъ въ разности обрядовъ, одежды и внѣшностей религіозныхъ, но всего болѣе въ шерпимости, недоступной браминскимъ пуританамъ, и доходящей у Марапшовъ до того, что они допускающъ свободное обращеніе съ послѣдователями другихъ исповѣданій.

Вошъ, вкратцѣ, очеркъ религіознаго позорища Индіи, и такъ надобно разсмащривашъ основанія вѣрованій Индійскихъ. Подробности неисчислимы и несообразимы, для полнаго понятія объ нихъ Европейцу. Тщешно будете искашь причины пысячи обрядовъ, смѣшныхъ или варварскихъ, собирашь системащическимъ порядкомъ множество боговъ и богинь нисшихъ, выславляемыхъ жрецами для занятія народнаго. Цѣлый вѣкъ надобно посвящашъ описанію ихъ мифологическихъ принадлежностей, распредѣленію ихъ обожашелей, и все эшо кончашъ шѣмъ, что религія браминская, источникъ почти всѣхъ другихъ мифологій, ученіе нравственное, умщвенное, важное въ своихъ основныхъ началахъ, обезображено нелѣпо, безсмыдно, неумовимо въ подробностяхъ. Въ Браминизмѣ и Буддизмѣ равно надобно удивляшъ прежде всего генію первыхъ основашелей сихъ вѣръ, умѣвшихъ сошкашъ такъ крѣпко узы, соединяющія народы Индіи, что даже донынѣ движущся они въ предѣлахъ, первоначально имъ обозначенныхъ. Эша система непреходимыхъ дѣленій, убивающая, сжигающая медленнымъ огнемъ касты Индійцевъ, безъ сомнѣнія, была благодѣтельна въ своемъ началѣ, и надолго долженствовала бытъ благодѣтельною по основной мысли ея изобрѣшашеля. Когда пошомъ, другія отношенія пошребовали религіозной реформы, преобразовашель не могъ достигнуть цѣли иначе, какъ достигъ ее законодашель первобыщный. Древнее, первоначальное созданіе устояло, и кое-какъ вмѣщилось въ новый полищическій поря-

докъ, котораго не могли ни принять, ни предвидѣть послѣдователи первобытнаго закона. Бывшее религіею измѣнило форму и сдѣлалось народностью. Народность Индіи вѣрованіе браминское и вѣрованіе буддѣйское. Она не уступила персимоспи Англичанъ, шакъ, какъ не уступила преслѣдованію Монгольскихъ Музульмановъ.

ГЛАВА XIX.

КАЛЬКУТТА.—ИСТОРИЯ ИНДІИ.—АНГЛІЙСКАЯ ОСТЪ- ИНДСКАЯ КОМПАНІЯ.

Между временемъ завоеваній Александра Македонскаго въ Индіи и распроспраненіемъ Мугамедовой реформы прошекло много вѣковъ. Индія, управляемая шуземными власпишелями, провела ихъ безъ всякихъ пошрясеній и волненій. Но около 93-го года эгиры (711 года послѣ Р. Х.), при владычествѣ халифа Валида, Арабы вшорглись черезъ Персію въ Индію, и просшерли побѣдишельный набѣгъ свой даже до Дели.

Эши древніе покоришели Индіи, названные Персіянами *Авганъ* (разрушишели), а опъ побѣжденныхъ Индійцевъ *Патанъ*, удерживались въ срединѣ Индійскихъ земель почти семь сошъ лѣшъ, но не могли, ни покоришь земель около Ганга, ни ушвердишься въ своемъ завоеваніи окончашельно и неоспоримо. Въ правленіе Махмуда Газневида для Авгановъ было время успѣховъ и приращенія

владѣній , но поспоянныя усилія Раджапушовъ , укрѣпившихся въ Гашшскихъ горахъ , уничтожили ожидаемая отъ 'шого слѣдствія , а въ 1398 году явился на Джуммѣ и Гангѣ знаменитый Тимуръ (Тамерланъ) , со сна тысячами Монгольскаго войска. Онъ пошелъ на Дели , взялъ его приступомъ , предалъ грабежу , и преслѣдовалъ Пашановъ , даже до Кандагарскихъ горъ. Послѣ него ушвердилось въ Индіи поколѣніе Монголовъ. Джегамъ-Гиръ , царствовавшій недолго , былъ замѣщенъ Мирза-Мирамомъ , родоначальникомъ Великихъ Моголовъ , государей Монгольскаго племени , донинѣ продолжающагося. Эти новые власпишели Индіи должны были защищать пронъ свой и отъ Пашановъ и отъ Раджапушовъ. Первыхъ побѣдилъ Мугаммедъ-Баберъ , въ битвѣ Малшіаской ; вторые были прогнаны изъ Гузурапа въ 1535-мъ , изъ Бенгала въ 1540 году. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ , новый оборотъ дѣлъ поправилъ состояніе Пашановъ ; Султанъ ихъ , Чиръ-Ханъ , отнялъ Дели у Мугаммеда-Гамаюна , бѣжавшаго въ Персію и испросившаго помощь себѣ отъ Софи-Тамаса , сына знаменитаго Измаила. Послѣ пятилѣшняго изгнанія , Гамаюнъ опять завоевалъ свои Индійскія владѣнія , благодаря помощи союзниковъ , и сынъ его , Мугаммедъ-Акбаръ , ему наслѣдовавшій , ушвердилъ владѣтельство Монголовъ , худо упроченное до 'шого времени. Джегамъ-Гиръ и Гегамъ наслѣдовали пронъ Делійскій , и никакое замѣчательное дѣло не означило ихъ царствованій. Но *Ауренгзебъ* , достигнувшій власши насильственнымъ сверженіемъ отца своего

Гегамъ, прославилъ себя рядомъ побѣдъ и политическимъ образованіемъ Индіи. Онъ покорилъ опчаші Декканскій полуостровъ, и подчинилъ его Монгольскому роду. Во времена Ауренгзеба, имперія Монголовъ заключалась въ 18-ти обласяхъ: Дели, Агръ, Горръ, Панджабъ, Аудъ, Мульшанъ, Кабулъ, Кашемиръ, Гузурашъ, Багаръ, Синдъ, Булашабабъ, Мальвъ, Бергаръ, Кандишъ, Бедеръ, Бенгъ, Ориссъ, Голкондъ, Визапуръ. Всѣ сіи обласи назывались по-Монгольски *субабствами*; народочисліе ихъ доходило до 64-хъ милліоновъ, а государственныя доходы превышали 860 милліоновъ франковъ. Каждая обласъ имѣла своего Субаба, достоинство котораго равнялось званію Аравійскаго Эмира, и титуломъ котораго было названіе *Набаба*, то есть, господина.

При Ауренгзевѣ, власть Монгольская устанавивила свои отношенія къ покореннымъ ей племенамъ. Опринувъ Папанскую систему преслѣдованія религіозныхъ вѣрованій и народныхъ обычаевъ Индіи, властители Делійскіе положили основаніемъ, какъ сдѣлали это Манджурскіе завоеватели въ Кишаѣ, уваженіе къ существующимъ обычаямъ. Они уважили различіе древнихъ кастъ, оказали терпимость къ вѣшнимъ обрядамъ вѣръ, и поддержали раздѣленіе собственности и управленіе по законамъ Мену, то и другое установившееся съ древнихъ временъ.

Послѣ смерти Ауренгзеба (въ 1707 году), война за наслѣдство началась между тремя сыновьями его, и эшимъ открылся путь въ Индію чужезем-

нымъ нашесшвіамъ. Каждый изъ спорившихъ бра-
шъевъ вывелъ въ поле 300,000 войска; побѣда
оспалась за спаршимъ брапомъ, Багадеромъ. Пос-
лѣ него эмиры Монгольскіе сдѣлались сильными,
свергли одного за другимъ прехъ царей своихъ,
и кончили возведеніемъ на пронъ Мугаммеда, пред-
назначеннаго судьбою испытанъ самая разишель-
ныя бѣдспвія. Какъ будпо кровавый метеоръ,
явился въ Индіи славный Шахъ-Надиръ Персидскій,
болѣ извѣспный подъ именемъ *Тахмасъ-Кулыхана*.
Призванный измѣнникомъ, эмиромъ эль-Мулукомъ,
Персидскій завоевашель спалъ на землѣ Индійско-
Монгольскаго царспва, въ 1739 году, со 160,000-
ми войска. Онъ разбилъ Мугаммеда, прошивопо-
спавившаго ему 200 тысячъ воиновъ и 5000 пушекъ;
пошелъ на Дели, разрушилъ его огнемъ и мечемъ,
ограбилъ дома, мечеша и пагоды, перерѣзалъ 150,000
мужчинъ, женщинъ, спариковъ, дѣшей, наложилъ
на побѣжденныхъ выкупъ, почши въ *три тысячи*
милльоновъ, заспавиль успушишь себѣ всѣ земли на
западъ ошъ рѣки Альшокъ, и осправился обрашно
въ Персію, съ 1000 слоновъ, 7000 лошадей, 10,000
верблюдовъ; и все эшо было нагружено добычею и
награбленными сокровищами, и всего эшого каза-
лось еще мало: не довольспвуясь спрашною данью
крови и золоша, завоевашель обложилъ налогомъ
всѣ города на обрашномъ пуши своемъ, и перерѣзалъ
въ нихъ, въ добавокъ, тысячъ до 20-ши обипаше-
лей. Пролешѣла ужасная гроза; наспали новыя
бѣдспвія. Усиленные ослабленіемъ Монголовъ, Па-
шаны и Раджапушы взялись за оружіе. Наслѣдникъ

прона Делійскаго, Ахмедъ , оказалъ себя юнымъ героемъ, напалъ на Пашановъ , разбилъ ихъ , изгналъ изъ своего царства, и послѣ знаменитой побѣды ошмстилъ смерть отца своего, зарѣзаннаго эмирами. Къ несчастію , роскошь гарема ослабила мощь юнаго государя. Какъ будто упомянутый своею побѣдою, онъ ошановился на поприщѣ чеспи, допустилъ Пашановъ и Раджапушовъ спорить за владычество надъ его государствомъ, не думалъ, что долгъ его требовалъ прекращенія ихъ набѣговъ, пока ржаніе лошадей хищническихъ не раздалось подъ стѣнами Дели. При несчастномъ униженіи, до какого доведенъ былъ Ахмешъ, каждая изъ двухъ воинственныхъ ордъ, гордая его слабостью, могла свергнуть его съ престола. Но опасаясь другъ друга, онѣ сохраняли Ахмеша, какъ посредника, кошорый дѣлалъ нерѣшимельнымъ окончательный перевѣсъ владычества обѣихъ споронъ. Много лѣтъ продолжалось шакое положеніе дѣлъ, и во все эшо время крамола придворная, кипѣвшая окрестъ Делійскаго монарха , сохраняла неприкосновенными колебаніе перевѣса и необходимосшь средняго положенія между честолюбивыми и хищными соперниками. Тогда допустили Пашановъ расдвинуться на сѣверъ, а Раджапушовъ округлилъ свои земли въ средней Индіи, между шѣмъ, какъ субабы Деккана, Бенгала и Гузурана сославили съ своей спороны обласшь независимыхъ дѣйствій. Всѣ эши внутренніе признаки раздробленія должныствовали вскорѣ исчезнуть передъ быспрымъ и посшпешеннымъ вшорженіемъ преобладанія Англичанъ.

Со времянъ Васко де-Гама , опкрывшаго Европѣйцамъ путь въ Индію мимо мыса Доброй Надежды, всѣ Европейцы поочередно испыывали плаваніе въ Индійскихъ опдаленныхъ моряхъ. Португальцы первые вышли на берегъ Индійскій, во владѣніяхъ Монгольскихъ , и заключили дружесшвенный союзъ съ власшишелемъ Дели Акбаромъ. Венеціане явились попомъ ; за ними Голландцы, бывшіе могущесшвенными почти въ шеченіе полустолѣтія; наконецъ пришли Французы, Дашчане и Англичане. Вспунивъ въ Индію послѣ всѣхъ, они не замедлили спашъ выше всѣхъ Европейцевъ.

Въ слѣдспвіе опышовъ Драка, Сшефенса и Кавендиша, около 1600 года, основалась въ Англіи, въ правленіе королевы Елисаветы, Англійско-Индійская Компанія. Въ то время, когда основанія шорговой свободы заключались болѣе въ обычаѣ, нежели въ законѣ, исключительная привиллегія на шорговлю, данная одному купеческому общесшву, вопреки всѣмъ другимъ шорговцамъ, жеспоко оскорбила членовъ Парламенша, и надобенъ былъ декрешъ Королевы , по кошорому Оспъ-Индскую привиллегію ограничи 15-ю годами, съ шѣмъ , что сила ея прекращается, если въ шеченіе сихъ лѣшъ дознанъ будетъ вредъ ея для общесшвеннаго благососшоянія. Слѣдовашельно, привиллегіи эшой надобно было кончшсь въ 1615 году; но шакова оказалась сила ушвержденнаго ею шорговаго общесшва, что и шеперь, въ 1834 году, монополіи его еще продолжены , и, конечно, шрудно пред-

сказать , когда въ самомъ дѣлѣ послѣдуетъ ихъ прекращеніе.

Первый опытъ Компаніи ограничился посылкою въ Индію чепырехъ кораблей. Они опшправились въ 1601 году, подѣ начальствомъ Ланкашера, и возвратились благополучно , нагруженные пряносѣями и перцемъ. Помаленьку продолжали дѣло , основали нѣсколько факторій , и поведеніе агентовъ, управлявшихъ ими, представило совершенную противоположность съ изувѣрствомъ Поршугальцевъ и легкостью Французовъ. Не находя пособія у тогдашняго правительсѣва Великобританіи, Компанія старалась поддерживать собственными своими средствами; она дѣйствовала насшойчиво, дополняла все умнымъ выборомъ людей, и мало по малу умножила число своихъ коншоръ. Капиталь ея при учрежденіи составлялъ 400,000 фунт. стерл., акціями, по 50 фунтовъ каждая. Вскорѣ эта сумма достигла номинальнаго цыфра выше всякой оцѣнки. Огромнѣйшіе барыши были осуществлены Компаніею. Томасъ Бесѣ утвердился въ Сурашѣ, въ 1612 году, не смотря на зависѣ Поршугальцевъ. Заведеніе въ Бендеръ-Асси сдѣлалось цвѣшущимъ , вопреки соперничеству Гоа. Но эшотъ начальный блескъ Компаніи не былъ продолженъ. Кромвель уничтожилъ ея привилегіи, въ 1655 году. Черезъ два года, онъ восстановилъ ихъ снова. Преобразованная въ 1676 году, Компанія испытала въ свою очередь время смяшеній и гибели. Безразсудныя дѣйсѣвія Джона Чайльда, брата дирекшорскаго, навлекли на Ан-

гличанъ силы Ауренгзеба, и униженная имъ, лишенная своей торговой важности, Компанія влачила сомнительное бытіе до 1702 года, когда новое общество Лондонскихъ купцовъ соединилось съ прежними исключительными акціонерами по Индійской торговлѣ. Изъ этого соединенія родилась новая Англійская компанія, достигнувшая до нашего времени, и основанная подъ названіемъ *Соединенной компаніи купцовъ, для торговли съ Восточной Индіи*. Уставы, обсужденные и утвержденные въ то время, испытали съ тѣхъ поръ только легкія измѣненія. Въ общихъ засѣданіяхъ, каждый хозяинъ акціи въ 1000 ф. с. имѣетъ право подавать свой голосъ. Акціонеры избираютъ по большинству голосовъ 34-ре Директора, включая сюда Президента и Секретарей. Директоромъ можетъ быть только акціонеръ, имѣющій на 20,000 ф. с. акцій. Владѣтель участка въ 3000 ф. с. подаетъ два голоса, въ 6000 ф. с. три, съ 10,000 четыре. Директоры должны собираться, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Кромѣ такого общаго собранія, есть еще множество частныхъ комитетовъ, для покупокъ, переписки, счетовъ, снаряженія и отправки кораблей, и наконецъ для дѣлъ, по которымъ открылись споры между Директорами.

Съ учрежденіемъ такого порядка въ дѣлахъ, Компанія начала періодъ своего постепеннаго преуспѣянія. Привилегіи ея, утвержденныя, въ 1750 году, на тридцать лѣтъ впередъ, возобновлялись при каждомъ окончаніи срока опредѣленіемъ Парламента.

Пока совершалось все это Англичанами, каждый изъ Европейскихъ народовъ, имѣвшій сколько нибудь значительности на морѣ, утверждалъ свое владычество въ Индіи. Французы занимали Пондичери и Шандернагоръ, Голландцы Шинзура, Дашчане Транквебаръ и Серампуръ. Англійская Компанія обратила свои дѣйствія на три мѣста: *Калькутту, Мадрасъ и Бомбай.*

Въ Калькуттѣ заведеніе было основано съ позволенія Бенгальскаго Набаба. Умирая, онъ говорилъ своему преемнику: «Смотри на заведенія Европейцевъ, какъ на ульи пчелъ, съ копорыхъ можешь ты собирать медъ; но если помѣшаешь ихъ работѣ, бойся жала ихъ.» Терпимостъ Великихъ Моголовъ и ихъ обласныхъ начальниковъ дошла до того, что Англичанамъ позволили даже устроить нѣкошорыя укрѣпленія, для защиты Калькутты отъ нападеній окрестныхъ народовъ. Въ то-же время, окрестъ этого главнаго мѣста учредились коншоры менѣе значительныя, въ Кассемъ-Базарѣ, Дакка, Пашна, Балассорѣ и другихъ мѣстахъ. Согласіе между туземными власями и новыми поселенцами продолжалось даже до смерти субаба Али-Верди-Хана. Шираги-эль-Дуладъ, правившій послѣ него, оказался не столь уклончивымъ. Монголъ, чиновникъ Двора его, обвиненный въ расхищеніи казны, спасся бѣгствомъ отъ наказанія. Съ помощью богатыхъ подарковъ, онъ купилъ себѣ покровительство Англичанъ, и жилъ въ Калькуттѣ, презирая гнѣвъ своего повелителя. Неоднократно, Субабъ претовалъ выдачи пресуп-

ника. Видя, что ему отвѣчаютъ только отказомъ, или уклончивыми словами, онъ пошелъ на заведеніе Бришанцевъ съ 60,000 войска, принудилъ Губернашора къ постыдному бѣгу, овладѣлъ Калькушскою крѣпостью, и предалъ городъ грабежу, 19 Іюня 1756 года. Сто сорокъ шесть человѣкъ солдатъ гарнизона были брошены въ шюрму, столь тѣсную и душную, что изъ числа ихъ сто двадцать при человѣка задохлись въ одну ночь. Одинъ изъ 23-хъ, пережившихъ это бѣдствіе, Голльвль, воздвигнулъ попомъ на мѣстѣ шюрмы своей памятникъ несчастнымъ товарищамъ. Къ чести Европейцевъ, скажемъ, что бѣдствіе Калькушши прекрашило на то время всякое соперничество между Европейцами, обитавшими въ Бенгалѣ. Французы изъ Шандернагора, Голландцы изъ Шинсура поспѣшили на помощь несчастнымъ жителямъ Калькушши, которыми наполнены были корабли, находившіеся тогда на водахъ Ганга.

Но вскорѣ, полковникъ Клейвъ и адмиралъ Ватсонъ появились передъ Калькушшою, для опмщенія позора, прешерпѣннаго Англійскимъ владычествомъ. Городъ былъ опнятъ у Монголовъ, въ январѣ 1757 года, и, въ свою очередь, Субабъ увидѣлъ себя угрожаемымъ въ своихъ владѣніяхъ. Гугли сдался Клейву; кровавымъ опмщеніемъ были здѣсь заплачены раззореніе и грабежъ Калькушши. Монгольскій намѣстникъ принужденъ былъ покориться Англичанамъ и заключилъ съ ними невольный союзъ. Не смѣя прошивишься, онъ присушествовалъ съ Англичанами при взятіи Шандернагорской Фран-

цузской колоніи, гдѣ уничтожены были всѣ укрѣпленія и жишелей забрали въ полонъ. Раззореніе этого главнаго мѣста Французскихъ заселеній на берегахъ Ганга было послѣдуемо изшребленіемъ всѣхъ второсшепенныхъ колоній, принадлежавшихъ Французамъ.

Дѣйсшвуя такимъ образомъ силою, Англичане приобрѣшали въ то-же время особенныя выгоды, начавъ шайныя сношенія съ подчиненными Бенгальскаго Субаба. Полководецъ и родственникъ его, Джафферъ-Али-Ханъ сдѣлался преданнымъ ихъ человекомъ. Въ бишвѣ Плассиской, бывшей 7-го Іюня 1757 года, частъ Монгольскаго войска осшавила Субаба, и несчастный власшпелъ, схваченный собшвенными его офицерами, былъ удавленъ. Обнаженнй шрупъ его привезли на слонѣ. Такъ исполнился замыселъ полковника Клейва, сосшоявшій въ томъ, чшобы передашъ Бенгальское субабсшво клеврешу Англичанъ Джафферу-Али. Дворъ Делійскій согласился на то, чего не могъ уже ошврашшъ; просшерь услужливосшъ свою даже до шого, чшю прислалъ Англійскому Полковнику шшпуль Эмира, съ прозваніемъ *Сабетъ-Зинга* (неусшрашимаго воишеля). Въ слѣдсшвіе этой рѣшишельной мѣры началось укрѣпленіе Вилліамовой крѣпосши. Бенгалъ окончапелъно досшался Англичанамъ.

Слѣдовавшее за шѣмъ можно почишашъ шолько дополненіемъ перваго самовласшнаго дѣла Англичанъ. Облеченный власшью, Джафферъ-Али-Ханъ спашрался сбросишъ шяжкое для него иго Бришанцевъ. Но при его Дворѣ были уже пригошовлены шѣ-же са-

мья ухищренія, которыми Джафферъ возведенъ былъ на владычество. Его окружали Англійскіе лазутчики. Напрасно думалъ онъ заключить тайный союзъ съ Голландцами. Клейвъ уничтожилъ всѣ замыслы Субаба, остановилъ войско Голландцевъ, плывшее по Гангу, разбилъ высаженные ими отряды и принудилъ ихъ къ тяжкой капитуляціи. Послѣ такого успѣха, искусный начальникъ Англійскій отправился въ Европу, и Король возвелъ его въ достоинство Лорда. Хотя блестящіе качества Клейва были помрачены нѣкоторыми ошибками, не лѣзя не согласиться однакожъ, что ему большею частію обязаны были Англичане утвержденіемъ своимъ въ Индіи. Онъ усмиривъ отъ вліянія Французовъ Карнатикъ, гдѣ возвысился Мадрасъ. Въ Бенгалѣ, онъ основалъ преимущество Англичанъ, съ исключеніемъ всякаго другаго владычества, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того утвердилъ это преимущество окончательнымъ трактатомъ съ Алунъ-Шахомъ, бывшимъ тогда власнителиемъ Делійскимъ. Время прошедшее между этими двумя эпохами, было ознаменовано управленіемъ Ванзипарша, хорошо и худо продолжавшаго ловкую политику Клейва. Джафферъ-Али-Ханъ, замѣненный въ Бенгальскомъ субабшвѣ Кассемъ-Али-Ханомъ, былъ опять возведенъ въ прежнее достоинство. Это встревожило Компанію, и она умоляла Лорда Клейва снова вступить въ управленіе дѣлами. Не прежде согласился Клейвъ, пока не были переименованы тогдашніе Директоры Компаніи, не согласились дать ему по 30,000 ф. с. ежегоднаго

дохода, не произвели его въ генераль-маіоры, и не наградили орденомъ Бани. Въ Индіи, въ ошсущствіе его, происходили бипвы между Субабомъ Бенгала и войскомъ Англійскимъ. Неудача слѣдовала за неудачею, и уже не оспавалось у Компаніи изъ конпоръ ея на берегахъ верхняго Ганга ни одной, кромѣ Калькушпы, и по защищенной слабымъ войскомъ. Сраженія при Муршидабаба и Нонкапулла, ошнѣшіе Пашна, дѣло Бочарское, гдѣ Англичѣне разбили соединенныя войска Субаба и Великаго Могола, далеко не вознаграждали потерь, когда лордъ Клейвъ снова явился въ Калькушпѣ, 3-го мая 1765 года.

Съ перваго взгляда увидѣлъ онъ, на чемъ надобно было основать миръ и благоденствіе Англо-Индійскаго государсшва. Удаливъ субаба Кассемъ-Али ошъ его Монгольскихъ союзниковъ, онъ принудилъ его бѣжать къ Сеикамъ, вошелъ въ непосредсшвенные переговоры съ власшшелемъ Делійскимъ, и вынудилъ у него формальную уступку Бенгала, Багара и Орисса. Эшимъ договоромъ всѣ права Монгольскихъ владыкъ на упомянутыя области перешли въ руки Англичанъ, сдѣлались принадлежностью Калькушскаго Совѣша и генераль-губернашора Англійскихъ владѣній въ Индіи. За такую уступку, Компанія обязалась плашшш Великому Моголу по 430,000 ф. с. ежегодно (10-шъ милльоновъ франковъ, или 46-шъ лаковъ рупій). Но пошомъ, посшепенно, плашежъ эшомъ былъ уменьшаемъ.

Такъ поспыдными успупками раздроблялось обширное царство Ауренгзеба, доходы котораго сосставляли нѣкогда до 300-мъ милльоновъ.—Если бы лордъ Клейвъ захопѣлъ даже тогда раздвинуть свои завоеванія до области Бенаресской, онъ могъ-бы исполнить такое предпріятіе, но, или умѣренность, или осторожность заставили его удовольствоваться только взятіемъ 8,000,000 военной конприбуціи.

Съ того времени началось образованіе торговыхъ монополій Компаніи, быспро раззорившихъ Индію, и мало послужившихъ въ пользу самихъ монополистовъ. Исключительныя права продажи уснановлены были на главнѣйшіе предметы торговли — чай, соль, шабакъ, бешель, хлопчатую бумагу, даже сарачинское пшено. Нововведеніе это было противно обычаямъ и пользамъ шземцевъ, и пошому Англичане принуждены были нерѣдко подкрѣплять свои монополіи помощью шпыковъ. Къ такимъ пагубнымъ мѣрамъ, вскорѣ присовокупился неурожай, и голодъ спрашно опустошалъ народонаселеніе, пощаженное войною. Современники счишаютъ до пяти милльоновъ число шземцевъ, погибшихъ отъ голода въ одинъ 1770-й годъ. « Ихъ видѣли (говоритъ Раиналь) влачившихся по дорогамъ, бродившихъ среди Европейскихъ поселеній, блѣдныхъ, обезображенныхъ, перзаемыхъ голодомъ; одни лежали на землѣ, ожидая смерти; другіе едва ползли, спараясь сыскавъ какую нибудь пищу, обнимая колѣна Европейцевъ, и умолая принявъ ихъ рабами за горсть пшена. »

Воды Ганга были покрыты трупами; по дорогам валялись груды мертвых тел. И между тем ни малейшего признака возмущения не оказалось между несчастными сподальцами, и в мысль никому из них не приходило, даже погибая бесчестною смертью, разграбление магазинов, воровство, изшребление Европейцев, или всеобщее восстание против корыстолюбивых присланишелей.

Этот несчастный год нанес жестокий удар Компании. Она задолжала, и в 1773 году был даже предложен вопрос о том, не должно ли ей остановить свои плашежи. После многих споров, Парламент вступился и поддержал ее.

Политическія затрудненія присоединились къ финансовымъ замѣшательствамъ. Между Франціею и Великобританіею началась война. Надобно было сражаться, оппимать и защищать владѣнія на Коромандельскомъ берегу. Едва успѣли управиться съ Франціею, явился новый врагъ: это былъ *Гайдеръ-Али*, владѣтель Мизорскій, долгое время выдерживавшій напоръ всѣхъ Англійскихъ силъ въ Карнатикѣ. Потомъ наступила война съ Мараттами, угрожавшими съ одной стороны Бомбаю, съ другой Мадрасу и Калькуттой. Гайдеръ-Али былъ наконецъ разбитъ; Маратты побѣждали дипломатіею и полками Сипаевъ. Напрасно потомъ Французы пышались нѣсколько разъ помогать восстанію Индійцевъ противъ Англійской силы; вездѣ предупреждали или уничтожали ихъ пособіе.

Только однажды послѣ смерти Гайдеръ-Али представился благоприятный случай восстановле-

нію владычества Французовъ въ Индіи, когда сынъ Гайдерь-Али, *Типпо-Саибъ*, упорно и жестоко ненавидѣвшій Англичанъ, возспалъ съ оружіемъ въ рукахъ, и призывалъ Французовъ къ себѣ на помощь. Тогда надобно было приняться дѣятельно, оправдать довѣренность неукрошимаго врага Англіи, опмспивъ за недавшее уничтоженіе Пондишери, осуществивъ на Индійскомъ полуостровѣ могущесшвенныя предпріятія, кошорыми хошѣлъ ознаменовашъ себя геній Дюплейкса. Но миниспры Людовиковъ XV-го и XVI-го не посшпигали положенія дѣлъ въ Индіи, брались за полумѣры, за хвасшливые переговоры. Такимъ образомъ, ни къ чему не послужила посылка Сюффрена, споль ничтожная послѣдспвіями, хошя споль много обѣщавшая въ началѣ. Развязкою всѣхъ несчастныхъ попышокъ было то, что Англичане не пошеряли въ Индіи ни одного клочка земли, не ушрашили ни на одинъ градусъ своего вліянія. Поражая непріятелей одного другимъ, Типпо-Саиба Марашшами, Марашшовъ Деканскимъ Низамомъ, они спѣснили понемногу власшпшеля Мизорскаго, довели его до крайности, принудили просишъ перемирія въ 1784 году; договоромъ 1792 года у него опшняли всѣ земли на западъ опъ Гапшскихъ горъ, съ предѣловъ Траванкора до рѣки Раваръ. Наконецъ, когда Типпо-Саибъ, въ 1798 году, вѣря счастью юнаго Французскаго полководца, въ двѣ недѣли завоевавшего Египецъ, хошѣлъ сдѣлашъ развлеченіе Англійскимъ силамъ въ срединѣ Азіи и наскоро собралъ всѣ войска свои, Англичане, соединясь съ Набабами и Низамами полу-

острова, ошъ Малабара и Короманделя двинулись къ Мизору, разби́ли что́ было послано имъ на вспрѣчу, и осадили Серингапатамъ, столицу Мизорскую. На жестокомъ приступѣ пали Типпо-Саибъ и вѣрные ему воины; Англичане ворвались въ столицу и нашли тамъ одной казны Типпо-Саибовой, какъ полагаютъ, на 80-ть милльоновъ франковъ. Погибъ самый упорный врагъ, изъ всѣхъ, какихъ только вспрѣшило Англійское могущество въ Индіи. При раздѣленіи завоеванныхъ земель, побѣдители захватили себѣ лучшую долю, удержали Бангалоръ и Серингапатамъ, а осматокъ раздѣлили между наслѣдниками Типпо-Саиба и Низамомъ, союзникомъ своимъ въ этой удачной войнѣ.

Увеличеніе владѣній, и добыча особенно, были счастливымъ пособіемъ для Компаніи. Съ тѣхъ поръ происходило много внутреннихъ войнъ, частныхъ возстаній, нападеній на Англичанъ, но большею частію все это были ничтожныя попытки, задушаемыя при первомъ началѣ. Такъ въ 1781 году, генераль-губернаторъ Гаспингсъ усмирить въ Бенаресѣ возмущеніе, кончившееся бѣгствомъ геминдара Шеишъ-Синга, и учрежденіемъ охранительнаго Англійскаго лагеря окрестъ священнаго города Индійцевъ. Это обстоятельство, гдѣ майоръ Пофемъ, начальникъ Англійскаго опряда, показалъ необыкновенную смѣлость, подвергло всѣ тамошнія земли подъ непосредственную зависимость Калькутскаго начальства. Власишель Марашповъ, Магадже-Синдіа причинилъ Англичанамъ

запрудненія болѣе важныя и продолжительныя. То посредникъ врагамъ, то явный врагъ, онъ повелъ войну набѣгами и впаденіями, грабилъ, уходилъ въ горныя обласни. Сила эпихъ воинскихъ племенъ всегда заключалась въ конницѣ, но случай привелъ ко Двору Синдіа, въ концѣ прошлаго вѣка, какого-то офицера Европейскаго, Савояра Де-Буаня, и Синдіа по совѣту его рѣшился образовашъ корпусъ пѣхошы и обучить его по-Европейски. Установился союзъ Марашповъ, средоточіемъ кошораго была Агра. Синдіа завелъ оружейныя и лишейныя фабрики и заводы. Доспапочно снабженное оружіемъ, вскорѣ войско его составило до 25,000 конницы, опчаспи регулярной, и 20,000 пѣхошы. По примѣру Синдіа, другіе Марашпскіе власпишели усилили свои военныя средспва, и вскорѣ союзъ Марашповъ считалъ до 250,000 конныхъ и пѣшихъ воиновъ, какъ полагали по вѣрному счешу въ 1801 году.

Первые годы нынѣшняго столѣтія ознаменовались борьбою Англичанъ прошивъ Марашповъ. Наслѣдникъ и племянникъ Синдіа, Долупъ-Рао, далъ между прочимъ замѣчательную бишву Ассайскую, гдѣ Брипанскимъ войскомъ предводительствовалъ маркизъ Веллеслей, извѣспный попомъ подъ именемъ герцога Веллингтона.

Слишкомъ продолжительно было-бы входить во всѣ подробноспи сопровивленія Индійцевъ, съ которыми должно было сражашъся благоразумію и наспойчивоспи Англичанъ. Компанія всегда болѣе выигрывала упорнымъ постоянспвомъ въ дѣйспві-

яхъ, нежели рѣшительными и безразсечными сраженіями. Что такъ хорошо пригошвили хладнокровіе и мужество Клейва, то продолжили и докончили хищность Гаспингса, смѣлосць Веллеслея, чесность Корнваллиса, умное управленіе Дункана въ Бомбаѣ, Колебрука въ Калькутѣ. Усилія всѣхъ этихъ, столь различныхъ умовъ доспигли до того, что заключили наконецъ буйныя племена непріятелей въ предѣлахъ, за копорые они не могутъ теперь выдвинуться; успѣли обставить ихъ неопасными народами, прошивополагающими однакожь силу засоя полишического бѣшенству опчаянныхъ набзтниковъ; попомъ, въ печеніе продолжшельнаго времени, успроили во внутренности Индіи вооруженные шаборы, распредѣляя ихъ такъ, что они составляютъ охраншельную цѣпь между Индійцами военными и Индійцами мирными. Дѣйствуя такимъ образомъ, Англичане уничтожили и обезоружили Марапшовъ; побѣжденные при Пуна, въ 1818 году, сіи воинскія племена нынѣ спали въ рядѣ другихъ неопасныхъ Индійцевъ. Единственные, независимые опъ силы Англичанъ народы сущъ Сеики, по мѣстному положенію своему, въ гористыхъ сѣверныхъ областяхъ, недоспупные покоренію. Но самое это удаленіе препяпствуешъ имъ угрожащъ Англійской Компаніи опасностью прямою и непосредственной. Нынѣшній власшшель Сеиковъ, *Рунжетъ-Сингъ*, недавно завоевалъ нѣсколько обласшей у Авганцевъ, и присоединилъ къ царству своему Кашемиръ. Онъ живешъ въ Лагорѣ, гдѣ Жакемонъ былъ у него

въ 1831 году. Нѣкто Алларъ, Французскій офицеръ, находящійся лѣтъ десять въ службѣ этого Индійскаго монарха, и главный начальникъ всѣхъ войскъ его, доставилъ молодому спранспововашелю пріемъ самый благопріятный. Рунжешъ-Сингъ ода-рилъ Жакемона мѣшками рупій и дорогими шалями. Пунешешвенникъ жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ; ему услуживала многочисленная дворня; пошомъ проводили его въ Кашемиръ, приказывая возда-вать ему величайшія почести по всѣмъ обласіямъ Синга. Вотъ изображеніе этого власшителя, оспа-вленное въ письмахъ остроумнаго пунешешвен-ника: «Рунжешъ-Сингъ былъ почти первый замѣ-чательный Индіецъ, мнѣ встрѣтившійся. Но за удовлествореніе любопытства собою, онъ возна-граждаетъ совершеннымъ ничтожествомъ своего народа. Онъ сдѣлалъ мнѣ сошню тысячъ вопросовъ, объ Индіи, Англичанахъ, Европѣ, Наполеонѣ, во-обще о цѣломъ мірѣ, адѣ и раѣ, богахъ и демо-нахъ, и всякой всячинѣ. Подобно всѣмъ знашнымъ людямъ Воспока, онъ мнимый больной, и шакъ какъ у него естъ многочисленная толпа самыхъ красивыхъ дѣвушекъ Кашемира, и средства запла-тишь за самый лучшій обѣдъ, какой только мо-жетъ онъ себѣ вообразить, то бѣдняжка въ оп-чаяніи, что не можетъ пить вдоволь, не сдѣлав-шись пьянымъ, и не можетъ ѣсть, столько сколь-ко съѣдаетъ слонъ, не задохнувшись отъ пресы-щенія. Онъ не знаетъ ни Бога, ни грѣха, если собственная польза не велитъ ему бытъ справед-ливымъ и вѣрующимъ; но, впрочемъ, онъ не же-

спокъ. Важнымъ преступникамъ опрѣзываетъ онъ носы, уши, кисти рукъ, и никогда не казнилъ смершью. Къ лошадямъ у него спрашъ, доходящая до глупости; онъ велъ самую раззорительную и кровавую войну, желая доспашъ изъ сосѣдняго государства лошадь, которой не хотѣли ему ни продашъ, ни подарить. Онъ храбръ необыкновенно—качество, довольно рѣдкое между власпишелями Востока, и хотя всегда успѣвалъ онъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ, но только коварными переговорами и хитрыми договорами изъ проспаго помѣщика успѣлъ сдѣлаться самовласнымъ повелителемъ Пунджаба, Кашемира и другихъ областей, повинующихся ему лучше, нежели повиновались Великимъ Моголамъ подданные ихъ, въ самое цвѣтущее время силы Монгольскихъ государей.»

Рунжешъ-Сингъ такимъ образомъ ешъ власпишель, переговоривающій съ генераль-губернашоромъ Индійскимъ, какъ равный съ равнымъ. Лордъ Беншинксъ бережешъ его, потому, что война съ нимъ, не представляя ничего полезнаго, можешъ бышъ неудачною. Путешествуя по Гиммалайскимъ обласшамъ, Англійскій правитель никогда не забываетъ отправляшъ посольства къ Рунжешу, и шопъ всегда плашлшъ учтивостшю за учтивостъ, дипломатіею за дипломатию.

Слѣдуя съ одной стороны системою военного надзора за Марашшами, съ другой ограждаясь миролюбивымъ сношеніемъ съ Сеиками, Британцы

увидѣли себя въ послѣднее время угрожаемыми еще однимъ опаснымъ непріятелемъ: эшошъ новый врагъ ихъ явился въ лицѣ власпишеля Бирмановъ. Ни переговоры, ни угрозы не могли убѣдить его, и надобно было прибѣгнуть къ пушечнымъ доказательствамъ его безразсудства. Впрочемъ, война съ Бирманами стоила бытъ рассказанною съ особенными подробностями, и я постараюсь исполнить эшо опдѣльно.

Изъяснивъ основныя начала военного сопротивленія Индіи Англійскому владычеству, въ теченіе цѣлаго столѣтія, скажемъ, что изъ всего Англичане успѣли удачно выпустаться. Раджапушы, Марашы, Сеики, Бирманы, всѣ были ими побѣждены, или сдѣланы неопасными. Чего не могли учинить открыто, то исполнили хитростью, кшаши умѣя уничтожать, кшаши щадить. Но миръ завоеванный все-таки надобно назвать только опдыхомъ; могущество Англичанъ ушвердилось, но все еще не укоренѣло въ Индіи — все еще оно на бивакахъ; у него нѣтъ надежной будущности.

Дѣйствительно, разсматривая состояніе Англо-Индійскаго государства, сначала въ отношеніи Европы, можно спросить: кто завоевалъ Индію и обладаетъ ею — Англія собственно, или Англійская Компанія? До сихъ поръ, все обращается къ Компаніи, по праву и по дѣлу. На ея издержки покорена Индія и Компанейскими агентами устроена въ настоящеемъ своемъ порядкѣ. Компанія создала здѣсь флотъ, создала военную силу, образовала

обширный объемъ гражданскаго управленія. Компанія осуществила здѣсь государство опдѣльное, правительство, съ особенными доходами, особенными государственными долгами, крѣпостями и лагерями, мѣстнымъ вліяніемъ, политическими союзами. Словомъ: Компанія, создала опдѣльное государство купцовъ въ нѣдрахъ Англійскаго королевства.

Это было хорошо и могло идти, когда, при каждомъ обновленіи привилегій Компаніи, Парламенты пропускали безъ особеннаго взысканія все, что было уже сдѣлано, и ограничивались только огражденіемъ правъ государственной власи покорностью Компаніи. Но съ каждымъ днемъ, общественное мнѣніе образуется и поясняется въ отношеніи чудовищнаго зданія этой торговой имперіи, основанной на исключеніи, насиліи и монополіи. Имѣя счесть Компаніи передъ глазами, хопяшь судишь дѣло по слѣдствіямъ его: изъ балансовъ Компанейскихъ выводяшь заключеніе о дѣйствительныхъ средствахъ Компаніи; по коммерческимъ расчетамъ узнаюшь пользу всѣхъ прощаемыхъ ей ошибокъ; изъ ревизій Индійскаго народонаселенія судяшь о томъ, была-ли система Компаніи благомъ или зломъ для Индіи; по состоянію подчиненныхъ заключаюшь, подвинуло-ли впередъ, или оподвинуло назадъ, обогатило или раззорило Индію управленіе привилегированныхъ Англійскихъ прикащиковъ. Надобно признашь, что факты всѣ прошивъ Компаніи, а не въ пользу ея. Преувеличеніе запрешительной системы, горделивая роскошь Ком-

панейскихъ, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, безмѣрность ихъ жалованья, изобиліе празднаго чиновначалія, все это поспешенно влечетъ Компанію къ громадному банкротству. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ немного лѣтъ, когда причины разрушенія Компаніи усилятся, и вопросъ о возобновленіи привиллегій компанейщикамъ будетъ представленъ Парламенту, улучшенному послѣднею реформою парламентскихъ выборовъ, дѣло можетъ принять новый видъ. Споръ завяжется сначала, вѣроятно, объ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, о жизненныхъ началахъ Компаніи, то есть, о монополіи по торговлѣ чаемъ съ Кишайцами, составляющей одно изъ главныхъ отдѣленій Компанейскаго шорга. Если-бы согласіе Парламента опять утвердило старое существованіе Англо-Индійскаго государства, у Компаніи непременно опнимутъ исключительное посредничество ея между Англіею и Кишаемъ, и безъ того подрываемое свободнымъ соперничествомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Но, уже это одно будетъ смертнымъ приговоромъ для Остъ-Индской Компаніи. Въ теченіе восьмидесяти лѣтъ своего существованія, много разъ близкая къ гибели, она была одолжена жизнью только случаю, а не устройству своему, ибо всегда такова бываетъ сущность торговыхъ системъ, основанныхъ на исключительныхъ правахъ, что онѣ держатся и продолжаются только внѣшними случайностями, а не самобытною дѣятельностью. Такъ сначала сокровища побѣжденныхъ царей и казнохранилища Субаба Бенаресскаго и власшишеля

Мизорскаго, огромныя добычи, тяжкія контрибуціи, давали Компаніи призракъ богатства и благоденствія. Но это богатство и благоденствіе, состоя въ капишалахъ, уничтожавшихся безъ воспроизведенія, переходило только изъ рукъ Индійскихъ казначеевъ въ руки Британскихъ расходчиковъ, не оставляло слѣдовъ пользы для земли, не упрочивало ничего въ будущемъ, разлешало дымомъ. Исполнивъ эти средства, Компанія принялась за скупъ произведеній, за исключительную продажу и перепоржку, захватъ всѣхъ товаровъ Индіи, безъ всякаго соперничества, шорть индигомъ, селипрою, хлопчатною бумагою, Бенарескимъ сахаромъ, бешелемъ, съ привилегією на мануфактурныя произведенія Европы — все это опять могло доставить поддѣльную шучность Компаніи, наполнивъ кассы ея золотомъ, и доведши ее до беспутной прапы того, что было приобретено неправильно, оканчивая все опять бѣдностью земли и раззореніемъ обладателей. Когда это пріискъ барышей истощился, корабли другихъ народовъ нашли дорогу къ вольнымъ рынкамъ, и въ другихъ мѣстахъ начали добывать товаръ лучше и дешевле, Компанія ухватила за монополію шорговли чаемъ, какъ за послѣднее средство спасенія. Она снова начала просить у общаго для всѣхъ закона исключительныхъ постановленій, ходатайствуя за свои безмѣрныя матеріальныя средства, за шолпу своихъ чиновниковъ, за свое царство, во имя Англіи основанное въ Азіи. Громкія слова опять перешанули вѣсъ фактовъ, и Парламентъ, угрожаемый рефор-

мою, еще разъ смиловался на жалобы Компаніи, утвердивъ закономъ все, чего она требовала.

Что-же будетъ, если въ слѣдующій разъ Парламенты заспорятъ, или начнутъ торговаться о Компанейскихъ монополіяхъ? Спрашно подумать, прудно опредѣлишь, что будетъ тогда. Богатые чиновники военной и гражданской администраціи Компаніи, послушающія-ли въ Бенгалѣ рѣшенія, кошорымъ Англія издалека убьетъ ихъ богатствомъ и роскошью? Не прошло еще десяти лѣтъ тому, какъ за нѣсколько тысячъ франковъ, кошорыя хотѣли исключишь изъ безмѣрнаго жалованья ихъ, Европейскіе офицеры, начальники сипайскихъ войскъ, рѣшились на неповиновеніе и открытый бунтъ. Что отвѣтятъ они, если имъ заговорятъ объ увольненіи, или значительной уступкѣ? Послѣдуешь-ли изъ этого рѣшительное возмущеніе войска, или движеніе, подобное тому, кошорое опдѣлило опъ Англіи, въ концѣ прошедшаго вѣка, ея Сѣверо-Американскія колоніи? Что сдѣлають въ Индіи прошивъ Парламентовъ, если они объявятъ свободу Индійской торговли? Рѣшишь прудно.

Предположивъ даже, что Англійское правительсво уничтожитъ сопрошивленіе чиновниковъ Компаніи, много еще затрудненій окажется въ то время, когда, волею или неволею, Англія сама сдѣлается наслѣдникомъ Компаніи Остъ-Индской. Компанія управляла своими землями, какъ наши Турецкіе управляютъ обласями Султанскими — рубила деревья, когда надобно было ей собирать плоды. Она истощила почву, уничтожила богат-

ства, сдѣлала нищими шугемцевъ. Между ея агентами и Индійцами не было политической сплавки—одни владычествовали, другіе повиновались. Компания считала болѣе 50-ти миллионѣвъ непосредственныхъ подданныхъ; сумма доходовъ ея возведена до 400-хъ миллионѣвъ. Но эти пятьдесятъ миллионѣвъ подданныхъ завтра же гошѣвы сдѣлались ея врагами, а четырехъ-сошь миллионѣвъ дохода далеко недоспаетъ на расходы, и на проценты безмѣрнаго долга, прикрываго глубокою тайною. Если присовокупить къ этому необходимость содержать огромныя войска въ Азіи, неизбежное возмущеніе сипаевъ, которыми рано или поздно должна достаться Индія, невозможность коренной реформы между гражданскими чиновниками и военными офицерами въ Индіи, всегда враждебное положеніе Сеикѣвъ, Маратшовъ и Бирманѣвъ, предразсудки шугемцевъ, поспешенное уничтоженіе произведеній земли, увеличеніе власпи мешисѣвъ, смѣшанныхъ породъ Индіи и Европы, заимствовавшихъ отъ первой отчужденіе Индійца, а отъ второй дерзоспъ Европейца, то должно согласишья, что политикамъ Великобританіи много найдется дѣла, когда они возмущъ на себя рѣшеніе судьбы Англо-Индійскаго царства, блестящаго рубища поддѣльнаго величія.—Нѣкоторые политики, охотники рѣшать не зная дѣла, предвидяшъ разрушеніе Англійскаго владычества въ Индіи отъ нашествія Русской силы, и эта идея сдѣлалась у многихъ любимѣю, подшверждаемая спращегическими шолкованіями о возможности по-

добнаго дѣла. Но, кажется, можно привести къ настоящему значенію всѣ подобныя предположенія, годныя только для убаюкиванія легковѣрныхъ умовъ, сказавъ, что такая идея не имѣетъ никакихъ основаній. Долго-бы пришлось еще Англичанамъ царствовать въ Индіи, если-бы имъ угрожала только сила Русскихъ. Начала разрушенія, заключенныя въ самой сущности обладанія Индіею Англичанами, дѣйствующія вѣрнѣе, и дѣйствіе ихъ прямо и положишельно на гибель всякой будущности Англійскаго преобладанія въ Азіи.

Справа свободной торговли, подъ покровительствомъ Европейскимъ, какого-бы оно рода ни было, или даже безъ всякаго покровительства, земля, доступная всѣмъ промышленностямъ, родъ нейтральной области для всѣхъ флаговъ, безъ исключеній, безъ преимуществъ для кого-бы то ни было—вошъ что должна быть Индія, если хотятъ, что-бы для нея возобновились дни древняго, баснословнаго благоденствія, и—вошъ что будетъ она, рано или поздно, по собственнѣйшей волѣ Англичанъ, или противъ воли ихъ.

ГЛАВА XX.

КАЛЬКУТТА. — ГЕОГРАФІЯ , СТАТИСТИКА , ПРИРОДА ИНДІИ.

Индія, или *Индостанъ*, въ первобытныя историческія времена называема была обитателями *Джамбу-Випа*, (древо Джамбу) и *Баратакъ-Ганда* (спрана Бараша). Она раздѣлялась на сѣверную, среднюю и южную. Что касается до ея новѣйшаго названія, ученые несогласны въ происхожденіи слова: *Индія*. Кажется, что всего достовернѣе корень его находится въ имени рѣки Синдъ, или Индъ (Индусъ), текущей въ западной части Индіи.

Какъ-бы то ни было, но спрана именуемая *Индією*, заключается нынѣ, между хребтами Гиммалаевъ на С., Хампи на В., Кабуломъ, Мулшаномъ и Синдомъ на З., наконецъ, Индійскимъ моремъ на Югъ, въ пространствѣ, находящемся между 8° и 35° ш. с., 65° и 90° долг. вост. — Хребетъ Гиммалайскій, оканчивающій собою всю сѣверную

границу, представляешь самую высочайшія въ свѣтѣ горныя вершины. Между тѣмъ, какъ самая высокая гора Европейскаго материка едва составляетъ 2,460 футовъ отъ морской поверхности, Азія являетъ намъ въ Гиммалаяхъ пикъ Чамуларійскій въ 4,400 футовъ, Давальгирійскій и Джавагирскій, въ Непаулѣ, въ 4,390 и въ 4,026 футовъ.

Здѣсь протекають также прекрасныя и благотворныя рѣки: *Индъ*, или *Синдъ*, впадающій въ заливъ Оманскій; *Нербудда*, оканчивающаяся въ заливѣ Камбайскомъ; *Кавери*, *Кишна*, *Годавери*, наконецъ *Гангъ* (Гангесъ) и его сліянія, сходящія въ заливъ Бенгальскій. Последняя есть то-же для Индіи, что Ниль для Египта, священная рѣка, подобно ему, плодотворяющая почву своими періодическими разливіями.

Почти вся находясь въ жаркой зонѣ, но граница съ ледяными вершинами огромнѣйшихъ горъ, Индія наслаждается температурою умеренною, хотя и непостоянною. Ураганы свирѣпствуютъ здѣсь съ силою, неизвѣстною въ другихъ мѣстахъ; нигдѣ не бываетъ такихъ страшныхъ громовъ, нигдѣ и градъ не падаетъ такъ плотно и шяжко. Всѣ сіи явленія, впрочемъ ни всемѣстны, ни одинаковы повсюду въ Индіи; они измѣняются смотря по мѣстности. Такимъ образомъ, цѣпь *Гаттскихъ* горъ, пересекающая Декканъ отъ сѣвера къ югу, почти всегда опредѣляетъ атмосферическія противоположности между двумя наклонностями земли къ западу и къ востоку. Берегъ *Малабарскій* есть самое нездоровое и попопляемое дождями мѣсто;

за шѣмъ слѣдуетъ берегъ *Коромандельскій*; пошомъ *Бенгалъ*, гдѣ ниспадаетъ иногда воды на 22 дюйма въ мѣсяцъ. Самыя здоровыя мѣста *Индіи* сушь внутреннія плоскости между *Гашпскими* горами, обласи между *Джуммою*, *Гангомъ*, и *Супледжею*, *Пенджабъ*, *Лагоръ*, *Кашемиръ*, *Непауль*, приближающіеся климатомъ своимъ къ климату центральной *Европы*. Здѣсь старинные путешественники находили чудесныя примѣры долголѣтія; здѣсь, по ихъ разсказамъ, жили *Сирни*, изъ которыхъ, большая часть, достигали до 150-ти лѣтней старости; здѣсь обиталъ мнимый факиръ, котораго историкъ *Фаріа* заславляетъ жить при столѣтіи. Нынѣ, когда извѣстія составляются ближе и досповѣрнѣе, долголѣтіе обитателей сихъ странъ не превосходитъ средняго. *Индія* представляетъ даже болѣе примѣровъ преждевременной старости, нежели изумительнаго долголѣтія. Сильныя болѣзни, какова холера, часно губящъ множество жителей. Всѣ нажныя болѣзни, особливо проказа, здѣсь обыкновенны и жестоки; лихорадки, водяная болѣзнь, *элефантіазисъ*, поносы изстребляютъ ежегодно большое число обитателей. Самые *Европейцы* влачатъ жизнь, а не цвѣтутъ здоровьемъ въ здѣшнихъ жаркихъ и влажныхъ обласяхъ; ни одинъ изъ нихъ не сохраняетъ живаго и свѣжаго цвѣта *Европы*; кожа у всѣхъ скоро дѣлается блѣдною, глаза теряютъ свою живость. Средняя пропорція жизни здѣсь гораздо менѣе, нежели въ *Англіи* и *Франціи*.

Почва *Индіи*, съ ея многочисленными неровностями и поставленными одна надъ другою плоско-

спями , представляющъ почти всѣ различія земныхъ произведеній. Жашву производящъ здѣсь дважды въ годъ ; главный предметъ ея сарачинское пшено, хлѣбъ Индійцевъ, котораго считающъ здѣсь до 25-ти родовъ. Другія мучнистыя произведенія , свойственныя особенно Индіи , сушь : *мунгъ*, *мурргусъ* (зерна его походящъ на горчичныя), *танна* (дающій плодъ изобильно , и распущій почти безъ обработки), *толль* (производящій родъ гороху , любимое ѣство мореплавателей), *катгиль* (черный снаружи, бѣлый внутри, замѣняющій нашъ каршофель), *мугпулы* и *иньямъ* (который вѣсиль иногда по нѣскольку фунтовъ).

Флора Индійская одна изъ богатѣйшихъ въ мірѣ. Слава розъ Дели и Газипура, изъ кошорыхъ извлекающъ *аттаръ*, или розовую эссенцію, достигла даже до насъ въ Воспочныхъ стихошвореніяхъ. Рядомъ съ эшимъ надобно поспавишь *кадсумалига*, жасминъ съ огромными цвѣтами , *атимука*, *гамбага*, кошорымъ Индійцы убирающъ голову , *лотусъ*, препенущій на поверхности водъ своими красными листочками, *иксоръ* , съ его пурпуровыми букетами на 6-ти фушовыхъ стебляхъ, *синдрималь*, открывающій цвѣточную почку вечеромъ и закрывающій ее утромъ, *нагаталла*, листьевъ котораго бояшся змѣи. Все приведенное мною есть только бѣдный опрывокъ обширной флоры , поочередно изученной Бурманомъ, современникомъ Линнея, а потомъ Роксбургомъ, Гамильшономъ, Карреемъ и Валлихомъ.

Изъ числа прозябающихъ, важныхъ для торговли

и промышленности, надобно упомянуть объ индиго, табакѣ, коноплѣ, льнѣ, сассапарелѣ, дашурѣ, хлопчатой бумагѣ, бешелѣ, опиумѣ, сезамѣ, и множествѣ красильныхъ растений. Области Гашпская и Аудская въ изобиліи производятъ перецъ; сахарный тростникъ растетъ во всемъ Бенгалѣ, и особенно въ окрестностяхъ Бенареса.

Въ Индіи находящаяся лѣса бамбука и пальмъ всѣхъ родовъ. Въ числѣ плодовыхъ деревьевъ должно оплечить фиговое, или *баніанское дерево*, называемое иначе Буддѣйскимъ или пагодовымъ финикомъ (*figus religiosa*). Оно считается святымъ въ Индіи, и каждое заведеніе благочестивое, храмъ, шаульпри, обыкновенно осѣняется деревомъ баніанскимъ. Вѣтви его выходятъ изъ ствола оплечено, и протягиваются въ горизонтальномъ направленіи на столь великое разстояніе, что концами висятъ къ самой землѣ, касаясь ея, вращаясь въ нее концами вѣтвей, которыя дѣлаются такимъ образомъ корнями, расширяясь въ землѣ, и придають себѣ шѣмъ новую силу, такъ, что къ верху идутъ отъ нихъ новыя вѣтви и побѣги. Такое разраспаніе идетъ бесконечно, и иногда одного дня бываетъ доспаточно произрасти окрестъ его небольшой лѣсъ. Отъ вѣтвей оплеченныхъ не бываетъ побѣговъ къ верху; онѣ только толстѣютъ, а окружность ихъ, начинаясь нѣсколькими вершками, не рѣдко увеличивается пошомъ на 40-ть фузовъ. Славнѣйшее во всей Индіи дерево этого рода находится въ Гузурашѣ, и называется *кобирь-барь*. Нынѣ имѣетъ оно до 2000 фузовъ

окружности около главныхъ стволовъ, которые всѣ полще нашихъ Европейскихъ буковъ. По преданію туземцевъ, дереву этому около 3000 лѣтъ. Листья баніанскаго дерева попеременные, эллиптической фигуры, гладки, хрупки и блестящи. Плодъ его, дурнаго вкуса, величиною съ орѣхъ, замѣчашелень шѣмъ, что у него нѣтъ цвѣточныхъ ножекъ. Теофрастъ, Спрабонъ и Плиній упоминають объ этомъ чудесномъ деревѣ, извѣстномъ подъ различными именами. Другія плодовиыя Индійскія деревья, въ сѣверныхъ обласяхъ шѣ-же, что у насъ въ Европѣ, а въ Декканѣ и Бенгалѣ они сходны съ родами пропиковыхъ земель. Замѣчательно дерево *магва*. Плоды его дають родъ швердаго масла, а высушенные цвѣты служатъ къ пригошовленію кары.

Въ лѣсахъ, покрывающихъ горы Индійскія, находяся деревья, неизвѣстныя въ Европейскихъ климатахъ: *текъ*, или швердое дерево, недоспунное червямъ, шяжеле, но за то крѣпче дуба и превосходнѣе для спроенія кораблей; *понна*, родъ листвени, оплично пригодное для мачтъ; *нагасса*, или желѣзное дерево; разныя акаціи; *азедарахъ*, и другіе менѣе извѣстныя соршы деревъ. Въ прекрасныхъ лѣсахъ Индіи деревья нерѣдко доспигають такой вышины, что сильный спрѣлокъ не взброситъ изъ лука спрѣлы на вершины ихъ. Въ пополненіе моего крашкаго исчисленія Индійскихъ прозябеній, надобно упомянутьъ еще о множествѣ шроспниковъ и инбирниковъ, куркумѣ, черномъ перцѣ, замѣчательныхъ злакахъ и прелесныхъ одношмянодольныхъ, каковы: *crinum asiaticum*,

polyanthes tuberosa, methonica superba, множество *amaryllis, pancratiū, aloës*, и проч., также о лавровыхъ деревьяхъ, дающихъ корицу и камфару, шамариндѣ, шафранѣ, деревѣ, дающемъ беное масло; наконецъ, многочисленныхъ породахъ *casia* и *баугиніи*.

Хошя богатства ископаемаго царства Индіи были слишкомъ преувеличены, но спраны здѣшнія дѣйствительно обилуютъ рудниками всѣхъ родовъ, и если-бы высшіе горные хребты были разрабатываемы, то, безъ сомнѣнія, въ нихъ открылись-бы новыя, неоцѣненные сокровища. Золото, мѣдь, олово, желѣзо, соль попадающія въ Индію, не смотря на то, что какою надлежащею разработкою не думали еще извлечь изъ нихъ надлежащей пользы. Замѣчательно, что алмазныя копи въ Голкондѣ, по чудеснымъ рассказамъ сполькихъ искашелей приключеній, съ громкою славою перешедшія во всѣ возможныя географіи, что эти копи, кошорыми споль долго улещали легковѣрное воображеніе Европейцевъ, *не существуютъ*, и существовали только въ романическихъ сплешняхъ. Англійскіе минералоги осмошрѣли Голконду во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, перерыли въ ней всю землю, изучили ее геогноспически, перебрали всѣ шупземныя преданія, справлялись съ архивами Серингапашнама, и выводомъ всѣхъ возможныхъ изысканій было то, что въ Голкондѣ *никогда не бывало копей алмазныхъ*. Въ вознагражденіе за это, драгоцѣнныя алмазы находяшяся въ обласняхъ Нишамъ и Балагаръ. Тамъ добывающяся

также рубины, сафиры, аметисты, ониксы, и превосходный горный хрусталь.

Все это должно уступить богатству царства живошныхъ. Въ этомъ отношеніи, нигдѣ природа не показала себя ешоль роскошною и привѣпливою. Изъ числа млекопитающихъ, самыя многочисленныя живошныя, конечно, обезьяны. Тысячами прибѣгающъ онѣ въ города, цѣпляющя по крышамъ домовъ, живущъ въ пагодахъ, и могутъ почесаться почти домашнимъ живошнымъ между Индійцами. Въ числѣ родовъ ихъ находящяся: *гиппонъ*, *генонъ-каау*, съ огромнымъ носомъ, *генонъ-дукъ*, испещренная всякими цвѣтами, какъ швейцаръ каплической церкви, длиннохвостый *мауди*, бѣлая обезьяна, или *веллакурангасъ*, большая черная обезьяна, *коринкурангасъ*, и, наконецъ, какъ говорятъ, удивительные роды *орангутанговъ*. Многочисленность обезьянъ въ Индіи была замѣчена въ древнѣйшія времена. Переходя изъ Персіи въ Пенджабъ, войско Александра встрѣшило такое множество *зелооткообразныхъ существъ*, что сначала подумало, не Индійцы-ли выступаютъ ему на встрѣчу; уже все готовилось въ битву, когда съ удивленіемъ распознали, что это были легіоны обезьянъ.

Въ сѣверной Индіи обитающъ антилопы и олени всякихъ родовъ. Въ Бенгальскихъ лѣсахъ множество песнрыхъ оленей, съ бѣлыми пятнышками, какъ на нашихъ козахъ лѣтомъ; въ лѣсахъ Орисскихъ находишяся *джунгли-гау*, или *гяль*, дикая порода домашнихъ Индійскихъ быковъ. Я говорилъ уже о красивыхъ чернополосыхъ шиграхъ, живу-

щихъ по Гангесской дельшѣ. Въ другихъ мѣстахъ находящся черношерстный буйволъ, съ кривыми рогами, овцы съ шелковисною шерстью, длинноногая коза *майкай*, коза Непаульская, съ споль пушистымъ и красивымъ хвостомъ, что къ нему придѣлываютъ серебряную ручку, и употребляютъ его, подъ именемъ *зоури*, при Дворахъ всѣхъ Индійскихъ Набабовъ, вмѣсто опахала. Бѣлки, павлины, фазаны, дикіе пѣшухи и курицы, сдѣлавшіеся домашними во всѣхъ странахъ, подъ именемъ *Индійскихъ*; множество родовъ медвѣдей, и одинъ съ шерстью длиною въ фушъ, долгое время причислявшійся къ породѣ *брадиповъ* (лѣнивцевъ), слонъ, носорогъ, гепардъ, чакаль населяютъ лѣса, между шѣмъ, какъ рѣки Индійскія представляютъ болѣе 250-ти породъ шеземныхъ рыбъ, во главѣ копорыхъ надобно посавить гавіаловъ и двучешуиныхъ крокодиловъ — чудовищныхъ земноводныхъ, пожирающихъ другіе мѣлкіе роды. За ними слѣдуютъ громадныя пресмыкающіяся: ящерицы, ядовитыя змѣи, *боа*, досигающая до 80-ти фушовъ въ длину; *найа* фокусниковъ, *урарлимпе*, *амфисвена*, называемая Португальцами *cobra de duas cabeças*.

Между птицами такое-же многообразіе.— Красныя *лори*, бѣлыя *какато*, эмалевыя *пситтаки*; далѣе *куруку*, съ золошыми и алыми перьями, *малкога* длинноносая, *кукалы* съ цвѣтными перьями, *бубы*, *такконды*, *едоліи*, *эдинамы*, *сурнику*, *бородатки*, *дятлы* и другія прыгающія птицы; наконецъ великолѣпныя породы *дронговъ*, съ ярко-лазуревымъ цвѣтомъ перьевъ, *калптомены*, съ изумрудными

перьями, эрилены и мюфоны цвѣта мешаллическаго. Присоедините ко всему этому самыхъ блестящихъ насѣкомыхъ, пчелъ, почти все дикихъ, и дающихъ душистый медъ, бабочекъ всякихъ цвѣтовъ, шелковыхъ червей, черныхъ и бѣлыхъ муравьевъ, огромную саранчу, летающую стадами.

Мнѣ должно остановиться въ очеркѣ естественныхъ богатствъ Индіи, ибо невозможно было-бы высказать ихъ всѣ. Природа сдѣлала для здѣшней стороны много — люди прибавили весьма немного. То, что можно назвать землею промышленностью, ограничивается заведеніями хлопчатобумажныхъ тканей, съ незапамятныхъ временъ образовывавшихъ собою одинъ изъ главныхъ предметовъ вывоза. Искусство ткать и красить хлопчатую бумагу, обрабатывать ее во всякія издѣлія, отъ грубой канвы до перкала и сквозной кисеи—шайна, преданіемъ передаваемая въ нѣкоторыхъ Индійскихъ кастахъ изъ рода въ родъ. Считаютъ не менѣе 424-хъ родовъ бумажныхъ тканей, выделяемыхъ въ Индіи, имѣющихъ каждая свое качество и опредѣленное назначеніе. Альде, гдѣ наиболѣе производятъ ихъ, находящаяся болѣею частью въ окрестностяхъ Мадраса, Пондишери, Палиакаша, Мазулипатнама, Визигапатнама и нѣкоторыхъ городовъ Орисса и Бенгала. Кромѣ бумажныхъ тканей, уважаются еще Сурашскія вышитыя ткани, Муршидабабскія шелковыя ткани, Кашемирскія сукна и шали, Патнаскіе ковры, Бенаресскія рогожки, Делійское бѣлое оружіе, флорганная издѣлія Бенгала. Рядомъ съ фабричными

и заводскими издѣліями должно пославить произведенія земли, дополняющія ипогъ вывоза: хлопчатую бумагу, сарачинское пшено, опіумъ, сахаръ, соль, перецъ, сапановое, шековое, сандальное дерева, гуммилакъ, индиго, корицу, шелкъ, кошениль, алмазы и другіе драгоцѣнные каменья, жемчугъ, рыбу, шигровыя кожи. Что касается до привоза, то реэспръ предметовъ его гораздо обширнѣе, ибо его составляютъ всѣ обработанныя Европейскія издѣлія—сукна, бархаты, огнеспрѣльное оружіе, водка, пряденое золотио, спальные издѣлія, и проч. и проч.—Аравія отправляетъ въ Бенгалъ свой кофе, Бирманія свое шековое дерево, Молукскіе острова свою корицу и свой мушкатъ.

Изрытая, такъ сказать, слѣдовавшими одно за другимъ завоеваніями, населенная воинскими племенами, копорья болѣе стоятъ въ ней лагеремъ, нежели постоянно обитающъ, Индія не можетъ представить почнаго и опредѣленнаго раздѣленія земель. Нынѣшнее дѣленіе совсѣмъ не относится къ первобытному, но зависитъ отъ устройства, какое придали Индіи Англичане. Можно принять здѣсь два рода топографіи: одинъ чисто-географическій, разрѣзывающій Индію на *Индостанъ* и *Декканъ*, сѣверную и южную сторону; другой политическій, раздѣляющій Индійскія земли на государствство *Англо-Индійское*, союзъ *Сейковъ*, владѣнія *Синди*, царства *Синдіа* и *Непауль*, и наконецъ, частныя Европейскіе участки.

Англо-Индійское государствство-собственно дѣлился на три президентства: *Калькутту*, *Мад-*

расъ, Бомбай. Оно управляется Директорами Остъ-Индской Компаніи, и подраздѣляется на области, изъ коихъ въ каждой находясь судья, казначей и еще по нѣскольку чиновниковъ. — Я говорилъ уже о Мадрасѣ и Калькутты. Главное мѣсто прешьяго президентства, *Бомбай*, обширный и прекрасный городъ, почти съ 200,000 жителей, находясь на островѣ Бомбай, на Малабарскомъ берегу. Замѣчательныя зданія въ немъ: Англиканская церковь, дворецъ губернатора, базаръ, казармы, портъ, арсеналъ и великолѣпный храмъ Гебровъ, на освященіе котораго сходилась ликующая толпа поклонниковъ огня, со всѣхъ краевъ Азіи. Послѣ Калькутты, Бомбай самый торговый городъ Индіи и лучшій военный портъ Англійскій въ Индійскихъ моряхъ. На его верфяхъ выстроены прекрасныя фрегаты и множество превосходныхъ купеческихъ кораблей. Кромѣ Европейскихъ домовъ, дѣйствующихъ на тамошнемъ торжищѣ, находясь въ Бомбаѣ множество Гебровъ и Армянъ, занятыхъ торговлею и обладающихъ большими капиталами. Прибрежное плаваніе, въ слѣдствіе сего, дѣлается, нежели во всѣхъ другихъ Индійскихъ портахъ. Бомбай складочное мѣсто для товаровъ Малезіи, Персіи, Аравіи и Абиссиніи. Въ немъ издаются журналъ на туземномъ языкѣ и нѣсколько газетъ на Англійскомъ.

Въ президентствѣ Бомбайскомъ замѣчательны: *Магиль*, городъ съ 45-ю тысячами жителей; *Элефанта*, островъ, принадлежащій къ купѣ Бомбайскихъ; *Танна*, на островѣ *Сальсеттъ*, самомъ боль-

шомъ изъ эшой купы, съ подземельями, изсѣченными въ утесахъ; *Пуна*, городъ съ 400,000 жителей, прежнее мѣсто обиталища Пейшва, или начальника Мараѣтскихъ племенъ, изгнаннаго войскомъ Англійскимъ въ правленіе маркиза Гашингса въ 1818 году; *Сураѣ*, знаменитый рынокъ Воспока, и при упадкѣ своемъ все еще заключающій въ себѣ до 170,000 жителей; *Амедабадъ*, древняя столица Гузурана, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Азіи во времена путешественника Тевено, болѣе Монгольскій, нежели Индійскій, сохранившій донынѣ свои великолѣпныя мечети и до 400,000 жителей; *Камбай*, дающій названіе обширному заливу; *Биджапуръ*, или *Визапуръ*, нѣкогда столица знаменитаго царства, нынѣ до того упавшій, что Макинпашъ называетъ его Декканскою Пальмирою; *Биснагаръ*, городъ чудесныхъ развалинъ, царь Индіи по своимъ памятникамъ, восходящимъ ко времени самаго цвѣтущаго состоянія Браминизма и Индійскаго зодчества.

Въ Калькутскомъ президентствѣ, кромѣ городовъ, уже упомянутыхъ мною, представляются еще: *Дакка*, на старомъ Гангѣ, мануфактурный городъ, съ 200-ми тысячь жителей, древняя столица Индіи; *Муршидабадъ*, бывшій столицею Великихъ Моголовъ съ 1704 по 1771 годы, нынѣ обитаемый 160,000 жителей, мѣсто апелляціоннаго суда и пребываніе Набаба, получающаго пенсію отъ Компаніи; *Гуръ* и *Раджемаль*, бывшіе поочередно столичными городами, первый съ баснословнымъ народонаселеніемъ, просширавшимся, по сви-

дѣшельству Монгольской книги *Ayem-Akbaru* (Зерцало Акбара), писанной въ 1598 году, до двухъ милльоновъ человекъ; другой, гораздо менѣ славный и менѣ населенный; *Бергампуръ*, одинъ изъ шести главныхъ воинскихъ шабаровъ Англійскихъ въ Индіи, успроенный въ новѣйшія времена; казармы и дома въ немъ вышянушы въ щегольскомъ порядкѣ вдоль береговъ Ганга; *Патна*, столица Багара, съ 300,000 жителей; *Манджи*, знаменимый своимъ Баніанскимъ деревомъ, шѣнь кошораго въ полдень имѣеть до 1,116 фуп. Англ. въ окружности; *Монгиръ*, Бирмингамъ Индійскій по своимъ спальнымъ и оружейнымъ заведеніямъ; *Боглипуръ*, славный ткачесшвомъ бумажныхъ и шелковыхъ машерій; наконецъ — *Бенаресъ*, столица Браминизма, священный для Индійцевъ городъ, гдѣ опъ cadaго Индійскаго Раджи живеть *вакиль*, или предспавишель его при духовныхъ обрядахъ. Бенаресъ счишаетъ нынѣ до 600,000 жителей, но поспроенъ довольно плохо; украшенные веранда-сами и высокіе въ нѣсколько этажей дома проспирающя въ немъ вдоль береговъ Ганга; въ нихъ обипають народонаселеніе, временное и посшоянное, изъ ремесленниковъ, пилигримовъ, факировъ, но всего болѣе изъ шолны Браминовъ, главныхъ обипашелей въ эшомъ центрѣ религіознаго владычесшва Индіи. По улицамъ свободно бродяшъ волю, посвященные Шива, обезьяны, покровишельствуемая богомъ ихъ Гануманомъ, и нищіе, надоѣдающіе всѣмъ благочесшивымъ своимъ воплемъ и просьбами. Замѣчательнѣйшіе памяшники Бенареса суть —

мечеть Ауренгзеба, храмъ Висвиша и обсерваторія раджи Джейзинга. Кромѣ того, въ Бенаресѣ есть множество училищъ Индійскихъ и Мугаммеданскихъ, и въ числѣ ихъ Браминскій университетъ, основанный Англійскимъ правительствомъ, подъ названіемъ *Видалая*. Торговлю Бенареса составляютъ шали сѣверныхъ обласей, шелковыя, бумажныя и шерстяныя ткани, Англійскіе товары, получаемые изъ Калькутты, алмазы и драгоценныя каменья. — Въ окрестностяхъ Бенареса находится *Газипуръ*, гдѣ помѣщенъ Англійскій шаборъ, со времени Бенаресскаго возмущенія въ 1784 году. Это прекрасный и цвѣтущій городъ, славный своимъ благораспоряденнымъ климатомъ и полями розъ. Въ Газипурѣ умеръ Лордъ Корнваллисъ, и тамъ воздвигнуто ему надгробный памятникъ, въ видѣ башни, снѣгаго и безпорядочнаго зодчества. — Розовыя Газипурскія поля, на простираниіи нѣсколькихъ сотъ акровъ, представляютъ зрѣлище очаровательное. *Аттаръ*, или розовая эссенція, извлекается изъ розовой воды, или настойки розъ, копоры складываютъ, въ вольномъ воздухѣ, на ночь, въ открытые сосуды. При восхожденіи солнца бережно снимаютъ розовую эссенцію, плавающую на поверхности — это маслянистое вещество есть *аттаръ*. Чтобы достать ашара на вѣсъ одной рупіи (около $2\frac{1}{2}$ франковъ), надобно 200,000 развернувшихся розъ. Въ слѣдствіе такой дороговизны матеріала, ашаръ доходитъ до безумной цѣны. — Газипурскій шаборъ самый здоровый по своему положенію, изъ числа

всѣхъ Англійскихъ таборовъ, и пошому посылають сюда на опдыхъ полки, болѣе другихъ поспрадавшіе въ мѣсахъ нездоровыхъ. Оспавляемые въ Газипурѣ, нерѣдко съ женами и дѣшми, на 10, 15 и 20-ть лѣтъ, Англійскіе солдашы и унперъ-офицеры спараюшя устройшь для себя удобства и удовольствія, напоминающія опчизну. Они снаряжаютъ театры, играютъ какъ умѣютъ, попроспонародные фарсы, по Шекспировы прагедіи на солдашскій ладъ. По обычаю, введенному въ Индіи, каждый солдашъ можешъ имѣть Индійца въ услугѣ, и пошому нерѣдко можно видѣть, что въ палашкѣ какого нибудь сержанша, его шолшая, прелесшная супруга предаешя сладосшному бездѣйствію *сіесты*, а между шѣмъ невольники навѣваюшъ на нее прохладу широкими опахалами.

Внѣ округа Бенаресскаго, 34 мили далѣе на западъ, при сліяніи Джумма и Ганга, лежишъ *Аллагабадъ*, почишаемый святымъ между Индійцами, цѣль ихъ благочеспивыхъ спранспвованій. — За шѣмъ слѣдуешъ *Агра*, на Джумма, нѣкогда пребываніе Великаго Могола Акбара, нынѣ груда развалинъ. Географы еще недавно полагали здѣсь 800,000 жителей, вѣря рассказамъ Легу де-Фле; эшотъ нелѣпый счешъ сведенъ на 60,000 Гамильшономъ, Англійскимъ путешеспвенникомъ, сдѣлавшимъ много подобныхъ поправокъ въ своемъ любопышномъ путешеспвіи. Дворецъ Акбара; *Моти-Месжидъ*, мечешъ, выпроенная изъ мрамора; *Таджи-Магалъ*, надгробный памяшникъ, воздвигнушый Ша-Джиннамомъ его любимой женѣ — свидѣтельспвуюшъ сво-

ими великолѣпными обломками прешедшее величіе мѣстопробыванія Индійскихъ власпишелей. Подлѣ Агры находятся: *Секандра*, знаменишая надгробными памяшниками Акбара и министра его Абуль-Фазеля (сочинишеля *Айенъ-Акбари*); *Фаттипуръ*, крѣпость *Бгартпуръ*, *Биндрабандъ*, гдѣ замѣчашеленъ огромный, крестообразный пагодъ. Гамильтонъ считаешъ его однимъ изъ прекраснѣйшихъ памяшниковъ Браминизма.

Послѣдній, но важнѣйшій городъ здѣшней стороны—*Дели*, мѣстопробываніе шѣни прежнихъ Монгольскихъ власпишелей Индіи, *Великаго Могола*, кошорый шеперь ничшо иное, какъ плѣнникъ, получающій пенсію опъ Остъ-Индской Компаніи. Онъ живешъ во дворцѣ, великолѣпномъ зданіи, кошорое епископъ Габеръ считаешъ превосходящимъ знаменишый Кремль Московскій; эшо обширное собраніе разнородныхъ спроеній изъ краснаго гранита, окруженное высокими стѣнами и глубокимъ рвомъ, объемлющее почти милю въ окружности. Здѣсь влачишъ бышіе, сохранившій гордое названіе Могола, *Мугаммедъ—Акбаръ*. Его имперашорскіе *дурбары*, или пріемы, производяшся въ шакоемъ порядкѣ, какъ будшо-бы онъ не по имени шолько былъ владыка Индіи. Когда Жакемонъ проѣзжалъ черезъ Дели, Его Могольское Величешво непременно захошѣлъ надѣшъ на пушешешвенника почешный халашъ. Пошомъ—невзначай, но кшашаши—спрашивалъ, ешъ-ли шеперь *Король* во Франціи, и не по-Англійски-ли говоряшъ Французы? Послѣ шого пушешешвенникъ былъ опущенъ съ шипуломъ *Са-*

зебъ-Багадура (знаменишаго побѣдителя), очень приличнымъ къ подвигамъ и занятію мирнаго ученаго спранника. Впрочемъ , нынѣшній Моголь красивый спарикъ, почтеннаго вида, съ сѣдою бородою, кошорая льется бѣлыми волнами по его груди.

Съ давнихъ временъ мѣстопробываніе Индійскихъ монарховъ, Дели показывается эшо важное преимущество величіемъ и великолѣпіемъ памяшниковъ , знаменующихъ собою исторію Монгольскихъ императоровъ. Дворцы и мечети видны въ немъ во всѣхъ споронахъ. Изъ числа послѣднихъ, лучшая есть *Дженя-Месжидъ*, опоясанная колоннадою изъ краснаго граниша и мрамора. Длина здаіія 240 фушовъ ; два минареша его по 120 фушовъ въ вышину. Куполы , внутреннія украшенія , *кибла* (мѣсто Мекки) превосходятъ богатствомъ всякое ожиданіе. До нашесшвіа Тахмасъ-Кули-Хана Дели былъ знаменишымъ мѣстомъ храненія сокровищъ , собранныхъ Монгольскими государями. Бѣдсшвіе , тогда постигшее Дели, уничтожило его навсегда. Изъ 2,000,000 жителей, какъ полагали во времена Ауренгзеба, число ихъ нынѣ убавилось до 200,000.— Англійскій чиновникъ посшоянно живетъ въ Дели, для надзора надъ шишулярнымъ власшшелемъ Индіи.

Кромѣ исчисленныхъ мною городовъ первой степени , Президентство Калькушское считаетъ еще значительными : *Чильмари* , славный пилигримствомъ браминовъ ; *Динадпуръ* и *Парніа* , мануфактурные города ; *Фарракабадъ*, съ 70,000 жителей ; *Барелли* , *Шаджанпуръ*, *Рампуръ* (столица одного

изъ князей Индійскихъ), *Рогилла*, съ 50,000 жителей, *Гардваръ*, маленькій городокъ на берегахъ Ганга, куда болѣе милльона Индійцевъ приходятъ ежегодно совершать благочестивыя омовенія; *Каттакъ*, столица Орисской обласпи; *Яггернаутъ*, уже описанный мною; наконецъ *Балассоръ*, городъ упавшій, но все еще важный своими верфями и добываніемъ соли.

Въ Президентствѣ Мадрасскомъ находящіяся: *Конджеверанъ*, замѣчательный своими пагодами; *Аркотъ*, прежняя столица южнаго Карнатика; *Веллоръ*, военный Англійскій лагерь; *Трипетти*, славный своимъ храмомъ. Пошомъ, далѣе въ Карнатикѣ: *Триномали*, гдѣ пагодъ съ чешырьмя башнями, и одна изъ нихъ въ 200 фушовъ вышиною, 42-ши эшажей; *Чилламбарамъ*, заключающій въ себѣ много пагодъ пирамидальной формы; въ одномъ изъ нихъ усроенъ *Нерта-Шабей*, или *святилище вѣчности*, сосавленный изъ тысячи столповъ, безпорядочнымъ усройствомъ образующихъ параллелограмъ, среди котораго помѣщено святое мѣсто, или *наосъ*. Столпы, въ 30-шь фушовъ вышиною, сдѣланы изъ гранита и покрыты религіозными изваяніями. Эшомъ пагодъ, кажется, есть одинъ изъ древнѣйшихъ въ Индіи. Далѣе находится *Танджаоръ*, близъ Кавери, съ 30-ю тысячами жителей; здѣсь также есть храмъ, по словамъ Лорда Валентіа принадлежащій къ превосходнѣйшимъ пирамидальнымъ храмамъ Индійскимъ. За тѣмъ слѣдуютъ города: *Тригинополи*, съ 80,000 жителей, и *Серингамъ*, оба замѣчательные по своимъ храмамъ; *Рамиссе-*

рамъ, остающійся постоянно во владѣніи Пандарамовъ; *Мадура*, нѣкогда столь важный и крѣпкій; *Когинъ* и *Каликутъ*, города приморскіе и торговые; наконецъ, *Мангалоръ*, съ 30,000 жителей, заняшихъ прибрежнымъ торгомъ и плаваніемъ.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ здѣсь городовъ, составляющихъ непосредственное владѣніе Компаніи, находится еще много зависящихъ отъ нея условно. Таковы сущь, въ царствѣ Аудскомъ, *Лукновъ*, съ народонаселеніемъ 300,000, гдѣ живетъ Набабъ съ своимъ великолѣпнымъ Дворомъ; въ Декканѣ, *Гайдеръ-Абабъ*, мѣстопребываніе Низама, населенное 200,000 Индійцевъ; *Эллора*, замѣчательный своими храмами, изсѣченными въ утесахъ горы, и украшенными ваяніемъ, подобно Египетскимъ гипогейамъ; *Нагпуръ*, столица царства сего имени; *Барода* въ Гузурашѣ; *Джейпуръ* и *Джупуръ*, въ обласпи Аджмарской, оба зависящіе отъ Раджапушовъ; *Индуръ* въ Малва, прежняя столица Марашшовъ; *Мизоръ*, въ царствѣ сего имени, гдѣ Гайдеръ-Али и сынъ его Типпо-Саибъ столь долго прошивились Англичанамъ.

Владѣнія Индійскія, независяція отъ Компаніи, сущь царства *Синдіа* и *Непауль*, союзныя обласпи *Сеиковъ*, и княжество *Синди*. Могучее лѣтъ за тридцать прежде, при власишелѣ своемъ Даулешъ-Рау, царство Синдіа нынѣ повсюду спѣснено владѣніями Англо-Индійскими. Оно состоишь изъ раздѣльныхъ обласпей *Агра*, *Мальва* и *Кандеишъ*. Главные города здѣсь: *Гуаліоръ*, съ 80,000 жителей, славный своею крѣпостью, вырубленною въ утесахъ;

Уджсйнъ, бывшій столицею Синдіа до 1810 года; *Бургампуръ* на Тапши, одинъ изъ самыхъ привольныхъ и хорошо выспроенныхъ городовъ Индійскихъ.

Союзъ Сеиковъ можно уже называть *царствомъ Лагорскимъ*, съ тѣхъ поръ, какъ Рунжешъ-Сингъ взялъ первенство надъ всѣми Сеикскими власпишелями. Это царство занимаетъ всѣ земли на сѣверъ отъ Англійскихъ владѣній до верхняго Тибета и области Кабульской. Оно дѣлится на верхній и нижній Лагоръ, или *Пенджабъ*, *Кашемиръ*, *Авганистанъ* и *Мултанъ*. Замѣчательны: *Лагоръ*, красивый городъ, на берегу Рави, среди цвѣтущихъ полей; *Амретсиръ*, главное мѣсто богослуженія Нанекскаго, торговый и мануфактурный городъ; *Кашемиръ*, или по-Индійски *Серинганаръ*, (обитель благополучія), важный городъ, имя кошораго споль извѣстно по шалямъ, въ немъ вырабатываемымъ и споль прославленнымъ повсюду; *Мултанъ*, копорый высокія стѣны и крѣпость едва защищаютъ отъ нападеній Авганцевъ.

Царство *Непаульское* ограничено на западъ Кали, на воспокъ Кули, на югъ Англійскими владѣніями, на сѣверъ Кишайскимъ Тибетомъ. Единственные города его, о копорыхъ споишь упомянуть: *Катманду*, столица царства, мѣстопребываніе Раджи, и *Лалита-Патанъ*, болѣе правильный и лучше столицы населенный.

Княжество *Синди* отрывокъ отъ царства Кабульскаго, копорому прежде было оно подвластно. *Гайдерь-Абабъ*, столица его, находится на остро-

въ, образуемомъ рѣками Индомъ и Фулайли. Городъ эшопъ замѣчашеленъ своими оружейными фабриками. Хорошо защищенная крѣпость служишь обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія власшишелей сей земли, принимающихъ наименованіе *Умировъ*—очевидное искаженіе Монгольскаго слова: *Эмиръ*. «Здѣсь (говоришь Бурнесъ) собраны великія сокровища, состоящія въ рубинахъ, алмазахъ, жемчугѣ, изумрудахъ, слишкахъ золоша, монешѣ, и проч. Синдійскій Умиръ обладаетъ кромѣ того богатѣйшимъ собраніемъ оружія.»

Изъ числа немногихъ Европейскихъ факторій, шерпимыхъ донынѣ Великобританією въ Индіи, я говорилъ о *пяши* небольшихъ Французскихъ колоніяхъ, и о *Серампурѣ*, принадлежащемъ Дашчанамъ. Они обладаютъ еще *Транквебаромъ*, на Коромандельскомъ берегу, гдѣ ушвердились съ 1616 года. Это красивый городокъ, успроенный по-Европейски, съ опряшными улицами и домами, которые украшены поршиками. —Поршугальскія владѣнія въ Индіи все еще носятъ громкое названіе *Вице-Королевства Индійскаго*, хошя всѣ они заключаюшся въ нѣсколькихъ упалыхъ городахъ. Знаменишѣйшій изъ нихъ—*Гоа*, ничшо иное, какъ пусшыня, заспроенная церквами и жилищами духовныхъ особъ. Нѣсколько монаховъ, дѣсяшка шри монахинь, и сопня Индійцевъ, обращенныхъ въ Хриспіанскую вѣру — вошъ все народонаселеніе города, кошорому, по старой славѣ, придаюшся донынѣ во многихъ географіяхъ прилагашельныя имена *цвѣтущаго* и *многолюднаго*. — Въ *пяши* миляхъ ниже Гоа находишся

Панджимъ, или Новая Гоа (Villa-Nova), посстроенная на маленькомъ оспровѣ сего имени, морской при-
шинъ, гдѣ сохраняются послѣднія преданія о благо-
денствіи и славѣ древняго Гоа. Тутъ живутъ
Архіепископъ и Вицерой, съ немалыми расходами
содержимые Лиссабонскимъ Дворомъ въ его Индій-
скихъ владѣніяхъ.

ГЛАВА XXI.

КАЛЬКУТТА.—ВОЙНА АНГЛИЧАНЪ ПРОТИВЪ БИРМАНОВЪ.—ЦАРСТВО БИРМАНСКОЕ.

Въ числѣ колець, недавно прицѣпленныхъ къ цѣпи Англо-Индійскихъ владѣній, и обозначаемыхъ обыкновенно подъ названіемъ *Индіи Загангесской* (Trans-gangétique), находящаяся одно, за которое Компанія заплашила дороже, нежели чего оно стоило въ самомъ дѣлѣ. Я разумѣю здѣсь недавнія завоеванія, учиненныя Англичанами въ Бирманіи. Ихъ выгоды оказались далеко несоразмѣрны средствамъ, какія для пріобрѣтенія ихъ были употреблены.

Царство *Бирманское*, увлекшее вниманіе Европы и возбудившее опасенія Англичанъ своею борьбою противъ Компаніи, до сихъ поръ все еще остается несовершенно извѣстнымъ. Его первобытныя племена, *Бирманы*, или *Браманы*, царствовали некогда, какъ говорятъ, надъ всѣми странами за Гангомъ. Въ разныя времена, слѣдуя успѣхамъ и неудачамъ побѣды, предѣлы Бирманіи распростра-

нялись и уменьшались. По даннымъ , сколько возможно вѣрнымъ, царство Бирмановъ въ настоящее время можно помѣстить между 6° и 27° сѣв. широты, и 90° и 99° долготы вост. — Такимъ образомъ, величайшая длина его составитъ около 525 лѣ, ширина до 180-ми, а вся поверхность около 40,000 квадр. лѣ.—Что касается до народонаселенія, извѣстія въ этомъ отношеніи чрезвычайно неопредѣленны и гадательны. Полковникъ Сеймезъ, въ 1795 году, полагалъ населеніе Бирманіи въ 5-ть милліоновъ, но Г-нъ Крауфордъ, въ 1826 году, считалъ его не болѣе, какъ въ *четыре милліона*.

Въ XVI-мъ столѣтіи, когда Португальцы явились въ Индіи, Бирманія составляла отдѣльное могущественное государство, завоеванное Монголами, подъ именемъ *Міенъ*. Такъ называлось оно издревлѣ. Арраканъ и Бенгалъ тогда принадлежали къ нему. Черезъ нѣсколько времени потомъ, Бирманы завоевали *Пегу*, при чемъ находился Португальскій искашель приключеній, нѣкто Мендешъ-Пиншо. Черезъ сто лѣтъ послѣ сего, дѣла обратились въ пользу Пегуанцевъ; съ оружіемъ въ рукахъ выступили они изъ областей Далла, Маршанъ, Тонго и Проно; при помощи Европейцевъ, разбили Бирмановъ во многихъ сраженіяхъ, и кончили завоеваніемъ столицы ихъ *Ава*, въ 1752 году. Но въ слѣдующемъ году возсталъ мститель Бирмановъ. Это былъ, звѣроловъ по своему занятію, *Аломпра*. Съ собою человекъ, начальствуя небольшимъ мѣстечкомъ, онъ воспротавилъ войску по-

бѣдителей, подкрѣпилъ себя нѣсколькими сообщниками, удачно нападалъ на опряды прошивъ него посланные, и кончилъ шѣмъ, что возвелъ родъ свой на тронъ Авскій. Онъ хорошо держался на немъ, не смотря на всѣ усилія Пегуанцевъ и внутреннія смяшенія. Могущество его было такъ хорошо укрѣплено черезъ нѣсколько лѣтъ, что онъ двинулся на завоеваніе Сіама, и только смерть могла остановить его обширные замыслы. Въ краткое, но славное правленіе свое, онъ далъ землѣ своей направленіе къ благоденствію и образованію, исправилъ судебную часть, установилъ правильный сборъ податей. Около этого времени двѣ факторіи, Англійская и Французская, существовали въ одномъ изъ Пегуанскихъ портовъ. вмѣсто поддержанія благоразумнаго неупралишеша, начальники той и другой вмѣшались въ дѣла, одинъ за Пегуанцевъ, другой за Бирмановъ. Слѣдствіемъ было, что корабли, посланные Дюплексомъ съ опрядомъ войскъ, были захвачены Аломпромъ, и по его повелѣнію перерѣзаны были солдаты и экипажъ кораблей.

Послѣ основателя новой династіи Бирманскихъ царей царствовалъ старшій сынъ его, *Мендераги-Прау*, съ 1764 года. Онъ защищалъ права свои отъ бунтовъ и заговоровъ. Послѣ него объявили царемъ малолѣтнаго сына его; но юный власпитель скоро былъ низверженъ опекуномъ и дядею, *Шембуаномъ*. Этотъ сынъ Аломпра завоевалъ царство Сіамское, впрочемъ недолго удержалъ свое завоеваніе, и опразилъ 50-ти тысячное войско

Кишайцевъ , пришедшее въ области , орошаемыя Ирравадди. Никакое важное политическое событіе не ознаменовало царствованій его наслѣдниковъ. *Шенгуза* , власпишель ничтожный , но жестокій , былъ низвергнутъ заговоромъ своихъ вельможъ ; *Моміенъ* , наслѣдникъ его , погибъ насильственной смерщю , и очистишь мѣсто *Мендераги-Прау* , основашелю города Амарапура , объявленнаго тогда столицей Бирманіи. Эпошь власпишель завоевалъ Арраканъ , и заставиль Сіамскаго владѣльца уступиль себѣ часть областей , такъ , что всѣ приморскія мѣста Индо-Кишайскаго полуострова до пристани Мергуи были подчинены власти его.

За временемъ военныхъ смяшеній слѣдовало для Бирманіи время спокойствія. Едва не началась уже и въ то время война между Бирманами и новымъ непріятелемъ , страшнымъ болѣе всѣхъ другихъ. Нѣсколько Малайскихъ форбановъ учинили дерзкія своевольства , покровительствуемыя Англійскою конпорою , находившеюся въ Шипшагонгѣ. Царь Бирманскій узналъ это обстоятельство , оскорбился нарушеніемъ дружбы , и отправиль войско , пребуя наказанія виновныхъ. Къ счастью , Англійское заведеніе было тогда начальствуемо храбрымъ и благоразумнымъ офицеромъ , маіоромъ Эрскиномъ. Онъ условился съ Бирманскимъ начальникомъ не начинать непріятельскихъ дѣйствій до полученія отвѣта изъ Калькутты. Дѣло кончено было миролюбиво. Въ слѣдствіе Шипшагонскаго переговора , сирѣ Джонъ Соръ , бывшій попомъ лордъ Тенмоушъ , почелъ за полезное отправить офиціаль-

ное посольство ко Двору Бирманскаго царя. Оно препоручено было капишану Сеймесу, издавшему потомъ описаніе своего путешествія, гдѣ въ первый разъ увидѣли надлежащее изображеніе Бирманской земли, до того времени описанной весьма неспочно.

Доброе согласіе между Мендераги-Прау и Англичанами продолжалось послѣ посольства 1795 года лѣтъ семнадцать. Около 1811 года, Бирманъ Кинберринъ, важная особа въ царствѣ Арраканскомъ, нашелъ себѣ убѣжище въ Англійскомъ заведеніи, и укрылся въ Шипшагонгѣ, въ слѣдствіе какихъ-то неудовольствій съ Амарапурскимъ правительствомъ. Если-бы дѣло шѣмъ кончилось, можеть быть, это событіе не имѣло-бы никакихъ дальнѣйшихъ слѣдствій, но изгнанникъ собралъ на предѣлахъ Бирманіи недовольныхъ, присовокупилъ къ тому воинскія племена Муговъ, пошелъ на Арраканъ, и успѣлъ покорить его совершенно, кромѣ столицы. Можно подозрѣвать, что Англичане не оставались шумъ безъ участія. Но они торжественно опрелись отъ Кинберрина, и майоръ Каннингъ былъ отправленъ къ Авскому Двору, для оправданія Компаніи въ сильныхъ подозрѣніяхъ. Въ теченіе почти чепырехъ лѣтъ, до самой смерти Кинберрина, послѣдовавшей въ 1815 году, отношенія Бирмановъ къ Англичанамъ заключались во взаимномъ надзорѣ и недовѣрчивости. И самою смершью возмушителя не прекратилась неприязнь, ибо Муги продолжали сражашься, и разбишые бѣжали на неупральную землю Англичанъ, избѣгнувъ

шѣмъ должнаго наказанія. Бирманы хопѣли даже союзиться съ Марапшами, бывшими тогда въ опкрышомъ возмущеніи, и дѣло усунранено было только покореніемъ Марапшскихъ народовъ Англіею въ 1818 году. Кончина Мендераги-Прау, въ 1819 году, только что болѣе усилила непрерывно возраспавшія несогласія.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его преемника была перемѣна мѣстопребыванія. Оспавивъ Амарапура, онъ основалъ столицу въ *Ава*. Съ 1819-го по 1824 годъ слѣдовали событія довольно важныя, шакъ, что могли произвестъ разрывъ явный. Онъ вспыхнулъ наконецъ по поводу завоеванія *Ассамскаго* царства, равно пограничнаго съ сѣверною Бирманіею и воспочными Англійскими владѣніями. Возбудивъ своими происками внутренніе раздоры въ Ассамѣ, Царь Бирманскій присоединилъ Ассамъ къ своимъ владѣніямъ, и такимъ образомъ сдѣлался прямымъ сосѣдомъ Англичанъ, и сосѣдомъ безпокойнымъ. Теченіе рѣки Брамапутры образовало границу двухъ соперниковъ. Оспровъ *Шалури*, на эшой рѣкѣ, былъ занятъ Англійскимъ укрѣпленіемъ. Бирманы ушверждали, что эшой оспровъ принадлежишъ къ Ассаму, и безъ предварительнаго объявленія войны, въ Январѣ 1824 года, захвапили его, овладѣвши пришомъ Англійскимъ кораблемъ. На предспавленія Компаніи были опвѣшомъ взаимныя жалобы. Бирманы говорили, что Англійскіе агеншы покровишельспвуютъ подъ рукою буншовщикамъ въ Ассамѣ и Качарѣ. Захваченный корабль

былъ возвращенъ , но островъ , предметъ спора , Бирманы не отдавали.

Лордъ Амгерстъ , бывшій тогда Генераль-Губернаторомъ Индіи , увидѣлъ , что кромѣ доказательствъ силою , ничѣмъ не лзя было убѣдить горделиваго Царя Бирманскаго. Дѣло началось въ области Качарской , гдѣ Англійскіе опряды встрѣпили Бирманскія войска , пригошовленные къ вшоричному вшорженію въ земли Англичанъ. Значительныя битвы даны были при Будпашши и Буддапурѣ , и 5-го Марша , въ Калькуттѣ сдѣлано было формальное объявленіе войны Бирманамъ.

Сначала продолжалась она на мѣстѣ первоначальныхъ сраженій. Сшоплицу Ассамскую взяли приступомъ , и весь Ассамъ покорился-бы Генералу Морину , если-бы дождливое время не заставило прекратить военныхъ дѣйствій.

Въ теченіе этого принужденнаго перемирія , Генераль-Губернаторъ перемѣнилъ планъ кампаніи. вмѣсто продолженія военныхъ дѣйствій въ спорныхъ обласяхъ , онъ рѣшился перенести ихъ въ другія мѣста , и шѣмъ развлечь силы непріателя. Пригошовили высадку въ Рангунъ , приморское мѣсто при устьѣ Ирравадди , и шакимъ образомъ морскія силы , въ случаѣ надобности , могли подкрѣпить движенія сухопутныхъ войскъ. Десять тысячъ человекъ назначено было въ эту экспедицію ; 13, 38 и 41-й полки Англійской пѣхоты , полкъ конницы , чешыре , или пять батальоновъ Мадрасскихъ сипаевъ , двѣ роты артиллеріи , съ 16-ю пушками , и множество піонеровъ , отправились изъ

Мадраса и Калькушши, подъ прикрытіемъ многихъ военныхъ кораблей, начальствуемыхъ коммодоромъ Гранпомъ. Все войско ввѣрено было повелѣніямъ Арчибальда Кемпбеля, полковника 38-го полка; его наименовали генераломъ. Послѣ остановки въ портѣ Корнваллиса, на Андаманскихъ островахъ, мѣстѣ сбора эскадры, корабли Англійскіе вступили 10-го Мая въ рѣку Рангунъ. Тутъ одного парохода *Діана* доспаточно было разсѣять эскадру Бирманскихъ лодокъ, красивыхъ и раззолоченныхъ, изъ копорыхъ инныя были до 80 футовъ длины, съ 52-мя гребцами и 150-ю воинами. Послѣ смѣлаго начала, 11-го Мая совершена была высадка; нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ испугали Бирманскаго *вонгу* (начальника), и онъ, съ гарнизономъ, оставилъ плохія Рангунскія укрѣпленія, уводя съ собою, вмѣсто заложниковъ, нѣсколько попавшихся ему Англійскихъ купцовъ, и оставляя городъ во власъ побѣдителей.

При извѣстіи о неожиданномъ вторженіи Англичанъ, Царь Бирманскій обнародовалъ воззваніе къ своему народу; ошвѣтомъ было воспорженное учасіе Бирмановъ. По причинѣ дождливаго времени, остановившаго дѣйствія непріятелей, имѣли средства устроитъ силы и пригошовишься къ защитѣ упорной. Съ своей стороны, Англичане не оставались въ довѣрчивомъ бездѣйствіи послѣ начального успѣха. Владѣя Рангуномъ, они увидѣли важность этого приморскаго пункта, и рѣшились укрѣпиться въ немъ, пока будетъ возможно занявъ шочку дѣйствій во внутренней Бирманіи, болѣе

выгодную. Здѣсь устроили сильныя укрѣпленія отъ города до великаго пагода Дагонова, находящагося въ двухъ миляхъ на С. З.

Пагодъ эшотъ, называемый пуземцами *Позоложенымъ*, есть великолѣпный храмъ Буддѣйскій, посвященный Гушаму. Приблизившись къ нему по дорогѣ отъ Рангуна, надобно взойдши по крыльцу изъ ста ступеней на площадку къ аллеѣ, ведущей до главной часовни идола. Часовня эша представляетъ собою форму конической пирамиды, которую всего вѣрнѣе можно уподобить огромнѣйшему колоколу, поставленному на неровныхъ подмосткахъ, а къ верху сведенному острою съ полосками спирѣлюю. Эша пирамида, въ 338 футовъ Англійскихъ вышиною, вся позолочена, ярко свѣшится на солнцѣ и далеко отбрасываетъ свѣшлые отливки свои. Окрестъ главнаго храма возвышающіяся шпиги множества *прау*, или маленькихъ пагодовъ, обставленныхъ по бокамъ чудовищными испуканами, похожими на Египетскихъ сфинксовъ, съ головами человѣческими и разныхъ живошныхъ. Когда кошорый-либо изъ сихъ *прау*, посвященныхъ Гушаму, разваливается, вмѣсто возобновленія, немедленно воздвигаютъ подлѣ него новый, шакъ, что окружность большаго пагода всегда бываетъ обставлена эшими красивыми строеніями. Общность ошпроконечныхъ храмиковъ, маленькихъ, въ видѣ зонтиковъ, убѣжищъ, гдѣ укрываются поклонники, и различныхъ часшей построенія, обремененныхъ позолотою и мозаикою, почти симметрическою по самой своей неправильности, увлекаютъ взоръ и

внушаютъ невольное удивленіе. Недалеко отъ свя-
тилища находишся огромнѣйшій колоколъ , семь
локтей въ вышину , пять локтей въ діаметръ ,
двѣнадцать дюймовъ въ толщину по краямъ. Над-
пись на Палійскомъ языкѣ , вырѣзанная на одномъ
изъ боковъ , показываетъ , что колоколъ этотъ ,
около 1780 года , былъ принесенъ храму однимъ
изъ князей Бирманскихъ.

Взглядъ на окрестности, съ высокой площади
пагода, величественнъ. Вдали змѣняся *Ирравадди* и
Пегу, опорачивающія своимъ сліяніемъ пропаченіе
жунглей и густыхъ лѣсовъ. Ближе къ пагоду , пе-
спрѣютъ участки земли обработанной, покрытой
различными нивами. Зрѣлище измѣняется и разно-
образишся острокопечными пирамидами, если при-
ближаешься къ Рангуну съ восточной стороны. Гру-
да зелени закрываетъ тогда открышій видъ на до-
лины, но лучше можно разсмотрѣть за то подроб-
ности священнаго убѣжища Бирманской религіи.

Побѣдители и полные хозяева Рангуна , Англи-
чане не думали уважишь религіозныхъ приличій
храма Бирманскаго. Они осмопрѣли всѣ пошачен-
ности Дагонскаго капища. Пагодъ открышь со
всѣхъ сторонъ , и въ особеннаго рода желѣзной
кѣшкѣ , расписанной золошомъ и алою краскою ,
видѣнь въ немъ кумиръ Гушама , кошорому посвя-
щенъ пагодъ. Святилище это , въ обыкновенное
время , открываешся только для рагановъ , или
жрецовъ Будды, но, или изъ любопытства, или съ
намѣреніемъ открышь сокровища , спрячанные въ
немъ , по общей молвѣ , Англійскіе начальники

осмотрѣли его болѣе нежели подробно. Въ послѣднемъ отношеніи, обзорѣніе ихъ оказалось бесполезнымъ. Поиски, для копорыхъ они взрыли даже землю, на довольно значительную глубину, едва доставили имъ нѣсколько мешаллическихъ спашуекъ, продажею копорыхъ заплашили копачамъ, употребленнымъ въ работу. Сокровища, если только были они въ Дагоновомъ храмѣ, безъ сомнѣнія, увезли съ собою во внутреннія области служивши Гуннама, оставившіе своего бога.

Между тѣмъ взятіе Рангуна Англійскими войсками ничего не рѣшило. Черезъ двѣ недѣли положеніе дѣлъ измѣнилось даже не въ пользу ихъ, и до такой степени, что Кемпбель былъ осажденъ Бирманами въ его укрѣпленіяхъ. Значительные отряды Бирмановъ заняли оба берега Ирравадди; они огородили станъ Бришанскій, и построили на всѣхъ путяхъ подвижные городки (stockades), родъ четырехугольных блокгаузовъ, изъ шековыхъ досокъ, съ бамбуковыми палисадами. Въ этихъ укрѣпленіяхъ Бирманскихъ не были упущены ни правильность, ни швердосць; во многихъ, ровъ внутри, ровъ снаружи дѣлали приешуъ затруднительнымъ; въ иныхъ баштареи защищали отъ всякаго покушенія непріятельскаго. Впрочемъ, Бирманы, вообще взятые, составляли войско безспрашное, шли на огонь отважно, горячо, и не подавались назадъ, умирая на своихъ мѣстахъ. Съ первыхъ схватокъ, Англичане почувствовали, что начали дѣло уже не съ Индійцами.

Видя, что непріятель спѣсняетъ его весьма сильно, Кемпбель приказалъ бригадиру Мак'Кри очистиши окрестности города; потомъ, сообразивъ дѣйствіе болѣе рѣшительное, опрядилъ 13-й полкъ, подъ начальствомъ маіора Саля, прошивъ городковъ Кемендинскихъ, въ двухъ миляхъ отъ Рангуна, между тѣмъ, какъ самъ лично пошелъ на урочище, называемое *Мысь пагода*, въ трехъ миляхъ выше. Двойное нападеніе эшо кончилось счастливо. Маіоръ Саль напалъ на непріятельскій городокъ съ упорною отвагою, первый самъ пошелъ на спѣну, и не смотря на усиленный огонь Бирмановъ, пробился сквозь палисады ихъ. Защищеніе было жестокое. Полунагіе, закрытые только фаршуконъ по поясу, иные вооруженные ружьями, другіе саблями и копьями, шутемцы шли на смертельные выстрѣлы и шпыки Англійскіе, не щадя себя. Нѣсколько ихъ пало отъ руки храбраго офицера Мильна. Во внутренности укрѣпленія, гдѣ осажденные построили для себя хижины, кровопролитіе продолжалось нѣсколько часовъ. Англичане потеряли около ста, Бирманы нѣсколько сотъ чело-вѣкъ. Остальные изъ нихъ успѣли перелѣзть черезъ загородки и убѣжашъ въ поле. Пока все эшо происходило въ Кемендинѣ, Мысь пагода былъ атакованъ Кемпбелемъ. Военные корабли *Оетида*, *Тенмоутъ* и *Спутникъ* произвели пушками своими главную очистку. Крутизны рѣчнаго берега были уславлены городками; ихъ сбили и обезоружили одинъ послѣ другаго. Солдатамъ ославалось ударить, прогнать и преслѣдовать защитниковъ.

Все это было только предвѣспіемъ дѣйствій болѣе значительныхъ. Августа 4-го, городъ и пагодъ Сейріемскій были завоеваны бригадиромъ Смелшомъ, хотя походъ во внутренность земли сильно опустошилъ Англійское войско. При нападеніи на пагодъ Килалу, бывшемъ 5-го Октября, огонь непріятельскій сдѣлался такъ силенъ, что сипаи спрусили и пали ницъ лицомъ на землю. Самые Англійскіе офицеры признавались попомъ, что никогда не слыхали они такого жестокаго свиста пуль отъ стрѣльбы упорной и постоянной. Для взятія неважнаго поста, надобно было два раза ходить на приступъ.

Около половины Октября, Англійскій полководецъ расширилъ кругъ своихъ нападеній. Владѣя Рангуномъ, Сейріемомъ и островомъ Шедуба, онъ отправилъ отрядъ на Маршабанъ, Тавай и Мергуи. Вѣрно было стараться воспользоваться прошивъ власшишеля Бирманскаго и воспользоваться ихъ помощью. Планъ этотъ не удался, но Маршабанъ и богатый пагодъ его были взяты приступомъ 30-го Октября; Тавай, Мергуи, область Тенассеримъ и область Эи покорились Англичанамъ.

Во всей этой мѣлкой войнѣ, Царь Бирманскій не приступалъ еще прямо къ дѣлу. Онъ ждалъ пока исполнится его повелѣніе о возстаніи всеобщемъ. Когда главное войско Бирманское изготовилось и вооружилось, какъ кто умѣлъ, часть его двинулась къ сѣверу, гдѣ ни одного важнаго дѣйствія до сихъ поръ еще не происходило. Другая пошла къ Рангуну, предводимая лучшимъ Бирманскимъ вож-

демъ , *Маа-Бундула* ; она состояла изъ 60,000 , и въ числѣ ихъ находилась гвардія царская, называемая *Неприкосновенною*.

Въ концѣ Ноября, Бундула явился передъ Рангунъ, съ многочисленною артиллеріею и опрядомъ Кассайской конницы. Срубивъ множество деревьевъ, Бирманы огородили засѣками войска Кемпбеля. Бирманскій полководецъ думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи должны слѣдовать за успѣшнымъ окончаніемъ этого первоначальнаго дѣла, и что вскорѣ приведешъ онъ въ цѣпяхъ Англійскаго начальника къ позлащеннымъ ногамъ владѣтеля Ава.— Бирманскія войска начали свои нападенія. Жонки шеземныя усшремились на Англіискій флотъ, между шѣмъ, какъ множество войска пошло въ лицо Англичанамъ и подъ огнемъ ихъ строило городки, для лучшей защиты нападающихъ. Пять дней этого занятія дали возможность Бирманамъ окружить укрѣпленіями весь Рангунъ, и лѣвое крыло ихъ начало сильно превосходить линію Англичанъ. Вылазка 1700 человекъ разрушила защитительныя строенія, и заставила Бирмановъ посѣшно удалиться. Тогда Бундула соединилъ всѣ усилія въ центрѣ ашпаки, прямо прошивъ большого пагода. Его засѣки были здѣсь подвинушы такъ близко, что шолько польвыспрѣла опредѣляло ряды Англичанъ ошъ Бирмановъ. При такомъ положеніи дѣлъ, сирѣ Кемпбель велѣлъ начать общее сраженіе. Ноября 8-го, въ четыре часа утра, всѣ башшарен Англіискія были ошкрышы; онѣ гремѣли непрерывно въ шеченіе восьми часовъ, громили во всѣхъ направленіяхъ

городки Бирмановъ , осыпали непріятеля ядрами , картечами , гранадами, Конгревовыми ракетами , и шакъ ужасно, что храбрость Бирманская содрогнулась и уступила. Ударъ майора Саль на лѣвое крыло непріятеля принудилъ Бирмановъ къ общему отступленію. Они оставили даже нѣсколько пушекъ , и поле сраженія было покрыто 2000-ми непріятельскихъ труповъ.

Рангунъ освободился отъ блокады, но окрестная область не была еще свободною; черезъ пять дней, новыя укрѣпленія , новые городки построены были въ нѣсколькихъ миляхъ далѣе, въ селеніи, называемомъ Коркенъ. Апшаккованные въ этомъ мѣстѣ, Бирманы оставили его , но утвердились еще далѣе, учреждая непрерывно свои городки и палисады, съ такимъ искусствомъ и такою скоростью, что то и другое сдѣлало-бы честь лучшимъ инженерамъ Европейскимъ.

Нѣсколько времени, съ обѣихъ сторонъ, наблюдали другъ за другомъ, не пускаясь ни на что рѣшительное. Англичане не изъявляли намѣренія оставить берега; Бирманы, сдѣлавшись осторожнѣе, удерживались во внутреннихъ областяхъ къ споронъ Муннипора. Въ сѣверной области, они занимали весь Ассамъ , а на югѣ, по видимому , предприняли планъ только оборонительной войны, долженствовавшей истощеніемъ силъ непріятеля возвращить имъ всѣ выгоды, какія получили Англичане при началѣ дѣйствій.

Но Англичане не теряли бодрости. Компания оказывала особенную настойчивость въ войнѣ;

опредѣлили ошкрыть особенный заемъ , по 7-ми , или 8-ми проценшовъ , шолько-бы привесши дѣло къ желаемому концу. Войско сира Кемпбеля было усилено, и особенный корпусъ, подѣ начальсшвомъ бригадира Морриссона , былъ усшроенъ въ Шипшагонгѣ , сосшоя изъ 40,000 человекъ , для дѣйсшвій сообразно распоряженіямъ войскъ , занимавшихъ Рангунъ. Трешій, болѣе значительный корпусъ долженъ былъ ийти на сѣверныя обласши, Ассамъ и Качаръ. Такимъ образомъ , въ Январѣ 1825 года царсшво Бирманское долженсшвовало подвергнушся нападенію въ одно время съ шрехъ пункшовъ , сѣвера, юга и центра.

Подполковникъ Ричардсъ ошкрылъ кампанію взятіемъ сшоплицы Ассамской, *Рунгпора*, гдѣ нашель до 200 пушекъ. Двинулся и Кемпбель, и 13-го Февраля вышелъ изъ Рангуна, съ нѣсколькими тысячами человекъ , слѣдуя сухимъ путемъ , между шѣмъ , какъ генераль Кошшонъ ошправился съ шакимъ-же числомъ войска вверхъ по Ирравадди. Весь эшотъ походъ былъ не безъ затрудненій и не безъ пошерь. Англичане безпрерывно видѣли передъ собою убійсшвенные городки, изъ кошорыхъ надобно было выбивашъ непріашеля съ большими усиліями. Кромѣ шого надобно было боршсья съ недосшашками обезлюдненныхъ обласшей, довольсшвовашься припасами, кошорые привозили изъ Рангуна, уже на 100 миль ошавшагося назади военныхъ дѣйсшвій, и ошвагою и шакшикою побѣждашъ несоразмѣрносшь съ силами многочисленнаго непріашеля. Такимъ образомъ , посшепен-

но достигнувъ до Ленга, Кемпбель, подъ Дона-бевоиъ, опмспилъ за пораженіе, прешерпѣнное въ эшомъ мѣспѣ Кошпоиомъ, разбилъ сильное войско Бирмановъ, предводимое Маа-Бундуломъ, преслѣдовалъ его до Промъ, гдѣ, не смопря на прибышіе подкрѣпленія, Бирманскій полководецъ не смѣлъ дожидаться приближенія Англичанъ. Въ слѣдспвіе сего, Промъ, защищаемый пушками, разсшавленными на висопахъ, и значительнымъ войскомъ, собравшимся близъ сшѣнъ его, сдался 25-го Апрѣля, безъ малѣйшаго сопротивленія, Англійскому войску.

Пока Кемпбель дѣйспвовалъ шакъ удачно, Моррисонъ шакже занималъ обласши Бирманскія. Марша 26-го перешелъ онъ рѣку Вабраингъ, опнялъ висошы Магашши и Хеонгпела; пошомъ двинулся къ горамъ, опоясывающимъ Арраканъ, гдѣ каждая висоша превращена была Бирманами въ крѣпосшь, снабженную аршиллеріею и войскомъ. Безплодное нападеніе было совершено 29-го Марша, но 4-го Апрѣля аршиллерисшы успѣли на слонахъ взвесши башшарею на шакую висошу, кошорая повелѣвала другими, и подъ ея выспрѣлами Англичане ударили въ шшыки, захвашили непріательскія пушки, защищавшія проходъ. Эшомъ первый успѣхъ сопровождался движеніемъ всей линіи Англійской, и непріательскія позиціи были заняшы, при помощи сипаевъ, доказавшихъ при семъ случаѣ свое безспрашіе. Побѣда спшила дорого побѣдишелямъ, но имѣла слѣдспвія рѣшишельныя: Арраканъ опшворилъ вороша Англичанамъ.

Такимъ образомъ, Кемпбель былъ въ Промъ, Моррисонъ въ Арраканъ, Ричардсъ въ Рунгпоръ. Мало по малу, цѣпь военныхъ дѣйствій сближалась къ Бирманской столицѣ, и безъ помѣхи отъ на-
супавшаго дождливаго времени, уже и тогда корпуса, находившіеся въ Промъ и Арраканъ, могли-бы открыть между собою сообщенія.

Успѣхамъ Англійскаго вторженія, Бирманскіе полководцы прошивопологали сисшему медленія и оборонительной защиты. Изпреляя всѣ пособія въ занимаемыхъ непріятелемъ земляхъ, они принуждали побѣдителей привозить припасы издалека, съ большими издержками. Наконецъ изъявлено было отъ Бирмановъ желаніе заключить перемиріе на мѣсяць, и въ теченіе этого времени начать переговоры о прочномъ мирѣ. Англичане согласились. *Ки-Вунги*, (первый министръ) пріѣхалъ въ Нембейзикъ, небольшой городокъ на берегахъ Ир-
равадди, съ тысячею человѣкъ воиновъ, попомучно представившій монарха съ *позлащенными ногами* не можеть являться безъ провожающихъ, подобно простому смертному. Со стороны Англичанъ съѣхались на переговоры Кемпбель, Брисбанъ и Коппонъ. Какъ ни желали мира взаимно, но ни въ чемъ не могли согласиться. Царь Бирманскій, а особенно Царица, имѣвшая надъ слабодушнымъ супругомъ своимъ безграничную волю, не хотѣла слышать ни о какихъ пожертвованіяхъ и уступкахъ, ни землями, ни плашею военныхъ издержекъ. вмѣсто утвержденія мира, переговоры рѣшились разрывомъ. Тридцать тысячъ свѣжаго войска

усилили Бирмановъ; Кемпбель получилъ подкрѣпленіе съ своей стороны. Но вновь открытыя военныя дѣйствія ограничились только взаимнымъ наблюденіемъ и ошибками. При согласномъ дѣйствіи, Англійскія войска удержались въ своихъ линіяхъ, не смотря на нѣкоторыя неудачи. Въ половинѣ Декабря, они приготовились даже вдругъ ударить на Бирманскую столицу. Въ это время, два первые министра Бирманскаго Царя, *Ки-Вунги* и *Келіенъ-Менжи*, предложили начать снова переговоры. Новыя совѣщанія о мирѣ происходили на кораблѣ, посланномъ между Маллуномъ и Пашанагомъ. Послѣ многихъ возраженій и споровъ, продолжавшихся нѣсколько дней, мирный пракша былъ подписанъ, съ одной стороны Бирманскими министрами, съ другой генералами Кемпбелемъ и Кошшономъ. Въ силу этого пракша, Англичане принудили Бирмановъ къ формальной уступкѣ четырехъ областей, *Арракана*, *Мергуи*, *Тавай* и *Эи*; кромѣ того положено, что *Ассамъ*, *Цитунгъ* и *Муннипоръ* будутъ управляемы раджами по выбору Компаніи; наконецъ, Бирманы согласились заплатить около 24-хъ милліоновъ франковъ (10-ть милліоновъ рупій) за военныя издержки. Условія столь тяжкія были приняты Бирманскимъ владѣтелемъ не безъ сопротивленія и не безъ желанія избѣгнуть ихъ. Дѣло опять доходило до битвы; но пракша утвердили въ Яндабо, когда Англійское войско находилось только въ 20-ти льѣ отъ столицы Бирманской.

Такъ кончилась война, стоившая Остѣ-Индской Компаніи болѣе 400,000,000, и въ замѣну того

принесшая выгоды значительныя, но пребующія новыхъ заботъ, непрочныя и сомнительныя. Бирманы показали въ этой войнѣ, что Британія встрѣшила въ нихъ противниковъ упрямыхъ, болѣе смѣлыхъ и болѣе искусныхъ въ военномъ ремеслѣ, нежели западные Индійцы. Ни одно изъ воинскихъ племенъ Индіи, поспешенно подвергавшихся власти Компаніи, не представляло ей постояннаго ряда сопротивленій, столь хорошо соображенныхъ. Система засѣкъ и городковъ, до того времени нигдѣ не встрѣчаемая Англичанами, опчаянная борьба, нерѣдко бывшая удачною, все это доказало Британцамъ, что ихъ преобладаніе въ Азіи можетъ встрѣшиться преграду. Для того, чтобы побѣдоносное войско Компаніи остановилось и заключило миръ передъ самою столицею, гдѣ могли надѣяться богатою добычи, вѣроятно, были сильныя причины, и—объ этихъ причинахъ ничего не говорятъ бюллетени побѣдителей.

Какъ-бы то ни случилось, но послѣ пракша дипломатическаго, Компанія приступила къ заключенію пракша торговаго, и Г-нъ Крауфордъ былъ посланъ въ Ава, въ 1827 году, для исполненія новаго дѣла. Въ путешествіи своемъ, онъ обозрѣвалъ Бирманію, какъ до него предпринималъ это Сеймесь; Г-нъ Крауфордъ поправилъ многія замѣчанія своего предшественника. Ему одолжены мы новѣйшими и болѣе вѣрными извѣстіями о внутренней Бирманіи.

На 120-ть миль отъ устья Ирравадди, берега этой рѣки, прекрасные и пучные, не представля-

юшъ однакожь ни малѣйшаго слѣда земледѣльческой обрабошки. Хижины мелькаюшъ ошъ времени до времени, но бѣдныя, окруженныя полями ничтожными, дурно воздѣланными. Только около Промы видъ страны улучшается, естъ жашвы сезама, коноплей, сарачинскаго пшена. Въ Ренанъ-Хьяунгъ находяшся знаменишыя источники горнаго масла, упошребляемаго шуземцами для освѣщенія и предохраненія спроеваго лѣса ошъ насѣкомыхъ. Источники эти, взяшые совокупно, занимаюшъ пространство около 16-ши миль квадр., а глубина нѣкошорыхъ ошъ 200 до 250 фушовъ. Масло, выходящее въ ошверзшя земли, при шемпературѣ 90°, по Фаренгейшу, шечешъ въ бассейны, у кошорыхъ дно, сдѣланное въ видѣ цѣдилки, ошдѣляетъ часпицы водяныя, пока маслянишыя соединяются вмѣстѣ ошъ прикосновенія воздуха. Въ нѣкошоромъ разстоянїи ошсюда Г-нъ Крауфордъ нашелъ окаменѣлыя кости единороговъ, гавіаловъ, масподоншовъ, бегемотовъ, и другихъ живошныхъ.

Для плаванія по Ирравадди, Бирманы упошребляюшъ суда, на парусахъ и съ веслами, совершающя путь свой весьма быспро. При свѣжемъ вѣтрѣ, разстоянїе до Рангуна, около 450 миль, проплываюшъ въ пяшъ дней, а обратпо, прошивъ шеченія, въ десяшъ дней.

Въ Авѣ всего любопышнѣе прошивоположеносшъ бамбуковыхъ хижинъ обшашелей съ пагодами, блестящими позолошою. Царскій дворець ошличается ошъ другихъ шпроеній обширносшью и правильносшью. Всѣ возможные споры о церемонїяхъ

были испощены , прежде нежели Г-нъ Крауфордъ былъ допущенъ на аудіэнцію къ Царю. То переводили его изъ одного жилища въ другое, пошому, что случайно это жилище оказалось выше дворца, гдѣ обитаесть Его Злапоное Величество, а такое обстоятельство показывало неуваженіе къ владыкѣ Бирманіи. То опказывались начашъ съ Англичанами переговоры пошому, что при Дворѣ Авскомъ не находилось чиновника споль незначительнаго чина, какой имѣлъ посланникъ Британскій. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и еще болѣе продолжительныхъ совѣщаній, практашъ изъ 24-хъ спашей сокращенъ былъ въ чешыре, и монархъ Бирманскій подписалъ его. Онъ исполнилъ это даже съ нѣкошорымъ удовольствіемъ, когда миниспры увѣрили его, что Г-нъ Крауфордъ присланъ просить прощенія за побѣды своихъ соошечественниковъ, возврашъ завоеванныя ими области, и съ почпеніемъ взнесши обратно плашежъ денегъ, вынужденный у Бирмановъ. Пошомъ, узнавши дѣло лучше, Царь такъ разсердился на своихъ совѣшниковъ, что бросился на нихъ съ копьемъ, и, конечно, прокололъ-бы кого нибудь изъ нихъ, если-бы они не успѣли выпрыгнушь черезъ балконъ изъ шой комнашы, гдѣ бесѣдовали о государспвенныхъ дѣлахъ съ Его Величествомъ. Подобные примѣры спрогоспи кажутся обыкновенными при Авскомъ Дворѣ, и особенно бывающъ они при нынѣ царспвующемъ государѣ. Неоднажды случалось, что Его Величество надѣлялъ пощечинами своихъ придворныхъ, и дралъ ихъ за уши,

довольно сильно. Какой-то придворный, по имени *Сарроа*, былъ шакъ услужливъ, что Царь, разсердившись на него, ѣздилъ на немъ верхомъ. Кисейный шарфъ былъ вложенъ въ зубы придворнаго, и концы его держалъ въ рукахъ Царь Бирманіи, сидя на коршочкахъ на спинѣ живописнаго новаго рода. Иногда, за малѣйшую небрежность ио шибку, Царь осуждаетъ своихъ миниспровъ на наказанія болѣе важныя, на примѣръ: *nefri m'ha l'han the*, то есть, на вышивку спиною на солнце, въ полдень, между нѣмъ, какъ спереди повѣшена на шею осужденнаго большая тяжеснѣ.

Царь Бирманскій принялъ г-на Крауфорда въ павильонѣ съ столбами, во глубинѣ кошораго возвышался шронъ, на 12-ти фушовъ опъ полу. Пополокъ и столбы блискали самою яркою позолошою. Посольство ввели тогда только, когда посоль и чиновники его разулись. Потомъ вступилъ въ залу Царь Бирманіи, при громѣ шумливой музыки. На немъ было плашье вышитое золошомъ и украшенное драгоцѣнными каменьями. Вѣнецъ его состояла золошая шапка съ оспроконечною верхушкою, похожею на шпигъ Буддійскаго пагода и осыпанною рубинами и сафирами. Въ рукѣ держалъ онъ *шоури*, ш. е. хвостъ бѣлой козы, въ знакъ своей великой власпи. При видѣ Его Бирманскаго Величія всѣ придворные при раза просшерлись ницъ на землѣ. Англичане удовольствовались низкимъ поклономъ. Поклоненія начались снова, когда явилась Царица, и сѣла по правую сторону своего супру-

га. Платье и вѣнецъ ея блистали драгоценными камнями.

Послѣ прочтенія извѣстныхъ привѣтствій, когда государственный секретарь Бирманскаго царства объявилъ, что Англіійскій правитель Индіи повергаетъ себя подъ злая ноги *превосходнаго и славнаго повелителя земель и морей, нагальника небесныхъ силъ, всѣхъ бѣлыхъ слоновъ*, и проч., аудіенція кончилась, и посольство начали увеселять зрѣлищемъ шуземнаго праздника. На праздникъ эпошъ сбѣжались всѣ придворныя дамы, въ своихъ щегольскихъ одеждахъ, съ красными, зелеными и бѣлыми полосами, и широкими, развѣвающимися покрывалами; супруга перваго министри прибыла въ своей колесницѣ — это былъ родъ шѣлеги, съ тяжелыми колесами и опкрышою клѣшкою сверху; пара шучныхъ, бойкихъ воловъ везла эпошъ экипажъ. Толпа шуземцевъ обоихъ половъ заняла обширную загородку. Программа Бирманскихъ увеселеній была-бы продолжишельна: начали плясками, забавными фокусами и куклами; попомъ были бѣгъ лошадей и слоновъ, сраженіе на водѣ, освѣщеніе, и фейерверкъ, состоявшій изъ огромныхъ шпукъ.

Царство Авское заселено семью разными племенами, изъ коихъ каждое говоритъ своимъ особеннымъ языкомъ, различается нравами, богослуженіемъ и обычаями, но всѣ сходствуютъ главными чертами, общими народамъ, обитающимъ между Индіею и Кишамъ. Это собственно смѣшанное народонаселеніе племенъ *Монгольскихъ, Индійскихъ,*

Китайскихъ, Малайскихъ. Бирманы малорослы, крѣпки, ловки и красивы. Цвѣтъ кожи ихъ бронзовый; волосы черны, жестки, гладки и густы. Мужчины почти всѣ испещряютъ шѣло свое накалываніемъ на кожѣ таинственныхъ знаковъ, и за сныдъ почитается, если у кого-либо шѣло не бываетъ испещрено фигурами. Мужчины и женщины носятъ въ ушахъ серьги и позолоченныя шпильки. Употребленіе обуви всеобщее, даже между простолюдинами. Женщины пользуются въ Бирманіи совершенною свободою, которой не опнимаютъ у нихъ ни религіозныя постановленія, ни обычаи. Онѣ могутъ быть почтены при томъ единственными работниками въ Бирманіи: только онѣ однѣ моютъ, прядутъ, шкутъ, красятъ хлопчатую бумагу, и вырабатываютъ полосатые, или шашечные шкани, употребляемые въ Бирманіи.

Почти каждый Бирманъ умѣетъ читать и писать, но письменность и знанія Бирмановъ далеко опспали у нихъ опъ другихъ Азіатцевъ. Небольшія свѣдѣнія астрономическія заимствовали Бирманы у Индійцевъ. Поэзія ихъ вся состоитъ изъ духовныхъ гимновъ и лѣтописей въ стихахъ. Письмена Бирманскія, чрезвычайно простыя, состояются изъ кружковъ и полукружій, различно соединенныхъ. Языкъ Бирманскій есть смѣсь Палійскаго съ Китайскимъ. Что касается до религіи Бирмановъ, это очевидная смѣсь Буддизма съ Китайскою мѣологіею. У Бирмановъ есть шудемныя лѣтописи, и, кажется, опредѣленные исторіографы, которые насчитываютъ сто двадцать три царя въ Бирма-

ніи, начиная съ 301 года до Р. Х. — Впрочемъ , о дословѣрности и совѣспливомъ исполненіи обязанности Бирманскихъ историковъ Авы можно судить по слѣдующей замѣшкѣ, которую ввели они въ опечесшвенныя лѣшописи , излагая войну съ Англичанами :

« Въ 1826 и 1827 годахъ—говоряшъ Бирманскіе историки—Западные Бѣлые объявили войну Владыкѣ злашаго дворца. Они прислали въ Рангунѣ , овладѣли эшимъ мѣшомъ , а также и Промомъ , и имъ позволено было доспигнушъ даже до Яндабо , ибо Царь , по чувству благочеспія и человѣколюбія , не учинилъ никакого имъ сопросивленія. Предпріятіе это споило Бѣлымъ издержекъ безчисленныхъ ; средсшва ихъ совершенно испощились , когда они приблизились къ Яндабо. Видя бѣдсшвіе свое , они послали прошеніе къ Царю , и , всегда милосшивый и великодушный , онъ ошправилъ къ нимъ значительныя суммы денегъ , для вознагражденія ихъ расходовъ , но за то приказалъ имъ немедленно выйдши изъ его владѣній.»

По дружесшвенному и торговому договору , заключенному г-мъ Крауфордомъ , Англія пріобрѣла себѣ обладаніе берегами , начиная съ Бенгальскаго залива до Малаккскаго пролива. Это составило цѣнь приспанищъ между Индіею и Кишаемъ , которая связывается далѣе Пуло-Пенангомъ и Синкапуромъ. *Мартабанъ* , сосшавляющій часшъ уступки Бирмановъ , предсшавляетъ обширную и великолѣпную рейду , гдѣ могутъ помѣшпшся всѣ флоты Великобританскіе. Три рѣки сливаются здѣсь , *Атарамъ* ,

Генъ и Салуанъ; онѣ образуютъ подѣ стѣнами Маршабана сліяніемъ своимъ обширное озеро, покрытое зеленѣющими островами. Салуанъ есть граница, отдѣляющая завоеванія Англичанъ отъ Бирманіи. Его объемъ замыкаетъ въ себѣ теченіе Апарама, рѣки не столь широкой, но гораздо глубже, и крушоберегой до того, что корабль, плывущій по ней на всѣхъ парусахъ, безопасно проходитъ подѣ кучами зелени прибрежныхъ лѣсовъ. Окрестныя земли, хотя способныя для всякаго обрабатыванія, оставались впускѣ лежащими, но едва узнали туземцы, что земли эти принадлежатъ уже Англичанамъ, двѣсти семействъ ихъ перешли за Салуанъ, съ шридцатью тысячами головъ скопины, и поселились подѣ защитою новыхъ владѣльцевъ. Возвращаясь изъ своего посольства, Г-нъ Крауфордъ основалъ на мысѣ, господствующемъ Маршабанскимъ заливомъ, мѣстоположеніи превосходномъ, городъ *Амгерстъ*, предназначенный сдѣлаться складкою всѣхъ Англо-Бирманскихъ земель. Мудрыя правила безразличнаго покровительства и свободной торговли были объявлены для новаго города, такъ, какъ сдѣлалъ это въ Синкапурѣ сиръ Сшамфордъ Раффлесь. При выгодной мѣстности и при такой системѣ, городъ Амгерстъ началъ распространяться и увеличиваться въ виду. Имѣвши при началѣ своемъ, въ 1828 году, 1,600 обитателей, онъ считаетъ ихъ теперь уже до 15,000.

Послѣ описанной нами войны, кончившейся въ 1827 году, ни одно событіе не обратило вниманія

Европейскихъ наблюдашелей на Бирманію; шолько Еспешвенная Испорія, Географія и Спашисника эшой спраны, прежде споль мало знаемая, были хорошо узнаны многими пушешеспвіями во внушреннія области Бирмановъ. Такимъ образомъ Европейцы могли обозрѣшь въ Авскомъ царствѣ породы млекопишающихъ, пахидермовъ и пресмыкающихся, общихъ ему съ другими землями Азійскими. Орнишологія представила до сихъ поръ шолько одну породу, кажется, особенно принадлежащую Бирманіи: эшо попугай, самый малый изъ всѣхъ извѣстныхъ, и не превосходящій величиною воробья. Цвѣшъ перьевъ его прелеспный зеленый; грудь, горло и хвосшъ ярко-алаго цвѣша, а кончики крылушекъ лазуреваго, блестящаго и гладкаго. Попугай эшошъ имѣешъ нѣкоторое сходство съ Богемскимъ свирѣшшелемъ. Говорашъ, что найденъ еще особенный жукъ, зелено-золопаго цвѣша, чрезвычайно блестящій, и упошребляемый Бирманками вмѣсто привѣсокъ къ серьгамъ.

И въ Бирманіи, какъ въ Индіи, ешшь порода муравьевъ, копорыхъ укушеніе чрезвычайно болѣзненно. Ешшь и другія породы муравьевъ крылатыхъ; кромѣ шого, зеленые клопы и шысячи разныхъ насѣкомыхъ изобилуюшъ въ Бирманской землѣ; за шесшъ, или за семь недѣль до наспупленія дождливаго времени, всѣ эши насѣкомыя являюшся мильонами, покрываюшъ сполы, мебель, людей, наполняюшъ зданія, пробиваюшся всюду, кишашъ въ воздухѣ, копорымъ дышашъ обшпашели, въ кушаньѣ, кошорое ѣдашъ они, въ винѣ, кошорое пьюшъ. Ка-

жешся однакожь , что это нашесловіе беспокоишь только Европейцевъ ; Бирманы не гадяшъ крылатыми муравьями , и , напрошивъ , собираюшъ ихъ большіе запасы и сохраняюшъ впрокъ . Для успѣшной заготовки такого запаса , довольно поспавишь нѣсколько блюдъ съ водою подлѣ огня , и всѣ они мгновенно наполняются крылатыми муравьями . Другое бѣдствіе Бирманіи естъ родъ воронъ , спольже крикливыхъ и хищныхъ , какъ Индійскія . Они схватываютъ цѣлыя гнѣзда пшницъ , шакъ , что машъ не успѣваетъ защишишь своихъ дѣшнышей . Чупъ отворяшъ дверь или окно — хищницы врываюшся , въ глазахъ челоуѣка уносяшъ хлѣбъ , масло , яицы , гадяшъ все своимъ изверженіемъ , и могушъ бышь названы настоящими *гарпіями* (*) , ненасытными прожорами , отъ кошорыхъ можно защишишь только запирая накрѣпко всѣ окна и отверзія .

Хошя пуземцы Бирманіи сильны и здоровы , но Европейцы нелегко пріучаюшся къ влажной и жаркой шемпературѣ тамошняго климата . Самая здоровая спорона Бирманіи естъ въ то-же время самая обильная . Она заключается въ прибрежьи , по направленію отъ С. З. къ Ю. В. — Тутъ засѣвы сарачинскаго пшена спольже обильны , какъ въ Бенгалѣ . — Къ сѣверу земля гориста , перерѣзана долинами , гдѣ хорошо родяшся сахарный шросп-

(*) Мифологическое чудовище древнихъ Грековъ , все пожиравшее , и извергавшее немедленно все , что пожрало .
Прим. Пер.

никъ, шабакъ, индиго, хлопчатая бумага, и проч.— Тековое дерево Бирманскихъ лѣсовъ превосходно. Авское царство богато ископаемыми; подлѣ Банку находящіяся рудники золотые и серебряные; копи рубиновъ, сафировъ, и другихъ драгоценныхъ камней въ Кеузъ-Меунѣ, и горахъ Болу-Таунѣ, близъ Кандуана. Желѣзо, свинецъ, олово, аншимоу, мышьякъ, сѣра сыскиваются во многихъ мѣстахъ. Нѣкоторыя изъ рѣкъ производятъ амбру; другія влекутъ золото въ песокъ своемъ. Мраморныя ломы подлѣ Амарапура доставляютъ куски мрамора, неуступающаго бѣлизною и прозрачношью Каррарскому.

До утвержденія Англичанъ на Маршабанскомъ побережьи, главнѣйшіе промыслы произведеній Бирманіи происходили между сѣверными ея областями и Кипайскою областью Юнанъ. Но теперь Остъ-Индская Компанія переѣнила направленіе торговли. Порты Рангуна и Маршабана сдѣлались общими рынками государства. Сюда идетъ спртовой и корабельный лѣсъ, снабжающій Мадрасъ, Калькутту, и даже Бомбай.

У Бирмановъ, какъ и у Кипайцевъ, десятичная система счета, но монета ихъ нисколько ему не соотвѣтствуетъ. Самыя употребительныя деньги серебряныя *такаль*, или *тикаль*, вѣсящій 40 деньеровъ, 40 грановъ. Онъ раздѣляется на 4 *матти*, 8 *мусовъ*, или 16 *туби*. Вѣсъ составляющій *му*, *туаль*, *виссъ* и *канди*; сто мусовъ дѣлаютъ шуаль, сто шуаловъ виссъ, а сто пятидесяти виссовъ *канди*, равняющуюся 227 килограммамъ. На ярмаркѣ

Джунксейлонской всѣ роды Индійской монеты и Европейскіе піаспры находящіяся въ обращеніи.

Азбука Бирманская составлена изъ 33-хъ буквъ, съ нѣсколькими знаками, замѣняющими двугласныя и длинныя гласныя. Пишутъ Бирманы съ лѣвой стороны къ правой, и письма ихъ опличаются разстановкою и числовою.

Понятія Бирмановъ о космографіи, сообразно шарымъ книгамъ ихъ, исполнены фантастическихъ мечтаній. По мнѣнію Бирмановъ, вселенная, или *лого*, уничтожаясь для возрожденія, поспешенно перешла черезъ огонь, воду и вѣтеръ. Видъ земли плоскій, возвышенный къ срединѣ; горы окружаютъ ее. Ученые Бирманскіе опредѣлили діаметръ, окружность и толщину земли, утверждая, что половину толщѣ составляетъ собственно-земля, а другую половину особенное твердое шло, и все это плаваетъ на двойной толщѣ воды, опирающейся на толщѣ воздуха, подъ кошорымъ простирается пустоша. Въ срединѣ земли, такимъ образомъ усроенной, Бирманы ставятъ Міемно, величайшую изъ горъ; она поддерживается на трехъ карбункулахъ, и восточная сторона ея серебряная, западная хрустальная, сѣверная золотая, южная рубиновая. Кругомъ Міемно распростирающіяся семь цѣпей горъ, одна другую вмѣщающія.

По книгамъ Бирманскихъ врачей есть 96-ть болѣзней, и на каждую лекарство, кошорымъ она вылечивается. Рецепты этихъ лекарствъ передаются изъ рода въ родъ, какъ драгоценное наследіе.

Обычаи Бирмановъ довольно крошки, но законы ихъ ужасные. Спрогоспъ наказаній доходишъ до варварства; самыя легкія сушь шюрма и кандалы; за шѣмъ слѣдують плечи, опрубленіе членовъ и рабство въ храмахъ, наконецъ смерть, и образъ ея измѣняется, смотря по приходамъ судьи: осуждають пресупника на опрубленіе головы, распоронье живота, ушопленіе, сожженіе за-живо, опдачу на съѣденіе звѣрямъ. Иногда пробивають грудь пресупника оспрымъ коломъ, или выспавляютъ на берегу рѣки, привязаннаго къ сполбу, шакъ, чшобы его ушопило первымъ приливомъ. Въ другихъ случаяхъ употребляютъ распинаніе на крестѣ, или заливаютъ горло распопленнымъ свинцомъ. Впрочемъ, пресупники показываютъ при всѣхъ шакихъ мученіяхъ удивительную швердоспъ. Одному бѣглецу палачъ распаривалъ живопъ, а несчастный ѣлъ между шѣмъ бананъ. Съ военными плѣнниками поскупають Бирманы не лучше какъ съ пресупниками; даже Англичане, впадшіе въ руки Бирмановъ во время послѣдней войны, были щадимы не болѣе злодѣевъ и разбойниковъ. Жадные и жестокіе шюремщики вымучивали изъ нихъ окупы за свое снисхожденіе. Ушопленные непрерывными шребованіями, плѣнники рѣшились наконецъ опказашъ мучишелямъ, но ужасное средство зашпавило ихъ снова соглашашъ на все. Ноги каждого изъ плѣнниковъ, находившихся въ одной комнашѣ, были скованы цѣпью, прикрѣпленною къ длинной перекладинѣ, кошорую веревки связывали съ спѣсною шюрмы. Однажды ночью, внезапно пробуж-

денные, плѣнники почувствовали себя висющими на воздухѣ, внизъ головою — перекладину шихонько подняли пюремщики съ одного конца. Оставаясь нѣсколько времени въ этомъ несстерпимомъ положеніи, несчастные согласились на всѣ условія своихъ палачей, и отдали имъ все, что у нихъ было.

Догматы и обряды религіозные у Бирмановъ сходствуютъ съ Кипайскими и съ Индійскими. По мнѣнію Бирмановъ, женщина умершая въ родахъ дѣлается злымъ духомъ, если ее не заклаетъ. Для выполненія закланій, мужъ идетъ въ головѣ похороннаго шествія, махая своимъ оружіемъ и кривляясь, какъ сумасшедшій. Удословившись, что покойница дѣйствительно умерла въ родахъ, объявляютъ разводъ ея съ мужемъ, открываютъ животъ умершей, извлекаютъ изъ него плодъ; вдовецъ три раза обходитъ вокругъ гроба, возвращаясь домой и моетъ себя голову, являясь снова только къ сожженію тѣла.

При погребеніи *рагана*, или *пунги* (жреца), начинаютъ бальзамированіемъ тѣла; потомъ трупъ кладутъ въ ящикъ, наполненный медомъ и накрѣпко закупоренный. Между тѣмъ все приготавливается къ обряду. Въ назначенный день, толпа народа сходится въ долину, предварительно назначенной. Трупъ на высокой колесницѣ ставятъ косперъ, на кошоромъ должно произвести сожженіе. Едва поставятъ на косперъ гробъ, толпа раздѣляется на двѣ части, и каждая изъ нихъ спарается ушами колесницу въ свою сторону. Дѣло не обходится безъ порядочныхъ толчковъ. Наконецъ, по-

бѣда оспаешся на одной споронѣ, и ей предоспавають великую чesть зажечь косперъ. Обыкновенно гробъ спавяшъ въ эшо время въ деревянную форму, въ родѣ морширы, наполненную порохомъ и фейерверочными шшуками. По данному знаку, колесница, косперъ, оспанки жреца, все взлешаешъ на воздухъ. Исполняя такимъ образомъ послѣдній долгъ, шолпа соблюдаетъ глубокое молчаніе, вмѣсто шумныхъ восклицаній, ему предшесшвовавшихъ.

Забоша сожженія шѣль передается *сандаламъ*, или паріямъ Бирманскимъ. Эшо, большею часшю, пресшупники, кошорымъ облегчено наказаніе. Сандалы, прокаженные, нищіе и гробовщики повинующся спрогой власши одного изъ вельможъ Бирманскихъ, назначеннаго ихъ господиномъ и правишелемъ. Своевольно окладываетъ онъ подашью селенія подчиненныхъ, продаешъ имъ позволенія на временный выходъ въ другія мѣста, свидѣшельсшвуетъ признаки, по кошорымъ опредѣляется проказа и больные посшупаютъ въ его владычесшво.—Другую поганую кашу сосшавляютъ въ Бирманіи рабы храмовъ; ихъ униженіе также бываетъ наслѣдешвенное. Каждый Бирманъ сшисаетъ себя нечистымъ, если сидѣль съ ними, или раздѣляль пищу.

Со времени Яндабоскаго договора, прежнее мѣшшное дѣленіе Бирманскаго царсшва совершенно измѣнено. Обласши, остающіяся во власши повелишеля Авы, сущъ *Бирма, Пегу, верхній Мартабанъ*, и нѣкошорые учасшики, плашящіе дань. Замѣчашельны города: *Ава*, нынѣшняя сшюлица Бирманіи, го-

родъ обширный, но населенный едва-ли 40,000 человекъ ; *Амарapura*, столица во время предшествовавшего царствованія, на лѣвомъ берегу Иравадди. Коксъ , въ 1795 году, полагалъ въ ней до 175,000 жителей , а теперь едва-ли есть 30-ть тысячъ. Другія мѣста : *Сайганъ* , противъ Ава , на Иравадди, съ множествомъ разрушенныхъ пагодъ ; холмы, окружающіе его, уславлены храмами , раззолоченными и возвышающимися шпицы свои къ небесамъ ; *Промъ* вмѣщаетъ въ себѣ до 10,000 жителей ; *Пегу* столица царства сего имени , совершенно упавшаго со временъ Аломпра. Здѣшній Буддійскій храмъ *Шамаду*, пирамида изъ кирпичей и извешки , восьмиугольная въ основаніи, безъ всякаго опверзшя , округленная къ верху, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ Азіи. Высота сего памятника 290 фузовъ , а окружность у подошвы до 4134 фузовъ. На верхушкѣ его поставленъ родъ желѣзнаго зонтика , позолоченный, 51 футъ въ окружности. Жрецы, находящіеся при этомъ храмѣ, увѣряютъ, что онъ построенъ болѣе нежели за 2000 лѣтъ. Послѣдній замѣчательный городъ Бирманіи *Рангунъ* , мѣсто высадки Ангійскихъ войскъ , о которомъ я уже говорилъ подробно.

Часть завоеванная Англичанами составляется изъ царства *Арраканскаго* , царства *Ассамскаго* , областей *Казаръ*, *Джинтіа*, *Гаррауъ*, и другихъ, а также изъ земель на западъ отъ Салуана, какъ-то: *Мартабанъ* , *Эи* , *Тавай* , *Танассеримъ* , и проч. — Единственный городъ шеземный на всемъ этомъ

пространствѣ, сходящій упоминанія, *Арраканъ*, обезлюднѣвшій и упавшій нынѣ. Но для Англичанъ не было надобности, что внутренній край ихъ завоеванія неблагоуденственъ и небогатъ, когда они успѣли захватить себѣ ключи всего царства Бирманскаго, овладѣвъ лучшими мѣстами приморья. Это приморье, изрытое глубокими и безопасными прѣпями, представляетъ такую разницу съ плоскими и опасными прибрежьями Короманделя, что рано или поздно мѣста прѣпей для мимоплывущихъ кораблей должны перейти отъ Бенгальскихъ береговъ къ Маршабану и Мергуи. Если къ этимъ выгодамъ присовокупить выгоды внутренней торговли Индо-Китайскаго полуострова, и то, что земля Бирманская, плодоносная и годная на обработку всякаго рода, будетъ со временемъ передаваться Англичанамъ богатыя и многочисленные произведенія свои, нѣтъ сомнѣнія, что полуостровъ Загангескій вскорѣ станетъ на первую степень торговыхъ странъ Азіи.

ГЛАВА XXII.

СУМАТРА.

Калькутта такая чудная, такая славная спорона, въ ней такъ хорошо понимающъ, что такое въ вещественной жизни значить *comfort* (*), въ ней сколько усладительныхъ наслаждений роскоши и довольства, что право, нелегко съ нею проспишься. Уже давно прошелъ срокъ моего пребыванія, назначенный по моему плану путешествія, а все еще не смѣлъ я признаюсь самъ себѣ, что желалъ бы найти какую нибудь оговорку для моей дальнейшей задержки. И — сказать-ли? — страна, гдѣ надобно было мнѣ узнать столько многое; вѣра, которую изслѣдовалъ такъ любопытно; исторія Англійскаго владычества, столько мало вѣдомая Англи-

(*) Кажется, *непереводимое* слово? Французы приняли его, вмѣстѣ съ словами: *groom, raut, dandy, humour*, и другими, выражающими самообышный характеръ любезнаго Джонъ-Буля. Прим. Пер.

чанамъ по ихъ предразсудкамъ, другимъ народамъ по ихъ незнанію мѣсшности; рассказы о войнахъ, споль непохожихъ ни на какія другія — сполько причинъ важныхъ и неоспоримыхъ, все это были впоросшепенныя причины продолжишь мое пребываніе въ Калькушнѣ, услаждаемое дружескими ласками Вильмоша! Наконецъ, разсудокъ предсшавилъ мнѣ всю опасность моего положенія—не предупредая Вильмоша, я договорился съ однимъ Голландскимъ морякомъ, ошправлявшимся въ Суматра. Едва послѣ шого имѣлъ я время обняшь моего добраго друга, пожашь руку ошцу его, раскланяшись, съ сердечною горесшью, съ его сесшрами, и—при помощи моего сиркара — бѣжалъ, бѣжалъ опромешью на корабль, куда уже перевезены были мои пожипки! Давно сказано, что бѣгсшво и пушешесшвіе сущъ лучшія лекарсшва прошивъ болѣзней головы и сердца — я испышалъ это на себѣ. И если надобно въ шакомъ случаѣ бѣжашь — бѣгшите моремъ! Переселясь на корабль, вы переселишесь въ другой міръ, міръ плывучій, гдѣ забывающся всѣ суешы швердаго міра — здѣсь другая сшпихія, другой небосклонъ, другая жизнь, другіе нравы. Дня два будете вы чувсшвовашъ грусшь сердечную, шоску душевную. Но заплашивъ шакую дань человѣческой слабости, вы ошущите, какъ легкія ваши расширяшся ошъ свободнаго воздуха океанскаго, голова ваша освободится ошъ мечшательности, и ошъ всего что ошпанешся за вами вдали и скроешся въ волнахъ — сохранишся одно перло жизни — воспоминаше минувшаго сшасшя!

Жизнь моряка, жизнь кочевая, беззаботная, однообразная, дѣшительная порывами, такова, что испытавъ ее, полюбишь непременно. И, слава, Богу! что такъ дѣлается. Безъ этого, гдѣ-бы нашли мы тысячи людей, оставляющихъ женъ и дѣтей своихъ, друзей и милыхъ сердцу — и для чего-же? для прогулки по морямъ за 25-ть франковъ въ мѣсяцъ жалованья!

Едва дохнулъ я воздухомъ моря — всѣ мои сердечныя горести исцѣлились, рѣшительно исцѣлились. вмѣсто роскошнаго сна Вильмоша, я принялся за солонину и щощихъ курицъ моего любезнаго Голландскаго Колумба. Широкое поле опять раздвинулось для моего любопытства: оставляя Индію, я видѣлъ передъ собою архипелагъ Малайскій, Сіамъ, Кохинхину, Филиппинскіе острова, Китай, Австральныя земли, столь новыя, столь увлекашительныя для наблюдателя.

Черезъ нѣсколько дней плаванія, при свѣжестъ 3. Ю. 3. вѣтрѣ, мы прошли линію архипелага *Андаманскаго*, лежащаго на разстояніи почти 200 льѣ отъ устья Ганга. Имя этихъ острововъ долго было ужасомъ мореплавателей. Населенные поколѣніемъ дикимъ и свирѣпымъ, очевидно принадлежащимъ къ великому семейству Малайцевъ, Андаманскіе острова донынѣ не подверглись колонизаціи Европейцевъ. Опытъ дѣланъ былъ, нѣсколько лѣтъ тому, на восточномъ берегу Большаго Андамана; Англичане устроили заведеніе въ портѣ Корнваллиса, гдѣ превосходное якорное стоянѣе ограждено отъ всѣхъ вѣтровъ, а воды и лѣса вдо-

воль. Но нездоровость климата и неприязненность туземцев скоро принудили новых колонистов оставить начатое заселение. — *Большой Андаман* сорокъ лѣ въ длину и десять въ ширину. Къ южному краю его придвинутъ *Малый Андаман*, столь-же возвышенный и лѣсистый, какъ и *Большой*, только гораздо меньше его пространствомъ. Но не одного рода опасность грозитъ здѣсь мореплавателю: утесистые берега затрудняютъ путь его; морской разбой спривитъ совершенную гибелью. Изъ своихъ лѣсовъ, туземцы ждутъ кораблей, захваченныхъ безвѣпріемъ, или поспрадавшихъ отъ бурь. Худо вооруженные суда купеческіе окружаютъ иногда куча лодокъ островскихъ и берутъ приступомъ. Экипажъ умерщвляютъ, грузъ захватываютъ, корабль шопятъ. Если разобьется какой нибудь корабль на мѣлахъ здѣшнихъ острововъ — это пиръ и веселье туземцамъ, до сихъ поръ сохранившимъ, какъ говорятъ, вкусъ къ человѣческому мясу.

Южнѣе Андаманскаго, почти на 80-ть лѣ, лежатъ архипелагъ *Никобарскій*. Подъ вѣтромъ его прошли мы черезъ три дня попомъ. Главный изъ этихъ острововъ, *Большой Никобаръ*, былъ занятъ некогда небольшою колоніею *Дашчанъ*; лихорадки здѣшняго влажнаго климата заставили колонистовъ бросить заведеніе, хотя оно находилось у залива обширнаго и безопаснаго. Съ моря, *Никобаръ* являетъ видъ мрачный и печальный. Его гористая и покрытая лѣсами земля населяется небольшимъ числомъ дикихъ племенъ. Въ противность *Андаман-*

цамъ, дикари здѣшніе крошки, робки, гостепріимны, но, лишенные всякой промышленности, гибнутъ отъ голода и бѣдности. Постоянные дожди во все время Ю. З. муссоновъ, и болописныя испаренія подъ лучами пламеннаго солнца, производящъ здѣсь болѣзни, не щадящія даже природныхъ жителей.

Большой Никобаръ, довольно узкій въ ширину, имѣетъ въ длину около 12-ти льё. Остатокъ архипелага состоить изъ острововъ меньшихъ, и они, кажешся, здоровѣе главнаго. Обишатели ихъ, по видимому, не коренные шужемцы, подобно жителямъ большаго острова. Они разводящъ плоды и овощи, содержатъ птицу, собираютъ кокосы, и продаютъ все это кораблямъ, пристающимъ въ ихъ хорошо закрытыхъ гаваняхъ. Женщины Никобарскія стройны и красивы; въ нихъ нѣтъ ничего Малайскаго, и можно подуматъ, что земли здѣшнія населены Индійцами, которыхъ передвинули сюда случайныя бури, или переселеніе.

Отъ Никобара до Паданга, находящагося на З. берегу Суматра, будетъ около 180-ти льё. Мы проплыли это разстояніе въ шесть дней, и 20-го Юня 1830 года передъ нами показалась гора *Офиръ*, или *Гунонгъ-Пазаманъ*, возвышенная на 2165 шаговъ отъ поверхности моря. Вечеромъ спали мы на Падангскомъ рейдѣ.

Падангъ городъ съ 10,000-ми жителей, попеременно бывшій въ обладаніи Португальцевъ, Англичанъ и Голландцевъ. Онъ достался окончательно Голландіи, по разному пракшапу, заключенному

въ 1824 году. Нѣсколько торговыхъ домовъ утвердилось въ этой факторіи, одномъ изъ дѣятельнѣйшихъ рынковъ для торговли перцемъ.

Суматра, самый западный изъ острововъ, названныхъ въ прежнее время *островами Зондскими*, оканчивается собою на С. З. часть *Океаніи*, кошопорую можно назвать вообще *Малезіею* (*). Хотя и старались перенести къ этому острову имя *Тапробаны*, придаваемое поочередно Мадагаскару и Цейлану, но, кажется, не лзя доказать, чтобы Древніе народы знали его, и еще меньше, чтобы они называли его Тапробаною. Нѣкоторые изъ географовъ находили *Ахемскій* мысъ въ Птоломеевомъ *Джаба-Дью*, или *Ява-Диръ* (мысъ ячменя), но это этимологическое предположеніе слишкомъ недостоверно. Первое определенное извѣстіе о Суматра восходитъ не далѣе 1173 года, когда Арабы посѣдили и описали его, подъ именемъ *Рамни*, *Ламери*, или *Саборма*. Черезъ столѣтіе послѣ того, Венеціанинъ Маркъ-Павелъ, рассказывая свои чудесныя походы, говорилъ объ островѣ *Малая Ява*, такъ, что не лзя не узнать въ немъ Суматра. *Анделисъ* есть названіе, даваемое Суматра окрестными народами.

Суматра простирается отъ С. З. къ Ю. В., въ длину, на 380 льё. Его перерѣзываетъ цѣпь горъ, протягиваясь вдоль острова, по есъ отъ Ю. В. къ С. З. — Вшороспешенныя цѣпи отдѣляются

(*) См. томъ I, стр. 31.

онъ центра и окружающъ четыре большія озера, изъ кошорыхъ течетъ вода быстрыми потоками и величественными водопадами. Малое расширеніе склоновъ онъ главнаго хребта горъ представляющъ этимъ потокамъ сдѣлались широкими, большими рѣками. Изъ числа горныхъ вершинъ есть огнедышщая, какъ-то: *Берали*, возвышенная на 2033 футовъ, и *Гунонгъ-Дембо*, высокою въ 4877 футовъ. *Айеръ-Рая*, вулканъ сильнѣйшій другихъ, находится въ рядахъ горъ второстепенныхъ.

Хотя и пересекаемый палящею равноденственною линіею, Суматра не испытываетъ жаровъ, сжигающихъ страны болѣе близкія къ тропикамъ. Спирометрический термометръ рѣдко восходитъ здѣсь выше $29^{\circ} 5'$, между тѣмъ, какъ въ Бенгалѣ достигаетъ онъ до 38° . Температура измѣняется на островѣ сообразно зонамъ. На нѣкоторыхъ внутреннихъ плоскостяхъ, жители принуждены по утрамъ разводить огонь, во время холодныхъ утренниковъ. Не смотря на то, на Суматра нѣтъ снѣгу, даже на высотахъ превосходящихъ Пикъ Teneriffe. Иней и градъ здѣсь вовсе невѣдомы. Единственные событія атмосферическія суть густые туманы, называемые здѣсь *кабутъ*, кошорыхъ въ теченіе двухъ часовъ не могутъ разсѣять самыя яркіе лучи солнца, и частыя бури во время С. В. муссона, сопровождаемыя молніями и громами. Муссоны здѣшніе вѣютъ почти въ одно время и одинаково съ Индійскими: юго-западный, или *сухой*, начинается въ Маѣ, кончится въ Сентябрѣ; сѣверо-восточный, или *влажный*, начинается въ Декабрѣ,

кончися въ Маршѣ. Иногда эти постоянные вѣтры сбиваются вѣтрами Сумапской земли; преоборая муссонъ при захожденіи солнца, островскіе вѣтры продолжаются нерѣдко цѣлую ночь и часть ушра.

Многіе до излишества увеличивали нездоровость Сумапскаго климата. Дѣйствительно, западная сторона береговъ нездорова; болошная и пропитанная влажностью испареній, она жестоко губитъ Европейскихъ мореплавателей, приспавшихъ сюда для шорга перцемъ, и, кажешся, оправдываешъ свое названіе: *Берегъ язвы*; но все побережье на В., отъ мыса Ахемскаго до острова Банка, являешъ мѣста здоровыя и прекрасныя.

Почва Сумапра, вообще, земля пучная, красноватая, покрывая слоемъ чернозема, отчасти известковаго свойства. На этой второй оболочкѣ распушъ густая шрава, кустарникъ и превосходный лѣсъ. Болоша, обильныя по всей западной части, въ иныхъ мѣстахъ сославляющъ обширныя озера, усѣянныя островами, а земли къ югу сплошь являющъ густыя и непроницаемыя лѣса. Въ цѣпи высокихъ горъ, образующихъ собою какъ будто спѣну по срединѣ острова, заключающся ископаемая богатства всякаго рода. Золошо, мѣдь, желѣзо, олово, сѣра, селипра, земляной уголь, напаль (родъ мыловатой земли), горный хрусталь находящся во множествѣ по разнымъ частямъ острова, но добываніе ихъ шрудно и мало прибыльно.

Не смотря на внѣшнюю пучность, земли Сумапскія, въ произведеніяхъ земледѣльческихъ, не выполняющъ того, что общающъ по видимости.

Глинистое свойство верхнихъ слоевъ и малая толщина ихъ, дѣлающъ ничтожною жатву почти всего, что въѣряется ихъ нѣдрамъ. Пошому Малайцы и Европейцы мало занимающся земледѣліемъ; только Кишайскіе, колонисты, перпѣливые и работающіе болѣе другихъ, доспигающъ, при помощи удобреній, до вознагражденія труда своего неблагоприятною почвою. Главные засѣвы сушь: сарачинское пшено, бешель, перецъ, гвоздика, кокосы, и нѣкоторыя красильныя растенія. Сарачинское пшено, возвращаемое на Сумапръ, бываетъ двухъ родовъ—одно сѣютъ на высокихъ и сухихъ земляхъ, другое на низкихъ и мокрыхъ; первое бѣлѣе, крупнѣе и лучшаго вкуса, а второе обильнѣе и болѣе обще. Сѣяніе начинающъ во время постоянныхъ дождей, то есть около Октября; сборка бываетъ черезъ полгода пошомъ, то есть во время сухаго муссона.—Послѣ сарачинскаго пшена, самое полезное для Сумапры произрастеніе кокосъ; здѣсь всего болѣе дорожатъ сердцевиною орѣха, служащею приправой почти всѣмъ кушаньямъ шусемцевъ. Извлекается еще изъ кокосовъ масло для жженія, и напишокъ, кошорому дающъ перебродивъ, и называющъ пошомъ *тодди*; почка лиспьевъ, прежде плода вырастающая на деревѣ, или кокосовая капуста, употребляется вмѣсто зелени; изъ волоконъ орѣха вяжущъ вѣнички; кора нейдешъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, для веревокъ: Сумапрійцы предпочитаютъ для этого *ротангъ* (*rottin*) и *еджу*.—Значительныя насажденія бешеля, или *пенанга*, не только удовлетворяющъ пошребленію

мѣстному, но снабжаютъ еще и другіе Малайскіе острова, пребудующіе его значительное количество. Употребленіе бешеля можетъ почестся однимъ изъ указаній на происхожденіе народа въ этомъ Океанійскомъ архипелагѣ, населенномъ народами столь различными. На Суматра производятся еще множество пряностей для употребленія Восточныхъ народовъ; далѣе, Кайенскій перецъ, куркума, кориандръ, кардамонъ и инбирь. *Ану*, родъ пальмы, производитъ сахаръ, называемый туземцами *джагари*, и хотя туземцы имѣютъ сахарный проспикъ, но употребляютъ его только для жеванья, какъ лакомство. *Сезамъ*, *джаракъ* (изъ зеренъ котораго извлекается рициновое масло (*palma Christi*)), *крату*, или шелковица пигмей, конопля, иньямы, саговое дерево, кукуруза, сладкіе папашы, и множество родовъ овощей, дополняютъ роспись произрастеній, съ успѣхомъ обрабатываемыхъ на Суматра. Между красильными произведеніями считаютъ индиго, сапанъ, *убаръ* (родъ краснаго дерева), и *кассумбо* (*carthamus des Indiens*). Въ числѣ плодовыхъ деревъ должно оплечить: *мангустанъ*, эпидиво Индіи, которому приписываютъ столько чудесныхъ свойствъ; *дюріонъ*, у котораго бѣлое зерно имѣетъ вкусъ жаренаго луку, и, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ качества возбуждательныя; *жакьеръ*, хлѣбное дерево, *биллингбинъ*, *ланса*, *бранганьеръ*, *жамбозьеръ*, бананъ, ананасъ, померанецъ, и проч. — Флора туземная вмѣщаетъ въ себѣ богатства неисчислимыя: всѣ различія Азіатскаго материка находятся въ ней, рядомъ съ произве-

деніями особенно принадлежащими Малайскому архипелагу. Замѣчательнѣйшіе изъ сихъ послѣднихъ суть: *пегальное дерево*, *sounda-maloune* по-Малайски, расцвѣщающее только ночью, и *раффлезія*, найденная на Суматра и Ява Арнольдомъ; огромнѣйшій цвѣтокъ его, въ почкѣ похожій на кочанъ капусты, развернувшись, составляетъ діаметръ въ три фута, всишь 15-ть фунтовъ; въ пычинкѣ его вмѣщается 12-ть пинтъ жидкости. Безъ сомнѣнія, эшопъ цвѣтокъ самый огромнѣйшій въ мірѣ, ибо, считавшійся донынѣ самымъ огромнымъ, *Aristolochia cordiflora*, по описанію Гумбольдта, имѣетъ не болѣе 16-ти дюймовъ въ діаметрѣ.

Но изъ всѣхъ произведеній Суматра ни одно столь не драгоцѣнно и столь не полезно, какъ *перець*, главный предметъ вывоза. Распеніе, производящее эту пряность, есть родъ спелющагося ліана, съ деревянистымъ спволоомъ; листья его темнозеленые, сердцеобразные, тѣдкіе, почти нестерпимые для вкуса. Цвѣтъ бѣлый; плодъ виситъ гроздьями, похоже на смородину, только длиннѣе и площнѣе. Зернушки, зеленые сначала, спѣя, дѣлаются ярко-красными, а потомъ, высушенные на рогожкахъ, принимаютъ эшопъ черный, морщинистый видъ, въ какомъ доставляются къ намъ. Зерна дерева лучше удобреннаго, лучше сохраняютъ свою крѣпость; въ торговлѣ называютъ шакой сорпъ *перцомъ тяжелымъ*; менѣе шучный, опъ качесства земли, или по другой причинѣ, бываетъ болѣе рыхлъ, скорѣе крошится, и шакой перець именуютъ *легкимъ*. Перечное дерево сажаютъ здѣсь,

какъ виноградъ въ Европѣ, однообразными линіями, по прямымъ угламъ. Плодоносіе перца начинается обыкновенно съ прешьяго года и продолжается до двадцатаго. Сборка производится два раза въ годъ, большая въ Сенсябрѣ, малая въ Мартѣ. То, что называютъ *бѣлымъ перцемъ*, не есть особенный родъ: это зѣрна отборныя, съ которыхъ снята верхняя оболочка. — Приготовивъ запасы перца во внутреннихъ обласяхъ, нагружаютъ его на бамбуковые плоты, которые какъ спрѣла лешаютъ по водянымъ попокамъ; близъ впаденія малыхъ рѣчекъ въ большія перегружаютъ его въ огромныя шеземныя лодки, могущія пробиться сквозь приморскій бурунь и вывезти грузъ въ море, гдѣ передаютъ его, или прямо на Европейскіе корабли, или Малайскимъ прибрежнымъ шорговцамъ, для опвоза въ Падангъ, Бенкуленъ, Таппанули.

Другое значительное произведеніе Сумапра *камфара*, называемая Малайцами *sarour barrous*. Съ опдаленнѣйшихъ временъ, Борнео и Сумапра славились на Восшокъ эшимъ произведеніемъ, качества котораго были превознесены Арабами. Камфара есть слѣдствіе сгущенной кристаллизаціи, совершающейся въ сердцевинѣ камфарника, дерева споль высокаго и споль шолсшаго, какъ доброе спроевое дерево, досигающаго иногда до 45-ти фушовъ въ окружности. По звуку, какой издаетъ дерево опъ удара палкою, шеземцы узнаютъ что въ немъ есть камфара. Въ такомъ случаѣ рубятъ его, щашельно раскалываютъ, и собираютъ въ сердцевинѣ матерію окристаллованную, но легкую,

разсыпчатую и чрезвычайно легко разводимую—это чистая камфара, цѣна кошорой разнишя по добротѣ ея. Главный сбытъ производящъ въ Кишай, гдѣ Сумапрскую камфару предпочитаютъ Японской, болѣе дешучей и менѣе способной пропиться дѣйствію воздуха. Вещество, извѣстное подъ именемъ *камфарнаго масла* производяща не стѣмъ деревомъ, изъ кошораго извлекающъ кристаллованную камфару. Хошя и называющъ это вещество масломъ, но скорѣе оно есть жидкая, дешучая смола, неимѣющая никакихъ маслянистыхъ свойствъ.

Бензуй, или дензуй, есть также обильное произведение Сумапра. Онъ печешъ изъ одного дерева, весьма обыкновеннаго въ землѣ Баншовъ. Это родъ гумми, или смолы, бѣлой, мягкой, пахучей; чистая при первомъ разрѣзѣ дерева, она перяешъ свои качества по мѣрѣ печенія, и наконецъ выходитъ самый простой сортъ ея. Бензуй вывозящъ въ Аравію, гдѣ употребляютъ его величайшее количество; лучшіе сорты идущъ въ Европу, и шамъ служатъ для различнаго употребленія.

Другіе предметы вывоза сущъ: *Cassia lignea*, обыкновенная *корица*, добываемая, подобно камфарѣ и бензую, безъ всякой предварительной обработки, въ сѣверной части острова; *ратангъ*, камышъ, весьма крѣпкій, вывозимый въ Европу цѣлыми грузами и употребляемый на просши; *шелковистая хлопчатая бумага* (*Bombax*), вещество прелестное на видъ и осязаніе, по своему лоску, мягкости, тонкости, но не весьма годное для употребленія,

по корошкоспи волоконъ, разрывчашоспи и непрочноспи ихъ, почему и служишъ оно наиболѣе для набивки подушекъ и постелей. Дерево производящее эту бумагу распространяешъ въшви свои ошвѣсно, по шри рядомъ около спвола, шакъ, что онѣ образуюшъ по спволу шреугольники, въ равномъ одинъ ошъ другаго размояніи; шакая правильносшъ формъ засшавила назвашъ дерево *зонтичнымъ*, пошому что, дѣйствительнo, оно походишъ на зоншикъ. На Сумапра родяшся шакже посредсшвенные соршы кофе, гебенoвое и шековoе дерева, желѣзное дерево (мачшы кошораго, до 70 фушовъ длиною, досшавляюшъ въ Палембангъ), сандалное и алоевоe дерева.

Сумапра ошправляетъ еще въ Каншонъ много шюковъ особеннаго лакомсшва для Кишайскихъ споловъ и угощеній—*салангановыхъ*, или ласпочкиныхъ гнѣздъ. Пшица, вьющая эши гнѣзда, сосшавляетъ ихъ для дѣшенышей своихъ изъ слизисшыхъ вещесшвъ, и прицѣпляешъ въ высокихъ ущельяхъ горныхъ, гдѣ видны они, какъ будшo маленькія чашечки. Туземцы производяшъ сборку ихъ по два раза въ годъ, взбираясь на бамбуковыхъ лѣшницахъ къ самымъ ушесисшымъ скаламъ, и собирая шамъ гнѣзда, какими онѣ усеѣаны.

Среди всѣхъ эшихъ богашсшвъ, шo, кошорому съ перваго взгляда можно-бы позавидовашъ болѣе другихъ — *золото*, даешъ самые бѣдные барыши. Золошые рудники Паданга и Менангъ-Кабу едва производяшъ сполько, шобы можно было заплашишъ добычею за издержки рабошы. Хошя г-нѣ

Крауфордъ возводишъ до 36,000 унцій количес-
во золота, собираемаго на всемъ оспровѣ, но
трудно допустишъ такой итогъ, и, кажешся, вѣр-
нѣе опредѣлишъ его съ другими наблюдателями
опѣ 42-ши до 45,000. Добываніе золота почти
исключительно предославлено Малайскому населе-
нію, за исключеніемъ первобытныхъ туземцевъ Су-
мапра. Вездѣ, гдѣ только можно набрать, хоть
немного, драгоцѣннаго металла, ушвердились Ма-
лайцы, какъ-то: въ Лемунѣ, Бопангъ-Асси, Пюкал-
лангъ и Ямбу. Золото добывается двухъ родовъ,
одно ископаемое, другое промываемое изъ песка.
Индѣ золото являешся металлическими чистыми
жилками, и нерѣдко крупинками, въ шестъ и семь
унцій. Въ другихъ мѣстахъ находяшъ его въ нис-
шихъ качествахъ, блѣднаго, землянистаго цвѣта.
Малайцы производяшъ работу такъ невѣжественно
и лѣниво, что Англичане и Голландцы, поочередно
думали о томъ, какъ извлечь болѣе барыша изъ
драгоцѣннаго металла Менагъ-Кабу; но послѣ
нѣщательныхъ испытаній, шѣ и другіе отказались.

Сумапра считаешъ много родовъ живошныхъ,
общихъ ему съ южною Азіею. Лошади здѣшнія малы,
но складны, смѣлы и мочны. Коровы, овцы, козы
также величины посредственной. Въ лѣсахъ во-
дяшся слоны, однорогіе носороги (гораздо мень-
ше противъ своихъ Африканскихъ собратьевъ, съ
кожею покрышою пашнами и твердыми, корешки-
ми волосами), бегемоты, царскіе шигры, черные
медвѣди (питающіеся кокосами), выдры, дикобразы,
козы, черныя антилопы (съ сѣрою гривой), выху-

холь, и много родовъ обезьянъ, изъ которыхъ замѣчательна *Simia nemestrina*, съ бородастымъ рыломъ, кажется, особенно принадлежащая здѣшней сторонѣ.

Въ Сумапрскихъ лѣсахъ встрѣчающіяся донинѣ *орангутанги* (*Pythecus satyrus*), кажется, болѣе похожіе на Вурмбовыхъ *Понго*, нежели на Африканскихъ черныхъ орангутанговъ. Въ прежнія времена, эша удивительная порода обезьянъ, по видимому, обиловала въ Сумапра, но теперь сдѣлалась она весьма рѣдка. Однимъ изъ превосходныхъ образцовъ живописнаго сего рода должно почестъ того орангутанга, о которомъ говоритъ докторъ Авель Клеркъ (въ XV-мъ томѣ *Азійскихъ изслѣдованій*, 1826 года). «Машрозы лодки, бывшей подъ начальствомъ г-дъ Краггейманъ, офицеровъ брига *Марія-Анна-Софія* (говоритъ Клеркъ), сошли на землю въ Рамбунъ, близъ Турамана, на С. З. берегу Сумапра, и по срединѣ рѣдкой рощицы замѣтили орангутанга исполинской величины. Увидѣвъ людей, звѣрь соскочилъ съ дерева, на которомъ сидѣлъ, но замѣшивъ, что на него хотѣтъ напасть, вскарабкался на другое дерево. На бѣгу казался онъ похожимъ на человѣка высокаго роста, покрытаго темноватыми, лоснящимися волосами, и опъ времени до времени долженъ былъ опираться, по утверждаясь о землю на рукахъ, по хватаясь за вѣтви по дорогѣ. Когда уцѣпился онъ снова за дерево, силы его оказались вполне: онъ скакалъ съ вѣтви на вѣтвь, съ сучка на сучекъ, шакъ-же проворно, какъ самая маленькая и ловкая

обезьяна. Напрасно спали-бы спрѣлять въ него въ роцѣ густой и часпой, куда успѣлъ онъ убѣжать, пошому чшо звѣрь прыгалъ съ дерева на дерево гораздо скорѣе, нежели лошадь бѣжитъ по землѣ галопомъ. Его ловкость и гибкость были столь велики, чшо невозможно было даже успѣшь прицѣлишься въ него. Только употребивъ особенный родъ шакшики (срубивъ около него множество деревьевъ), могли остановить бѣгъ его, и тогда выстрѣлили въ него изъ нѣсколькихъ ружей. Одна пуля попала ему, вѣроятно, въ легкія, пошому, чшо вдругъ изрыгнулъ онъ множество крови. Думали, чшо онъ уже совсѣмъ издыхаетъ въ своемъ вѣшвиспомъ убѣжищѣ, какъ вдругъ, къ великому удивленію ловцевъ, звѣрь вспрыгнулъ снова и побѣжалъ къ другимъ деревьямъ. Бросились за нимъ, окружили его, опрѣзали ему пушъ. Тогда, далекій опъ ушупки, храбрый дикарь, не боясь числа, выпрямился и принялъ положеніе человека, рѣшившагося защищаться до послѣдняго издыханія. Его кололи копьями; онъ схватилъ одно изъ нихъ и переломилъ на двое, какъ будто морковь, по добродушному разсказу моряковъ. Но послѣ сего усилія, чувствуя истощеніе силъ, звѣрь принялъ выраженіе умоляющей скорби; онъ захватывалъ свои раны, и показывалъ на нихъ, столь жалосшно, чшо моряки, горячо преслѣдовавшіе его, почувствовали сожалѣніе. Мертвый орангушангъ эшопъ былъ предметомъ удивленія для самыхъ шуземцевъ, никогда не видывавшихъ подобнаго въ своей споронѣ. Расшянушый на землѣ, онъ имѣлъ до 6-ши фушовъ въ

вышину, и цѣлою головою превосходилъ самаго рослаго изъ мапировъ. Тѣло его было весьма соразмѣрно; спина широкая и чешыреугольная, низъ тонкій, глаза большіе, хоша и меньше человѣческихъ по сравненію. Носъ казался обозначеніемъ, нежели у обезьянъ другихъ породъ. Ротъ весьма широкій. Курчавая борода, орѣховаго цвѣта, въ при вершка длиною, украшала губы и щеки, и дѣйствительно казалась болѣе украшеніемъ, нежели безобразною присавкою къ лицу; руки были длинны несоразмѣрно. Красота зубовъ, копорые всѣ оказывались цѣлы, служила доказательствомъ, что живошное было еще не спаро. Волосы, покрывавшіе все тѣло его, были гладки, нѣжны и блестящи. Что особенно удивляло всѣхъ—это живучесть, позволявшая живошному еще оказывать чувство, послѣ сполькихъ ударовъ смертельныхъ. Сила мускуловъ долженствовала бытъ у него весьма велика, пошому, что раздраженіе фибръ являлось даже и тогда, когда трупъ орангушанга былъ уже перенесенъ на корабль и повѣшенъ для снятія кожи. При этомъ дѣйствіи, совершенномъ черезъ долгое время послѣ его издыханія, прикосновеніе ножа произвело ужасающее движеніе мясистыхъ частей. Такой родъ гальванической жизни былъ споль изумителенъ, что когда дошли до спинныхъ частей, Капитанъ приказалъ остановить работу, и сначала опрубить голову живошному. Орангушангъ эшотъ, вѣроятно, случаемъ забѣжавшій въ тѣ мѣста, гдѣ его убили, долженствовалъ бродить весьма долго прежде того, пошому, что

ноги его были по колѣна въ грязи. Безъ сомнѣнія, вышелъ онъ изъ непроницаемыхъ лѣсовъ, начинающихся въ нѣсколькихъ лѣѣ отъ мѣста поимки его, и куда не осмѣливаешься ходишь ни одинъ изъ жителей окрестностей. Туземцы, сбѣжавшіеся на ловлю живошного, ему приписывали пошомъ спранные вопли, слышанные ими уже по нѣскольку дней, и не походившіе на крикъ ни одного изъ дикихъ звѣрей, водящихся въ окрестностяхъ. — Высушенная кожа орангушанга была еще 5 фушовъ, 4 дюйма въ длину, отъ плечъ до конца ногъ; ширина ея въ шеѣ простиралась на 3 дюйма, въ лицѣ на 8-мь. Лицо звѣря было совершенно голое, исключая подбородокъ и низъ щекъ, гдѣ начиналась борода; волосы черно-свинцоваго цвѣта падали по сторонамъ и на виски; вѣки были съ рѣсницами; губы, по видимому, не толсты; уши, прижатые къ головѣ, простирались въ длину на $1\frac{1}{2}$ дюйма; руки весьма длинны.»

Въ томъ-же году, еще поймали орангушанга, того-же рода, живаго, на Малезскихъ островахъ, и привезли на корабль *Октавія*. Своимъ длиннымъ рыломъ и цвѣтомъ кожи, онъ былъ похожъ нѣсколько на Негра; за исключеніемъ губъ и окружности глазъ, ладоней и подошвъ, кожа его была гладка и одноцвѣтна. Темные глаза его были углублены, носъ коропкій, губы толсты, плеча широки и плоски, ягодицы полузакрыты шерстью, но раздѣльны. Машрозы корабля *Октавія* назвали его Жоржемъ, и живошное дружно уживалось съ нимъ. За споломъ оно подавало кофе; мело палубу, чер-

пало воду, и оказывало разныя прислуги. Плащье офицерамъ чисшило оно не хуже всякаго слуги. Наказанный за шалости, Жоржъ плакалъ и показывалъ раскаяніе, какъ дитя. Любимая пища его было сарачинское пшено, но онъ любилъ также плоды, пилъ чай, кофе, бѣлое вино. Сдѣлавшись боленъ, онъ давалъ себѣ щупать пульсъ и принималъ лекарства.

До сихъ поръ невозможно было сдѣлать наблюдений надъ нравами орангушанговъ на Малайскихъ островахъ, какъ могли сдѣлать ихъ надъ черными орангушангами Ангольскими и Конгскими. Неизвѣстно: уединенно-ли, парами, или сподами живутъ они? Илія Гессъ говоритъ объ опасности, какой подвергается женщина, переходя черезъ лѣсъ, гдѣ они живутъ. Но какъ черная Африканская порода орангушанговъ рѣшительно сходна съ Сумаптрскою, слѣдственно, и свойства ихъ должны представлять большое сходство съ свойствами Малайскихъ, или рыжихъ орангушанговъ. Сообразишь ихъ здѣсь, значишь дополнишь описаніе этого страннаго живошнаго.

У чернаго Африканскаго орангушанга лицо гладкое и черное, какъ у мулабра, съ бакенбардами съ обѣихъ сторонъ; глаза маленькіе, сближенные, но живые, съ выраженіемъ безпокойства, и не безъ крошкаго опшѣнка. Туловище, довольно складное, усѣяно рѣдкими волосами, черноватыми, швердыми, длиннѣе на плечахъ, рѣже на брюхѣ широкомъ и плоскомъ, на груди и внутри лядвей. Ягодицы означающіяся, но безъ разрѣза. Руки плосны, доволь-

но складны и сходящъ только до колѣнъ. Кисти рукъ крѣпки, не будучи длинными, гладки и сѣроваты; большой палецъ немного опдаленъ, а на ногахъ онъ опдаленъ гораздо менѣе, нежели у породы Малайскихъ орангустанговъ. Спина похожа на Негришанскую, и нерѣдко длиннѣе, пошому, что у орангустанга однимъ позвонкомъ болѣе человеческого. Что ни говорили объ орангустангахъ черныхъ, но они не кровожадны и не хищны, хотя собираясь стадами образуютъ родъ укрѣпленнаго лагеря, и защищающагося въ немъ отъ всякаго хищнаго звѣря, даже отъ льва и слона, копорыхъ упоминающъ и приводящъ въ замѣшательство своею ловкостью. Жадные къ свободѣ, они остерегающагося Негровъ, и умерщвляютъ того, кто угрожаетъ ихъ жизни и спокойствію. Желая выразить этотъ инстинктъ самосохраненія, Прево, а за нимъ и Лагарпъ, въ своихъ *Исторіяхъ о странствованіяхъ вообще*, не нашли выраженій лучше слѣдующаго: *Cet animal est si féroce, qu'il se défend quand on veut le tuer....* (Сіе животное только свирѣпо, что защищается, когда хотятъ убить его)....

Пурчасъ, наблюдавшій орангустанговъ въ естественномъ ихъ состояніи, въ лѣсахъ области Лоанго, рассказывалъ Баттелю, что черный орангустангъ ходитъ прямо, не опираясь руками о землю, живетъ въ лѣсахъ, цѣпляясь за деревья, среди коихъ устроиваетъ родъ крыши, защищающей его отъ дождя. Онъ питается дикими орѣхами, и не ѣстъ мяса. Когда на своемъ становищѣ, лю-

ди оставляють зажженный огонь на ночь, орангушанги собираются къ пепелищу и грѣются съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Они умѣютъ бросать камни и строить хижины. «Никогда еще не могли поймать (говоритъ Батшель) взрослого орангушанга, ибо они такъ сильны, что десять человѣкъ не сладили-бы съ однимъ, но Негры ловятъ много дѣтенышей, убивая маперей ихъ. Когда орангушангъ умретъ, другіе изъясляютъ печаль и покрываютъ тѣло его листьями. Одинъ изъ Негришенковъ моихъ—прибавляетъ повѣствователь—былъ унесенъ орангушангами, и жилъ нѣсколько недѣль между этими живошными, но они не причинили ему никакого вреда.» Какой-то Лаброссъ, упоминаемый Бюффономъ, говоритъ еще болѣе. «Въ Лоанго (по словамъ Бюффона) видѣлъ онъ женщину, Негришянку, похищенную орангушангами, и прожившую съ ними въ лѣсахъ три года, гдѣ обитали они всѣ вмѣстѣ въ листовяной хижинѣ. Негришянка не могла потомъ нахвалиться хорошимъ обхожденіемъ съ нею этой породы звѣрей.» Самки черныхъ орангушанговъ спрашно любятъ дѣтей своихъ, и, кажется, что щенятся однимъ дѣтенышемъ, котораго носятъ отъ семи до девяти мѣсяцевъ. Что касается до продолженія жизни орангушанговъ въ дикомъ состояніи, ничего вѣрнаго не могли узнать донынѣ. Естественныя всеѣдущіе (omnivores), орангушанги рвутъ себѣ на пищу плоды, ищутъ пчичьихъ яицъ на деревьяхъ и въ кустарникахъ, ловятъ лягушекъ, до которыхъ они большіе лакомки, и питаются также

улишками, молюсками и усприцами. — Въ состояніи рабства, между людьми, орангушанги послушливы, подражательны, понятливы, почтительны къ шѣмъ, кпо ходишь за ними. Нравъ ихъ крошечъ и важенъ. Привычки опрятны и общительны. Всѣ шѣ орангушанги, которыхъ имѣли случай наблюдать, сходны характеромъ; охотно ѣдятъ они все, что ѣдятъ люди: молоко, овощи, закуски, даже мясо; одинъ изъ орангушанговъ любилъ пить малагу; другой ошкупоривалъ бутылку и чистилъ себѣ зубы. Всѣ они предпочитали питье изъ спакана локанью, умывались и утирали себѣ руки салфеткою, спали себѣ постели, выносили на солнце свое изголовье и одѣяло, съ удовольствіемъ ложились на матрацы и подушки, служили за споломъ, носили дрова и воду съ величайшимъ послушаніемъ, по приказу хозяевъ своихъ.

Порода рыжихъ орангушанговъ не есть единственная на Сумаптрѣ. Здѣсь находятся также *симіангъ* (*Hilobates syndactylus*), найденный и хорошо описанный Альфредомъ Дювоселемъ. Эта порода бродитъ здѣсь, по его описанію, многочисленными стадами, и изъ числа другихъ болѣе сильные и болѣе ловкіе, кажутся, повелѣваютъ остальными собраніями. Ужасный крикъ при восхожденіи и захожденіи солнца указываетъ на мѣста сборищъ этихъ животныхъ, которыхъ можно почести выродившимися орангушангами, оглупѣвшими, униженными, подобно дворной собацѣ и Негру невольнику.

Еще животное, особенно свойственное Суматра, есть буйволъ, или *карбу*, приученный здѣсь ко множеству домашнихъ работъ въ жилища человека. На шеѣ и плечахъ буйвола находится мясистый наростъ, обозначающій породу зебу; ноги его короче воловьихъ, а копыта огромны; рога находящаяся у него на верхушкѣ лба; небольшой хвостъ оканчивается шелковистую шишкою. Самка носитъ дѣтеныша девять мѣсяцевъ; она сажаетъ его на спину себѣ, если надобно переплыть глубокую рѣку. Самецъ, въ дикомъ состояніи, защищается противъ всѣхъ свирѣпыхъ звѣрей, даже противъ шигра. Ходя стадами, буйволы, при опасности, бьются дружно, все вмѣстѣ. Они спавшаяся рядомъ противъ непріятеля, выставляющъ противъ него рядъ роговъ, и если онъ усиливается въ нападеніи, поражаютъ его ударами ужасныхъ головъ своихъ. Иногда, въ правильномъ порядкѣ опешупленія, они бѣгутъ опрощью, опшанавливаясь въ нѣкошоромъ разсшояніи, и такъ продолжаютъ бѣгство, пока не уйдутъ въ лѣса, ихъ укрывающіе. Никакое военное движеніе въ такомъ случаѣ не могло-бъ быть лучше размѣрено и произведено. Величайшее наслажденіе буйвола валяться въ болошной шинѣ, опъ чего налегаетъ на кожу его глинистая обмазка; она дѣлаетъ ему нечувствительнымъ укушеніе насѣкомыхъ. Ручные буйволы запрягаются въ плугъ и употребляются для пашни. Работаютъ они тихо, но терпѣливо, и не смотря на спрашную силу, не выносятъ большой усталости; малѣйшая

болѣзнь убиваетъ ихъ. Буйволовоє молоко превосходно; только изъ него дѣлаютъ масло, для мѣснаго употребленія.

Полный списокъ пернатыхъ обитателей Суматрскихъ лѣсовъ былъ-бы слишкомъ огроменъ. Самыя блестящія, самыя прелестныя породы водятся здѣсь. Фазанъ здѣшній красоны необыкновенной, огромнѣе фазана Европейскаго, цвѣта перьевъ яркаго и прелестнаго. Индійскіе пѣшухи и курицы изобилуютъ, и въ южной сторонѣ острова доспигаютъ величины чрезвычайной, подобно Баншамскимъ. *Ardea argala* Бенгальскій находится въ Палембангскомъ царствѣ. *Анганъ*, или пшица-носорогъ, такъ названная по рогу, находящемуся у нея на головѣ, кажется, не получила еще надлежащаго мѣста въ нашемъ Естественномъ знаніи; по всѣмъ примѣзамъ, она должна принадлежать къ казуарамъ. Другіе роды пшицъ одинаковы съ находящимися на Индійскомъ материкѣ.

Пресмыкающихся въ Суматрѣ множество, начиная съ огромнаго рѣчнаго аллигатора, пожирающаго людей, до ящерицъ, наполняющихъ дома и бѣгающихъ по пополкамъ комнатъ. Хамелеонъ и ящерица лешучая обитаютъ въ здѣшнихъ кустарникахъ. Нигдѣ насѣкомыя такъ не многочисленны и такъ не докучливы, какъ на Суматра. Муравьи находящіяся здѣсь всѣхъ родовъ, и особенно бѣлый муравей, все пожирающій (termite): дома, дерево, мебель, пищу — это истинная язва Восточныхъ земель, противъ которой только и защищаетъ каменное, или горное масло.

Народонаселеніе Сумапра есць смѣсь различныхъ народовъ и многоразличныхъ поколѣній, которыя трудно было-бы подвеспи подъ общее распределеніе. Нѣкоторые изъ географовъ придумывали недоспашочный раздѣлъ ихъ на идолопоклонниковъ и мугаммеданъ; другіе изобрѣшали особый разборъ, гдѣ первобытные туземцы (*aborigènes*) опдѣляющся опъ обипашелей, позднѣе ушвердившихся на Сумапра. Ученый Марсденъ, заслужившій сполько чеспи своими трудами, подчинилъ дѣленіе породъ географическому разграниченію. Такъ онъ призналъ *Малайцесъ* въ царствѣ Менангъ-Кабу, а *Ахемовъ*, *Баттовъ*, *Реджанговъ*, *Лампунговъ* въ жишеляхъ областей, носящихъ сіи названія. По всему казалось эшому спрогому наблюдашелю, что самый первобытный народъ (*le peuple autochtone*) долженспвовали соспавлять *Реджанги*. Ихъ ценспральное пребываніе, лучше другихъ защищавшее прошивъ чужеземныхъ нововведеній, ихъ языкъ, ихъ опличная азбука, подшверждающъ и оправдывающъ шакое предположеніе.

Реджанги роспа выше средняго, съ членами шѣла малыми, но весьма соразмѣрными. У нихъ спущеспвуешъ обыкновеніе уродовать голову новорожденнаго, подобно обипашелямъ нѣкоторыхъ оспрововъ Океанійскихъ. Они придавливающъ носъ, сжимающъ черепъ, вышягивающъ уши до шого, что они шорчашъ прямо выше головы. Глаза Реджанговъ черные и живые, иногда косые, какъ у Кишайцевъ; волосы густы, черны, и споль длин-

ны у женщинъ , что нерѣдко висятъ до земли. Мужчины выжигаютъ себѣ бороду *шунаномъ* (родъ извеси). Впрочемъ , съ перваго взгляда видишь , что это уже не Индійскій шипъ. Правильный очеркъ лица , округлость его объемовъ , согласное расположеніе чертъ исчезли и уступили мѣсто выдавшимся скуламъ , углубленнымъ щекамъ , маленькимъ и узкимъ глазамъ , сплюсненному носу , полнымъ , некрасивымъ губамъ. Это *Малайскій типъ* , умеренный мѣстностью , или опъ древнихъ и неопредѣленныхъ смѣшеній , или опъ горной жизни , всегда лучше соблюдающей формы плъ и цвѣтъ кожи. Малайцы , и вообще всѣ шеземцы острова , раздѣляютъ этошъ характеръ физиогноміи , общій Реджангамъ , съ небольшими измѣненіями.

Обыкновенное одѣяніе Сумапрійцевъ мало разниши опъ Таиискаго. Его составляютъ куршка , шаровары и шляпа , все изъ древесной коры , бишой и мягкой , какъ козлиная кожа. Нынѣ почти всѣ островишяне приняли Малайскій нарядъ : это узкая куршка , безъ рукавовъ , съ ворошникомъ , какъ у нашихъ рубашекъ , и съ пуговицами , копорыя у богатыхъ бываютъ золошыя филогранныя. На эту куршку надѣвается *баджу* , родъ шлафрока , изъ бумажной , синей или бѣлой шкани , иногда изъ Персидской шкани (сипца) , у богатыхъ изъ шелковой матеріи съ цвѣтами. Обыкновенно , сверху набрасывается еще *кайанъ-саронгъ* , огромная шпука шкани , опчасши цвѣпная , шести или восьми фушовъ длины , шрехъ

или чешыре хъ въ ширину, образующая собою родъ мѣшка, безъ дна. Иногда поднимающъ его и оспавляющъ на плечахъ; иногда обвертываютъ и закручиваютъ на поясѣ и бедрахъ, или, когда нарядъ бываетъ полный, укрѣпляютъ посредствомъ поршупей кри (кинжала), обыкновенно шелковой, алаго цвѣта, и нѣсколько разъ обвернутой вкругъ шѣла. Шаровары почти всегда дѣлаются изъ красной или желтой шафры, и не переходящъ за икру. Оспальная часть ногъ голая. Вокругъ головы обвертываютъ цвѣтной плашокъ, завязывая его узломъ, такъ, что верхушка головы оспается опкрышою.

Одежда женщинъ состоишъ въ родѣ корсета, или корошкой куршки, покрывающей грудь и сходящей ниже бедръ. За шѣмъ надѣвается кайанъ-саронгъ, описанный выше, и женщины окушываются имъ опъ подплечьевъ до ногъ, придерживая его обыкновенно поясомъ, шелковымъ, шипымъ, или обложеннымъ золошомъ. Женское баджу мало различается опъ мужескаго, а шпука бумажной шкани, почти прозрачной, саландангъ, служишъ имъ шарфомъ, или покрываломъ. Головная уборка довольно изящна: волосы, или поднимающъ по Кишайски, на верхушку головы, либо позади головы, или всбиваютъ маленькими раздѣльными пучками, придерживая ихъ золошымъ, или черепаховымъ гребнемъ. Въ южной части оспрова, молодья дѣвушкиносяшъ на головѣ золошой, или серебряный обручикъ, окружающій имъ волосы. Это служишъ признакомъ дѣвческаго ихъ состо-

янія, что означается еще кольцами, или браслетами, золошыми и серебряными, носимыми около кистей рукъ.

Обычай у Сумапрійцевъ, такъ-же какъ у Малгашей и нѣкоторыхъ Океанійскихъ островишянъ — подпиливать зубы, по природѣ бѣлые и красивые. Въмѣсто пилы, употребляютъ для сего маленькій почильный камешекъ; бѣдняковъ кладутъ для этой операціи на спину. Въ области Лампунгской женщины лакируютъ себѣ зубы гуммью. Въ другихъ мѣстахъ, богатые люди облѣпливаютъ ихъ золошомъ на всю жизнь. На близъ лежащихъ около Сумапры островахъ, женщины распятиваютъ себѣ опверстія ушей, такъ, что въ нихъ помѣстятся кулакъ.

Внутреннее народонаселеніе острова обитаетъ въ *дузомахъ*, или селеніяхъ, почти всегда расположенныхъ на берегу рѣки, либо озера. Эти *дузома*, окруженные плодовишыми деревьями, состояющія обыкновенно изъ чешыреугольника домовъ, прорѣзаннаго улицами и проходами. Ни камень, ни кирпичъ, ни глина не входятъ въ постройку; строенія сдѣлались-бы отъ того тяжелы, и опасны, по причинѣ частыхъ землетрясеній на Сумапра. Все строится изъ дерева. Основаніе дома ушверждаютъ на обрубкахъ, въ 7 и 8-мъ фушовъ вышиною; кресъ-на-кресъ положенныя бамбуковины составляютъ полъ, и на немъ возвышается клѣпка хижины; невысокія стѣны ея оканчивающіяся остроугольною кровлею, и покрывающіяся пальмовымъ лисномъ, замѣняющимъ соло-

менную крышу. Для достиженію къ единственному опверзнію такого жилья, надобно цѣпляться по бамбуковой лѣсенкѣ. Въ половинѣ кровли видно окошко, для провѣванія хижины. Каждый вечеръ, въ хижинахъ отдѣльно построенныхъ вспаскиваяющъ внѣшнюю лѣсенку внутрь. Домашніе приборы такихъ жилищъ состояющъ въ рогожкѣ, служащей постелью; надъ нею бываетъ пологъ, или родъ закрышки, изъ разноцвѣтной шкани. Въмѣсто столовъ большія деревянныя скамьи на ножкахъ; на нихъ распанавливаютъ мѣдныя блюда, и вокругъ нихъ усаживающіеся обшашели за обѣдъ, не поджимая подъ себя ногъ по-Турецки, но только упираясь локтями въ колѣна. Обыкновенная пища Сумапрійцевъ распенія, особенно сарачинское пшено, пригошовленное въ видѣ *кари*; впрочемъ, они не опвергаютъ и мяса, вопреки Индійскимъ повѣрьямъ. Буйволошина, козляшина, птица часто являющіяся жареныя на обѣдъ ихъ. Они солятъ икру, и весьма уважающъ кавьяръ, составленный изъ раковой икры.

Число языковъ Сумапрійскихъ соразмѣряется съ числомъ шуземныхъ поколѣній. Здѣсь говорятъ Ахемскимъ, Баппскимъ, Реджангскимъ, Лампунгскимъ языками, и въ то-же время Малайскимъ, главнымъ изъ всѣхъ другихъ коренныхъ нарѣчій. Малайскій языкъ, копораго первобытную колыбель указать трудно, весьма легокъ и звученъ; онъ распространенъ по всему этому Океанійскому архипелагу, и по сладкозвучію своему заслужилъ имя языка *Итальяно-Восточнаго*. Обиліе гласныхъ и уда-

леніе согласныхъ нѣмыхъ, дѣлающъ его гармоническимъ и пріятнымъ. У Малайцевъ есть своя словесность, есть и піишика, по которой составляются ихъ пѣсни, баллады и другія стихотворенія. Нѣсколько словъ Арабскихъ и Португальскихъ вкрались въ этотъ языкъ, допускающій подобныя нововведенія. Малайцы пишутъ нынѣ Арабскими буквами, хотя у нѣкоторыхъ внутреннихъ племенъ сохраняется азбука самобытная и первоначальная. Реджангскій и Баттскій языки, самые обширные на Суматра послѣ Малайскаго, различающіяся не столько словами, сколько смысломъ, какой придается словамъ. Безъ сомнѣнія, необыкновенный, можетъ быть, единственныи примѣръ въ Истории, что два народа, обитающіе на одномъ островѣ, оба считающіе себя первобытными, достигнувшіе равнаго образованія, говорящіе языками одного корня, имѣютъ азбуки различныя, не только одна опъ другой, но даже опъ всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ азбукъ. Главное различіе, существующее между Малайскими и первобытными Суматрійскими нарѣчіями, есть то, что Малайцы, какъ Арабы, пишутъ опъ правой стороны на лѣво, а Суматрійцы, какъ-то : Батты, Реджанги и Лампунги, съ лѣвой на право. Буквы изображаютъ они чернилами на древесныхъ листьяхъ, или опъремъ кри на кускахъ бамбука.

Свѣдѣнія туземцевъ Суматры въ наукахъ незначительны. Годы у нихъ лунные, какъ у мугаммеданъ, но они опредѣляютъ солнечный поворотъ ученомъ временемъ года и жавъ. Дѣленіе времени

на недѣли имъ неизвѣстно, и дни счищаютъ они рожденіемъ и ущербомъ мѣсяца. Периодичность приливовъ и фазы лунные исчисляются и предсказываются ими. Во время зашмѣній производятъ они страшный шумъ, посредствомъ звучныхъ орудій, чтобы не дать, по словамъ ихъ, одной звѣздѣ съѣсть другую. Что касается до лѣточисленія и Историческихъ свѣдѣній, у нихъ нѣтъ ничего опредѣленнаго въ этомъ отношеніи. Только по темному преданію продолжается между ними память о минувшемъ времени. Въ Географіи такое-же незнаніе: они не вѣдаютъ даже того, что земля ихъ островъ. Ахемскіе обитатели, производящіе прибрежное плаваніе, заняли у Арабовъ и Индійцевъ нѣкоторыя практическія свѣдѣнія о Морской Астрономіи. Наука численія такъ ограничена у Суматрійцевъ, что они не имѣютъ даже словъ для означенія чиселъ выше 40,000. Мѣру составляютъ *катти* и *пикуль*; сто кашпи дѣлаютъ одинъ пикуль, равный $433\frac{1}{3}$ фунтамъ.

Медицина, подобно Индійской, ограничивается познаніемъ и употребленіемъ нѣсколькихъ простыхъ средствъ; каждый шарикъ, каждая шаруха имѣютъ право гошопить и давать ихъ. Нѣкоторыя расшенія употребляются въ насойкахъ, другія какъ плашеры. Самыя губельныя здѣшнія болѣзни суть: *проказа* (кажется, не смертельная и не заразительная, но кожа отъ нея шелушится и страшно безобразитъ человека) и *элефантіазическая болѣзнь*, кошорой слѣдствія бѣдственны: кожа опскаетъ лоскушками, кости гніютъ до

можжетка, шѣло опваливается кусками: это шлѣніе за-живо, медленное, видимое, ракъ, распроспраненный на все шѣло. Такъ какъ болѣзнь эшу почитаютъ заразишельною, то больного, поспигнушаго ею, гонятъ изъ его семейства, изъ дома, изъ всякаго обиталища человѣческаго; принужденные бѣжатъ въ лѣса, и живутъ тамъ въ хижинахъ, ими самими построенныхъ, несчастные влачатъ бѣдственную жизнь, питаясь подаеніемъ, отъ времени до времени приносимымъ ихъ прежними родными.

Ремесла и промышленность во внутреннихъ областяхъ почти ничтожны, но въ приморскихъ мѣстахъ есть фабрики и мастерскія. Ахемское царство, говорятъ, имѣло прежде лишейныя для пушекъ, и даже въ наше время область Менангъ-Кабу сохранила славу выдѣлки огнеспрѣльныхъ оружій и Малайскихъ кри, столь хорошо закаляемыхъ. Но первѣйшая промышленная слава Сумапра состоишь въ выдѣлкѣ золотыхъ и серебряныхъ *филогранныхъ* вещей, во множествѣ потребныхъ для Малайской одежды, и уважаемыхъ шакъ много во всей Азіи. Сумапрійскія издѣлія этого рода столь превосходны, что самые Кишайцы, искусные и терпѣливые на всякую работу, не могутъ, не только превзойдши здѣшнихъ туземцевъ, но, даже сравнявшись съ ними. Другія ремесла далеко опспали отъ подобнаго совершенства одного рода занятій: кузнечныя, плотничныя, каменщицьи работы, шканье, выдѣлка глиняной посуды, выработка сахара и пороху, суть единственныя занятія, о ко-

порыхъ стоишь упомянуть, но все это не оплачивается ни ловкостью въ работѣ, ни тщательностью издѣлій.

Охота здѣсь не одно удовольствіе, или средство жизни—она необходимая война челоѣка противъ пигровъ, самыхъ свирѣпыхъ, какіе только есть въ мірѣ. Нерѣдко, во внутреннихъ областяхъ, эти звѣри опустошаютъ цѣлыя деревни. Для битвы съ ними, туземцы приготавливаютъ разные средства: иногда спавяють клѣтку, гдѣ кладутъ приманку для чудовища; иногда роютъ волчью яму, гдѣ охотникъ безопасно убиваетъ попомъ пигра; иногда дѣлають плени изъ гибкаго рошана, обхватывающіе живошнаго; иногда спавяють доску такъ, что она отбрасываетъ звѣря на острые колья. Не безъ особеннаго отвращенія однакожь рѣшаются Сумапрійцы на непріязнь къ пиграмъ, потому, что у нихъ есть суевѣрное почтеніе къ этому звѣрю; чтобы довести туземца до охоты за пигромъ, надобно ему имѣть причину, мщеніе за кровь кого-либо изъ своихъ ближнихъ.

Ничто не однообразно на Сумапра, ни обычаи, ни законы, между пятью различными народами, заселяющими сей островъ, Реджанги, самый обширный шипъ народонаселенія, по природѣ миролюбивы и незлобивы, обладають добродѣтелями отрицательными и беспечными, менѣе лукавы, менѣе жестоки, нежели Малайцы, осшорожны, важны, понятливы, мало способны къ ненависти, хотя и непримиримы, если однажды возненавидѣли. Умѣренны въ пищу и питье, они питаются прозябе-

ніями, и убивають какую нибудь козу только для угощенія спранника. Госпепріимство естъ у нихъ единспвенная дѣяшельная добродѣшель, и доходишь до послѣдней спепени ихъ средспвъ. Но за то, они ябедники, лѣнны, приспраспны къ игръ, иногда мошенники, и всегда подозрительны и раболѣпны. Женщины у нихъ добры, скромны и цѣломудренны.

Правленіе между Реджангами сохранило, кажешся, папріархальныя формы, смѣшанныя съ нѣкошорымъ феодализмомъ. Власпшель земли, *Панджерамъ*, держишь въ особенномъ родѣ покорности *Дупатти*, или спароспъ по селеніямъ. Эпи дупашпи, сколько можно поняшь изъ наблюдений, имѣють власпъ ограниченную и условную. Повинующа-ли имъ, или нѣтъ, но они болѣе соспавляютъ совѣтъ общеспвенный, а не прямую власпъ. Могушество Панджерама измѣняешся и уравниваешся, спощря по мѣспности; въ одномъ селеніи власпъ его неограниченна, въ другомъ опноспшельна и ограничена совершенно. — Названіе *Панджерама* восходишь не далѣе сполѣспія. Въ первый разъ придано было оно *Бегинда-Себіаму*, воинспвенному начальнику, въ 1719 году принимавшему дѣяшельное учаспие въ изгнаніи Англичанъ изъ крѣпоспи Марлборугъ. Яванскій царь Баншама, до того времени власпшель по шипулу южной часпи оспрова, опсказался опъ всѣхъ правъ своихъ, въ пользу новаго начальника, и наслѣдники Себіама ушверждаются на эшомъ, опспривая права на независимость,

излагаемая дунаппи, или спаршинами селеній. Достоинство эшихъ спаршинъ наследственное.

Подлѣ земли Реджанговъ, раздѣленной на четыре поколѣнія, находится обласъ *Пассюма*, спра-на обширная, съ такими-же обычаями, управляемая такими-же законами. Здѣсь также властвуютъ Панджерамы; ихъ *тетверо*, и всѣ они признають спаринное подданство Палембангскому султану, восходящее ко временамъ Яванскаго завоеванія. Среди неопредѣленныхъ извѣстій, изъ коихъ составляется исторія Сумапра, легко различить событія двойнаго впаденія чужеземнаго — *Малайскаго* съ С. З., и *Яванскаго* съ Ю. В. — Законы, обычаи, даже языкъ пошерпѣли тогда столь сильныя вліянія, отъ одного здѣсь, отъ другаго тамъ, что во всемъ этомъ сохранилось знаменіе упомянутыхъ важныхъ политическихъ потрясеній.

Обычаи Реджанговъ, основное уложеніе здѣшней земли, опредѣляють большую часть вопросовъ гражданскаго и уголовного судовѣдѣнія, и устанавляютъ дѣйствіе и раздѣленіе правосудія. Законы о наследствѣ, объ опеческомъ изгнаніи, вознагражденіи убытковъ, клятвахъ, свидѣтельствѣ, плащѣ за безчестіе, формахъ супружества, опвѣшпвенности за воровство и убійство, находящаяся обширно и подробно объясненными въ *Аддатѣ*, или уложеніи Реджанговъ. Уличенный въ кражѣ плашишь вдвое цѣну украденнаго, съ плашою особой пени. Убійство искушается, такъ называемымъ, *бангуномъ*, или плашежемъ денегъ, кошорый измѣняется отъ

80-ти до 500 піаспровъ, смотря по достоинству, возрасту, званію и полу убишаго, или убишой. Юридическая присяга происходитъ среди самыхъ торжественныхъ обрядовъ, и потому можетъ быть, рѣдки бывають примѣры ложной присяги. Въ слѣдствіе окупа за убійство, смершная казнь почти неизвѣсна на Сумапра. Только Европейцы дѣлають произвольное приложеніе оной къ преступленіямъ туземцевъ. Тѣлесныя наказанія также весьма рѣдки. Тюрмы здѣшнихъ преступниковъ составляютъ родъ клѣтокъ, сплешенныхъ изъ бамбука, и по чешыремъ угламъ укрѣпленныхъ толстыми досками.

Право невольничества существуетъ на Сумапра, такъ, какъ во многихъ странахъ Востока, но оно рѣдко осуществляется и при томъ весьма ограничено. Туземцы имѣють мало невольниковъ, и служители почти всегда живутъ здѣсь въ какомъ-то равенствѣ съ семействомъ своего господина.

Супружество на Сумапра бываетъ трехъ родовъ, опличаемыхъ названіями: *жужуръ*, *амбелана*, *семундо*. Первымъ означають калымъ, или плату за невѣсту, послѣ чего она дѣлается *собственностью* мужа. Иногда условленный жужуръ производится взаимнымъ размѣномъ жениховъ на невѣстъ и невѣстъ на жениховъ, въ шѣхъ семействахъ, гдѣ много сыновей и дочерей. Въ случаѣ развода, или удаленія жены, мужъ въ правѣ пребыть обратно жужуръ, съ небольшою уступкою. — Бракъ по амбелану совсѣмъ другое: шущъ мужчина, за какуюнибудь плату, дѣлается *госпемъ* и сожителемъ

своего пестя. Женщина становится тогда главою хозяйства; она отвѣчаетъ за долги мужа, платитъ за него пени, если онъ имъ подвергнется. Мужъ въ этомъ состояніи живетъ какимъ-то подчиненнымъ бытіемъ, сына и должника. Работа его не принадлежитъ ему; что пріобрѣтаетъ онъ, кладется въ общую кассу. — Супружество претъ-яго разряда, семуно, взято съ Малайского: это что-то среднее между жужуръ и амбелана — свободный союзъ, установленный на взаимной отвѣтственности, и почти равный съ нашимъ уставомъ общности имѣній мужа и жены.

Обрядъ заключенія брака весьма простъ. Старшина селенія соединяетъ руки супруговъ, и объявляетъ ихъ мужемъ и женою. Они даютъ послѣ того праздникъ, или *бимбангъ*, имя, придаваемое всѣмъ шумнымъ торжествамъ. На это посвящается цѣлый день — упрямъ бывають угощенія, или пѣшушій бой, а вечеромъ пляска. Суматрійскія пляски производятся, или одною особою, или двумя женщинами, или двумя мужчинами, или мужчиною и женщиною вмѣстѣ. Движенія пляшущихъ тихи и принужденны; положенія сладоспартны, но не уродливы. Оркестръ составляетъ изъ Индійскихъ, Малайскихъ, или Китайскихъ инструментовъ — калишанга, гонга (родъ колокольчиковъ), сулена, или Малайской дудки, и цымбаловъ, называемыхъ *тинка*. Молодые плясуньи надѣваются при такомъ случаѣ свои лучшія шелковыя платья и драгоценнѣйшія филогранныя украшенія; уши, руки, носъ обременены бывають у нихъ золотыми

и серебряными кольцами; волосы умащаютъ онѣ бензоевымъ масломъ и украшаютъ пахучими цвѣтами. Послѣ пляски бываетъ пѣніе; его начинаетъ молодая дѣвушка, робко, обращаясь спиною къ собранію, и когда она пропоетъ первый куплетъ, искуснѣйшій изъ пѣвцовъ отвѣчаетъ ей. Пѣсни выражаютъ всегда любовную спросъ, нерѣдко нѣжную и пріятную. Для наполненія промежутковъ пира являющіяся шумы, кошорымъ позволяется смѣшивая участниковъ бимбанга. Такъ проходитъ вечеръ и часъ ночи.

Когда настаетъ время оставить молодыхъ, ведутъ ихъ въ хижину, и заставляющъ лечь на высокихъ подушкахъ, не скидая парадныхъ плащей и множеству находящихся на нихъ украшеній. Обычай пребудетъ, чтобы молодая защищалась сколько можно упорнѣе отъ всякой ласки своего супруга, и это продолжается иногда по нѣскольку дней.

Хотя многоженство терпимо на Сумапра и позволяется закономъ, рѣдко бываютъ примѣры, чтобы Сумапріецъ имѣлъ болѣе одной жены; только начальники, и между ними только богатые, пользуясь свободою заключають многія супружества, посредствомъ жужура.

Спросъ къ игрѣ, какъ я упомянулъ, свойственна пуземцамъ Сумапра. Коспи, мячъ, пѣпущи бой, суть ихъ любимыя упражненія. Бой пѣпущій находятъ въ иныхъ мѣстахъ такихъ спрашанныхъ охотниковъ, что начальники принуждены позволять его только съ особенными условіями. Рѣдко встрѣши-

ше шуземца , идущаго изъ одного мѣста въ другое, безъ пѣшуха: онъ всегда подъ рукой у него, и иногда на бимбангъ собираешся изъ сосѣдства по 40, по 50-ти человѣкъ , и каждый несетъ своего пернашаго бойца. Въ немъ заключаешся для обладашеля надежда большихъ выигрышей, пошому, что на игру сшавяшъ огромныя суммы , и горячіе спорщики все проигрываютъ—женъ, дочерей, маме-рей, пуская что ни попало на удачу игры. Эшо Англійскій *soskrit* , со всѣмъ его безуміемъ , со всѣмъ опчаяніемъ спрасши. Держашъ закладъ за одного пѣшуха прошивъ другаго , но позволяешся и посшороннимъ парировашъ. Порода Малайскихъ пѣшуховъ славилсся здѣсь силою и опвагою между знашоками. Для предупрежденія всякой хипросши и всякаго спора , никогда не спускаюшъ двухъ пѣшуховъ одного цвѣта , но допускаюшъ соперниковъ шолько рѣзко-опличныхъ перьевъ — сѣраго на чернаго, желшаго на краснаго. У Реджанговъ есть другія увеселенія, не споль жестокія. Таковы годовыя игрища ихъ, подобныя пиррическимъ играмъ древнихъ Грековъ. Предсшавляешся подобіе бишвы, или на копьяхъ, или на Малайскомъ кри, искривленномъ, вороненомъ кинжалѣ, кошорый спрашишъ и блесшишъ въ одно время, какъ языкъ змѣи.

Подобно всѣмъ народамъ Малайскаго происхожденія, шуземцы Сумашра, и особливо жишели прибрежья, спрасшно любяшъ *опіумъ*. Макъ, производящій эшу одуряющую снѣдь, не расшешъ на Сумашра, и пошому опіуму привозишся ежегодно

изъ Бенгала около 200 ящиковъ. Онъ пригото-
 вляется лепешками, въ 5 и 6 фуншовъ, и ихъ обвер-
 шивающъ въ сухіе лиспки. Сумапрійцы употреб-
 ляющъ опіумъ двумя образами: глошающъ цѣли-
 комъ, или курящъ. Первый способъ употребленія
 предпочищается Турками, и вообще всѣми Воспоч-
 ными народами; напрошивъ, Малайцы жадны ко
 второму; они упивающъ дымомъ опіума до того,
 что спановаясь совершенно сумасшедшими, безум-
 ными. Возбужденный упоющимъ дымомъ, Сума-
 пріецъ бросается изъ своего дома, одурѣвшій, съ
 мушными глазами, съ рукою подняшою для убій-
 ства, и онъ готовъ совершить его, если не пред-
 упредящъ другіе его безумія. Не здѣсь мѣсто раз-
 сказывать обо всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, какіе
 излишнее употребленіе опіума причиняетъ на Ма-
 лайскомъ архипелагѣ, пошому, что изъ всѣхъ оспро-
 вовъ эшого архипелага, Сумапра есть шотъ, гдѣ
 подобныя бѣдствія менѣе другихъ случающъся. Опъ
 шого-ли, что здѣсь все еще злоупотребленіе эшо-
 го яда не шоль велико, или что нравы здѣсь крош-
 че и дѣлающъ безуміе излишества его менѣе опас-
 нымъ, но бѣдствіе опъ опіума здѣсь весьма рѣдко.
 Ява есть главное мѣсто изспупленныхъ курише-
 лей, и бѣдъ, опъ опіума происходящихъ. — Упо-
 требленіе бешеля, не шоль дорогое, и слѣдшвен-
 но, болѣе досупное народу, пошому самому все-
 обще между Сумапрійцами. — Табакъ, завернушій
 въ прубочки изъ пальмовыхъ лиспьевъ, шакже въ
 употребленіи великомъ.

Самое большое продолженіе жизни на Сумапра

рѣдко переходить за 60-ть лѣтъ. Когда ребенокъ родился, дають ему имя, но почестъ прозванія придается ему гораздо послѣ. Въ нѣкоторыхъ Реджангскихъ обласпяхъ есть обычай, явно занятой у Аравіянъ, придавать оцу имена дѣтей. Такъ говорится, на примѣръ: Pongon-Pah-Lindoo (Понгонъ, отецъ Линду), какъ по-Арабски говорятъ: Mohammed-Abou-Beker (Мугаммедъ, отецъ Бекера). Впрочемъ, никогда Сумапріецъ не говоритъ своего собственнаго имени. Такъ велитъ обычай. Никогда не употребляетъ здѣшній туземецъ и перваго лица мѣстоименій, говоря о себѣ, но шрешье.

Обрядъ похоронъ производится на большой доскѣ, общей для цѣлаго селенія. На ней кладутъ трупъ, напертый клеємъ, для сохраненія его на время болѣе продолжительное. Потомъ несутъ умершаго на кладбище, гдѣ зарываютъ въ могилѣ, глубиною едва-ли фуша на два. Женщины, слѣдующія за провожаемыми гроба, кричатъ и режутъ, и все это продолжается до шѣхъ поръ, пока земля покроетъ останки покойника. Потомъ ставятъ на могилѣ палки съ разными значками, и садятъ на ней кустъ, въ знакъ памяти.

Религіозное преобразование, учиненное Мугаммеданствомъ на Сумапра, кажется, уничтожило всѣ преданія о первобытной религіи оспровіянъ, и теперь тщетно стараются-бы отыскать какіе нибудь слѣды ея. Если подѣ Религією разумѣть полную систему догматовъ и обрядовъ, съ жрецами для изъясненія, и вѣрующими для исполненія ихъ, то можно сказать, что нынѣ никакой религіи

нѣшъ между Сумапрійскими Реджангами. Они вѣ-
ряшъ въ прееспешвенныхъ, неощупимыхъ духовъ,
имѣющихъ двоякую способность дѣлать добро и
зло. Но это есть извращенное ученіе о добрыхъ
и злыхъ геніяхъ, система вѣрованія, столь общая
многимъ Воспочнымъ религіямъ. Оно такъ не само-
бытно на Сумапра, что даже названія, употребле-
ляемые туземцами для означенія высшихъ духовъ,
одни Аравійскаго, другія Яванскаго происхожденія:
духовъ называющъ, по *джинъ*, по *девай* — очевид-
ное измѣненіе *деута*, заимствованное Яванцами
отъ Индійцевъ. Еще болѣе: для означенія *Бога*,
есть одно слово во всѣхъ Сумапрійскихъ языкахъ,
и это слово — Мугаммеданское *Алла*, весьма не-
много измѣненное во всѣхъ чешырехъ языкахъ
острова Сумапра.

Тѣни предковъ священны для Сумапрійцевъ;
ими клянущся они, къ нимъ возносяшъ обѣты во
времена бѣдспвій, войны, голода, повѣшрїя. Вѣра
въ переселеніе душъ здѣсь спранна пѣмъ, что ту-
земцы думающъ, будто души человѣческія пересе-
ляющся въ пѣла пигровъ. Отсюда происходитъ по-
чтеніе ихъ къ этому роду животныхъ, съ кошо-
рыми воюющъ они, силою и хитросью, только
для собственнѣйшей защиты. Сумапрійцы вѣряшъ,
что есть на землѣ шакое мѣсто, гдѣ пигры учре-
дили правленіе, имѣющъ своего государя и Дворъ,
живущъ въ городахъ, сославленныхъ изъ домовъ
покрытыхъ женскими волосами. Обожаніе пигровъ,
безъ сомнѣнія, произведено чувствомъ страха; ал-
лигаторы, пожирающіе неоспорожныхъ въ водѣ,

также обожаются здѣсь, и, конечно, по одинакой причинѣ.

Всѣ эти нравы, законы и обычаи, особенно свойственные Реджангамъ, видны, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ землѣ Лампунговъ, имъ сосѣдственной. Лампунги обитаютъ въ южной оконечности острова, отъ Палембанга до предѣловъ Пассума.— Частъ берега отъ Ю. З. почвы безплодна, но внутреннія области населены племенами сильными и независимыми. Изъ всѣхъ Сумапрійцевъ, Лампунги болѣе всѣхъ походятъ на Кишайцевъ, по расположенію глазъ и вообще лица. Говорятъ они языкомъ, исполненнымъ горшанныхъ звуковъ. Хотя управляемые Панджерарами, съ незапамятныхъ временъ были они по названію подданными Яванскаго владѣтеля Баншама; нынѣ признаютъ власть Голландцевъ, и имъ обязаны передаванію всю сборку перца. Для перевоза, грузятъ перецъ въ огромныя лодки, выдолбленныя изъ одного дерева, и поднимающія тяжесты до 400 квинталовъ. Нравы Лампунговъ развращеніе Реджангскихъ; народъ склоненъ къ воровству и лжи; госпепріименъ только изъ щеславія. Женщины Лампунгскія красивѣе и стройнѣе всѣхъ женщинъ на Сумапра.

Въ срединѣ острова распространяется царство *Менангъ-Кабу*, въ протяженіи почти ста миль, населенное Малайцами. Земля эта, слѣдствіемъ недавней борьбы перешедшая во власть Голландцевъ, все еще преимуществуетъ надъ всѣми другими частями Сумапра своею силою и промышленностью. Здѣсь находяшся золотые рудники, и фабрики для

выдѣлки оружія и кри, или Малайскихъ кинжаловъ. Это оружіе, о кошоромъ упоминалъ я неоднократно, споль употребительное между Малайцами, споймъ бытъ описаннымъ. Клинокъ его бываетъ 14-ши дюймовъ въ длину; песпрый, вороненый, закаленный превосходно, онъ ни прямъ, ни искривленъ правильно, но своевольно изогнутъ, и опъ шого раны, имъ наносимыя, убійственны. Рукоятъ обыкновенно дѣлается изъ слоновой кости, украшенной золошомъ, или изъ особеннаго рода золошисшаго опала (*chrysocalque*), именуемаго туземцами *соассо*, образуя фигуру на концѣ, похожую на Египетскую Изиду. Ножны дѣлаются изъ красиваго дерева, выдолбленные, и украшаются рапангомъ, окрашеннымъ въ алый цвѣтъ. Обычай намазывать оружіе ядомъ, споль употребительный между Малайцами, встрѣчается рѣдко на Суматра, но по всему видно, что прежде былъ онъ здѣсь въ большомъ употребленіи.

Жители обласпей Менангъ-Кабу всѣ мугаммедане; пошому земля ихъ почиается свяшою между Малайцами, обитающими по берегамъ Суматра и въ Малакка. Многіе совершаютъ даже сюда пилигримства. Сшарались узнать причину, по кошорой обласпъ срединная могла обратиться въ Исламизмъ вполне, между шѣмъ, какъ сосѣднія обласпи приняли его шолько опчаспи, или вовсе опказались принять. Іоаннъ Барросъ, Португальскій историкъ, ушверждаетъ, что нашествіе Мугаммеданства на Малакка и острова Малайскаго архипелага, произошло въ половинѣ XIV-го сполѣтія.

Маркъ-Павелъ, оставившій споль пространныя повѣствованія объ Индіи, полагаешъ время эшого событія сотнею лѣтъ ранѣе. Топъ и другой говорятъ согласно, что Саррацинскіе купцы, прибывшіе изъ Сураша, были орудіемъ сего важнаго дѣла. Безъ сомнѣнія, преданность Исламизму могла вгнѣздиться въ Менангъ-Кабу только посредствомъ завоеванія. Малаккскіе шужемцы, уже обращенные въ Мугаммеданство, ввели здѣсь новую вѣру оружіемъ, и смѣшавшись потомъ съ первобытными обитателями, продолжили строгій надзоръ за совершеннымъ исполненіемъ религіозной реформы. Впрочемъ, въ такой землѣ, гдѣ никакое вѣрованіе не имѣло глубокихъ корней, гдѣ не было ни своекорыстія, ни жреческихъ преимуществъ, всякое нововведеніе подобнаго рода легко долженствовало покорить себѣ умы народа вполне.

Малайскія владѣнія управляются Раджею, принимающимъ названіе *Султана*. Подъ нимъ владѣютъ правители частныя, или *Датту*, управляющіе его именемъ. Вездѣ гдѣ встрѣчающся эти датту, смѣло можешъ утверждать, что вы находишесь въ Малайской землѣ. Въ Бенкуленѣ, городѣ Голландскомъ, и слѣдственно, неуправляемомъ, четыре датту владѣютъ подъ начальствомъ одного панджера, какъ будто для представленія собою различныхъ опшѣнковъ шужемныхъ повелителей.

Долгое время народъ Малайскій считался происходящимъ съ полуострова сосѣдняго, и, конечно, имя: *Малакка*, сохранившееся при эпомъ полуостровѣ, было къ шому поводомъ. Нынѣ извѣстно

за дословѣрное, что Малайцы поселились на Малакка во времена позднѣйшія. При томъ, если обозрѣшь только пространство, занимаемое этимъ поколѣніемъ человѣчества, то невозможно предположить первоначальнымъ гнѣздомъ его Малакка. Порода Малайцевъ находимъ на всемъ архипелагѣ, именуемомъ *Малезією*, не говоря уже о сходствѣ формъ и одинаковости нравовъ, видимыхъ далеко за предѣлами означенныхъ земель. Изъ какого-же центра раздвинулись всѣ эти различныя направленія Малайской породы? Гдѣ колыбель Малайскаго племени, столь опличительнаго своимъ характеромъ?—На такіе вопросы можно отвѣчать только догадками. Одни изъ этнографовъ указываютъ на островъ Борнео, другіе на Палембангъ. Марсденъ склоняетъ рѣшеніе къ Суматра, Малшебрюнъ къ Ява; одинъ руководствуется филологическими наведеніями, другой призываетъ на помощь исторію Яванскихъ завоеваній, и разительное сходство между языкомъ Яванскимъ и языками Санскритъ и Телинга въ Индіи. Оба мнѣнія имѣютъ свои убѣдительныя спороны, равно сильныя и могущія быть допущенными. Жаль только, что допустивши одно, надобно совершенно уничтожить другое.

Подкрѣпляя послѣднее предположеніе, говорятъ, что около 1160 года, большое количество Малайцевъ оставило окрестности Палембанга, основало Синкапуръ, и потомъ городъ Малакка, около 1250 года. Въ 1276 году, народы эти были еще язычники, когда Мугаммедъ, власннтель преданный Исламизму, обратился ихъ въ вѣру лже-пророка.

Эпошъ власпишель царспвовалъ около 60-ти лѣшъ, надъ большею частію Малаккского полуострова и около лежащихъ острововъ.

Какъ-бы то ни было, Малайцы, преобладающіе надъ другими въ здѣшнихъ споронахъ, суть люди опшврапишельной породы, съ членами шѣла сжашы-ми, крѣпкими, но малыми и нерѣдко безобразными. Красно-мѣднаго цвѣта кожа, жесткіе волосы на лбу, небольшомъ и сжашомъ, выдавшіяся скулы, углубленные, желтые глаза, похожіе на пигровые, сплюснутый носъ, широкій, съ короткими губами рошъ, опкуда шечешъ, какъ будто кровь, сокъ бешеля—шаква дикая и безобразная общность Малайца, словно нарочно созданная для внушенія ужаса, смѣшанного съ опшвращеніемъ. Если къ этому присовокупише харакшеръ самый лживый, самый жестокій, самый безспыдный, нравы бандиша и пираша, привычки неопряшныя и гадкія, презрѣніе всякаго закона и всякой вѣры, вы получише вѣрную идею о Малайскихъ народахъ, шуземцахъ обширнаго архипелага, называемаго ихъ именемъ.—Въ Суматра, кромѣ Менангъ-Кабу, они заселяютъ почти всѣ берега острова.

Въ сѣверной части, на предѣлахъ Ахемскаго царства, находится народъ *Батта*, самый любопытный изъ всѣхъ другихъ Сумапрійцевъ, самый спранный по своимъ преданіямъ и нравамъ. Они и Реджанги, безъ сомнѣнія, суть два различія первобытныхъ жишелей. Малорослѣе Малайцевъ, Башшы красивѣе ихъ цвѣшомъ кожи; они дѣяшельны, храбры, спрасшны къ лошадямъ и азаршнымъ играмъ.

Эта внутренняя область, куда ни одинъ Европейецъ не проникалъ до путешественника Миллера, въ 1772 году, обозрѣнная и описанная Андерсономъ въ 1823 году, являетъ противоположность образованія весьма значительнаго и нравовъ свирѣпыхъ. Почти всѣ Башшы умѣютъ читать и пишутъ. У нихъ свой языкъ, своя азбука, религія, болѣе опредѣленная, нежели религія окрестныхъ народовъ, лишерашура, какъ говорятъ, превосходная и богатая; они крошки, гостепріимны, честны, промышленны, и, между тѣмъ, по странной несообразности — человѣкоядцы. Этошъ ужасный обычай, нынѣ рѣшительно доказанный, не столько есть недоспашокъ образованія Башшовъ, сколько доказательство привязанности ихъ къ древнимъ обычаямъ предковъ. Въ древнѣйшемъ законѣ своемъ, Башшы находятъ причины и случаи, при которыхъ позволяется ѣсть человѣческое мясо. По этому закону долженъ быть съѣденъ живой — 1-е, прелюбодѣй, 2-е, ночной воръ, 3-е, плѣнникъ во время значительной войны, 4-е, женившійся въ своемъ поколѣніи, что строго запрещается, ибо люди одного поколѣнія считаются роднею, происходя отъ одного отца и одной матери, и 5-е, хищнически напавшій на селеніе, домъ, или человѣка. Уличаемый въ одномъ изъ означенныхъ преступленийъ предсшаетъ передъ избранное судилище. Свидѣтели, немедленно выслушанные, и приговоръ, въ слѣдствіе того произнесенный, рѣшаютъ дѣло. Судьи произносятъ рѣшеніе, и пьютъ по стакану пишья — обрядъ равносильный подписанію и прило-

женію печати въ Европѣ. На три дня оставляется пошомъ исполненіе, чтобы народъ имѣлъ время собраться, и въ случаѣ прелюбодѣнія, приговоръ опкладаывается, пока всѣ родственники пресупника будутъ имѣть возможность принять участіе въ пиршествѣ. Наконецъ, въ назначенный день, приводящъ осужденныхъ, привязываютъ къ дереву, или столбу, руками крестъ-на-крестъ. Мужъ, или обиженный, приближается первый, и выбираетъ себѣ кусокъ, какой ему угодно—обыкновенно уши. Пошомъ идутъ другіе участники пира, и рѣжутъ что заблагоразсудятъ, сообразно своему званію и вкусу. Кончивъ пиршество, обиженный, или мужъ, если жена его была жертвою, срубаетъ голову жертвы, уноситъ ее съ собою, какъ профей, тщателью вынимаетъ изъ нея мозгъ, и хранитъ его въ особенной чашкѣ, ибо, по общему повѣрью, мозгъ эшомъ имѣетъ шайншвенныя свойства; голова вышавляется послѣ шого передъ домомъ. Не шрогаютъ внутренностей, но, какъ за лакомые куски, спорятъ за сердце, кисти рукъ и шупни ногъ. Все эшо ѣдятъ опчаспи сырое, опчаспи поджареное, но всегда на мѣспѣ казни. Туда приносятъ лимоны, соль, перецъ для приправы, иногда сарачинское пшено, но никогда не бываетъ ни крѣпкихъ напишковъ, ни пальмовки; все пише состоитъ изъ крови, которую многіе присушшвующіе сосутъ изъ шѣла жертвы, посредствомъ бамбуковыхъ дудочекъ. Только мужчины присушшвуютъ и участвуютъ въ эшомъ опврашишельномъ пиршествѣ, пошому, что мясо человѣческое запре-

щено женщинамъ , которыя ѣдятъ его только украдкою.

Говорятъ, что Башпы предпочитаютъ шѣло человеческое всякому другому мясу , но , не смотря на такой вкусъ, по увѣренію Сира Спамфорда Раффлеса , примѣровъ не было , чтобы они спарались удовлетворяя склонности своей когда либо , кромѣ позволенныхъ закономъ случаевъ. Еще болѣе: и тогда, они поступаютъ не по спросу, не изъ мстительности, но какъ будто исполняя дѣло закона , съ удивительнымъ хладнокровіемъ , спокойствіемъ, важностью. Такое повѣствованіе противорѣчитъ однакожъ новѣйшимъ наблюденіямъ Андерсона, увѣряющаго , что раджа Тана-Джава , одинъ изъ сильнѣйшихъ начальниковъ Башпскихъ , не могъ питаться ничѣмъ другимъ , кромѣ человеческого шѣла. Если не было запаса, онъ посылалъ въ поле невольниковъ, убивавшихъ перваго встрѣчнаго, и приносившихъ трупъ его къ Раджѣ. Впрочемъ , вообще обыкновенное добродушіе Башповъ замѣняется изступленною яростью, когда имъ попадутся на войнѣ плѣнники—жертва звѣрскаго ихъ обыкновенія ! Въ этихъ случаяхъ, они вырываютъ иногда даже трупы враговъ для сожранія. Въ спарину былъ обычай ѣсть всѣхъ спариковъ , если они отъ спароси дѣлались неспособны къ работѣ. Спарики знали свою участь , подвергались ей охотно , и выбравши отвѣсную вѣшью дерева , сами спокойно привязывали къ ней руки свои. Семейство , друзья , сосѣди плясали въ

эшо время около осужденнаго на смерть , на-
пѣвая пѣсню :

Зрѣетъ плодъ на дровѣ , зрѣетъ ,
И валился , какъ созрѣетъ !

Добровольныя жершвы сіи приносились обыкновенно во время спѣлости лимоновъ , когда быва-
етъ изобиліе перца и соли. Жершва, изображая со-
бою плодъ , падала на землю , и тогда всѣ броса-
лись къ ней и пожирали ее. Обычай эшотъ нынѣ
вывелся, и эшо показывается шагъ къ поспешенно-
му изшребленію чловѣкоядства между Башшами ,
хотя еще и донынѣ, даже и во время мира, чело-
вѣкъ спо бывающъ съѣдаемо ими ежегодно. Сирѣ
Сшамфордъ приводитъ примѣръ недавній , по раз-
сказу самовидца. « Нѣсколько лѣтъ шому (гово-
ритъ онъ) , Башша, уличенный въ обольщеніи жены
своего сосѣда , былъ казненъ по шуземному обы-
чаю, недалеко отъ Таппанули. Англійскаго Рези-
дента приглашали присушествовать при казни; онъ
отказался, но секретарь его и одинъ изъ офице-
ровъ приняли предложеніе. Въ назначенномъ мѣстѣ,
нашли они толпу народа и прешупника, уже при-
вязаннаго къ дереву, руки на-крестъ. Исполнитель
правосудія , старшина извѣстнаго сана , прибли-
зился съ длиннымъ ножомъ, размахивая имъ по мѣрѣ
шого , какъ подходилъ къ жершвѣ суда. Его со-
провождалъ чловѣкъ, несущій блюдо, и на эшомъ
блюдѣ находилась приправа , соусъ , сосшавленный
изъ лимоннаго соку, перца и соли, называемый шу-
земцами *самбуль*. Исполнитель правосудія подо-

звалъ мужа, оскорбленнаго невѣрностью жены, и спросилъ его: какой кусокъ прежде другихъ выбираешь онъ? — «Правое ухо,» отвѣчалъ мужъ. Правое ухо было опхвачено опъ головы обольсшишеля однимъ взмахомъ, и опдано мужу. Онъ оборотился къ носильщику самбула, обмакнулъ ухо въ соусъ и съѣлъ. Вся толпа бросилась послѣ того на жертву, и всякій опрѣзывалъ и ѣлъ куски по своему выбору. Изрѣзавши значительную часть шѣла преслупника, пронзили его кинжаломъ въ сердце, но только изъ уваженія къ присуществовавшимъ Англичанамъ, ибо совсѣмъ нѣтъ у Башшовъ обычая умерщвлять преслупника изъ жалосши къ его спраданіямъ.»

Обычаи Башшовъ представляющъ другія спранности. Прежде заключенія супружесшва, невѣсшу показывающъ у нихъ жениху нагую, въ банѣ, и уже послѣ того шоргуется онъ о жужурѣ за нее. Молодыхъ засшавляющъ вмѣстѣ ѣсшъ два сорша сарачинскаго пшена, и обрядъ оканчивается шѣмъ, что опецъ невѣсшы закрываетъ ее и жениха кускомъ шкани.... Не менѣе спранны подробности здѣшней религіи: шри великіе бога, по мнѣнію Башшовъ, управляющъ міромъ, *Баттара-Кузонъ*, богъ неба, *Мангала-Булангъ*, богъ земли, *Соріе-Пада*, богъ воздуха. Исполинъ носилъ нѣкогда землю на головѣ своей. Однажды, упомленный ношею, онъ опрясъ ее — океанъ вылился изъ своего предѣла; машерики земные сокрушились. Нѣчего было дѣлать! Богъ неба бросилъ съ верху гору, и она послужила завязью новой земли, нынѣ видимой. Не-

бесная дѣва какая-то сошла на землю, и опъ прехъ сыновей ея, женившихся на прехъ сеспрахъ своихъ, произошелъ нынѣшній родъ человѣческій.

Одѣяніе Башшовъ мало отличается опъ Реджангскаго. Его составляютъ полосатые шаровары, до половины икръ, курпка, съ коропками или длинными рукавами, шарфъ крестъ-на-крестъ, поясъ для ношенія кри, плашокъ, обвернутый вокругъ головы. Невольниковъ, или плѣнниковъ, попавшихся на войнѣ, привязываютъ за шею къ столбу, или дереву, забивая ноги ихъ въ колодку, шакъ, что плѣнникъ не можетъ пошевеливаться. Андерсонъ видѣлъ въ Сенлаарѣ война, бывшего спражемъ подлѣ одного несчастнаго плѣнника, въ эпомъ положеніи ожидавшаго ужасной участи бытъ сожраннымъ на другой день побѣдителями. Одежду несчастливца, принадлежавшаго къ обитателямъ одной изъ окрестныхъ обласей, составляли только шаровары и кусокъ шкани, брошенный на плеча. Башскія женщины, видѣнныя эшимъ путешественникомъ, были обыкновенно одѣшны въ два лоскута бумажной шкани; первый просширался у нихъ опъ груди до икръ; другимъ драпировалась спина, шакъ, что одно плечо было открыто, а другое окушано. Сидя на чешыреугольной рогожкѣ, женщины Башскія проводяшъ большую часть дня въ жеваніи бешеля.

Земля Башшовъ дѣлилась на неровные и независимые участки, имѣющіе каждый своего Раджа, или старшину. Часто эши величили сражаются между собою, выводяшъ въ поле войска, вооруженныя ружьями съ фипилями, бамбуковыми копьями,

и саблями, или длинными ножами. Почпи всегда раздѣленные враждою, они соединяются однакожь, когда общій врагъ угрожаетъ ихъ независимости. Спаршины Башскихъ селеній опличаются опъ подвласныхъ болѣе правильными и болѣе благородными чертами лица. Спаршина селенія *Бату-Бара*, такъ какъ и двое сыновей его, при довольно бѣломъ цвѣтѣ кожи, замѣтны были особенно умною физіогноміею. Они приняли Англійскаго посланника съ обычными обрядами, и посадили его съ собою на диванъ, покрытый рогожками, весьма изящной работы.

Выше земли Башовъ, во всемъ С. З. округѣ Суматра, простирается царство *Ахемское*, или *Аземское*, единственная изъ обласей острова, игравшая нѣсколько важную историческую роль. Лѣтописи сей страны имѣли много разъ случаи сближаться съ исторіею Португальскихъ побѣдъ и завоеваній въ Индіи. Съ 1511 года *Альбукеркъ* спалъ на землю Суматра, гдѣ являлись попомъ, поочередно, *Перезъ Андраде* и *Діего Паеко* — послѣдній погибъ здѣсь, ища мнимыхъ Золотыхъ острововъ. Въ 1521 году *Георгій Брито* нападалъ на Ахемъ, защищаемый раджею *Авраамомъ*, начальникомъ города, и въ послѣдствіи Сулпаномъ всего царства. Этому Аврааму различные историки приписывали рядъ нападеній на Малакка, съ 1528-го до 1530 года, продолженныхъ съ большимъ усиліемъ въ слѣдующее царствованіе. Царь Ахемскій, *Сирн-Аль-Радинъ*, осаждалъ Малакка, иногда самъ лично, иногда черезъ полководца своего *Лаксеманна*, въ

1537, 1547 и 1567 годах, съ 15,000 войска и двумя сшами пушекъ; въ 1573 и 1574 годахъ, вмѣстѣ съ Яванскою Царицею *Жалары*; въ 1575 г. съ флотомъ, по сказанію современниковъ, покрывшимъ весь Малаккскій проливъ, и наконецъ въ 1582 году. Ни одно изъ этихъ нападеній, о которыхъ оставили намъ подробносши *Фаріа Суза*, *Мендесъ Пиншо*, *Каспаньедо*, *Барросъ* и *Діего Кушо*, не оканчивалось покореніемъ осаждаемаго города, но каждое сползло однакожь Лиссабонскому Двору величайшей праши людьми и средствами на защиту владѣнія, при каждой новой осадѣ подвергавшагося большой опасности. — Наслѣдникъ *Аль-Радина*, похищитель, объявившій себя султаномъ, подъ именемъ *Аладина*, ославлялъ Малакка болѣе спокойнымъ. Онъ принялъ Англійскаго капишана *Ланкаспра*, основателя Баншамской факторіи на берегахъ *Суматра*. — Непріязнь началась опять при *Педукка-Сири*, самомъ могущественномъ изъ царей Ахемскихъ. Онъ лично явился передъ Малакка въ 1615 году, съ пятью сшами судовъ и 60,000 войска, но подвергнувшись нападенію флота *Поршугальскаго*, принужденъ былъ бѣжать. Въ 1628 году, новое несогласіе было послѣдуемо событіями болѣе для него несчастными: 12,000 Ахемцевъ были опрѣзаны опъ своихъ кораблей и достались въ руки *Поршугальцевъ*. Ахемъ былъ послѣ того спокоенъ до 1640 года, времени, когда *Педукка-Сири*, соединясь съ Голландцами, сильно напалъ на Малакка, и передъ нимъ пала наконецъ столица *Поршугальскихъ* владѣній въ *Индіи*

Воспочной. Впрочемъ , вся выгода Ахемцевъ опъ эшого завоеванія состояла въ томъ, что Малакка достался другимъ Европейцамъ.

Педукка-Сири умеръ вскорѣ послѣ побѣды, и пронъ Ахемскій послѣ него сдѣлался доспоянїемъ пряслицы : съ 1640-го по 1700 годъ царствовали непрерывно женщины, и при ихъ управленіи упадала посшепенно сила Ахемскаго государства. Въ эшомъ промежуткѣ времени, Голландцы засшавили берега своими коншорами, и явились почти у самой сшопицы Ахемской. Французы пришли сюда въ 1624 году, подъ начальствомъ Больё, а Англичане, стараясь ослабить вліяніе Голландцевъ , попеременно основывали заведенія въ Бенкуленѣ , Индрапурѣ, Баншалѣ, Нашалѣ, Таппанули , и посстроили наконецъ крѣпость Марльбургъ. Съ шого времени начали они забирашъ заведенія Голландцевъ , и война 1784 года послужила имъ предлогомъ захватишъ Падангъ и другія Голландскія факторіи. Только пракшамами 1815-го и 1824 года возобновлено обладаніе Голландцевъ , первобышнихъ власшиселей разныхъ мѣстъ на Суматра.

Народонаселеніе Ахема предсшавляетъ характеръ различный опъ характеровъ другихъ описанныхъ мною народовъ Суматра. Ахемцы вообще рослѣе, красивѣе, шемнѣе цвѣшомъ. Полагаютъ, что эшо смѣсь Башшовъ , Малайцевъ и Индійскихъ Мавришанъ. Всѣ они исповѣдуютъ Исламизмъ , промышленны и умны болѣе своихъ сосѣдей, и пошому умѣли создашъ себѣ шакія пособія общежитія , какихъ нѣшъ въ другихъ частяхъ ошрова. Торговый

флотъ Ахемцевъ состоить изъ множества кораблей, снабженныхъ смѣлыми моряками. Здѣшнія шелковыхъ, хлопчатобумажныхъ тканей и оружейныхъ фабрики пользуются извѣстностью въ Малайскихъ земляхъ. Монета рѣдка въ Ахемѣ, и главное средство обмѣна цѣнностей есть золошой порошокъ, который сохраняющъ туземцы въ пузырьчатыхъ кошелькахъ. Одинъ изъ вѣсовъ, употребительныхъ для этой монеты, есть *бункаль*, равный унціи и премъ драхмамъ. Почва земли въ Ахемѣ хороша и плодотворна; произведенія ея суть произведенія лучшихъ обласей острова.—Правленіе наследственно. Султанъ, повелитель почти неограниченный, охраняетъ себя спржею изъ сотни Сипаевъ, выписывая ихъ съ Коромандельскаго берега. Единственную посредственную власть между Султаномъ и народомъ составляетъ Великій Совѣтъ, собирающійся въ важныхъ случаяхъ. Если Европейскій корабль является въ Ахемской гавани, позволеніе пристать къ берегу долженъ онъ купить посылкою Султану установленныхъ подарковъ. Если начальникъ корабля имѣетъ шишуль посланника, немедленно отправляющъ къ нему султанскихъ слоновъ, на которыхъ должны ѣхать онъ и свита его. Шествіе останавливается неподалеку отъ залы пріема. Здѣсь посланникъ привѣтствуетъ царя, снимаетъ свои башмаки, идетъ въ залу и садится тамъ на коврѣ. Нѣсколько лѣтъ тому, пронтъ Ахемскаго царя сдѣланъ былъ изъ слоновой кости и черепахи. Когда Ахемомъ правили царицы, онѣ являлись на пронтъ задернутомъ флеромъ, шакъ, что можно было слышать

ихъ и не лѣзя было видѣшь.—Въ дни торжественныхъ праздниковъ, царь ѣздитъ въ главную мечеть на богатоубранномъ слонѣ, послѣдуемый своею гвардіею, вооруженною по-Европейски.

Земля Ахемская дѣлится на при весьма многочисленныя области. Единственный податъ, платимый царю его подданными, состоитъ въ мѣрѣ сарачинскаго пшена, и каждый самъ относитъ эту подать въ царскій дворецъ. Впрочемъ и это болѣе почетно, нежели подать, потому, что царь отдаетъ каждому почти равноцѣннымъ подаркомъ. Единственный положительный доходъ Ахемскаго правительсва заключается въ пошлинѣ съ привоза и вывоза товаровъ. Чужеземные корабли почти исключительно несутъ эту тяжесть; прибрежные торговцы Телингаскіе платятъ около 15-ти на 100, со всякой цѣнности своихъ привозовъ въ Ахемъ.

Правосудіе исполняется въ Ахемѣ весьма строго. Малѣйшее воровство наказывается какъ важное преступленіе: иногда вѣшаютъ за это виновнаго на деревѣ, привязывая къ ногамъ его пушку, или другую тяжесть; иногда опрубаютъ ему палецъ, кисть руки, ногу, смотря по важности вины. Множество несчастныхъ, изувѣченныхъ такимъ образомъ, бродятъ по улицамъ Ахема, или нанимаются служишь на Малайскихъ корабляхъ. Разбойниковъ большихъ дорогъ жгутъ живыхъ, или сажаятъ на колъ. Прелюбодѣянiе наказывается въ Ахемѣ почти такъ-же строго, какъ у Батшовъ. Виновнаго отдають родственнымъ обиженнаго;

они образуютъ тѣсный кругъ окрестъ него; тогда виноватому даютъ мечъ, и онъ долженъ пробиться сквозь толпу своихъ непріятелей; достигнувъ этого съ успѣхомъ, онъ остается свободнымъ отъ всякаго преслѣдованія, но всего чаще и обыкновенно, его успѣваяшъ изрубивъ въ куски, послѣ чего погребается онъ, какъ животное, безъ всякихъ обрядовъ и моливъ. При законахъ, столь сурого преслѣдующихъ пресупленія, можно-бы полагать, что Ахемцы, по крайней мѣрѣ, сурого хранятъ нравственность, происходящую отъ страха наказанія; но ничего не бывало: ни у одного народа въ мірѣ нравы такъ не развратны, и вошъ новое доказательство, сколь мало можно довѣрять благимъ послѣдствіямъ, если добродѣтели предписываются только усавомъ и поддерживаются только страхомъ наказанія.

Поверхность Суматра, взрытая столькими нашествіями и завоеваніями, часто измѣнялась въ своихъ подраздѣленіяхъ. При нынѣшнемъ состояніи острова, надобно дѣлить его на двѣ части—независимую и принадлежащую Голландцамъ.

Часть *независимая* объемлетъ царства *Ахемъ*, *Сиакъ* и *землю Баттовъ*. Въ царствѣ Ахемскомъ, области котораго болѣе и болѣе сдвигаются въ сѣверную часть острова, столица Ахемъ, находящійся на сѣверномъ краю земли Ахемской. Городъ эшотъ погруженъ, такъ сказать, въ лѣсъ кокосовъ, бамбуковъ, ананасовъ, банановъ, сквозь который протекаетъ покрывая судами рѣка, и въ кошоромъ разбросано восемь тысячъ домовъ, то отъ

дѣльно одинъ отъ другаго, по небольшими купа-
ми. Все это такъ прикрыто обширною зеленою
деревьевъ, что смотря съ гавани, подумаешь невоз-
можно, чтобы тутъ скрывался обширный городъ.
Окрестности, расположенныя симметрическимъ ам-
фитеатромъ, представляютъ множество тысячъ
фабрикъ, жилищъ бамбуковыхъ, мечетей, кузницъ,
опшѣняющихъ собою обработанныя поля и правиль-
ныя насажденія. Султанъ обитаетъ во дворцѣ,
окруженномъ ровомъ и стѣною, защищаемою нѣ-
сколькими огромными пушками. До 30,000 человекъ
составляютъ число жителей Ахема. Послѣ столицы,
можно наименовать только *Телозанкауан*, на С. В.
берегу, гдѣ иногда проживаетъ Султанъ Ахемскій.
Городъ *Педиръ* славенъ по войнамъ Ахемцевъ съ
Португальцами; *Мукка* замѣчательна своими мѣд-
ными рудниками.

Царство *Сіакъ* занимаетъ среднюю часть вос-
точного берега Суматра, орошаемую рѣкою сего
имени. До Андерсона, недавно посѣщавшаго
эту страну, извѣстія объ ней были весьма недо-
статочны. Самъ ученый Марсденъ, столь превос-
ходный описатель другихъ частей Суматра, не
говоритъ ничего достовернаго о Сіакѣ, Дели,
Лингкашѣ, Башу-Бара и другихъ мѣстахъ, замѣча-
тельныхъ и важныхъ. Нынѣ извѣстно, что все это
прибрежье состоитъ изъ хорошихъ земель, оро-
шенныхъ водою и усѣянныхъ доброю воздѣлкою, за-
ливами и приспаями, удивительно безопасными. На-
родонаселеніемъ управляютъ начальники областей,
оспоривающіе другъ у друга свои маленькія владѣ-

нія, и поочередно, по угнѣшающіе другихъ, по угнѣшенныя отъ нихъ. Народъ, подвласный имъ, преданный морскому разбою, отправляетъ по Малаккскому проливу до двухъ тысячъ лодокъ, для торговли по видимому, для разбоя при случаѣ. Главные города царства сушъ: *Сіакъ*, на рѣкѣ сего имени, мѣстопребываніе Сулпана; *Дели*, на рѣкѣ *Дели*; *Кампаръ*, торговый городъ, отъ котораго зависятъ острова *Рупатъ* и *Пантѣуръ*; наконецъ, *Лангкатъ*, торговое мѣсто, имѣющее до 200 лодокъ морскихъ, и *Бату-Бара*, не менѣе важный своимъ судоходствомъ, мѣстопребываніе сильнаго Раджа.

Земля *Баттовъ* граничитъ съ царствомъ Ахемскимъ, прежнимъ царствомъ *Менангъ-Кабу* и Голландскою областью *Падангъ*. Половина ея на западной сторонѣ острова, другая во внутренности его. Въ этомъ собраніи народовъ, образующемъ собою множество областей, нѣтъ главнаго города. Земля устѣяна мѣстечками и селеніями, признающими каждое частную, мѣстную власть. Можно упомянуть однакожь о *Барусѣ*, главномъ торжищѣ камфарою, и пошому во всемъ *Воспокѣ* называемомъ *Кафуръ-Барусѣ*, и *Таппанули*, большомъ мѣстечкѣ, гдѣ расширяется обширный заливъ, одинъ изъ числа самыхъ безопасныхъ и лучшихъ въ мірѣ.

Голландская часть *Суматра* вмѣщаетъ область *Падангъ*, прежде бывшее царство *Менангъ-Кабу*, землю *Лампунговъ* и царство *Паленбангское*. Управленіе *Падангомъ* имѣетъ пребываніе свое въ городѣ сего имени, гдѣ народонаселеніе около 40,000

душъ. Другія мѣста здѣсь: *Наталь*, *Бенкуленъ*, съ 8000 жителей, крѣпость *Марльбургуъ* и *Понгангъ-Кагиль*, при Таппанулійскомъ заливѣ. Въ слѣдствіе послѣднихъ войнъ между Голландцами и Менангъ-Кабускими Малайцами, царство послѣднихъ сдѣлалось покорно силѣ Европейской. Голландцы проникли въ *Бангса*, куда призвали ихъ смяшенія, возбужденныя одною Магоммеданскою секшою; они подчинили себѣ *Панджарашунгъ* и *Менангъ-Кабу*, значительнѣйшіе города послѣ Бангса.

Царство *Палембангское* испытало такой-же жребій; оно подчинено теперь Голландцамъ. *Палембангъ*, столица его, построена на сваяхъ, близъ рѣки Музи. Тамошній *даланъ*, или дворецъ Царя, и мечеть, суть два зданія замѣчательныя. *Палембангъ* самый торговый пунктъ всего Суматрійскаго острова. Обширныя сношенія его простираются на Малайскій архипелагъ, Кишай и Индійскій материкъ; народонаселеніе тамъ полагаютъ до 25,000. — Что касается до земли *Лампунговъ*, это самая неблагословенная часть Суматра. Ни объ одномъ городѣ упомянуть, ни одной подробности сказать не найдешь здѣсь, послѣ всего сказаннаго мною. Можетъ быть, къшаши будетъ только замѣтить, что здѣсь, по увѣренію Ріензи, видѣлъ онъ пигмеевъ, и людей, называемыхъ имъ *Гугоны*, или *Пиѳеоморфы*, то есть, люди-обезьяны. Продолжительно было-бы входить въ споръ о такой антропологической гипотезѣ.

Въ числѣ острововъ, окружающихъ Суматра, и географически къ нему принадлежащихъ, считаютъ

Линганъ , *Пинтанъ* , и другіе островки , вмѣстѣ образующіе царство *Лингамъ* , признающее власнѣ Голландцевъ. Нѣкогда повелитель обширныхъ областей , Султанъ Лингамскій уступилъ царство *Джогоръ* и *Паганъ* , на Малаккскомъ полуостровѣ , одному изъ тамошнихъ власнишелей , а островъ *Танжонгъ-Пинанъ* , за нѣкоторое вознагражденіе , Голландской торговлѣ. На этомъ-то островѣ недавно основанъ городъ *Piŭ* , порто-франко , подобно Синкапуру , своему сосѣду , процвѣтающій , не смотря на близкое его соперничество. Начашой съ 1824 года , совершенно на системѣ свободной торговли , въ немного лѣтъ эшотъ городокъ возвысился до такого благоденствія , котораго не могла-бы доставить ему никакая другая система.

Островъ *Банка* , столь славный своимъ оловомъ , извѣстнымъ въ торговлѣ подъ именемъ *Банкскаго* , просягивающаго на востокъ отъ Палембангскаго царства , слѣдуя одинакому направленію съ Суматра. Морской проливъ , раздѣляющій ихъ , называется *проливомъ Банка* . Берега эшого острова мало обитаемы , и туземцы тамошніе счишаютъ за лучшее строить свои хижины далѣе отъ приморья , во внутреннихъ долинахъ , гдѣ они безопаснѣе отъ Малайскихъ разбойниковъ . Столица острова , *Минтокъ* , находится въ 3-хъ миляхъ отъ береговъ ; нынѣ жителей въ ней чешыре или пять тысячъ , Кишайцевъ и Малайцевъ . Двѣ тысячи человекъ постоянно заняты въ окрестностяхъ разработкою оловянныхъ рудниковъ , богатѣйшихъ изъ числа всѣхъ извѣстныхъ въ мірѣ . Подлѣ Банка островъ

Биллингтонъ, подчиненный ему и богатый желѣзными промыслами. Жители его, смѣлые и храбрые болѣе жителей Банка, предавались-бы морскому разбою, если-бы не были удерживаемы небольшимъ Голландскимъ гарнизономъ. Баронъ ванъ-Капелленъ, управление котораго было столь полезно власни Голландцевъ въ здѣшной споронѣ, умѣлъ извлечь пользу изъ способностей островитянъ; его попеченіемъ, съ Биллингтонской верфи появились красивые корабли для крейсера, и съ экипажами, на половину изъ Европейцевъ, на половину изъ туземцевъ, приняли строгое наблюдение надъ здѣшними морскими разбоями.

Изъ окрестныхъ около Суматра острововъ надобно наконецъ замѣтить *Пуло-Ніасъ*, столь несправедливо униженный прежними повѣствователями. Это самый большой островъ на западной споронѣ Суматра, самый населенный, и самый обработанный. Простираясь миль на 70-ть, отъ Ю. В. къ С. З., гористый, орошенный рѣками, онъ имѣетъ нѣсколько превосходныхъ пристанищъ для кораблей. Видъ его съ моря прелестный; все являетъ здѣсь плодородіе и изобиліе. Къ приморью, скасы холмовъ покрыты кокосами и высокою травой, но обращая взоры далѣе внутрь острова, на высотахъ его видите произрастаніе сильное и могучее, гдѣ селенія бѣлѣющія среди лѣсной зелени.

Жители (ихъ полагаютъ здѣсь до 200,000) среднего роста, стройны, крѣпки, красивѣе Малайцевъ; въ нихъ находите шипъ и цвѣтъ Индійцевъ. Особ-

ливо женщины, безспорно, красавицы изъ всѣхъ обитательницъ архипелага Малайскаго. Нѣкоторые географы (въ числѣ ихъ и Мальтебрюнъ) помѣстили на этомъ островѣ народъ, у котораго будшо-бы уши величины безмѣрной, а кожа какъ будто покрыта шелухою. Все это вздорная басня по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Накожныя болѣзни, даже самыя слабыя, сославляющъ рѣдкость между обитателями.

Земля дѣлился здѣсь между множествомъ поколѣній, управляемыхъ пятьюдесятью Раджами. Сильнѣйшій изъ нихъ, по видимому, раджа *Баулуарскій*. Всѣ поколѣнія здѣшнія живутъ въ состояніи непрерывной вражды, нападающъ другъ на друга въ распахъ, и продающъ потомъ захваченныхъ плѣнниковъ въ неволю. Такое непрерывно опасное положеніе заславляющъ шужемцевъ всегда ходишь вооруженными. Они носятъ копье, шпагу, продолговатый деревянный щитъ, одѣвающіяся въ кафшанъ изъ пвердой кожи, надѣвають на голову кожаный шлемъ, украшенный развѣвающейся гривой; иногда, чтобы придать себѣ видъ болѣе воинскій, надѣвають поддѣльную бороду и поддѣльные усы.

Обыкновенное одѣяніе Ніасскихъ островищанъ почти не разнишя отъ Сумапрійскаго. Женщины оставляютъ однакожь верхнюю часть шѣла совершенно открытою, и единственное одѣяніе ихъ лоскутъ шкани, схваченный на поясѣ широкимъ поясомъ, съ мѣдными, или золопыми украшеніями, нисходящій ниже колѣна. Не обременя себя шканими, онѣ вознаграждающъ это обиліемъ привѣсокъ, боль-

шихъ ожерельевъ, фигурныхъ серегъ, такъ, что это даже опшягиваетъ у нихъ уши. Голову покрываютъ они золошыми сѣтками и бляхами.

Сарачинское пшено главное здѣшнее произведе-
ніе, и его опправляютъ отсюда ежегодно до 42,000 мѣшковъ. Сами жители употребляютъ его мало, предпочишая папашы съ пшичьимъ и свинымъ мясомъ.

Нравы и законы Ніасцевъ мало различающіяся отъ Суматрійскихъ. Обычаи касательно супружества и наказаній за прелюбодѣяніе и воровство напоминаютъ обычаи Реджанговъ. Обрядъ погребенія въ нѣкопрыхъ южныхъ округахъ Ніаса, кажется, единственнаго особенностію острова. вмѣсто зарыванія въ землю, шѣло умершаго кладутъ въ деревянный гробъ, и выставляютъ на чешырехъ столбахъ. Подъ нимъ садятъ разныя вьющіяся расшенія и цвѣтущія деревца; все это, разрасшаясь, скоро закрываетъ гробъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, оболочка зелени скрываетъ печальные останки умершаго Ніасца.—Торгъ невольниками нигдѣ въ Индіи не имѣетъ мѣста столь дѣяшельнаго и обильнаго, какъ это въ небольшой островѣ. Не смотря на Англійскихъ крейсеровъ и бдишельность Голландцевъ, обычай покупать и продавать людей въ неволю здѣсь поддерживается и не уменьшается. Дѣло доходитъ до того, что нѣсколько лѣтъ тому, Англійскіе чиновники были опправлены нарочно для мѣстныхъ наблюденій, въ слѣдствіе коихъ можно-бъ было принять рѣшительныя мѣры къ уничтоженію безчеловѣчнаго торга. Тогда было

узнано, что самое большее число невольниковъ выходитъ изъ Суамбава и Телло-Делано, находящихся въ южной части острова: почти по двѣ тысячи отправляется отсюда въ Падангъ и Батавію ежегодно. Какъ въ Африкѣ, торгъ этотъ сопровождается здѣсь подробностями отвратительными. Невольниковъ связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, передаютъ торгашамъ челоуѣчества, и такъ остаются они во все время перевоза до мѣста. Примѣры отвратенія со стороны невольниковъ, были приводимы въ оправданіе подобныхъ предосторожностей. Видали этихъ несчастливцевъ, въ минуту оплошности, схватывавшихъ ножъ, топоръ, палку, отвратительно дравшихся, бившихъ, изпреблывавшихъ все ихъ окружавшее, и потомъ, видя себя одолѣнными, осиленными, бросавшихся въ бездны морскія. Впрочемъ, этому и не должно удивляться: неволя для Ніасца есть почти всегда смертный приговоръ его. По физическимъ-ли причинамъ, по нравственному-ли отвратенію, изъ 30-ти Ніасскихъ невольниковъ, всегда умираетъ 20-ть.—Защищая себя противъ рабства и гибели, Ніасецъ способенъ къ исполненію самаго отвратительнаго дѣла. Однажды толпа воиновъ одного изъ южныхъ племенъ острова окружила хижину, отдаленно стоявшую, гдѣ надеялись вдругъ захватить цѣлую семью и передать покупателямъ. Когда несчастный отецъ семейства увидѣлъ свое неизбежное бѣдствіе, онъ убѣжалъ во внутренность дома, схватилъ свой кри, зарѣзалъ жену, дѣшей, потомъ пронзилъ себя въ сердце. Осаждавшіе домъ нашли

въ немъ только бездушные трупы обитателей. Правда, законъ на Ніасѣ, какъ на Сумапра, позволяешъ въ извѣстныхъ случаяхъ продажу въ неволю, но, безъ золота Европейцевъ, безъ большой цѣнности, до копорой доводишъ взаимное ихъ соперничество, эшотъ законъ, безъ сомнѣнія, былъ бы у туземцевъ въ употребленіи весьма ограниченномъ.

КОНЕЦЪ II-й ЧАСТИ.

Възможно ли было бы
применить въ этомъ случаѣ
какую-нибудь другую
формулу, не выходящую изъ
предела, но дающую болѣе
точную, чѣмъ настоящая,
оцѣнку? Въ этомъ
случаѣ, вѣроятно, не
будетъ никакой разницы
между двумя формулами,
если только не считать
ошибки, которая въ
этомъ случаѣ, вѣроятно,
будетъ незначительна.

Въ этомъ случаѣ, вѣроятно,
не будетъ никакой разницы
между двумя формулами,
если только не считать
ошибки, которая въ
этомъ случаѣ, вѣроятно,
будетъ незначительна.

Въ этомъ случаѣ, вѣроятно,
не будетъ никакой разницы
между двумя формулами,
если только не считать
ошибки, которая въ
этомъ случаѣ, вѣроятно,
будетъ незначительна.

Въ этомъ случаѣ, вѣроятно,
не будетъ никакой разницы
между двумя формулами,
если только не считать
ошибки, которая въ
этомъ случаѣ, вѣроятно,
будетъ незначительна.

Въ этомъ случаѣ, вѣроятно,
не будетъ никакой разницы
между двумя формулами,
если только не считать
ошибки, которая въ
этомъ случаѣ, вѣроятно,
будетъ незначительна.

Въ этомъ случаѣ, вѣроятно,
не будетъ никакой разницы
между двумя формулами,
если только не считать
ошибки, которая въ
этомъ случаѣ, вѣроятно,
будетъ незначительна.

Въ этомъ случаѣ, вѣроятно,
не будетъ никакой разницы
между двумя формулами,
если только не считать
ошибки, которая въ
этомъ случаѣ, вѣроятно,
будетъ незначительна.

О П И С А Н І Е

рисунковъ, принадлежащихъ къ второй части *Всеобщаго путешествія*.

Листы. Изображ.

XXV. 49. Видъ приспани въ Пондишери и прибрежной шелинги, (ч. II, стр. 10).

50. Видъ Іезуитской церкви въ Пондишери (ч. II, стр. 14).

XXVI. 51. Видъ Губернаторскаго дома въ Пондишери (ч. II, стр. 14).

52. Изображеніе Индійскаго піонера и начальника его (ч. II, стр. 12).

XXVII. 53. Изображеніе входа въ Пондишерійскій пагодъ, въ Индіи (ч. II, стр. 57).

54. Изображеніе Индійскаго факира, Браминской женщины и жреца брамина (ч. II, стр. 51-57).

XXVIII. 55. Изображеніе *гади*, или Малабарской повозки (ч. II, стр. 51).

56. Изображеніе Индійскихъ фокусниковъ и эквилибристовъ (ч. II, стр. 53).

XXIX. 57. Видъ приспани Мадраской, и части города Мадраса, въ Индіи (ч. II, стр. 81).

58. Изображеніе лодочниковъ изъ касты паріевъ, въ Индіи (ч. II, стр. 81).

Листы. Изображ.

XXX. 59. Изображеніе Индійскихъ женщинъ , изъ нисшихъ каспъ (ч. II, стр. 81).

60. Изображеніе идола Каннаппена , бывшаго у жишелей Калласпри , въ Индіи , близъ Мадраса (ч. II, стр. 83).

XXXI. 61. Видъ главной башни Яггернаушскаго храма и одной половины боковыхъ его спроеній , въ Индіи (ч. II, стр. 106).

62. Изображеніе двухъ Индійскихъ факировъ , совершающихъ свои набожныя созерцанія (ч. II, стр. 116).

XXXII. 63. Видъ Епископскаго Коллегіума, въ Калькуштѣ (ч. II, стр. 131).

64. Второе изображеніе двухъ Индійскихъ факировъ , совершающихъ набожныя созерцанія (ч. II, стр. 116).

XXXIII. 65. Изображеніе спраннаго праздника , опсправляемаго въ Индіи испукану богини Кали (ч. II, стр. 186)

66. Очеркъ древней Индійской карпины , изображающей бога Кишна и подругъ его (ч. II, стр. 189).

XXXIV. 67. Изображеніе Браминской вдовы, сожигающей-ся на кострѣ умершаго мужа (ч. II, стр. 182).

68. Изображеніе Индійскаго идола Карписея, сына Шивы и Парвапи, бога войны (ч. II, стр. 161).

XXXV. 69. Изображеніе поржеспвеннаго шеспвія *рути* , или священной колесницы, въ Индіи (ч. II, стр. 112 и 185).

70. Изображеніе похоронъ, или сожженія Индійца, изъ каспы послѣдовашелей Вишну (ч. II, стр. 180).

XXXVI. 71. Изображеніе прогулки Набаба , или Музульманскаго князя Индійскаго , въ паланкинѣ (ч. II, стр. 193).

72. Изображеніе училища молодыхъ Индіянокъ, въ Калькуштѣ (ч. II, стр. 144).

XXXVII. 73. Изображеніе Индіянокъ , пляшущихъ *наге* (ч. II, стр. 146).

74. Изображеніе охолпы за пиграми на слонахъ (ч. II, стр. 142).

Листы. Изображ.

XXXVIII. 75. Изображеніе Баніанскаго , или Буддійскаго фиговаго дерева (*figus religiosa*), въ Индіи (ч. II, стр. 232).

76. Изображеніе Индійскаго *коссевера*, или горшечника, и жены его (ч. II, стр. 176).

XXXIX. 77. Изображеніе свяпилицы и испукана Гупама (Будды), въ Рангунскомъ пагодѣ, въ Бирманіи (ч. II, стр. 260).

78. Видъ Рангуна, въ Бирманіи, съ террасы Буддійскаго пагода (ч. II, стр. 260).

XL. 79. Изображеніе Буддійскаго пагода , въ Рангунѣ (въ Бирманіи) находящагося (ч. II, стр. 250).

XLI. 80. Взятіе Англичанами Бирманскаго укрѣпленія, близъ Рангуна, 6-го Іюля, 1824 года (ч. II, стр. 262).

XLII. 81. Видъ окрестностей Рангуна (въ Бирманіи), съ воспочной стороны (ч. II, стр. 260).

82. Нападеніе Англичанъ на Бирманскія укрѣпленія по рѣкѣ Ирравадди , 8-го Іюля , 1824 года (ч. II, стр. 262).

XLIII. 83. Изображеніе праздничной коляски , въ какой прогуливается жена перваго Бирманскаго министра (ч. II, стр. 274).

84. Изображеніе Сенлаарскаго воина , изъ народа Баппа, на оспровѣ Сумаптрѣ, и плѣнника, назначеннаго къ сожранію (ч. II, стр. 340).

XLIV. 85. Изображеніе хижинъ народа Реджангскаго , на оспр. Сумапра (ч. II, стр. 315).

86. Изображеніе Раджи селенія Бапу-Бара , и двухъ сыновей его, изъ народа Баппа, на оспр. Сумапра (ч. II, стр. 313 и 341).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Западный Индійскій полуостровъ: Французскія владѣнія, Англо-Индійскія государства. Восточный Индійскій полуостровъ: Бирманія, Суматра.*

ГЛАВА XIV. *Индійскій полуостровъ.—Пондишери. Малайская лодка. Пондишерійская приспань. Прїѣздъ Европейца въ Индію. Индійскіе слуги.—Положеніе Пондишери. Исторіи колоній Французскихъ въ Индіи: основаніе Компаніи; Пондишери; Дюплеиксъ и Лабурдонне; блестящая эпоха; усиленіе Англичанъ; Сюффренъ и Соннера; войны во время Революціи и при Наполеонѣ; корсеры Французскіе; экспедиціи Серсея и Линуа; упадокъ послѣ мира 1814 года.—Окрестныя алде; промышленность; сѣшванія Гафнера; кашы Индійскія, шаултри, или гостинницы, фокусники, деведасси, или баядерки.—Пондишерійскій пагодъ; духовные праздники Индійцевъ, Музульманъ и Хрисціанъ.—Описаніе Пондишери; жишели; бѣдное состояніе колоній Французскихъ.—Дорожныя пригошовленія.—Путешествіе въ Мадрасъ: Малабарцы, или Тамулы; Садрасъ; развалины Магаболипурамскія.....*

7

ГЛАВА XV. *Англійскія владѣнія.—Мадрасъ. Положеніе Мадраса. Миссіонеры. Приспань. Климашъ. Крѣпость Св. Георгія. Войско Англійское и Сипай.—*

Сстроенія въ Мадрасѣ, общество, жишели, промыш-
ленность..... 84

ГЛАВА XVI. *Корингви. Янауи. Яггернаутъ.* Прибрежное
плаваніе отъ Мадраса до Калькушты: Музулипаш-
вамъ; Корингви—наводненіе — верфь; Янауи—Индій-
скіе переселенцы—Индійскіе лекаря; Яггернауи—па-
родъ шамошній, религіозные праздники и изувѣрство
Индійцевъ..... 99

ГЛАВА XVII. *Калкутта.* Гугли, прошокъ Ганга; плаваніе
по Гугли; Песчанья головы; Хаджери — шигры;
Алмазный островъ; крѣпость Вилліамъ; домъ Англій-
скаго купца.—*Калкутта*: адьюшаншы; Индійское
ошдѣленіе города; Чоуринги; публичныя заведенія;
омовенія Индійцевъ; бошаническій садъ.—Окресно-
сти: Бурракпуръ; Шандернагоръ. В. Жакемонъ. Се-
рампуръ — Индійскіе разбойники.—Слоны. Женское
Индійское училище. Приѣмъ у Генераль-Губернатора.
Индійскій нагъ. Музыка Индійская. Праздники Дур-
га-Пуржа и богини Кали. Мученія Индійскихъ по-
каянниковъ и изувѣровъ..... 118

ГЛАВА XVIII. *Калкутта.*—*Религія Индійская.* Смѣшеніе
религій въ Индіи. *Браминизмъ*—происхожденіе; шем-
ноша его; миеологія: Пара-брама, Вишну, Шива
(Тримурти)—Майссассуръ; ученіе о духахъ; Космо-
говія, Хронологія, Миеическая Исторія въковъ —
Мену, пошопъ; дѣши и жены боговъ; другіе боги;
чисшилище, переходеніе душъ, обожаніе живош-
ныхъ, расколы—сходство съ другими миеологіями.—
Веды и священныя книги. Касшы Индійскія; дѣленіе
по родамъ и занятіямъ. Парии. Основаніе шерпимо-
сии. Брамины—изувѣрство ихъ. Ксашпріи, Ваисси,
Судры. Обряды при ѣдѣ. Многоженство, супруже-
ство, похороны, сожженіе вдовъ, или *сутти*—ужас-
ные примѣры. Уменьшеніе изувѣрства; основные
обряды Браминизма; праздники, *нагоды*, или храмы
—богашства ихъ.—Индійская лишперашура—закон-
ныя книги—языки.—Набабы и Раджи.—Музульмане
Индійскіе.—Гебры, или обожашели огня.—Марашшы,
Раджапушы и Сеики.—Заключеніе..... 153

ГЛАВА XIX. *Калькутта.—Исторія Индіи.—Англійская Остѣ-Индская Компанія. Александръ и Мугаммедъ.—Авганы, или Аравишяне. Монголы. Могольская Имперія—Ауренгзебъ. Европейцы—начало Англійской Компаніи, организація, привиллегіи—Калькушша, лордъ Клейвъ; Гайдеръ-Али и Типпо-Саибъ; Синдіа и Марашшы; Рунжешъ-Сингъ и Сеики.—Бирманы.—Нынѣшнее состояніе Компаніи—выгоды, невыгоды и опасность для Англій—тяжкая участь Индіи—непрочныя средства и сомнительная будущность Англійской власши въ Индіи.* 200

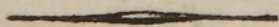
ГЛАВА XX. *Калькутта.—Географія, Статистика, природа Индіи. Названіе—предѣлы—горы и рѣки—климашъ—здоровье и болѣзни—прозябенія, ископаемыя, царство живошнихъ, пшицъ, пресмыкающихся, насѣкомыхъ.—Промышленность и торговля.—Дѣленіе географическое: Индостанъ и Деканъ; Дѣленіе политическое: Англійскія владѣнія—Бомбай, Биснагоръ, Сурашъ, Калькушша, Бенаресь, Агра, Дели—Великій Моголь—Мадрась—Синдіа, Сеики, Непауль, Синди.—Дашчане и Поршугальцы въ Индіи—городъ Гоа.....* 228

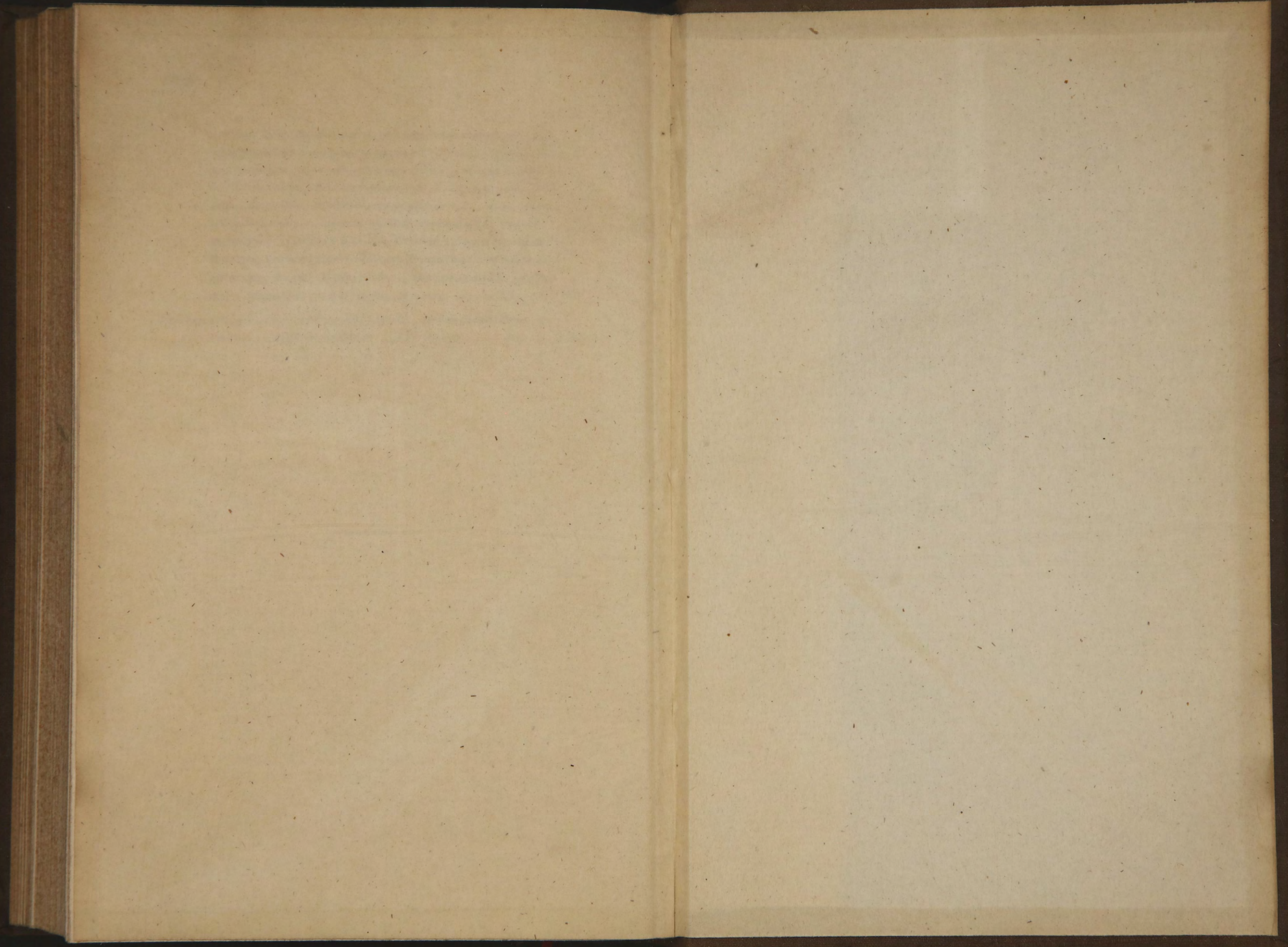
ГЛАВА XXI. *Калькутта.—Война Англичанъ съ Бирманами.—Царство Бирманское. Пространство Бирманіи—исторія—Аломпра и Шембуанъ—начало сношеній съ Англичанами—ссора за островъ Шапури—война: взятіе Ассама, занятіе Рангуна—описаніе пагодовъ Рангунскихъ—образъ защитительной войны Бирмановъ, сшѣсненіе ихъ, переговоры и миръ.—Упорство Бирмановъ; посольство Крауфорда въ Аву.—Дворъ Бирманскій—Обишашели, одежда ихъ, языкъ, письменность, лѣшописи.—Пріобрѣшенія Англичанъ.—Естественная Исторія Бирманіи—Торговля, счешъ и вѣсь—Миеологія—законы—обряды погребенія.—Топографія.....* 254

ГЛАВА XXII. *Островъ Суматра. Ошѣздъ изъ Индіи.—Острова Андаманскіе и Никобарскіе.—Суматра: гора Офиръ; Падангъ—положеніе, климашъ, произведенія—перець, бензуй, камфара, пшичьи гнѣзда, орангушанги, буйволы, пшицы, пресмыкающіяся.—Эшно-*

графія: *Реджанги*—нравы, обычаи, образованіе, языкъ, промышленность, панджерамы, законы, супружесство, спросъ къ игръ—пѣшущи бои—опіумъ—религія; *Лампунги*, *Менангъ—Кабу*. Малайцы—происхожденіе, исторія; *Батты*—человѣкоядство, мифологія; *Ахемб*—исторія, войны съ Португальцами, нравы, правленіе, обычаи. Дѣленіе Суматра: *Ахемъ*, *Сіакъ*, *Башшы*, *Голландскія обласши*, *Палембангъ*.—Острова: *Линганъ*, *Банка*, *Пуло-Ніасъ* — воинственный характеръ жишелей, шоргъ невольниками..... 288

Описаніе тридцати восьми рисунковъ, принадлежащихъ къ второй части *Всеобщаго путешествія*..... I

ДЮМОНЪ-ДЮРВЕН

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ

II.

У. Б.